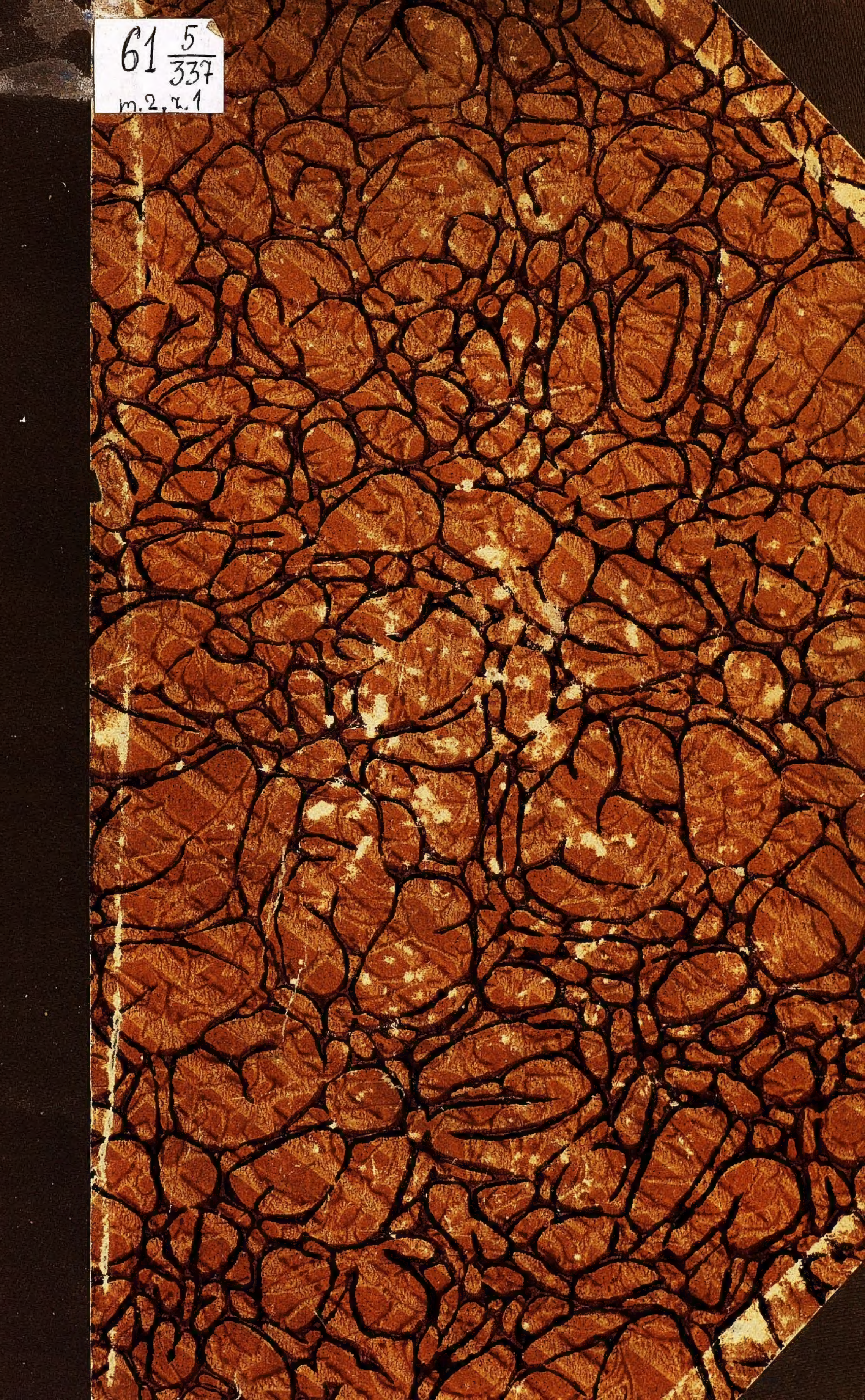

К҃ столѣтію Комитета Министровъ.
(1802—1902)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
дѣятельности
КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ.

Томъ второй.

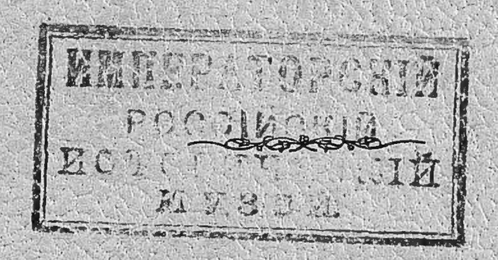
ЧАСТЬ I.

Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Николая Перваго
(1825 г. Ноября 20—1855 г. Февраля 18).

Составилъ

С. М. Середонинъ.

Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ.

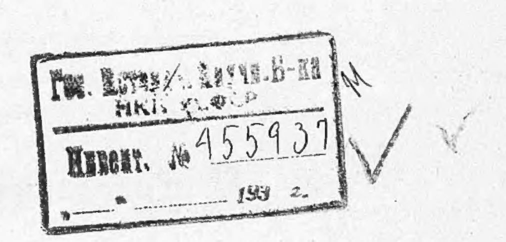
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ.

Печатано по распоряженію Г. Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СТР

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Николай

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Организація и значеніе Комитета Министровъ.

I.

Перемѣны въ Комитетѣ Министровъ съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича. Удаленіе гр. Аракчеева. Комитетъ 6 Декабря 1826 г. Предположенія о закрытіи Комитета Министровъ; проектъ образованія новаго Правительствующаго Сената. Сокращеніе круга дѣйствій Комитета Министровъ; разграниченіе компетенціи Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; запрещеніе вносить въ Комитетъ маловажныя дѣла. Новыя правила для составленія журналовъ и мемерій Комитета. Дѣло Гежелинскаго. Бар. Корфъ. Послѣдующія измѣненія въ составѣ Комитета и опредѣленіи круга дѣйствій его.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича положеніе Комитета измѣнилось: преобладающее значеніе его въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій зависѣло отчасти отъ того довѣрія, которое Императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ къ гр. Аракчееву: чрезъ Комитетъ главный начальникъ надъ военными поселеніями могущественно вліялъ на все внутреннее управленіе Россіей; у Императора Николая Павловича не было желанія ввѣрить кому-либо изъ приближенныхъ къ нему лицъ ту степень власти и вліянія, которою пользовался гр. Аракчеевъ; напротивъ, молодой Государь желалъ всѣ свои силы посвятить управленію государствомъ, и слѣдовательно Ему не было надобности возвышать значеніе Комитета Министровъ въ ущербъ другимъ государственнымъ учрежденіямъ. Организація учрежденій, созданныхъ или реформированныхъ Императоромъ Александромъ I, была нѣсколько неопредѣленна; причина этому едва ли не та, что учрежденія эти въ томъ видѣ, въ которомъ они начинали функціонировать, не вполнѣ соотвѣтствовали намѣреніямъ Государя: ни министерства и Комитетъ Министровъ 1802 г., ни новое

образованіе Государственнаго Совѣта и министерствъ 1810—1811 г.г. не были вполнѣ законченною реформою, а только началомъ предполагавшейся, но не осуществленной, болѣе широкой реформы; оттого, конечно, и въ дѣятельности ихъ, какъ и въ самой организаціи, было сравнительно много случайнаго, что должно было бы быть въ скоромъ времени отмѣнено или измѣнено; но проходили годы, и измѣнившіяся условія отвлекали вниманіе Государя Александра Павловича отъ начатаго имъ дѣла: Онъ видѣлъ, что дѣло идетъ не такъ, какъ Онъ желалъ бы; но, намѣреваясь пересмотрѣть дѣло съ начала, Онъ смотрѣлъ на не вполнѣ правильное теченіе дѣлъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, какъ на временный недостатокъ до общаго пересмотра системы управленія. Въ частности, Онъ не только видѣлъ, но и неоднократно замѣчалъ, что Комитетъ Министровъ имѣетъ сравнительно чрезвычайно большое значеніе.

Не всѣ намѣренія и мысли Императора Александра Павловича извѣстны были Его преемнику; молодой Государь желалъ прежде всего, чтобы все въ государствѣ Его дѣлалось по строго предписаннымъ закономъ формамъ, чтобы всѣ дѣла доходили до трона узаконеннымъ порядкомъ; молодой Государь не имѣлъ никакой причины оказывать одному учрежденію предпочтеніе предъ другимъ.

Такое положеніе вещей должно было отразиться на Комитетѣ Министровъ: дѣятельность его, а слѣдовательно и значеніе должны были уменьшиться сравнительно съ его значеніемъ при Императорѣ Александрѣ I, любимымъ дѣтищемъ котораго былъ Комитетъ Министровъ, ибо все это царствованіе Комитетъ оставался скорѣе приватнымъ совѣтомъ Государя (выраженіе гр. Кочубея), чѣмъ вполнѣ организованнымъ государственнымъ учрежденіемъ.

Въ общемъ неправильность положенія, занятаго Комитетомъ Министровъ, вытекала изъ того, что въ него поступала масса дѣлъ: съ одной стороны такихъ, которыя должны бы быть разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ другой стороны — такихъ, которыя министры могли бы разрѣшать сами. Послѣднія дѣла замедляли ходъ занятій Комитета и увеличивали безъ пользы работу, какъ членовъ Комитета, такъ и канцеляріи его; разрѣшеніе такихъ дѣлъ Комитетомъ слагало отвѣтственность съ министровъ

на Комитетъ въ случаяхъ, въ которыхъ каждый министръ долженъ отвѣчать самъ. Недостатокъ этотъ былъ замѣченъ съ самаго начала дѣятельности Комитета, и Комитетъ неоднократно принималъ мѣры къ устраненію зла. Рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было приведенное въ первомъ томѣ сего Очерка постановленіе 1823 г.: по счету тогдашняго управляющаго дѣлами Комитета оно убавило почти на 300 число поступавшихъ въ Комитетъ представленій; это былъ уже значительный шагъ впередъ; но все-таки количество разрѣшаемыхъ Комитетомъ представленій въ годъ, 2,500 — 2,800, оставалось слишкомъ большимъ. Министры, поступая такимъ образомъ, т. е. внося въ Комитетъ то, что они имѣли право разрѣшать сами, не только слагали съ себя часть отвѣтственности и увеличивали занятія Комитета, но увеличивали также работу и трудъ Государя, читавшаго журналы Комитета и полагавшаго на нихъ свои резолюціи, т. е. этимъ путемъ министры обременяли Верховную власть сравнительно мелкими дѣлами. Масса представленій, поступавшихъ въ Комитетъ, увеличивала значеніе канцеляріи Комитета. — Гр. Кочубей писалъ по этому поводу: «бумаги поступаютъ въ Комитетъ безъ всякаго разбора и большею частью такія, кои сами министры могли бы разрѣшать; особливо же поступаютъ онѣ вопреки учрежденія безъ означенія по каждому дѣлу мнѣнія министра. Сверхъ того канцелярія и тутъ получила вліяніе сколько вредное, столько противное установленію Комитета Министровъ. Канцелярія сія сдѣлалась нѣкоторымъ родомъ инстанціею: она докладываетъ дѣла по собственному своему произволу, откладываетъ одни, поспѣшаетъ рѣшеніемъ другихъ. Теперь уже не министры, какъ прежде сіе чинилось, представляютъ и докладываютъ по своимъ дѣламъ, но чиновники, въ большемъ числѣ для сего при Комитетѣ находящіеся». Гр. Кочубей сомнѣвался даже, слѣдуетъ ли сохранять Комитетъ Министровъ: «неизлишнимъ быть можетъ, заключаетъ онъ свое разсужденіе о Комитетѣ Министровъ, упомянуть о мнѣніи, которое разными людьми было изъявляемо: почему бы, держась старинныхъ установленій, не предоставить I-му Департаменту Правительствующаго Сената той исполнительной власти, которая Комитету Министровъ присвоена? Наименованіе въ семъ случаѣ конечно ничего не значитъ, но почему также и

*

не оставить наименованія Комитета Министровъ, если онъ будетъ имѣть дѣла, Сенату непринадлежащія? Впрочемъ, если бы по какимъ бы то ни было уваженіямъ признано было полезнымъ, чтобы обязанности министровъ соединились въ I-мъ Департаментѣ Сената, то должно, по крайней мѣрѣ, учредить его иначе и дать ему образованіе и формы производства дѣлъ, свойственныя мѣсту исполнительному» [1]). Болѣе строго относился къ тогдашнему положенію вещей гр. Д. А. Гурьевъ: министры, по его словамъ, потому не только не разрѣшали встрѣчавшихся затрудненій, но даже и не понуждали подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ, что считали это обязанностью Государственнаго Совѣта и Сената. Совѣтъ, Сенатъ и Комитетъ Министровъ, по его же словамъ, нерѣдко разсматривали и постановляли рѣшенія одновременно по разнымъ обстоятельствамъ одного и того же дѣла. «Таковая разсѣянность дѣлъ, питая пронырство, ухищренія и духъ партій, производитъ, что ни польза казны, ни успѣхъ какого либо предпріятія не могутъ постоянно быть сохраняемы; что злоупотребленія укореняются и, повреждая нравственность въ самыхъ ея основаніяхъ, обѣщаютъ ненаказанность преступленій и самыхъ явныхъ нарушеній закона». Для уменьшенія, по крайней мѣрѣ, зла гр. Гурьевъ предлагалъ замѣнить Комитетъ Министровъ Тайнымъ Совѣтомъ или Кабинетомъ, хранителемъ исполнительной власти, посредствомъ котораго Государь управлялъ бы всѣмъ. Исполнительная власть въ монархическомъ управленіи важнѣе, по этому мнѣнію, законодательной. Первая управляетъ, дѣйствуетъ; вторая соглашается, одобряетъ и разсматриваетъ дѣйствіе правленія. «Сколь ни велика важность мудрыхъ законовъ, но они останутся безполезными, если исполненіе ихъ будетъ погрѣшительно» [2]). Ст.-секр. проф. Балугьянскій въ своей запискѣ писалъ: въ настоящемъ положеніи Комитетъ Министровъ

---

1) Записка гр. Кочубея 1814 г., Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ. т. XC, стр. 9—10.

2) Сообразно этому причину непрочности разныхъ конституцій послѣдняго времени гр. Гурьевъ считалъ нужнымъ искать болѣе въ погрѣшностяхъ образованія исполнительной власти, нежели обѣихъ другихъ «и сіе оттого, что по ложному мнѣнію, поселенному въ умахъ господиномъ Руссо, почитали исполнительную власть, просто какъ подчиненную и обязанную только исполнять повелѣнія власти законодательной. Отъ сего заблужденія, бывшаго источникомъ великихъ бѣдствій въ Европѣ, самихъ Государей и правителей признавали наравнѣ съ простыми исполнителями законовъ». Тамъ же, стр. 65 и др.

занимается какъ законодательною властью, такъ и дѣлами, по законамъ принадлежащими Сенату. Такимъ образомъ достоинство Государственнаго Совѣта и Сената унизилось. Онъ занимается мелочами, что отнимаетъ у министровъ время для занятія важными дѣлами. Комитетъ Министровъ долженъ бы на дѣлѣ представлять изъ себя то, что во Франціи Conseil des Ministres, въ Англіи—Кабинетъ, онъ долженъ быть хранителемъ государевой тайны, совѣщателемъ въ законодательствѣ и управленіи. Подъ именемъ Тайнаго Совѣта, составленнаго изъ министровъ и нѣсколькихъ знатнѣйшихъ и опытнѣйшихъ особъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго министра или канцлера, онъ долженъ собираться не въ опредѣленное время, а по повелѣнію Государя или въ случаяхъ, требующихъ общаго совѣщанія всѣхъ управленій, какъ напр.: 1) предварительное совѣщаніе объ отмѣнѣ законовъ или объ установленіи новыхъ; 2) совѣщаніе о принятіи рѣшительныхъ мѣръ въ случаѣ нарушенія всеобщей безопасности; 3) совѣщаніе объ объявленіи войны и заключеніи мира, и 4) предварительное соображеніе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ [1]).

Измѣненія въ устройствѣ Комитета начались тотчасъ по смерти его основателя: уже 10 Декабря 1825 г. гр. Аракчеевъ уволенъ былъ, по просьбѣ своей, отъ завѣдыванія дѣлами Комитета Министровъ; тогда же было постановлено, чтобы меморіи и журналы Комитета подносимы были Государю управляющимъ дѣлами Комитета; онъ объявлялъ Комитету Высочайшія резолюціи и ему же непосредственно подчинена была канцелярія Комитета. Управляющимъ дѣлами Комитета тогда былъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскій; послѣ смерти Императора Александра Павловича осталось сравнительно много неразрѣшенныхъ меморій и другихъ представленій; скорымъ и точнымъ приведеніемъ дѣла въ порядокъ Гежелинскій пріобрѣлъ довѣріе Государя Николая Павловича и, по словамъ бар. Корфа, имѣлъ большой авторитетъ въ глазахъ членовъ Комитета. Черезъ два года умеръ предсѣдатель Комитета кн. П. В. Лопухинъ и мѣсто его занялъ гр. В. П. Кочубей; въ Комитетъ на смѣну нѣкоторымъ прежнимъ его членамъ вступили въ первые годы новаго царствованія: Хитрово, преемникъ бар. Кампенгаузена,

---

1) Тамъ же, стр. 30 и 31.

гр. Голенищевъ - Кутузовъ—гр. Милорадовича, принцъ Александръ Виртембергскій — ген. Бетанкура, гр. Ливенъ и Блудовъ—адм. Шишкова, гр. Чернышевъ—Татищева и кн. Меньшиковъ—адм. Моллера.

Но въ это же время подвергнутъ былъ обсужденію вопросъ о самомъ существованіи Комитета Министровъ. Государь Николай Павловичъ обратилъ особенное свое вниманіе на разные проекты объ измѣненіяхъ по нѣкоторымъ частямъ управленія, найденные въ бумагахъ покойнаго Императора Александра Павловича. Полагая, что и планы частныхъ благоразумныхъ людей, а еще болѣе предначертанія Августѣйшихъ Его Предшественниковъ, могутъ служить указаніемъ истинныхъ въ этомъ отношеніи потребностей государства, Государь для разсмотрѣнія какъ этихъ проектовъ, такъ и тѣхъ, которые поданы были Ему со времени Его вступленія на престолъ, учредилъ Комитетъ изъ шести членовъ Государственнаго Совѣта; предсѣдательствующимъ въ этотъ Комитетъ назначенъ былъ гр. Кочубей, членами: гр. Толстой, гр. Васильчиковъ, кн. Голицынъ, бар. Дибичъ и Сперанскій; правителемъ дѣлъ—статсъ-секретарь Блудовъ. Комитетъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Комитета 6 Декабря 1826 г., когда онъ былъ учрежденъ [1]).

Взгляды, выраженные въ приведенныхъ запискахъ гр. Кочубея, гр. Гурьева и Балугьянскаго, нашли себѣ полное сочувствіе въ членахъ Комитета 6 Декабря 1826 г. Они признали, что двѣ разнородныя части, которыя должны быть всегда отличены одна отъ другой, правительственная и судная, у насъ во многихъ мѣстахъ слиты; судныя дѣла иногда поступаютъ въ Комитетъ Министровъ, также какъ и въ Государственный Совѣтъ, а Сенатъ, занимаясь почти исключительно судомъ во всѣхъ Департаментахъ, входитъ и въ дѣла правительственныя. Кругъ дѣйствій Сената былъ особенно стѣсненъ Комитетомъ Министровъ, «учрежденіемъ новымъ, о коемъ не объявлено никакимъ манифестомъ и которое, по существу своему и первоначальному назначенію, долженствуетъ быть просто собраніемъ министровъ для совѣщанія о нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ» [2]). По мнѣнію Комитета 6 Декабря было бы нужно положить

---

1) Бумаги его напечатаны въ LXXIV и XC томахъ Имп. Рус. Ист. Общества.
2) Т. LXXIV, стр. 19.

конецъ сему равно неправильному раздѣленію и смѣшенію вѣдомствъ, почему Комитетъ полагалъ, что надлежало бы предоставить Сенату права верховнаго подъ державною властью судилища, назвавъ его Сенатомъ Судебнымъ; часть же правительственную, входящую въ кругъ дѣйствій I-го Департамента и Общаго Собранія, отдѣлить отъ Судебнаго Сената и ввѣрить ее особенному Правительствующему Сенату, образовавъ его изъ главноуправляющихъ разными частями управленія, а равно и другихъ лицъ, удостоенныхъ довѣренности Монарха; это послѣднее высшее правительственное мѣсто, дѣйствуя подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ и руководствомъ Самодержца, можетъ выгоднѣйшимъ для государства образомъ исполнять обязанности, раздѣленныя нынѣ между Сенатомъ и Комитетомъ Министровъ; оно сохранитъ наименованіе, освященное временемъ и воспоминаніемъ о великомъ учредителѣ Сената; оно, не участвуя никакимъ образомъ въ судѣ и отстранивъ Сенатъ Судебный отъ всякаго участія въ управленіи, поставитъ преграду злоупотребленіямъ, происходившимъ отчасти отъ неясныхъ и ложныхъ понятій о правахъ и кругѣ дѣйствій Сената. Въ немъ, т. е. въ Правительствующемъ Сенатѣ, будутъ разсматриваться предположенія министровъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ и предположенія эти съ мнѣніемъ Правительствующаго Сената будутъ представляемы на усмотрѣніе Государя.

Этотъ журналъ Комитета 6 Декабря былъ одобренъ Государемъ, который сдѣлалъ, во первыхъ, общее замѣчаніе, что при изложеніи предполагаемыхъ Комитетомъ постановленій необходимо нужно опредѣлить обязанности разныхъ мѣстъ управленія сколько можно яснѣе, дабы избѣжать всякихъ недоразумѣній, и, во вторыхъ, относительно Правительствующаго Сената, долженствовавшаго замѣнить собою Комитетъ Министровъ, Государь спрашивалъ, какимъ образомъ будутъ представляемы на Высочайшее разрѣшеніе дѣла изъ Правительствующаго Сената? На послѣдній вопросъ Комитетъ 6 Декабря отвѣчалъ, что о дѣлахъ, предоставленныхъ окончательному разрѣшенію Правительствующаго Сената, будутъ подносимы самыя сокращенныя меморіи для свѣдѣнія Его Величества. О дѣлахъ же, которыя требуютъ Высочайшаго утвержденія, можно учредить меморіи по образцу теперешнихъ меморій Комитета Министровъ, причемъ вмѣстѣ съ меморіями

будутъ подносимы и проекты указовъ къ подписанію въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ нужно [1]). Для исполненія же общаго замѣчанія Государя—о точнѣйшемъ опредѣленіи круга дѣйствій каждаго изъ высшихъ государственныхъ учрежденій—члены Комитета 6 Декабря приступили къ обозрѣнію верховныхъ государственныхъ учрежденій, начиная съ Совѣта. При обсужденіи образованія Совѣта 1810 г. къ параграфу 29-му, опредѣляющему родъ дѣлъ, которыя предварительно должны поступать на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, именно къ словамъ: *Все, требующее новаго закона, устава или учрежденія* — Комитетъ считалъ нужнымъ прибавить: *даже когда сіи законы, уставы и учрежденія постановляемы лишь на время въ чрезвычайныхъ случаяхъ.* При этомъ Сперанскій замѣтилъ, что подобныя положенія, конечно, согласны съ прежде бывшими неоднократными запрещеніями дополнять или даже толковать законы, но что, съ другой стороны, отъ этихъ излишнихъ стѣсняющихъ запрещеній происходитъ много неудобствъ; подобныя запрещенія и есть главная причина, почему всѣ министры ограничиваются однимъ, такъ сказать, буквальнымъ понятіемъ постановленій и самое малѣйшее сомнѣніе, будто бы за недостаткомъ узаконеній, представляютъ въ Совѣтъ или Комитетъ Министровъ, и что также сталъ поступать и Сенатъ; слѣдовательно этимъ путемъ министры избѣгаютъ всякой отвѣтственности по своему управленію, ибо никакая власть не можетъ требовать отъ нихъ отчета въ распоряженіяхъ, которыя по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ или Комитетѣ Министровъ одобрены Государемъ, а съ другой стороны—дѣла безпрестанно останавливаются, накопляются до чрезмѣрности и для окончанія почти каждаго самаго маловажнаго спора о какой-либо собственности бываетъ нужно Высочайшее утвержденіе. Комитетъ призналъ значительную долю справедливости мнѣнія Сперанскаго и, чтобы выйти изъ затрудненія, положилъ по отношенію къ органамъ власти исполнительной установить точное разграниченіе между понятіями: закона, устава и учрежденія [2]) — и предоставить

---

[1]) Тамъ же, стр. 13—14.

[2]) Законъ опредѣляетъ права, обязанности и вообще отношенія подданныхъ къ правительству и другъ къ другу; учрежденіе—цѣль, образованіе и кругъ дѣйствій какого либо мѣста, правительствомъ установленнаго; уставъ опредѣляетъ формы и порядокъ дѣйствій.

министрамъ право дѣлать въ учрежденіяхъ и уставахъ объясненія и дополненія съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій [1]). Затѣмъ, уже въ засѣданіи 26 Января, члены Комитета приступили къ обсужденію началъ, на которыхъ долженъ быть организованъ новый Правительствующій Сенатъ, которымъ предполагалось замѣнить Комитетъ Министровъ, причемъ въ руководство былъ принятъ проектъ устройства Сената 1811 г., разсмотрѣнный Государственнымъ Совѣтомъ; съ нѣкоторыми опять-таки измѣненіями проектъ былъ принятъ членами Комитета 6 Декабря, но при этомъ Комитетъ принялъ въ соображеніе, что на новый Правительствующій Сенатъ возлагается также предварительное разсмотрѣніе предположеній каждаго министерства о новыхъ установленіяхъ, объ измѣненіи старыхъ; но всѣ подобныя предположенія, одобренныя Сенатомъ, могутъ быть отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ, т. е. одно изъ двухъ верховныхъ и совершенно равныхъ между собою мѣстъ, повидимому, подчинялось другому. Для того, чтобы устранить это неудобство и въ то же время удержать порядокъ единства въ дѣйствіяхъ министровъ, Комитетъ 6 Декабря призналъ необходимымъ составить изъ министровъ особое присутствіе внѣ Сената подъ именемъ Присутствія или Совѣщанія министровъ, правила для котораго опредѣлить въ общемъ наказѣ: министры, подлежа всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности сужденію Государственнаго Совѣта, могутъ безъ всякаго неудобства представлять Совѣту мѣры послѣ общаго разсмотрѣнія [2]).

Такъ, Комитетъ 6 Декабря, признавъ сначала необходимымъ совершенно уничтожить Комитетъ Министровъ, нашелъ полезнымъ образовать, кромѣ новаго Правительствующаго Сената, которому передавалась большая часть дѣлъ, раньше входившихъ въ кругъ дѣйствій Комитета Министровъ, еще особое Совѣщаніе министровъ для сохраненія единства въ управленіи.

Положеніе это вызвало два замѣчанія Государя: Комитетъ именуетъ Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ мѣстами совершенно равными, но можетъ ли сіе равенство существовать въ самомъ дѣлѣ? По самому роду своихъ занятій Государственный Совѣтъ не будетъ ли всегда стоять

---

1) Сборн. т. LXXIV, стр. 24.
2) Тамъ же, стр. 51.

выше и, въ случаѣ жалобъ на дѣйствія Правительствующаго Сената, гдѣ же онѣ могутъ быть съ бо́льшимъ приличіемъ разсматриваться, какъ не въ Совѣтѣ? Государь замѣтилъ, во вторыхъ, что предполагаемое внѣ Сената Присутствіе или Совѣщаніе министровъ при малѣйшей неясности въ опредѣленіи круга вѣдомства его можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи, подобно нынѣшнему Комитету Министровъ, который, какъ было уже и прежде замѣчено, привлекалъ къ себѣ мало по малу дѣла всякаго рода; что, слѣдственно, для предупрежденія сего будетъ необходимо нужно означить съ величайшею, строгою точностью, въ чемъ имѣютъ состоять права и обязанности этого министерскаго Совѣщанія и какія дѣла не должны никогда подлежать вѣдѣнію онаго [1]).

На приведенныя замѣчанія Комитетъ 6 Декабря представилъ Государю, въ какомъ смыслѣ онъ называетъ равными три верховныхъ мѣста—Государственный Совѣтъ, Правительствующій и Судный Сенаты, въ томъ именно, что ни одно изъ этихъ мѣстъ не имѣетъ права само собою вмѣшиваться въ дѣйствія или сужденія о дѣйствіяхъ другого; на второе же замѣчаніе Государя о Совѣщаніи министровъ Комитетъ 6 Декабря отвѣтилъ, что кругъ дѣйствій этого Присутствія или Совѣщанія, внѣ Сената, будетъ въ наказѣ опредѣленъ съ надлежащею достаточною ясностью и точностью, причемъ означится именно, что это Совѣщаніе не можетъ заниматься никакими дѣлами, кромѣ разсмотрѣнія проектовъ, составляемыхъ министрами для внесенія въ Государственный Совѣтъ. Цѣлью собраній будетъ только одобрить или не одобрить намѣреніе министра предложить въ Совѣтѣ новое установленіе. Впрочемъ, это Присутствіе даже не будетъ въ правѣ рѣшительно министру въ томъ отказать; оно не должно имѣть ни особой канцеляріи, ни журнала своихъ засѣданій [2]).

Учрежденіе такого Присутствія безъ всякой власти члены Комитета 6 Декабря считали, очевидно, необходимымъ въ видахъ бо́льшаго единства въ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ лицъ, которымъ ввѣрялась исполнительная власть: на недостатокъ единства слышались постоянныя жалобы.

---

1) Тамъ же, стр. 57.
2) Тамъ же, стр. 56—59.

Въ засѣданіи 9 Февраля 1827 г. Комитетъ 6 Декабря для постановки правилъ будущему Правительствующему Сенату прочиталъ историческія свѣдѣнія о Комитетѣ Министровъ, составленныя Гежелинскимъ; изъ этихъ свѣдѣній члены Комитета 6 Декабря окончательно убѣдились, насколько дѣйствительное значеніе Комитета Министровъ было далеко отъ первоначальнаго его положенія. Сужденіе Комитета 6 Декабря въ этомъ засѣданіи есть, можно сказать, наиболѣе сильное обвиненіе, высказанное когда-либо въ правительственныхъ мѣстахъ противъ Комитета Министровъ; члены Комитета 6 Декабря нашли:

1) Комитетъ Министровъ составлялъ первоначально собраніе министровъ, въ которомъ докладывались Государю Императору дѣла, требовавшія совмѣстнаго сужденія, но впослѣдствіи Комитетъ Министровъ обратился въ нѣкоторый родъ присутственнаго мѣста безъ всякаго публичнаго акта, который опредѣлялъ бы его установленіе.

2) Занятія Комитета постепенно сдѣлались судебными, исполнительными и совѣщательными; министры стали вносить дѣла однородныя въ Совѣтъ, Сенатъ и въ Комитетъ по своему произволу, и нерѣдко Комитетъ послѣ долгихъ преній съ немалою потерею времени признавалъ дѣло непринадлежащимъ своему разсмотрѣнію и требовалъ на это заключеніе Высочайшаго утвержденія.

3) Такою неопредѣлительностью поданъ былъ министрамъ поводъ вносить въ Комитетъ все безъ разбора, чего не хотѣли они брать на свою отвѣтственность, и одни разрѣшали сами всѣ случаи, а другіе обращали въ Комитетъ даже самыя мелочи и требовали на нихъ Высочайшаго утвержденія.

4) Наконецъ въ производствѣ дѣлъ допущены запутанность и многосложность: до 1823 г. въ меморіи вносимы были вмѣстѣ съ дѣлами, подлежащими Высочайшему усмотрѣнію, и тѣ дѣла, кои разрѣшались самимъ Комитетомъ Министровъ, или по коимъ нужны были справки, а по такому смѣшенію исполненіе самыхъ неважныхъ положеній Комитета останавливаемо было до полученія на меморіи утвержденія Его Величества.

Принимая все это въ соображеніе, Комитетъ 6 Декабря еще болѣе утвердился въ первоначальномъ своемъ заключеніи о пользѣ и даже *необходимости* преобразовать Комитетъ Мини-

custom: стровъ и соединить его съ I-мъ Департаментомъ Сената. Въ относящихся къ Комитету узаконеніяхъ не *найдено ничего такого,* чѣмъ бы дополнить можно было предполагаемое образованіе будущаго Правительствующаго Сената. Тѣ же постановленія, кои изданы были на случай отсутствія Его Величества, Комитетъ положилъ снова разсмотрѣть при будущихъ своихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ и заимствовать изъ нихъ нѣкоторыя статьи для означенія дѣлъ, которыя можно бы приводить въ исполненіе безъ Высочайшаго разрѣшенія [1]).

Въ этомъ сужденіи Комитета 6 Декабря—обвинительный приговоръ прошлой дѣятельности Комитета Министровъ; приговоръ этотъ строгъ, но едва ли онъ вполнѣ справедливъ. Главнымъ дѣятелемъ Комитета 6 Декабря, особливо по вопросамъ объ устройствѣ государственныхъ учрежденій, былъ М. М. Сперанскій; рѣшеніе Комитета 6 Декабря о преобразованіи Комитета Министровъ въ Правительствующій Сенатъ есть по существу возвращеніе къ плану, выработанному имъ еще въ 1811 г.—плану, разсмотрѣнному и одобренному, но не приведенному въ исполненіе. Ничто такъ не нарушало этого стройнаго (на бумагѣ) плана, ничто такъ не умаляло значенія преобразованнаго въ 1810 г. Государственнаго Совѣта, любимаго созданія Сперанскаго, какъ Комитетъ Министровъ, дѣйствовавшій по правиламъ, даннымъ тотчасъ послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга. Въ приговорѣ Комитета 6 Декабря о запутанности и многосложности въ производствѣ дѣлъ слышится также осужденіе всесильнаго нѣкогда, но потерявшаго съ новымъ царствованіемъ всякое значеніе, гр. Аракчеева, подъ непосредственнымъ надзоромъ котораго находилось все дѣлопроизводство Комитета Министровъ съ 1815 г.; въ вину Комитету поставленъ даже порядокъ составленія меморій, отмѣненный еще въ 1823 г.; наконецъ, въ относящихся къ Комитету узаконеніяхъ не найдено ничего такого, чѣмъ бы можно было дополнить предполагаемое образованіе того учрежденія, которое должно было замѣнить Комитетъ Министровъ.

Такимъ образомъ двадцатипятилѣтній опытъ почти пропадалъ безслѣдно. Въ положеніи и дѣятельности Комитета

1) Тамъ же, стр. 61.

Министровъ было много неправильностей, которыя слѣдовало устранить; устраненіе ихъ началось еще въ прошлое царствованіе; сильная сторона этого учрежденія и заключалась въ томъ, что Комитетъ 6 Декабря считалъ неправильнымъ, именно, что Комитетъ Министровъ *обратился* въ нѣкоторый родъ присутственнаго мѣста безъ всякаго публичнаго акта, т. е. положеніе и дѣятельность Комитета Министровъ сложились подъ вліяніемъ событій государственной жизни, а не вытекали изъ плана, теоретически можетъ быть очень стройнаго и яснаго. Было уже приведено, что положеніе, занятое Комитетомъ Министровъ, объясняется какъ событіями царствованія Императора Александра I, такъ и характеромъ этого Государя. Если все это измѣнилось кореннымъ образомъ, то, конечно, должно было пасть учрежденіе, вызванное къ жизни совсѣмъ иными, нынѣ отсутствующими, причинами; но если измѣненія въ условіяхъ были, но не особенно глубокія, то не лучше ли было бы только измѣнить положеніе Комитета Министровъ?

Въ возвышеніи Комитета Министровъ значительную роль имѣли: исключительныя обстоятельства, связанныя съ отечественною войною и ея продолженіемъ, долгое отсутствіе Государя Александра Павловича изъ Россіи и, наконецъ, особое довѣріе, которое Государь имѣлъ къ гр. Аракчееву. Безъ сомнѣнія, ни одной изъ этихъ причинъ не было на лицо въ 1826—1827 г.г.; но только что указанныя три главныхъ условія возвышенія Комитета Министровъ не были ли обнаруженіемъ другой болѣе общей, но сокрытой первопричины? Почему отъ указанныхъ причинъ такъ много выигралъ именно Комитетъ Министровъ, а не Государственный Совѣтъ, или не Сенатъ? Почему управленіе Россіею тогда, когда управленіе было все, ввѣрено было Комитету Министровъ? И почему для лучшаго обезпеченія этого управленія къ участію въ засѣданіяхъ Комитета были привлечены предсѣдатели Департаментовъ Государственнаго Совѣта, а не министры—для той же цѣли къ засѣданіямъ Совѣта?

Члены Комитета 6 Декабря стояли на той точкѣ зрѣнія, что всякое измѣненіе закона, даже временное, даже вызванное исключительными обстоятельствами, должно было проходить непремѣнно чрезъ Совѣтъ. Что по существу заключаетъ въ себѣ установленіе этого правила? Оно, конечно,

не заключаетъ въ себѣ никакого ограниченія правъ верховной власти, отъ которой зависитъ принять или не принять мнѣніе Совѣта, или согласиться съ меньшинствомъ его членовъ. Но такое правило заключаетъ въ себѣ обязательство для неограниченной самодержавной власти обо всякомъ измѣненіи закона или временномъ его пріостановленіи совѣтываться не съ кѣмъ-либо другимъ, а непремѣнно съ Государственнымъ Совѣтомъ. Такой порядокъ, не говоря уже о томъ, что поднималъ значеніе Государственнаго Совѣта, имѣлъ, конечно, нѣкоторыя выгодныя стороны: при всякомъ измѣненіи закона Государь имѣлъ бы предъ собою мнѣніе, а иногда нѣсколько мнѣній, поданныхъ лицами, опытность и знанія которыхъ признаны самою Верховною властью, которыя, большею частью, сами прежде принимали дѣятельное участіе въ высшемъ управленіи, центральномъ или мѣстномъ, которыя, наконецъ, не связаны съ текущимъ управленіемъ никакою отвѣтственностью, т. е. и самое положеніе этихъ лицъ независимо и свободно. Но, во первыхъ, указанныя выгоды, несомнѣнныя тамъ, гдѣ дѣло идетъ при обычныхъ условіяхъ, при спокойномъ теченіи государственныхъ дѣлъ,—когда выслушать мнѣніе многочисленнаго Совѣта значитъ только обсудить дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія,—значительно теряютъ при условіяхъ противоположныхъ; когда событія идутъ быстро, когда опасность становится съ каждымъ днемъ ближе и грознѣе, когда дорога каждая минута времени, когда, главное, всякій невѣрный шагъ, даже всякое колебаніе могутъ стоить очень дорого въ смыслѣ матеріальномъ и нравственномъ. Тогда въ иномъ положеніи находятся Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ: члены перваго, Совѣта, несутъ отвѣтственность за поданный голосъ, т. е. за свое убѣжденіе; члены второго, Комитета, подавая свои голоса за то или другое, знаютъ, что они должны будутъ приводить въ дѣйствіе предлагаемыя ими мѣры; они знаютъ, чего будетъ стоить неудача ихъ мѣропріятій въ трудныхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ государствомъ; какъ ни важны обязанности членовъ Совѣта, не на нихъ упадетъ отвѣтственность предъ Государемъ и родиною не только за неуспѣхъ, но даже и за успѣхъ, достигнутый слишкомъ дорогою цѣною.

Во вторыхъ, Комитетъ Министровъ состоитъ изъ лицъ,

гораздо лучше освѣдомленныхъ о настоящемъ положенiи вещей, чѣмъ члены Государственнаго Совѣта. Но, главное, на основанiи бывшихъ примѣровъ, неудобно было предлагать, чтобы Государь о всякомъ хотя бы и временномъ измѣненiи закона совѣтывался съ Государственнымъ Совѣтомъ: не въ одной Россiи, а и во многихъ государствахъ около Верховной власти былъ особый тайный совѣтъ, роль котораго въ царствованiе Александра I игралъ отчасти Комитетъ Министровъ; было приведено нѣсколько случаевъ, когда дѣла вносились въ Комитетъ Министровъ на томъ основанiи, что не желали имъ давать огласки; желательную тайну, конечно, легче было сохранить, довѣряя ее Комитету Министровъ, чѣмъ такому сравнительно многочисленному собранiю, какъ Государственный Совѣтъ; бывали примѣры, что и самъ Комитетъ Министровъ казался слишкомъ многочисленнымъ собранiемъ для передачи ему дѣлъ, сохраненiе которыхъ въ строжайшей тайнѣ было необходимо. Всѣ члены Комитета Министровъ—въ то же время члены по должности и Государственнаго Совѣта, слѣдовательно все, что дѣлается въ Государственномъ Совѣтѣ, должно быть имъ очень хорошо извѣстно, да оно и не могло быть скрываемо отъ министровъ, которымъ приходилось принятыя и одобренныя мѣропрiятiя приводить въ исполненiе; напротивъ того, министры могли выработать извѣстный временный порядокъ, который сами они, по утвержденiи его Государемъ, и приводили бы въ исполненiе. Наконецъ, указано было уже и то, что Комитетъ Министровъ состоитъ изъ лицъ, которыя пользуются особымъ довѣрiемъ Государя.

Комитетъ 6 Декабря упускалъ изъ вида необходимость предоставить лицамъ, стоящимъ во главѣ управленiя, отвѣтственнымъ за это управленiе, право временно прiостанавливать и видоизмѣнять на время примѣненiе закона. Но право такое слѣдовало, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ предоставить министрамъ не только во времена особенныя, но и при обычномъ мирномъ теченiи дѣлъ. Конечно, было желательно внести хотя бы нѣкоторое единство въ управленiе государствомъ. При всѣми признанной массѣ законовъ, иногда противорѣчившихъ другъ другу, становилось въ высшей степени важнымъ, чтобы въ одинаковыхъ случаяхъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ выработалась и установи-

лась одинаковая практика; пока не было свода законовъ, это было необходимо; да и послѣ изданія свода законовъ, необходимость въ этомъ только уменьшилась, но не исчезла вполнѣ; жизнь идетъ впереди закона: законъ, а тѣмъ болѣе указъ или уставъ, какъ ни былъ онъ хорошо редактированъ и приспособленъ къ потребностямъ государственной жизни,—непремѣнно съ теченіемъ времени окажется нѣсколько неудобнымъ, и необходимо, чтобъ подобныя неудобства сглаживались одинаково во всѣхъ частяхъ управленія до тѣхъ поръ, пока признано будетъ желательнымъ замѣнить данное законоположеніе новымъ.

Все это вмѣстѣ взятое доказываетъ необходимость предоставить лицамъ, которымъ ввѣрено управленіе, совѣщаться между собою и приводить нѣкоторыя рѣшенія въ исполненіе подъ общею отвѣтственностью или представлять объ нихъ Государю, дабы каждый изъ нихъ хорошо былъ освѣдомленъ о мѣрахъ, принимаемыхъ въ другихъ вѣдомствахъ. Едва-ли бы выиграло дѣло, если бы такое присутствіе было названо Правительствующимъ Сенатомъ; гр. Кочубей совершенно справедливо замѣтилъ, что это было бы только перемѣною имени; если же бы въ новый Правительствующій Сенатъ перешли дѣла прежняго Комитета Министровъ и прежняго I-го Департамента Сената, то такое смѣшеніе было бы неудобно. Эти соображенія, вѣроятно, скоро успѣли выясниться, и это, конечно, и было причиною, въ силу которой предположенія Комитета 6 Декабря, удостоившіяся Высочайшаго одобренія, не были осуществлены.

Комитетъ Министровъ занималъ тогда, конечно, не то мѣсто, какое слѣдовало бы ему занимать; такое положеніе Комитета Министровъ вызвало критику многихъ государственныхъ людей; критика эта привела даже къ предположенію о необходимости уничтожить Комитетъ Министровъ; событія, однако, не позволили этому предположенію осуществиться. Въ жизни Комитета Министровъ повторились обстоятельства, подобныя тѣмъ, которыя были въ 1805—1808 г.г. и 1812 г.: какъ въ эти годы войны и отъѣзды Государя вызывали всякій разъ усиленіе дѣятельности Комитета, такъ точно и теперь событія 1830 и 1831 г.г. снова вызвали усиленную дѣятельность Комитета Министровъ; эти же событія, Іюльская революція во Франціи, революція въ Бельгіи, возстаніе Польши и холера въ Россіи,

въ значительной степени повліяли на измѣненіе взглядовъ Императора Николая I; оттого и большинство предположеній Комитета 6 Декабря не были осуществлены, ибо они уже не соотвѣтствовали новымъ взглядамъ Государя.

Комитетъ Министровъ не былъ упраздненъ; такое прискорбное въ жизни Комитета событіе, какъ дѣло дѣйств. ст. сов. Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго, обнаружившее многіе недостатки въ порядкахъ дѣлопроизводства по Комитету, не могло поколебать убѣжденія въ необходимости сохранить это любимое учрежденіе Императора Александра I. Съ другой стороны, критика положенія Комитета Министровъ не прошла для него безслѣдно: положеніе его въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій измѣнялось медленно, постепенно, но весьма значительно.

Государь Николай Павловичъ съ первыхъ же своихъ шаговъ желалъ поставить дѣятельность Комитета въ законныя рамки. Меморіи, впослѣдствіи журналы Комитета, испещрены, можно сказать, напоминаніями Государя держаться законнаго порядка вещей: «*должно держаться неотступно данныхъ приказаній и впредь отнюдь не смѣть отъ нихъ отступать и тогда, когда едва только о томъ подтверждено*» [1]), «*держаться закона и никогда сего не забывать*» [2]), такія и подобныя резолюціи часто встрѣчаются на журналахъ Комитета. Когда Комитетъ Министровъ для возстановленія чести гр. Салтыкова, оклеветаннаго евреями [3]), между другими мѣрами принялъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ назначить Салтыкова членомъ совѣта министра, то Государь положилъ резолюцію: «*согласенъ на все, кромѣ назначенія гр. Салтыкова членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и нужнымъ считаю прибавить, что вовсе не должно было и представлять подобнаго назначенія, ибо въ совѣты министерскіе опредѣлять должно людей штатныхъ, опытныхъ и потому полезныхъ и соотвѣтствующихъ цѣли совѣта, а не опредѣлять людей вовсе къ тому неспособныхъ*» [4]). Одесскій домовла-

---

[1]) 1833 г., № 134.

[2]) 1834 г., № 2020.

[3]) Евреи обвиняли гр. Салтыкова, Смоленскаго помѣщика, въ томъ, что будто онъ отравилъ ихъ скотъ, и мѣстная администрація въ лицѣ Смоленскаго губернатора сразу дала этому извѣту ходъ, весьма оскорбительный для чести графа.

[4]) 1835 г., № 524.

дѣлецъ кн. Мурузи просилъ позволенія разыграть въ лотерею домъ его, оцѣненный въ 55 т. р.; министръ внутреннихъ дѣлъ сначала призналъ неудобнымъ дать на это разрѣшеніе, но послѣ того, какъ мѣстный генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ вторично вошелъ съ ходатайствомъ объ этомъ, Блудовъ представилъ дѣло Комитету. Комитетъ поступилъ весьма осторожно: дозволенія на разыгрываніе лотерей по извѣстному вреду отъ нихъ должны быть даваемы сколь возможно рѣже и притомъ исключительно для бѣдныхъ людей, поэтому Комитетъ не можетъ принять на себя ходатайства въ данномъ случаѣ; но, принимая во вниманіе, что гр. Воронцовъ проситъ довести объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Комитетъ полагаетъ испросить по дѣлу Высочайшее разрѣшеніе. «*Я уже не разъ приказывалъ съ представленіями, противными закону, не смѣть отнюдь входить*» [1])—резолюція Государя. Сообразно этому всегда, когда Комитетъ предлагалъ Государю исправить дѣло законнымъ порядкомъ, Государь выражалъ свое одобреніе Комитету; напр., литовскій помѣщикъ Юндзилъ обратилъ вниманіе нашего Правительства своимъ поведеніемъ въ Швейцаріи; ему двукратно объявлено было Высочайшее повелѣніе—возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ своимъ семействомъ; онъ не только не исполнилъ этого, но и принялъ швейцарское подданство. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ лишить его всѣхъ правъ состоянія въ Россіи. Комитетъ согласился съ тѣмъ, что лица, такъ поступающія, подлежатъ лишенію правъ, но какимъ способомъ? въ законахъ на это нѣтъ отвѣта, кромѣ основного положенія: никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія иначе, какъ по суду, поэтому Комитетъ и полагаетъ: предать Юндзила суду, сдѣлать ему формальный вызовъ, а затѣмъ постановить приговоръ и такъ поступать и на будущее время въ подобныхъ случаяхъ. «*Справедливо*» — резолюція Государя [2]). Оберъ-прокуроръ 2-го отдѣленія III-го Департамента Сената Кочубей просился въ отпускъ на четыре мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія. Министръ юстиціи указалъ, что въ силу Высочайшаго повелѣнія, отъ 1826 г. Ноября 23, запрещено это допускать, но что онъ проситъ сдѣлать исключеніе для Кочубея въ виду отличнаго исполненія имъ обя-

---

1) 1836 г., № 1438.
2) 1836 г., № 1437.

занностей по двумъ отдѣленіямъ Департамента. Комитетъ нашелъ, что указанное Высочайшее повелѣніе относится только къ сенаторамъ и положилъ испросить разрѣшеніе на просьбу Кочубея. Государь далъ такую резолюцію: «*согласенъ на сей разъ, но я не понимаю, съ чего Комитетъ заключилъ, что данное правило касается до однихъ сенаторовъ; оно должно быть равно съ 1-го до 14 класса, какъ все, что законъ и правило*» [1]).

Какъ извѣстно, дворянству предоставлено было право избирать почетныхъ попечителей гимназій. Министръ народнаго просвѣщенія толковалъ въ Комитетѣ, что право это относится преимущественно къ *не* столичнымъ гимназіямъ, ибо оно предоставлено дворянству для того, чтобы оно участвовало въ устройствѣ благородныхъ пансіоновъ и наблюдало за воспитаніемъ юношества; такъ какъ столичныя гимназіи содержатся безъ всякаго пособія со стороны дворянства и находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителя округа, то въ столицахъ избраніе почетныхъ попечителей ведетъ только къ медленности въ дѣлопроизводствѣ. Съ Уваровымъ согласился и Блудовъ, а равно и Комитетъ, положившій испросить Высочайшее повелѣніе о томъ, что порядокъ избранія попечителей не распространяется на столичныя учебныя заведенія. Государь написалъ: «*совершенно неосновательно; когда законъ есть, должно его соблюдать безъ изысканія предлоговъ къ неисполненію. Попечители здѣсь и въ Москвѣ должны быть избираемы не съ тою цѣлью, чтобы вмѣшивались въ управленіе, но какъ довѣренныя лица отъ дворянства,—они по званію своему есть блюстители выгодъ питомцевъ сего дворянства и ходатаи за нихъ при Министерствѣ. Самое названіе ихъ означаетъ, что ихъ должность почетная и болѣе въ честь дворянству, чѣмъ прямая управительная должность. Ежели нужно для сего особое положеніе, то можно таковое изготовить и мнѣ представить*» [2]).

Съ самаго начала своего царствованія Императоръ Николай Павловичъ приказывалъ направлять въ Государственный Совѣтъ всѣ представленія, по которымъ испрашивалось не только изданіе новаго законоположенія, устава или штата, но

---

[1]) 1827 г., № 1076.
[2]) 1836 г., № 282.

*

даже и такія представленія, которыя заключали въ себѣ только предложеніе объ измѣненіи закона. Когда по поводу примѣненія коронаціоннаго манифеста Императора въ Сенатѣ возникло разногласіе, то министръ юстиціи внесъ дѣло въ Комитетъ, разъяснивъ, что онъ такъ поступаетъ только для ускоренія дѣла и устраненія излишней переписки. Комитетъ принялъ дѣло къ разбирательству, только предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ заявилъ, что дѣло это подлежитъ вѣдѣнію Государственнаго Совѣта; Государь утвердилъ это отдѣльное мнѣніе [1]). Министръ финансовъ Канкринъ, указавъ нѣкоторыя неудобства въ паспортной системѣ, предлагалъ предоставить жителямъ на р. Нѣманѣ и въ Оренбургской губерніи право отправлять приказчиковъ заграницу по плакатнымъ паспортамъ. Министръ юстиціи заявилъ, что дѣло должно быть разсмотрѣно Государственнымъ Совѣтомъ, и мнѣніе это утверждено было Государемъ [2]). Предложенъ былъ вопросъ, какъ поступать съ заложенными и просроченными имѣніями въ Бессарабіи, если никто не явится на торги? Комитетъ рѣшилъ, что слѣдуетъ брать такія имѣнія, равно какъ тѣ, на которыя будутъ покупщики, но по цѣнѣ ниже оцѣнки, въ казенное вѣдомство. Государь написалъ: «*принадлежитъ рѣшить въ Совѣтѣ, а не въ Комитетъ Министровъ*» [3]).

Согласно учрежденію министерствъ составлялись въ присутственныхъ мѣстахъ два журнала исходящихъ бумагъ: краткій и подробный, отъ слова до слова. Комитетъ своимъ положеніемъ, отъ 1822 г. Сент. 6, дозволилъ по министерству финансовъ уничтожить подробные журналы; въ 1828 г. о томъ же просило министерство юстиціи и Комитетъ разрѣшилъ это не только министерству юстиціи, но по всѣмъ остальнымъ министерствамъ. Государь написалъ: «*Я считаю сіе перемѣною узаконенія, слѣдуетъ разсмотрѣть въ Совѣтѣ*» [4]).

Такихъ неоднократныхъ указаній Государя было достаточно, чтобы Комитетъ энергично самъ отъ себя отстранялъ всѣ дѣла, которыя должны были бы пройти чрезъ Государственный Совѣтъ. Въ 1826 г. внесено было въ Комитетъ

---

1) 1827 г., № 7.
2) 1827 г., № 391.
3) 1827 г., № 1055.
4) 1828 г., № 176.

предположеніе Оренбургскаго военнаго губернатора гр. Эссена о разрѣшеніи продажи башкирскихъ земель; оказалось, что это дѣло было остановлено Сенатомъ еще въ 1818 г., поэтому Комитетъ положилъ и теперь, не разрѣшая вопроса, передать его въ Сенатъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣленіе Сената передано было потомъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта [1]). Министръ финансовъ внесъ въ Комитетъ положенія о транзитной торговлѣ, предложивъ по важности передать дѣло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Комитетъ принялъ это предложеніе съ тѣмъ, чтобы дѣло предварительно было сообщено министру иностранныхъ дѣлъ [2]). Когда одинъ предприниматель просилъ выдать ему привилегію на устройство сообщенія Петербургъ - Москва въ особыхъ экипажахъ, то возникъ вопросъ, отъ какого учрежденія зависитъ выдать означенную привилегію: Комитета Министровъ или Государственнаго Совѣта? На этотъ разъ Комитетъ нашелъ, что Совѣтъ выдаетъ привилегіи только на открытія и изобрѣтенія. Когда же купецъ Гансъ испрашивалъ привилегію на дѣланіе лѣтнихъ шляпъ изъ китоваго уса и тростника, то Канкринъ просилъ выдать означенное разрѣшеніе въ виду хотя бы того, что производство шляпъ ручное, а не машинное. Комитетъ положилъ, однако, передать дѣло на разсмотрѣніе Совѣта; Канкринъ остался при своемъ мнѣніи, ссылаясь на рѣшеніе по предыдущему дѣлу, но Государь приказалъ: «*внести на разсмотрѣніе Совѣта*» [3]). Городъ Вильно имѣлъ старинныя привилегіи еще отъ времени польскаго владычества, по которымъ войты, бурмистры, лавники и нѣкоторыя другія городскія должностныя лица получали потомственное дворянство; законность такого порядка была заподозрѣна и Сенатъ нашелъ, что нѣтъ основанія считать эти привилегіи законными; съ опредѣленіемъ Сената согласился и Комитетъ, но такъ какъ это опредѣленіе заключало въ себѣ ограниченіе правъ, положено было передать его на рѣшеніе Совѣта [4]). Вносится ли въ Комитетъ проектъ сенатора Баранова о средствахъ прекратить злоупотребленія по лѣсному хозяйству, поступаетъ ли опредѣленіе Сената о дозволеніи выдавать по требова-

---

1) 1826 г., № 1689.
2) 1827 г., № 607.
3) 1827 г., № 708.
4) 1828 г., № 260.

нію помѣщиковъ ихъ крестьянамъ плакатные паспорта тамъ, гдѣ они, помѣщики, живутъ, а не только тамъ, гдѣ они владѣютъ имѣніями; поступаютъ ли въ Комитетъ предложенія объ устройствѣ въ Грузіи горнаго производства, или о преобразованіи управленія Оренбургскаго края,—всѣ такія представленія Комитетъ полагаетъ передать на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Предлагаютъ ревизовавшіе Грузію сенаторы отмѣнить пошлины съ привозимыхъ туда изъ Россіи товаровъ или—о болѣе успѣшномъ образованіи капиталовъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія; проситъ ли Рижское купечество объ измѣненіи формы контрактовъ съ заграничными купцами или о порядкѣ подсудности торгующихъ въ Ригѣ купцовъ,—Комитетъ опять и эти дѣла передаетъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Поступаютъ въ Комитетъ распоряженія ген.-фельд. Паскевича о введеніи гражданскаго управленія между осетинами, карталинцами и другими горскими народами,—Комитетъ полагаетъ, что дѣло это должно быть передано Государственному Совѣту. Когда въ 1831 г. переустраивали городъ Демянскъ (Новгор. губ.), то въ Комитетѣ поднятъ былъ принципіальный вопросъ: есть ли необходимость отобрать подъ городъ Демянскъ земли частныхъ владѣльцевъ, не соглашающихся уступить ихъ или требующихъ за нихъ слишкомъ большого вознагражденія, и какъ въ такомъ случаѣ назначить вознагражденіе? Комитетъ разрѣшилъ этотъ важный и принципіальный случай такъ: необходимость обращенія частной собственности на потребности Государства во всякомъ случаѣ должна быть опредѣлена не иначе, какъ закономъ и въ этомъ именно уваженіи дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя, отнесены къ вѣдомству Государственнаго Совѣта [1]). Въ томъ же 1831 г. въ Комитетъ внесенъ былъ проектъ обмежеванія и описанія казенныхъ земель Курляндской губерніи съ приложеніемъ штатовъ; но въ Комитетѣ прежде всего возникъ вопросъ, гдѣ это дѣло должно разсматриваться: въ Государственномъ Совѣтѣ или въ Комитетѣ Министровъ. Министръ финансовъ доказывалъ, что—въ Комитетѣ, такъ какъ это распорядительное дѣло, заключающее въ себѣ только распространеніе на Курляндію правилъ межевой коммисіи;

---

1) 1831 г., № 290.

затѣмъ, въ этомъ положеніи нѣтъ вовсе новаго закона, ибо предлагаемыя постановленія о пенѣ за неявки—послѣдствія распорядительныхъ мѣръ; наконецъ, по словамъ Канкрина, дѣла такого рода всегда поступали въ Комитетъ Министровъ, ибо бóльшая часть распорядительныхъ мѣръ заключаетъ въ себѣ правила, которыя можно назвать временными законопостановленіями; если всѣ такія дѣла вносить въ Государственный Совѣтъ, то онъ будетъ заваленъ ими, результатомъ чего будетъ крайняя медленность въ рѣшеніи дѣлъ. Четыре члена согласились съ Канкринымъ (кн. Голицынъ, Уваровъ, Блудовъ и Дашковъ), четыре же (Мордвиновъ, Литта, Бенкендорфъ и Хитрово) полагали: правила, назначающія сроки для явки, штрафы за неявку и порядокъ судебнаго разсмотрѣнія, заключаютъ въ себѣ предметъ закона и потому подлежатъ рѣшенію Государственнаго Совѣта. Государь согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ [1]).

Подобныя пренія, происходившія въ Комитетѣ, указываютъ на то, что одною изъ главныхъ причинъ нарушенія компетенціи Государственнаго Совѣта была нѣкоторая неопредѣленность въ томъ, что подлежитъ считать новымъ законоположеніемъ или измѣненіемъ стараго закона, и что заключаетъ въ себѣ только административныя распорядительныя мѣры; но приведенныя пренія указываютъ и на то, съ какою сравнительною осторожностью Комитетъ принималъ теперь къ своему разбирательству дѣла: ссылка на то, что однородныя дѣла прежде рѣшались Комитетомъ, не имѣла для его членовъ такого значенія, какъ прежде, ибо послѣ приведенныхъ Высочайшихъ резолюцій члены Комитета убѣдились въ томъ, что прежнее не можетъ служить оправданіемъ настоящему, такъ какъ прежде установленный порядокъ не разъ нарушался.

Уволенному въ отставку губернскому секретарю Сорокину, не въ примѣръ другимъ, Комитетъ положилъ выдать единовременно годовой окладъ его жалованья—750 р. и по этому случаю постановилъ правила о назначеніи пенсій или единовременныхъ пособій чиновникамъ, аттестованнымъ неодобрительно. «*Согласенъ, но какъ новый законъ слѣдуетъ разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ*»—резолюція [2]).

---

1) 1831 г., № 751.
2) 1830 г., № 2504.

Такимъ путемъ изъяты были отъ разсмотрѣнія Комитета дѣла законодательнаго характера, съ которыми связано было изданіе новыхъ законоположеній или измѣненія и дополненія старыхъ.

Но кромѣ дѣлъ этого рода въ Комитетъ поступало чрезвычайно много дѣлъ мелкихъ, которыя только затрудняли членовъ Комитета и Государя. Въ началѣ 1827 г. члены Комитета положили собираться, на нѣкоторое время, по три раза въ недѣлю, чтобы имѣть возможность поскорѣе справиться съ массою дѣлъ. Государь на этомъ представленіи написалъ: «*весьма согласенъ, но при семъ замѣтить г. министрамъ, что я вторично прошу ихъ не обременять Комитета и меня дѣлами, кои сами разрѣшать могутъ или которыя еще требуютъ справокъ и отъ того по два раза взносятся*» [1]). Первый разъ такое напоминаніе членамъ Комитета сдѣлано было еще въ 1826 г. по слѣдующему дѣлу: двое изъ колонистовъ, получившихъ въ свое время ссуды, не выплатили ихъ въ срокъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Комитетъ оказать имъ льготу, слѣдуемую на основаніи манифеста. Комитетъ принялъ предложеніе министра. «*А я замѣчу*, говорится въ резолюціи, *что само собою разумѣется и не нужно было вносить въ Комитетъ. При семъ случаѣ я настоятельно прошу г. министровъ не вносить въ Комитетъ такихъ предметовъ, по которымъ разрѣшеніе ихъ собственное совершенно достаточно по власти имъ дарованной*» [2]). Нѣкоему титулярному совѣтнику предлагали обратить жалованье въ пенсіонъ; министръ финансовъ былъ противъ этого, такъ какъ чиновникъ этотъ ничего отличнаго по службѣ не сдѣлалъ. «*И не слѣдовало вносить въ Комитетъ*»—резолюція Государя [3]). Когда въ слѣдующемъ году Комитетомъ разрѣшена была выдача штабълекарю Кавказской бригады годового оклада, Государь опять написалъ: «*согласенъ, но отчего внесено въ Комитетъ? подобныя дѣла представлять прямо мнѣ при докладѣ начальника штаба*» [4]). Два крестьянина за преступленія свои осуждены были отбыть наказаніе въ арестантскихъ ротахъ и были отправлены въ Севастополь, но оказались стары для арестант-

1) 1827 г. Янв. 31.
2) 1826 г., № 2152.
3) 1826 г., № 2326.
4) 1827 г., № 984.

скихъ ротъ; возникъ вопросъ, куда же ихъ отправить? Министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало—на поселеніе въ Сибирь. Съ такимъ рѣшеніемъ согласился и Комитетъ. Государь опять написалъ: «*обстоятельство сіе могло быть разрѣшено самимъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ безъ внесенія въ Комитетъ*» [1]). Въ Имеретинской области была казенная мельница, которая сдавалась на откупъ за 120 р. въ годъ, выше ея по рѣкѣ устроены были двѣ пильныя; мельницу тогда рѣшено было перенести на другое мѣсто и представленіе объ этомъ внесено было въ Комитетъ. «*Зачѣмъ представлять въ Комитетъ, кажется, не стоило того*» [2])—замѣчаніе Государя. Сгорѣла въ казенномъ имѣніи деревянная корчма; арендаторъ имѣнія отказался отъ постройки вмѣсто нея новой, уже каменной; разница въ суммѣ опредѣлена была въ 75 р. 40 к., о чемъ и было представлено Комитету. «*Впредь съ подобными мелочами въ Комитетъ не входить*» [3])—резолюція.

Такими резолюціями Комитетъ Министровъ былъ освобожденъ отъ многихъ мелкихъ дѣлъ. Затѣмъ были приняты и другія мѣры для ускоренія производства дѣлъ по Комитету.

Государь Николай Павловичъ обратилъ прежде всего вниманіе на порядокъ обнародованія положеній Комитета Министровъ. Слѣдуетъ припомнить, что тогда не одни положенія Комитета, но и вообще законы часто обнародовались иначе, чѣмъ въ настоящее время. Закону часто предшествовалъ обстоятельный докладъ, разъясняющій причины изданія новаго закона; если же новый законъ былъ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта или положеніе Комитета Министровъ, то въ обнародованный законъ помѣщали и всѣ разсужденія, происходившія по этому поводу въ указанныхъ учрежденіяхъ.

Положенія Комитета сообщались министрамъ выписками изъ журнала; въ выпискѣ министру сообщались всѣ разсужденія, происходившія въ Комитетѣ, чтобы министръ могъ знать не только рѣшеніе Комитета, но и всѣ вообще разсужденія, бывшія при этомъ; конечно, никогда не было и въ предположеніи, чтобы разсужденія Комитета дѣлать гласными,

---

1) 1829 г., № 2192.
2) 1833 г., № 2216.
3) 1836 г., № 1125.

т. е. сообщать объ нихъ во всенародное свѣдѣніе. Между тѣмъ министерства сообщали въ подвѣдомственныя имъ мѣста и подчиненнымъ лицамъ копіи съ полученныхъ ими выписокъ изъ журналовъ Комитета, равнымъ образомъ представляли ихъ въ Сенатъ, который уже обнародовалъ ихъ также съ прописаніемъ всѣхъ разсужденій, происходившихъ въ Комитетѣ,—отчего и объявлялись во всеобщее свѣдѣніе мнѣнія, и не удостоившіяся Высочайшаго утвержденія и противорѣчившія тому, что предписывалось къ исполненію,—отъ этого, по словамъ гр. Кочубея, происходили часто «недоразумѣнія, или затрудненія въ исполненіи, излишнія толкованія между частными лицами, щекотливость для членовъ, участвовавшихъ въ сужденіи и самое нареканіе на правительство». Неприличіе формъ, которыми объявлялись Высочайшія повелѣнія по дѣламъ Комитета Министровъ, обратило вниманіе Государя, и 25 Авг. 1826 г. въ Москвѣ объявлена была Высочайшая воля, дабы Комитетъ Министровъ постановилъ правила, какимъ образомъ на будущее время обнародовать его положенія?

Комитетъ положилъ: поставить всѣмъ министрамъ въ обязанность, чтобы они, получивъ выписки изъ журналовъ Комитета, дѣлали отъ себя предписанія мѣстамъ и лицамъ и представляли Сенату для обнародованія только о томъ, что составляетъ существо дѣла и что удостоено Высочайшаго утвержденія, не включая ничего посторонняго, и тогда Сенатъ обязанъ будетъ публиковать единственно то, что донесено будетъ ему министромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетомъ положено было подтвердить, чтобы министры представленія свои вносили въ Комитетъ не иначе, какъ на точномъ основаніи Высочайше конфирмованнаго 20 Марта 1812 г. Учрежденія Комитета, т. е. чтобы представленія ихъ составлены были кратко, ясно, содержали въ себѣ всѣ обстоятельства дѣла и мнѣніе министра. Наконецъ, Комитетъ полагалъ, что если его заключеніе будетъ утверждено Государемъ, то его слѣдуетъ принять руководствомъ и для Государственнаго Совѣта. Государь не совсѣмъ согласился съ положеніемъ Комитета: «*я считаю, гораздо вѣрнѣе и удобнѣе будетъ заготовлять для печатанія записки въ канцеляріи самого Комитета, утвердивъ оныя подписью членовъ подписавшихъ статью, поступающую въ печать и отправлять въ Сенатъ для печатанія*». Комитетъ Мини-

стровъ, предварительно разсуждая о томъ, какъ руководствоваться этимъ правиломъ, встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія: въ случаѣ разногласія приходилось бы иногда объявлять положенія Комитета за подписью одного члена, а иногда— нѣсколькихъ членовъ; въ случаѣ утвержденія единогласнаго рѣшенія—за подписью всѣхъ членовъ Комитета,—послѣднее, къ тому же «по затруднительности собирать подписи членовъ Комитета сопряжено было бы съ большею медленностью».

Гр. Кочубей предлагалъ, чтобы устранить всѣ эти неудобства, постановить:

1) министры обязаны въ тѣхъ случаяхъ, когда испрашиваемое разрѣшеніе требуетъ указа съ Высочайшимъ подписаніемъ, вносить въ Комитетъ и проекты указовъ на точномъ основаніи § 16 Учрежд. Комитета [1]); по прочимъ дѣламъ положенія Комитета, удостоенныя Высочайшаго утвержденія, министры исполняютъ не иначе, какъ объявляемыми Высочайшими повелѣніями.

2) По тѣмъ дѣламъ, которыя вносятся на разсмотрѣніе Комитета не отъ министровъ, но представляются по Высочайшей волѣ другими лицами, или присылаются прямо отъ Государя Императора, равнымъ образомъ и по тѣмъ дѣламъ, по которымъ возникнутъ въ Комитетѣ разногласія—постановить правило, чтобы, по Высочайшемъ разрѣшеніи дѣла, заготовляемы были въ канцеляріи Комитета проекты указовъ, подписныхъ или объявляемыхъ и чтобы первые (т. е. подписные по разсмотрѣніи ихъ Комитетомъ) подносились къ Высочайшему подписанію, и вторые—по одобреніи ихъ Комитетомъ—отсылались къ министрамъ для исполненія. Формы указовъ должны быть почти единообразны подобно тому, какъ во всѣхъ государствахъ такое единообразіе достигается. Государемъ написано на представленіи: «*исполнить*».

Члены Комитета просили Государя о позволеніи собираться на нѣкоторое время по три раза въ недѣлю, и дозволеніе на это было дано имъ; но нельзя сказать, чтобы засѣданія Комитета были въ эти годы многолюдны, напротивъ; между

---

[1]) Когда министръ представляетъ въ Комитетъ такое дѣло, по которому предполагается указъ къ Высочайшему подписанію, тогда представляетъ онъ вмѣстѣ и проектъ указа.

тѣмъ по заведенному порядку журналъ Комитета подписывался *всѣми* членами Комитета, какъ бывшими въ засѣданіи, такъ и отсутствовавшими. Порядокъ этотъ, конечно, имѣлъ хорошую сторону; даже болѣе, онъ придавалъ Комитету Министровъ значеніе корпоративнаго учрежденія, ибо и не бывшій въ засѣданіи министръ, скрѣпляя своею подписью состоявшіяся положенія, имѣлъ право при подписи подать отдѣльное мнѣніе по тому или другому вопросу,—правомъ этимъ нерѣдко и пользовались члены Комитета,—и наконецъ, при такомъ порядкѣ каждый членъ Комитета всегда зналъ все, что проходило чрезъ Комитетъ. Невыгодная сторона этого порядка заключалась въ томъ, что производство дѣлъ замедлялось: требовалось больше времени для собиранія подписей; небывшій въ засѣданіи членъ подавалъ иногда отдѣльное мнѣніе, которое слѣдовало потомъ обсудить; едва ли, однако, невыгодныя стороны такого порядка перевѣшивали указанную выше выгодную сторону дѣла. Тѣмъ не менѣе, въ 1827 г. порядокъ этотъ былъ измѣненъ: въ виду того, что въ Комитетѣ почти никогда не бывало наличнаго числа членовъ, повелѣно было подписывать журналы Комитета только лицамъ, бывшимъ въ засѣданіи; но при этомъ на канцелярію Комитета возложена была обязанность предварительно увѣдомлять членовъ Комитета, представленія которыхъ будутъ слушаться въ предстоящемъ засѣданіи; при этомъ, однако, повелѣно не останавливаться разсмотрѣніемъ дѣла, если представившій его министръ всетаки не пріѣдетъ въ засѣданіе [1]). Новый порядокъ имѣлъ свои невыгодныя стороны, которыя скоро обнаружились; послѣ этого многіе члены Комитета не знали иногда, что рѣшено было Комитетомъ, т. е. измѣненіе порядка могло повести не только къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, но и нарушало главное основаніе бытія Комитета Министровъ,—единство въ управленіи. Вотъ почему Императоръ Николай Павловичъ послѣ этого относился весьма строго къ тому, что далеко не всѣ члены Комитета исправно посѣщали его засѣданія. Въ засѣданіе 18 Октября 1832 г. прибыли только три члена: гр. Литта, Хитрово и Блудовъ, пятеро не явилось по болѣзни: кн. Кочубей, кн. Голицынъ, Пашковъ, гр. Ливенъ и Моллеръ; пятеро же—за занятіями другими дѣлами: гр. Нес-

---

[1]) 1827 г., Іюня 12.

сельроде, гр. Чернышевъ, Канкринъ, Меньшиковъ и Дашковъ, и одинъ—гр. Бенкендорфъ за отсутствіемъ изъ Петербурга; Государь написалъ на журналѣ: «*объявить г.г. членамъ Комитета, что мнѣ всегда непріятно, что подъ предлогомъ другихъ занятій многіе рѣдко присутствуютъ въ Комитетѣ, на всякое занятіе есть опредѣленное время, а бывъ членами Комитета они должны присутствовать въ ономъ на равнѣ съ прочими обязанностями службы*». Послѣ такого повелѣнія собранія Комитета стали многочисленнѣе, а въ журналахъ отмѣчалось, по какой именно причинѣ тотъ или другой членъ Комитета отсутствовалъ, напр.: по болѣзни, или гр. Нессельроде—по случаю отправленія въ чужіе края курьера, или графъ Чернышевъ—по случаю говѣнія, Толстой и Васильчиковъ—по случаю кончины В. А. Пашкова, Нессельроде — представленія доклада Его Величеству. Тѣмъ не менѣе, когда бдительность Государя нѣсколько ослабѣла, собранія снова стали малочисленнѣе, и въ 1833 г. Государь опять повелѣлъ: «*когда члены Комитета не могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ, всякій разъ должны извѣщать управляющаго дѣлами Комитета о тѣхъ причинахъ, по коимъ они не могутъ быть*» [1]).

Одной этой мѣры, т. е. подписи журнала засѣданія только бывшими въ засѣданіи членами, было недостаточно для ускоренія дѣлопроизводства. Гр. Кочубей рѣшилъ настоять на такомъ порядкѣ, чтобы каждый журналъ Комитета былъ подписанъ не позже, какъ чрезъ засѣданіе; разсмотрѣвъ обстоятельно внутренній порядокъ дѣлопроизводства по Комитету Министровъ, онъ нашелъ, что съ одной стороны дѣлъ въ Комитетъ поступаетъ такъ много, что у канцеляріи не хватаетъ силъ для скораго исполненія всего, что требуется, а съ другой стороны существовавшій порядокъ составленія журналовъ и меморій требовалъ слишкомъ большой переписки: всякое поступающее въ Комитетъ дѣло записывалось немедленно въ особую книгу въ день поступленія; наканунѣ засѣданія предсѣдателю Комитета представляли реестръ всѣхъ назначенныхъ къ слушанію дѣлъ, обыкновенно отъ 30 до 40 и болѣе; послѣ засѣданія составлялся общій журналъ, который подписывался членами обыкновенно въ слѣдующее засѣданіе, а затѣмъ чрезъ 2 дня составлялась меморія, которая подносилась

1) 1833 г., № 2240.

Государю. При этомъ гр. Кочубей замѣтилъ, что есть дѣла, выслушанныя Комитетомъ, но по которымъ журналы подписываются членами значительно позже. Гежелинскій объяснилъ Кочубею, что такіе случаи встрѣчаются весьма рѣдко, и что избѣжать ихъ совершенно невозможно по трудности обработать нѣкоторые журналы; Гежелинскій указалъ гр. Кочубею, что тогдашняя форма составленія журналовъ требовала отъ канцеляріи чрезвычайно много излишней переписки, именно въ журналъ вносилось не только существо дѣла, но и *всѣ* обстоятельства его, отчего представленія министровъ излагались въ журналахъ со всѣми подробностями. По мнѣнію гр. Кочубея такой порядокъ былъ необходимъ прежде, когда журналы Комитета подписывались всѣми, т. е. и отсутствовавшими въ засѣданіи членами Комитета, но, съ измѣненіемъ порядка подписи, слѣдовало, по мнѣнію гр. Кочубея, измѣнить и порядокъ составленія журналовъ; гр. Кочубей предложилъ для мелкихъ дѣлъ составлять общій журналъ, въ который вносить только оглавленіе дѣла и заключеніе Комитета; дѣла же обширныя и заслуживающія особаго вниманія излагать въ особыхъ журналахъ, составляемыхъ на прежнемъ основаніи. Эти предположенія были осуществлены.

Но неисправности въ дѣлопроизводствѣ продолжались и были замѣчены Государемъ.

При внимательномъ отношеніи къ дѣлу Государь не могъ не замѣтить, что нѣкоторыя положенія Комитета поступаютъ къ нему сравнительно поздно, а потому съ 1828 г. Государь часто указывалъ Гежелинскому на неисправности; сначала замѣчанія эти были сдержанны, но затѣмъ Государь выражалъ Свое неудовольствіе Гежелинскому очень строго [1]: «*если бы лучше знали долгъ вашъ, то не вынуждали бы меня повторять вамъ столь часто мое неудовольствіе. Я предостерегаю васъ, что и на всякое терпѣніе есть мѣра*», или «*на обѣихъ меморіяхъ написано тоже самое, что журналы были 30 Марта, а потомъ въ Іюлѣ; стало, зачѣмъ столь продолжи-*

---

1) Дѣло Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго разсказано въ статьѣ, написанной извѣстнымъ барономъ (впослѣд. графомъ) М. А. Корфомъ, преемникомъ Гежелинскаго по должности управляющаго дѣлами Комитета. Статья эта написана по бумагамъ, хранящимся въ архивѣ Комитета Министровъ. Статья эта въ рукописи попала въ руки Н. И. Бахтина, бывшаго управляющимъ дѣлами Комитета послѣ Корфа, отъ Бахтина она перешла Н. Н. Селифонтову, который и напечаталъ ее въ Русской Старинѣ подъ заглавіемъ: «Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ», 1898 г., Апрѣль.

тельно задерживать дѣла, уже рѣшенныя Комитетомъ, вамъ слѣдовало соединить все рѣшенное въ Мартѣ и представить разомъ тогда же; тоже и о рѣшеніяхъ въ Іюлѣ. Подобный безпорядокъ ничѣмъ не извинителенъ, и я вынужденъ вамъ за сіе сдѣлать строгій выговоръ» или *«вамъ неоднократно приказывалъ я всегда увѣдомлять меня, при присылкѣ въ положенные дни меморій, будетъ ли представлена въ слѣдующій другой день меморія; но вы это не соблюдаете; впередъ не забывайте, если вы не хотите, чтобы я другими способами вамъ оживилъ память и исправность; я до лѣнивыхъ не охотникъ— вы это должны знать».* Замѣчаніе Гежелинскому дѣлалъ и предсѣдатель Комитета гр. Кочубей; наконецъ, онъ былъ арестованъ на три дня на гауптвахтѣ, но все это нисколько повидимому не дѣйствовало на Гежелинскаго; бар. Корфъ объясняетъ это предположеніемъ, что Гежелинскій уже боялся, какъ бы лицо, назначенное на его мѣсто, не обнаружило другихъ еще болѣе крупныхъ неисправностей его. Между тѣмъ Государю (21 Дек. 1830 г.) поданъ былъ безъимянный доносъ, въ которомъ Гежелинскій обвинялся въ болѣе важныхъ проступкахъ, а не въ одной только медленности или безпечности; доносъ обвинялъ Гежелинскаго въ томъ, что, пользуясь новымъ порядкомъ подписи журналовъ, онъ нѣкоторыя дѣла докладывалъ Комитету по два раза, пока не добьется желаннаго рѣшенія; что онъ задерживалъ представленія Цесаревича Константина Павловича, который могъ думать, что они лежатъ у Государя безъ движенія. Тогда Государь приказалъ немедленно посадить Гежелинскаго въ крѣпость, а бумаги его были опечатаны и описаны государственнымъ секретаремъ Марченко и фл.-ад. гр. Строгановымъ; члены Комитета Министровъ собраны были въ особое засѣданіе 30 Декабря 1830 г., предсѣдатель гр. Кочубей объяснилъ Комитету все дѣло и добавилъ, что Гежелинскій, позванный въ кабинетъ Государя, когда Его Величествомъ показана была ему меморія, на которой было подчищено число, выставленъ годъ и переставленъ Собственноручный Высочайшій знакъ, сознался въ своемъ преступленіи, бросясь на колѣни предъ Его Величествомъ.

Журналъ этого засѣданія составленъ былъ самимъ предсѣдателемъ; Комитетъ нашелъ не только запущеніе дѣлъ, небреженіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Гежелинскаго допущенное, котораго не могли исправить ни многократно изъявленный гнѣвъ Его Императорскаго Величества, ни многократно Всемилостивѣйше изъявленное ему снисхожденіе, но и чрезмѣрную дерзость въ неправильныхъ представленіяхъ Его Величеству и въ тѣхъ мѣрахъ, кои принималъ онъ для сокрытія вины своей, рѣшась даже на преступное дѣйствіе подчистки числа и знака, Собственноручно Его Величествомъ на меморіи сдѣланнаго. По симъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ Комитетъ, признавая Гежелинскаго виновнымъ, полагаетъ, что онъ можетъ быть преданъ суду и подвергнуться отвѣту по слѣдующимъ статьямъ:

«Во первыхъ, въ подчисткѣ, сдѣланной въ меморіи 28 Іюня 1830 года, причемъ поврежденъ и переправленъ самый знакъ, выставленный Его Величествомъ въ изъявленіе утвержденія положенія Комитета».

«Во вторыхъ, въ невыполненіи Высочайшаго повелѣнія, въ Апрѣлѣ 1829 года на меморіи Собственноручно Его Величествомъ даннаго (о благодарности Цесаревичу), и въ неправильномъ показаніи Его Величеству времени поступленія дѣлъ въ Комитетъ».

«Въ третьихъ, въ задержаніи исполненія по дѣламъ, Комитету представленнымъ и по коимъ Комитетъ постановилъ заключенія свои такъ, что журналы долговременно не были представляемы къ подписанію членовъ».

«Въ четвертыхъ, въ допущеніи таковаго же безпорядка въ непредставленіи своевременно Его Величеству меморій по журналамъ, въ Комитетѣ состоявшимся».

Изложивъ таковое мнѣніе относительно тѣхъ дѣйствій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго, кои могутъ подлежать суду, Комитетъ нужнымъ находитъ Его Величеству донести:

1) «Что если Его Величеству благоугодно будетъ предать Гежелинскаго суду, то судъ долженъ быть произведенъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, примѣняясь къ тому, какъ чиновники высшихъ степеней въ министерствахъ, оберъ-прокуроры и проч. суду въ Сенатѣ подлежатъ».

2) «Что какъ обозрѣніе дѣйствій Гежелинскаго государственнымъ секретаремъ Марченкомъ и флигель-адъютантомъ графомъ Строгановымъ не составляетъ слѣдствія, закономъ установленнаго, которое необходимо для судебнаго производ-

ства и постановленія приговора, то нужно будетъ учредить слѣдственную коммисію, которая бы по обвиненіямъ, изъявленнымъ выше, произвела дальнѣйшее изслѣдованіе и допросы подсудимому».

«При таковыхъ заключеніяхъ своихъ, Комитетъ не могъ потерять изъ виду слѣдующихъ уваженій: преданіе Гежелинскаго суду, оглашая чрезвычайныя упущенія и самыя злоупотребленія его, можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе насчетъ всего хода высшихъ правительственныхъ дѣлъ, даже и наведетъ нѣкоторое сомнѣніе на акты, отъ правительства чрезъ Комитетъ исходившіе, Высочайше утвержденные и чрезъ чиновника сего по званію его сообщенные разнымъ мѣстамъ и лицамъ къ исполненію, а отъ оныхъ изданные чрезъ посредство Правительствующаго Сената во всеобщее извѣстіе, ибо за достовѣрность выписокъ изъ Высочайше утвержденныхъ журналовъ Комитета Министровъ ручается единственно скрѣпа управляющаго дѣлами. Отъ предположенія, что были иногда подлоги, могутъ вновь возродиться дѣла, положеніями Комитета оконченныя. Сверхъ того, въ семъ случаѣ представляются и другія неудобства, съ нашею формою суда неразлучныя, какъ-то: требованіе дѣлъ изъ Комитета въ Правительствующій Сенатъ, очныя ставки и проч., кои полезно для правительства отклонить».

«Вслѣдствіе разсужденій сихъ, Комитетъ полагаетъ представить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, что по мнѣнію его удобнѣе было бы наказать Гежелинскаго, какъ чиновника, достаточно въ злоупотребленіяхъ изобличеннаго, порядкомъ мѣръ правительственныхъ. Впрочемъ, какой бы видъ дѣло Гежелинскаго ни получило, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Комитета, должно обратить вниманіе и на самого доносителя. Въ бумагахъ его есть показаніе, что Гежелинскимъ дѣлаемы были и другія злоупотребленія и даже, что злоупотребленія сіи основываемы были на корыстныхъ видахъ; Комитетъ не могъ открыть онаго изъ всего того, что было имъ разсмотрѣно и тѣмъ менѣе имѣетъ способовъ къ раскрытію, что доноситель остался неизвѣстнымъ. Наконецъ нельзя обойти молчаніемъ и того, что повидимому доноситель былъ столь близокъ къ дѣламъ Комитета, что зналъ совершенно о ходѣ оныхъ, а потому въ непремѣнной обязанности его было тотчасъ же, какъ замѣтилъ онъ злоупотре-

бленія управлявшаго, довести о семъ до свѣдѣнія начальства».

Разсужденія Комитета не могли убѣдить Государя, и на вышеприведенный журналъ послѣдовало Собственноручное Высочайшее повелѣніе: «*Г-на Гежелинскаго судить въ Сенатѣ на законномъ основаніи, по тѣмъ дѣламъ, по коимъ изобличенъ на самомъ дѣлѣ*». Уже изъ крѣпости Гежелинскій обратился къ Государю со всеподданнѣйшею просьбою, которую велѣно было разсмотрѣть Комитету. Не дерзая приносить оправданія, Гежелинскій взывалъ къ милосердію, которое безпредѣльно; въ видѣ облегченія своей вины онъ указывалъ на то, что при вступленіи его въ должность оказалось болѣе 1,600 неразрѣшенныхъ дѣлъ, которыя были окончены менѣе чѣмъ въ два года; что съ начала царствованія въ Комитетъ поступило болѣе 15 т. дѣлъ, а осталось неразрѣшенныхъ около 50, да и то отчасти по недостатку писцовъ. Изъ письма этого Комитетъ усмотрѣлъ сознаніе Гежелинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указанія на обстоятельства, которыя могутъ преклонить къ облегченію его участи. Но все это нисколько не могло измѣнить мнѣніе Комитета о виновности Гежелинскаго.

Тогда же временно были причислены къ канцеляріи Комитета для производства дѣлъ два чиновника изъ государственной канцеляріи,—Свиньинъ и Чичаговъ, причемъ на перваго возложена была обязанность управляющаго дѣлами Комитета. Когда же обнаружилось, что сверхъ текущихъ дѣлъ осталось еще много дѣлъ, и притомъ важныхъ и по объему большихъ, отъ прежнихъ лѣтъ, то для разбора ихъ былъ назначенъ въ канцелярію Комитета бар. М. А. Корфъ; онъ долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно отъ Свиньина и на равныхъ съ нимъ правахъ; старыя дѣла Комитетъ разсматривалъ въ экстренныхъ засѣданіяхъ и имъ составлялись особые журналы и меморіи; 6 Мая 1831 г. бар. Корфъ назначенъ былъ управляющимъ дѣлами Комитета. Въ ряду управляющихъ дѣлами Комитета Министровъ барону (впослѣд. графу) Корфу принадлежитъ видное и почетное мѣсто; человѣкъ въ высшей степени аккуратный, Корфъ былъ, по общему признанію, образцовый редакторъ, вполнѣ владѣвшій литературнымъ и оффиціальнымъ слогомъ того времени; къ искусному перу бар. Корфа Императоръ Николай Павловичъ обращался и послѣ того, какъ Корфъ

оставилъ должность государственнаго секретаря, которую онъ занималъ послѣ должности управляющаго дѣлами Комитета Министровъ. Корфомъ написано было нѣсколько важныхъ манифестовъ Императора Николая I. Къ порученному ему дѣлу Корфъ относился съ большою любовью: не довольствуясь текущею работою въ Комитетѣ, Корфъ предложилъ мысль, сначала одобренную Государемъ, составить въ канцеляріи Комитета сводъ изъ отчетовъ министровъ и главноуправляющихъ и издать его въ свѣтъ подъ названіемъ «Обозрѣніе всѣхъ частей государственнаго управленія въ 1831 г.», а затѣмъ продолжать это изданіе. Порядокъ представленія министрами отчетовъ за истекшій годъ нѣсколько разъ измѣнялся въ предыдущее царствованіе: по Учрежденію 1802 г. они обязаны были представлять отчеты въ Сенатъ, по образованію министерствъ 1811 г.—отчеты раздѣлялись на три отдѣла: а) отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ министры должны были представлять въ государственный контроль; б) отчеты о дѣлахъ—въ Государственный Совѣтъ; в) о видахъ и предположеніяхъ своихъ—Государю Императору. Но ни порядокъ 1802 г., ни 1811 г. не соблюдался, и съ 1813 г. въ Государственный Совѣтъ не поступало вовсе отчетовъ, какъ вдругъ въ 1826 г. Канкринъ внесъ въ Совѣтъ отчетъ въ денежныхъ дѣлахъ, притомъ сразу за 10 лѣтъ, 1813—1823 г., т. е. за годы управленія министерствомъ его предшественника, гр. Гурьева. Тогда возникъ вопросъ, можетъ ли Государственный Совѣтъ при своихъ занятіяхъ и составѣ разсматривать отчеты, къ тому же представляемые столь нерегулярно, и сразу за 10 лѣтъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ Высочайшимъ Рескриптомъ 1826 г. Сент. 30, которымъ повелѣвалось каждому министру представлять отчетъ на Высочайшее воззрѣніе чрезъ Комитетъ Министровъ, причемъ всѣ отчеты за 1826 г. должны были быть внесены въ Комитетъ къ 1 Января 1827 г. Корфъ и предложилъ для того, «чтобы движеніе государственнаго управленія не оставалось безъ общей извѣстности, чтобы подданные гласностью отчетовъ удостовѣрялись въ искреннемъ и непремѣнномъ желаніи правительства о возможномъ ихъ усовершенствованіи», составлять въ канцеляріи Комитета сводные отчеты и печатать ихъ для общаго пользованія. Комитетъ призналъ, что для большей части министерствъ нѣтъ никакихъ неудобствъ обнародывать отчеты, но распространить этотъ порядокъ на оба

*

военныхъ министерства и на министерство финансовъ затруднительно и даже совсѣмъ невозможно; въ отчетѣ военнаго министра всегда есть свѣдѣнія, чѣмъ Государь Императоръ можетъ располагать для войны, обороны страны и для сохраненія спокойствія въ государствѣ; обнародывать такія свѣдѣнія нельзя, пропустить ихъ—дать только поводъ къ недоброжелательнымъ толкамъ; равнымъ образомъ и изъ отчета министра финансовъ нельзя обнародывать: государственную роспись, свѣдѣнія объ оборотахъ казначейства, рессурсахъ правительства, недоимкахъ, дефицитахъ и т. п. Поэтому Комитетъ и положилъ: подтвердить министрамъ, чтобы годичные отчеты они вносили на Высочайшее воззрѣніе чрезъ Комитетъ; отчеты военнаго и морского министерствъ не оглашать; изъ отчета министра финансовъ оглашать то, что и теперь печатается въ журналахъ; изъ отчетовъ остальныхъ министерствъ оглашать все, за исключеніемъ того, что будетъ признано подлежащимъ сохраненію тайны. Составленіе же своднаго, общаго отчета за годъ по всѣмъ отраслямъ управленія признано было неудобнымъ, и огромный трудъ Корфа, успѣвшаго уже составить отчетъ за 1831 г., остался не напечатаннымъ.

Порядокъ составленія журналовъ и меморій послѣ этихъ событій былъ измѣненъ. Въ 1831 г. гр. Кочубей предложилъ рядъ мѣръ для болѣе успѣшнаго производства дѣлъ по Комитету Министровъ и проектъ новаго образованія его канцеляріи; гр. Кочубей ставилъ снова въ своемъ предложеніи двѣ главныя цѣли: возможно сократить письмоводство по канцеляріи и сократить число дѣлъ, вносимыхъ въ Комитетъ. Вторая цѣль достигалась постепенно, сравнительно частыми указаніями на то, что такого рода дѣла могли быть рѣшены министрами ихъ властью. Для достиженія же первой цѣли обращено было прежде всего вниманіе на то, что въ канцеляріи составлялись каждому засѣданію: журналъ, меморія и краткая меморія. Такой порядокъ образовался постепенно: въ началѣ дѣятельности Комитета журналы его составлялись очень кратко: они состоятъ обыкновенно изъ оглавленія дѣлъ и положеній Комитета; такой порядокъ возможенъ былъ лишь въ то время, когда Государь Императоръ лично присутствовалъ въ Комитетѣ Министровъ; съ теченіемъ времени представленія министровъ стали излагаться весьма подробно со включеніемъ въ журналъ всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ,

дабы Государь, читая журналъ Комитета, могъ видѣть, чѣмъ вызваны положенія Комитета. Съ 1816 г. заведены были меморіи, въ которыхъ излагались въ нѣсколько сокращенномъ видѣ представленія министровъ и положенія Комитета; меморіи эти гр. Аракчеевъ докладывалъ Государю Александру Павловичу и на нихъ, обыкновенно, рукою Аракчеева написаны состоявшіяся по положеніямъ Комитета Высочайшія повелѣнія; затѣмъ начали иногда составлять краткія меморіи, такъ за 1819 г. краткія меморіи идутъ съ 24 Іюля по 29 Октября, возобновляются лишь 15 Іюня 1820 г. и продолжаются по 28 Декабря того же года; эти меморіи представляютъ изъ себя скорѣе оглавленіе дѣлъ и положенія Комитета, изложенныя самымъ краткимъ образомъ; дѣла болѣе важныя, заключавшіяся въ особыхъ журналахъ и меморіяхъ, въ краткія меморіи обыкновенно не вносились; съ 1821 г. краткія меморіи по содержанію болѣе приблизились къ меморіямъ, ибо и въ нихъ представленія министровъ и положенія Комитета начали излагаться подробнѣе, чѣмъ прежде; но попрежнему, не всѣ дѣла вносились въ эти меморіи; краткія меморіи особенно важны въ томъ отношеніи, что ихъ читалъ Государь Александръ Павловичъ и на нихъ находятся Его Собственноручныя помѣты и резолюціи; дѣла болѣе обширныя представлялись Ему особыми меморіями, которыя потому не включены въ краткія меморіи. Цѣлью заведенія сначала меморій, а потомъ краткихъ меморій, было желаніе облегчить Государю Александру Павловичу трудъ прочтенія всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Комитетомъ Министровъ. Журналы Комитета съ 1812 г. составляютъ уже за каждый годъ 12 отдѣльныхъ книгъ (рѣдко больше); меморіи сначала излагались въ двухъ томахъ за годъ; затѣмъ въ трехъ, въ шести и, наконецъ, въ двѣнадцати же томахъ, но меньшей толщины, чѣмъ журналы; краткія меморіи сначала составляли одинъ томъ за весь годъ, но, конечно, томы эти все утолщались, а съ 1825 г. онѣ уже составляли два тома, а затѣмъ и шесть томовъ. Такимъ образомъ по существу каждое дѣло излагалось по три раза, что не могло не затруднять канцелярію; и въ то же время различіе между журналами, меморіями и краткими меморіями стало весьма относительно и не очень замѣтно; поэтому гр. Кочубей предложилъ составлять одни журналы, раздѣливъ ихъ по роду заносимыхъ дѣлъ на три разряда; въ I разрядъ заносятся дѣла, которыя испол-

няются не иначе, какъ по Высочайшемъ ихъ разрѣшеніи; во II—такія, которыя разрѣшаются къ исполненію Комитетомъ, но доводятся до Высочайшаго свѣдѣнія, и въ III—дѣла, принимаемыя Комитетомъ только къ свѣдѣнію; составленіе журналовъ гр. Кочубей предлагалъ такое: въ журналы I разряда заносятся существо дѣлъ и положенія Комитета; важнѣйшія изъ дѣлъ этого разряда должны быть излагаемы въ особыхъ журналахъ, въ которыхъ представленія министровъ вносятся на прежнихъ основаніяхъ, т. е. включаютъ въ журналъ всѣ обстоятельства дѣлъ; во II разрядъ—заносятся оглавленіе дѣла и положеніе Комитета, причемъ прилагаются къ нимъ записки министровъ, которыя должны быть написаны по опредѣленной формѣ и даже на бумагѣ указаннаго размѣра—особые журналы по такимъ дѣламъ (о пенсіяхъ, о раскольникахъ) представляются Государю Императору въ опредѣленные сроки; въ III разрядъ—только оглавленіе дѣлъ; журналы дѣлъ I и II разрядовъ подносятся къ подписи черезъ недѣлю и отнюдь не позже какъ черезъ 10 дней послѣ дня засѣданія; Государю Императору они представляются за подписью всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ и за скрѣпою управляющаго дѣлами Комитета; исполненіе по нимъ дѣлается по предъявленіи Комитету Высочайшихъ резолюцій; въ случаяхъ же, нетерпящихъ отлагательства, по разрѣшенію отъ предсѣдателя Комитета [1]).

Тогда же издано было новое постановленіе о канцеляріи Комитета, которая состоитъ: изъ четырехъ отдѣленій, экспедиціи и архива; новымъ положеніемъ чрезвычайно подробно установленъ былъ самый порядокъ производства дѣлъ, отчетности, содержанія и храненія дѣлъ; кромѣ обязанностей чиновниковъ опредѣлена была и отвѣтственность ихъ за упущенія [2]).

Все это до нѣкоторой степени было послѣдствіемъ дѣла Гежелинскаго; главною заслугою бар. Корфа должно считать, что скорымъ исполненіемъ и новымъ порядкомъ въ канцеляріи Комитета онъ успѣлъ скоро изгладить изъ памяти непріятное впечатлѣніе этого дѣла.

Послѣ бар. Корфа, назначеннаго въ 1836 г. государственнымъ секретаремъ, управляющими дѣлами Комитета Мини-

---

1) 1831 г., № 73.

2) Дѣлопроизводство по Комитету Министровъ, стр. 12—14 (историческій очеркъ, составленный и изданный Канцеляріею Комитета Министровъ подъ редакціею А. Н. Куломзина).

стровъ послѣдовательно были: Бахтинъ, затѣмъ Ханыковъ, Суковкинъ и Бутковъ. Въ 1844 г. учреждена была должность помощника управляющаго дѣлами Комитета; до этого времени, въ случаяхъ болѣзни или отпуска управляющаго, его должность исправлялъ одинъ изъ начальниковъ отдѣленій канцеляріи; теперь же въ такихъ случаяхъ помощникъ замѣщалъ управляющаго; кромѣ того на помощника возлагалось наблюденіе за порядкомъ общаго хода дѣлъ по канцеляріи и архиву, повѣрка наличныхъ суммъ канцеляріи; помощникъ управляющаго состоялъ въ полной зависимости отъ управляющаго дѣлами и раздѣлялъ съ нимъ его трудъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ управляющій признавалъ нужнымъ его помощь.

Когда составлялось общее росписаніе должностей гражданской службы по классамъ, то начальники отдѣленій канцеляріи Комитета отнесены были къ V классу, наравнѣ съ вице-директорами въ министерствахъ. Штаты по канцеляріи даны были въ 1831 г., по нимъ отпускалось 64.000 р., изъ нихъ 8.200 р. на канцелярскіе расходы, остальное—на личный составъ; въ 1838 г. оклады канцеляріи сравнены были съ окладами новаго министерства государственныхъ имуществъ, причемъ общая сумма достигла 85.100 р., вся прибавка пошла на увеличеніе содержанія личнаго состава; начальники отдѣленій, получавшіе по штатамъ 1831 г. по 4.500 р. асс., по новымъ штатамъ 1838 г. получали 7.000 р. асс. въ годъ.

Съ этого времени журналы составлялись очень тщательно тѣмъ болѣе, что Императоръ Николай Павловичъ строго слѣдилъ и за составленіемъ и перепискою журналовъ и меморій Комитета; сравнительно часто встрѣчаются его отмѣтки на поляхъ страницъ и поправки. Напр. по дѣлу объ утвержденіи завѣщанія жены генерала Раевской въ журналѣ упомянутъ былъ генералъ-маіоръ Орловъ (М. Ѳ.), Государь написалъ: «*г.-м. Орлова нѣтъ, ибо онъ отставленъ по приговору верховнаго уголовнаго суда; стало писать его должно отставнымъ*» [1]. Въ журналѣ 1832 г. по статьѣ № 1127 написано было «онѣ» вмѣсто «оные»; Государемъ неправильное слово подчеркнуто и на поляхъ: NB.

Въ статьѣ журнала подъ № 116 за 1834 г.—написано было: взять имѣніе въ *казну*, вмѣсто: взять «*въ опеку*»; Госу-

---

1) 1828 г., № 26.

дарь поставилъ NB и написалъ; «*точно ли такъ? не ошибка ли вмѣсто опеки.*» Бар. Корфъ, сознаваясь въ своей ошибкѣ, писалъ въ слѣдующемъ журналѣ: «если Ваше Величество среди непрестанныхъ попеченій о важныхъ дѣлахъ государства замѣтить сію ошибку изволили, то ни огромность послѣдняго журнала, ни множество занятій не могутъ служить даже и къ облегченію моей вины». На это Государь написалъ: «*смыслъ одинъ съ другимъ смѣшивать невозможно, ежели съ вниманіемъ читать; увѣренъ, что впредь съ вами не случится*» [1]). Противъ статьи, гдѣ вмѣсто «Казань» было написано: «Астрахань», Государева помѣтка: «*глупая описка*» [2]).

Въ журналѣ упомянутъ былъ Литовскій гусарскій полкъ,—Государь на поляхъ написалъ: «*такого гусарскаго полка нѣтъ въ россійской арміи; долженъ вѣроятно быть Митавскій*» [3]). Одинъ журналъ былъ доставленъ Государю днемъ раньше, чѣмъ слѣдовало. Государь написалъ: «*Зачѣмъ ко мнѣ присланы въ Четвергъ и прямо въ комнату, тогда какъ должно было прислать въ Пятницу по утру и чрезъ мою канцелярію?*». Еще въ 1829 г., когда Николай Павловичъ недоволенъ былъ медленнымъ ходомъ дѣлъ по Комитету, Онъ приказалъ на журналѣ 14 Мая этого года: «*отнынѣ впредь противъ каждой статьи подъ опредѣленіемъ Комитета отмѣчать, котораго числа дѣло поступило въ Комитетъ*». На другомъ журналѣ Онъ приказалъ: «*богохульныхъ словъ впредь никогда не помѣщать въ меморіи и оговаривать просто, что подсудимый употреблялъ богохульственныя слова*» [4]). Если журналъ выходилъ слишкомъ объемистымъ, напр. болѣе 100 листовъ, то бар. Корфъ, представляя его Государю, приносилъ извиненія, что при всѣхъ стараніяхъ своихъ не могъ сдѣлать журналъ меньше.

Помѣты Государя очень часто относились и къ содержанію журналовъ; такія помѣты обыкновенно встрѣчаются на отчетахъ сенаторовъ, губернаторовъ и другихъ лицъ, напр. на отчетѣ члена Государственнаго Совѣта Анненкова объ управленіи Сибири: противъ мѣста отчета, гдѣ говорится, что Анненковъ встрѣчалъ въ Сибири женщинъ, сосланныхъ туда за бродяжничество и клейменыхъ,—Государь пишетъ:

1) 1834 г., № 116.
2) 1835 г., № 279.
3) 1831 г., № 2072.
4) 1830 г., № 227.

«*Какъ это! изслѣдовать!*»; или объ арестантахъ, ошибочно отправленныхъ въ Сибирь и оттуда отсылаемыхъ на мѣсто назначенія въ Бобруйскъ—«*повѣрить нельзя!!*»; о присланныхъ въ Сибирь вмѣсто Брестъ-Литовска—«NB, *еще глупѣе*»; о женщинахъ, осужденныхъ въ каторжную работу въ рудникахъ и крѣпостяхъ,—«*неимовѣрно!!!*»; о неисправномъ веденіи списковъ ссыльнымъ поселенцамъ—«*странно*»; о томъ, что мастеровые рабочіе живутъ, большею частью, скудно—«*М. Ф. обратить на это вниманіе*»; о неудобствѣ оставлять долѣе состояніе заводскихъ мастеровыхъ въ настоящемъ ихъ положеніи—«*М. Ф. прошу особенно сими заняться*»; о необходимости уменьшить для мастеровыхъ срокъ работы и надѣлить ихъ участками для огородовъ и хлѣбопашества—«*и я тоже думаю*»; объ облегченіи крестьянъ горнаго вѣдомства—«*да*»; объ обращеніи личной повинности въ денежную—«*справедливо*».

Само собою разумѣется, что всѣ такія помѣты сообщались лицамъ и учрежденіямъ по принадлежности и служили основаніемъ, какъ для новыхъ предложеній, сообразныхъ съ Высочайшею волею, выраженною въ помѣтѣ, такъ и для дополнительныхъ донесеній или разслѣдованій.

Составъ Комитета подвергся нѣсколькимъ измѣненіямъ, точнѣе, Комитетъ сталъ многочисленнѣе. Вникая въ нѣкоторыя подробности назначенія членовъ Комитета, не трудно замѣтить, что Комитетъ далеко еще не получилъ твердой организаціи, потому что основаніемъ для присутствованія въ Комитетѣ служатъ, главнымъ образомъ, прецеденты, т. е. то обстоятельство, что предшественникъ того или другого должностного лица былъ членомъ Комитета; какъ постепенно увеличивался составъ членовъ Комитета въ царствованіе Александра I, такъ увеличивается онъ постепенно и въ царствованіе Его Преемника; при этомъ составъ Комитета увеличивается не только опредѣленіемъ, что такія-то должности соединены съ правомъ и обязанностью для занимающихъ ихъ быть членами Комитета, но и указами, повелѣвающими тому или другому лицу быть членомъ Комитета. Если этимъ съ одной стороны объясняется, почему изъ лицъ, занимавшихъ равныя должности, одни были членами Комитета, другія, напротивъ, не были, то съ другой стороны это еще разъ подтверждаетъ неоднократно уже высказанный взглядъ, что Комитетъ долго оставался частнымъ совѣтомъ Государя, который при-

зывалъ къ участію въ занятіяхъ Комитета лицъ, совѣтомъ которыхъ Онъ дорожилъ. Императоръ Николай Павловичъ не присутствовалъ лично на засѣданіяхъ Комитета, но Наслѣдника Своего Цесаревича Александра Николаевича Онъ назначилъ членомъ Комитета. «Я хочу, сказалъ Государь,— въ 1839 г. предсѣдателю Государственнаго Совѣта кн. Васильчикову, чтобы Цесаревичъ присутствовалъ при засѣданіяхъ Общаго Собранія Совѣта, выслушивая доклады и ознакомляясь съ рѣшеніями. Сынъ Мой совершеннолѣтенъ съ 17 Апрѣля 1839 г. и уже съ этого дня имѣлъ бы право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и участвовать въ его совѣщаніяхъ. Но здоровье его давно вызывало опасенія, и Я вынужденъ былъ отправить его въ Италію и въ другія страны Европы для выздоровленія. Теперь онъ, слава Богу, совершенно здоровъ и пора наверстать потерянное время. Въ Государственномъ Совѣтѣ изучитъ онъ свое царственное ремесло» [1]. Кн. Васильчиковъ представилъ къ подписи Государя указъ о назначеніи Наслѣдника членомъ Государственнаго Совѣта, но Императоръ нашелъ эту мѣру преждевременною; впредь до ознакомленія съ дѣлами Цесаревичъ имѣлъ засѣдать въ Совѣтѣ безъ права голоса; 10 Декабря 1840 г. Наслѣднику Цесаревичу повелѣно было на тѣхъ же основаніяхъ присутствовать въ Комитетѣ Министровъ.

Затѣмъ Его Высочество засѣдалъ въ Комитетѣ съ правомъ голоса; съ 1841 года Цесаревичу нѣсколько разъ было предоставляемо Его Величествомъ утвержденіе журналовъ Комитета въ случаѣ отсутствія Его Величества изъ Россіи; на журналахъ Комитета находится нѣсколько особыхъ резолюцій Цесаревича; напр. по дѣлу о дозволеніи открыть въ Петербургѣ пароходные рейсы Цесаревичемъ написано: «Я совершенно согласенъ въ пользѣ проекта, но сколько мнѣ извѣстно паровыя машины высокаго давленія всегда были болѣе или менѣе опасны, а потому лучше спросить прежде мнѣніе кн. Меньшикова» [2]. Второй сынъ Императора Николая I, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, началъ свое участіе въ занятіяхъ Комитета Министровъ на правахъ товарища морского министра.

---

1) См. Біографическій Словарь Имп. Русс. Историч. Общества, т. I, стр. 123 (біографія Императора Александра II, составленная С. С. Татищевымъ).

2) 1844 г., № 927.

Еще раньше, чѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ сталъ присутствовать въ Комитетѣ, Комитету пришлось разсмотрѣть много дѣлъ по просьбамъ, поданнымъ разными лицами во время путешествія Цесаревича по Россіи въ 1837 г.

Членами Комитета по прежнему состояли всѣ предсѣдатели Департаментовъ Государственнаго Совѣта и всѣ министры; поэтому каждый новый министръ и предсѣдатель Департамента eo ipso становился членомъ Комитета Министровъ, но порядокъ этотъ не вполнѣ еще опредѣлился, съ одной стороны изъ него были исключенія, съ другой—на назначенія въ Комитетъ нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ министерскія мѣста, испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе. Такъ государственный контролеръ бар. Кампенгаузенъ былъ членомъ Комитета, послѣ его смерти въ 1823 г. новый государственный контролеръ былъ назначенъ только въ 1826 г.—сенаторъ Хитрово. Тогда управляющій дѣлами Комитета Гежелинскій испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе: по Учрежденію Комитета въ немъ обязаны присутствовать всѣ министры, равно и лица, управляющія министерствами, въ виду этого и сенаторъ Хитрово долженъ присутствовать въ Комитетѣ, тѣмъ болѣе, что покойный бар. Кампенгаузенъ былъ членомъ Комитета. На случай положительнаго рѣшенія Гежелинскій подносилъ Государю проектъ указа,—указъ былъ подписанъ Государемъ. Главноуправляющій путями сообщенія принцъ Георгъ Ольденбургскій не былъ членомъ Комитета, вѣроятно потому, что одновременно съ этимъ онъ занималъ должность Тверскаго, Новгородскаго и Ярославскаго генералъ-губернатора и проживалъ въ Твери. Преемники его, называвшіеся главными директорами путей сообщенія, ген. Де-Волантъ, а затѣмъ ген. Бетанкуръ, состояли членами Комитета, по увольненіи же Бетанкура назначенъ былъ въ 1823 г. снова главноуправляющій путями сообщенія—принцъ Александръ Виртембергскій; только съ 1828 г. Апр. 21 онъ сталъ присутствовать въ Комитетѣ; его же преемники, носившіе то же званіе, сначала гр. Толь, а потомъ гр. Клейнмихель, были также членами Комитета Министровъ, но о присутствованіи въ Комитетѣ гр. Толя данъ былъ особый указъ. Образованіе новыхъ Отдѣленій Собственной Его Величества Канцеляріи увеличило нѣсколько составъ Комитета, хотя не всѣ главноуправляющіе Отдѣленіями этой Канцеляріи были назначены членами Комитета: первымъ изъ

нихъ членомъ Комитета былъ назначенъ гр. Бенкендорфъ, начальникъ III Отдѣленія; въ 1837 г. главноуправляющему V Отдѣленіемъ гр. Киселеву повелѣно было присутствовать въ Комитетѣ,—Отдѣленіе это впрочемъ въ томъ же году преобразовано было въ министерство государственныхъ имуществъ и гр. Киселевъ сталъ уже министромъ; главноуправляющіе II Отдѣленіемъ начали присутствовать въ Комитетѣ съ 1838 г., но именно съ этого года до конца царствованія должность эту занимали предсѣдатели Департамента Законовъ: Сперанскій, Дашковъ и Блудовъ и, такъ какъ Сперанскій сталъ членомъ Комитета лишь съ 1838 г., со времени назначенія его и предсѣдателемъ Департамента Законовъ, то едва ли не должно считать, что и преемники его были членами Комитета, какъ предсѣдатели Департаментовъ, а не какъ главноуправляющіе II Отдѣленіемъ. Когда въ 1832 г. образованъ былъ новый Департаментъ Совѣта—польскихъ дѣлъ,—то предсѣдатель его гр. Паскевичъ Эриванскій кн. Варшавскій сталъ также членомъ Комитета. Главноуправляющіе I и IV Отдѣленіями въ Комитетѣ не присутствовали; въ 1841 г. повелѣно было присутствовать въ Комитетѣ министру статсъ-секретарю по дѣламъ Царства Польскаго—Туркулу. Въ царствованіе Императора Александра I установилось съ 1812 г., что Петербургскій военный губернаторъ былъ членомъ Комитета Министровъ; въ новое царствованіе нѣкоторыя изъ лицъ, занимавшихъ эту должность (гр. Голенищевъ-Кутузовъ и Храповицкій), назначены были особыми указами членами Комитета Министровъ. Въ то же время не всѣ министры были членами Комитета: министръ двора,—кн. П. М. Волконскій, не присутствовалъ въ Комитетѣ; преемникъ въ этомъ званіи гр. Адлербергъ сталъ членомъ Комитета еще до вступленія своего въ должность министра двора, такъ какъ присутствовалъ въ немъ по званію главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ;—эту должность гр. Адлербергъ занялъ послѣ удаленія отъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына; Министерство Двора образовано только въ 1826 г., и почему-то министръ не сталъ членомъ Комитета Министровъ: вѣроятно по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ присутствованіе въ Комитетѣ государственнаго контролера было еще вопросомъ не рѣшеннымъ, а главноуправляющій путями сообщенія и вовсе не присутствовалъ въ Комитетѣ, а именно,

когда опредѣлялся составъ Комитета, то, ни въ 1802 г., ни въ 1812 г. министръ двора, конечно, не былъ членомъ Комитета; министръ удѣловъ въ это царствованіе сталъ членомъ Комитета лишь съ 1852 г.; гр. Перовскій, по увольненіи его въ этомъ году отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, остался членомъ Комитета, какъ министръ удѣловъ; впрочемъ отъ министра удѣловъ, а равно и отъ начальника Кабинета Его Величества поступало въ Комитетъ Министровъ ежегодно нѣсколько представленій, всегда въ чрезвычайно ограниченномъ числѣ; поэтому министерство двора вѣроятно и не чувствовало неудобства отъ того, что министръ двора не былъ членомъ Комитета. Напротивъ того военное министерство имѣло двухъ представителей въ Комитетѣ, также какъ одно время и морское вѣдомство, такъ какъ членами Комитета были и военный министръ и начальникъ штаба Его Величества и морской министръ и начальникъ морского штаба Его Величества. Въ военномъ вѣдомствѣ дѣло устроилось само собой: первый начальникъ штаба Его Величества, который сдѣланъ былъ членомъ Комитета, былъ бар. Дибичъ (предшественникъ его—кн. П. М. Волконскій не присутствовалъ въ Комитетѣ); въ новое царствованіе бар. Дибичъ былъ скоро назначенъ главнокомандующимъ арміей, дѣйствовавшей противъ Турціи, и на это время исправленіе его должности возложено было на военнаго министра—гр. Чернышева. По окончаніи войны Дибичъ былъ сначала въ отпуску, а затѣмъ назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшею противъ возставшей Польши; во время этой кампаніи Дибичъ умеръ; должность его продолжалъ исправлять военный министръ, а затѣмъ послѣдовало преобразованіе военнаго министерства, причемъ главный штабъ Его Величества былъ уничтоженъ, до нѣкоторой степени его замѣнилъ главный штабъ,—сущность перемѣны въ томъ, что штабъ Его Величества—было учрежденіе самостоятельное, не подчиненное военному министру и имѣвшее въ военныхъ дѣлахъ значеніе большее, чѣмъ военное министерство, въ вѣдѣніи котораго было по преимуществу хозяйство арміи; послѣ же преобразованія военнаго министерства новый главный штабъ сталъ однимъ изъ подчиненныхъ военному министру учрежденій. Въ морскомъ же вѣдомствѣ, напротивъ, главное управленіе поручено было начальнику глав-

наго морского штаба Его Величества. Должность эту занималъ кн. Меньшиковъ, лицо, очень близкое къ Государю Николаю Павловичу. Когда въ 1846 г., по случаю отъѣзда кн. Меньшикова, ген.-ад. Перовскій назначенъ былъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, возникъ вопросъ о присутствованіи его въ Комитетѣ Министровъ; въ рѣшеніи этого вопроса замѣтно нѣкоторое колебаніе: указомъ 21 Іюня 1846 г. Перовскому повелѣно присутствовать въ Комитетѣ Министровъ,—съ ограниченіемъ: присутствовать только по дѣламъ морского министерства; Сентября 22 по докладной запискѣ Перовскому повелѣно присутствовать въ Комитетѣ съ правомъ голоса по всѣмъ вообще дѣламъ, и наконецъ уже въ 1848 г. состоялось окончательное въ это царствованіе повелѣніе, чтобы управляющій морскимъ министерствомъ ген.-ад. Перовскій присутствовалъ въ Комитетѣ Министровъ на правахъ товарища министра.

Разрѣшеніе этого вопроса важно въ томъ отношеніи, что оно выясняетъ, на какихъ основаніяхъ товарищи министровъ и главноуправляющихъ присутствовали въ Комитетѣ. Когда Перовскій вступилъ въ 1846 г. въ управленіе морскимъ министерствомъ, предсѣдатель Комитета, кн. Васильчиковъ обратился за Высочайшимъ разрѣшеніемъ: во 2-й статьѣ Учрежденія Комитета Министровъ (Св. Зак. изд. 1842 г.) постановлено, что чины, исправляющіе должности министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями за отсутствіемъ или болѣзнью ихъ, присутствуютъ въ Комитетѣ не иначе, какъ по особому Высочайшему повелѣнію, въ которомъ опредѣляется также, должны ли они участвовать въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще дѣлъ или только тѣхъ, которыя отъ нихъ представляются. На этомъ основаніи кн. Васильчиковъ и спрашивалъ, какое право голоса долженъ имѣть Перовскій? Государь написалъ на представленіи: «*только по дѣламъ морского министерства*». Въ Сентябрѣ же того года ген. Перовскій объявилъ гр. Левашеву, предсѣдательствовавшему въ Комитетѣ за отсутствіемъ кн. Васильчикова, что Государь Императоръ, признавая справедливымъ, чтобы онъ присутствовалъ въ Комитетѣ Министровъ на такомъ же основаніи, какъ засѣдаютъ въ немъ, во время отсутствія министровъ, ихъ товарищи,—Высочайше повелѣть соизволилъ сообщить о томъ ему, предсѣдательствующему. Въ силу этого гр. Левашевъ испрашивалъ

Высочайшее разрѣшеніе, чтобы ген. Перовскій присутствовалъ въ Комитетѣ впредь до возвращенія кн. Меньшикова съ правомъ голоса по всѣмъ вообще дѣламъ. Затѣмъ въ 1847 г. установлено было общее правило, чтобы на будущее время товарищи министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, заступающіе на время ихъ мѣсто, присутствовали въ Комитетѣ только по дѣламъ, касающимся ихъ вѣдомствъ, для чего товарищи министровъ и получаютъ отъ предсѣдательствующаго извѣщеніе о времени слушанія ихъ дѣлъ. На этомъ же основаніи и Перовскій въ 1848 г. былъ приглашаемъ въ Комитетъ.

Порядокъ назначенія предсѣдателей остался тотъ же, который установленъ былъ въ 1812 г., и по установившейся традиціи одно и то же лицо было предсѣдателемъ Комитета Министровъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта: по смерти кн. Лопухина должности эти послѣдовательно занимали: гр. (впосл. князь) Кочубей, гр. Новосильцовъ, гр. (впосл. князь) Васильчиковъ, гр. Левашевъ (впрочемъ, онъ былъ только предсѣдательствующимъ и въ Комитетѣ и въ Совѣтѣ) и кн. Чернышевъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя Комитета предсѣдательство возлагалось обыкновенно на старшаго изъ наличныхъ членовъ, а иногда Государь указывалъ лицо, которое должно было занимать это мѣсто: такъ въ 1844 и 1846 г.г. во время отсутствія кн. Васильчикова повелѣвалось предсѣдательствовать гр. Левашеву; въ 1836 г. повелѣно было по обычному порядку во время отпуска Новосильцова предсѣдательствовать старшему изъ наличныхъ въ каждомъ засѣданіи членовъ; но затѣмъ состоялось особое повелѣніе, чтобы и при нахожденіи гр. Мордвинова въ Общихъ Собраніяхъ Государственнаго Совѣта, а равно и въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ, въ случаѣ отсутствія предсѣдателя Государственнаго Совѣта, предсѣдательствовать въ оныхъ вмѣсто гр. Мордвинова одному изъ младшихъ его членовъ, предсѣдательствующихъ въ Департаментахъ Совѣта [1]).

Въ царствованіе Императора Александра I Комитетъ Министровъ получалъ особыя полномочія въ случаяхъ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія Государя изъ столицы, а тѣмъ болѣе изъ государства, и было уже указано,

[1]) 1836 г., №№ 801 и 1750.

какъ много дарованіе такихъ полномочій содѣйствовало возвышенію значенія Комитета. Такой порядокъ былъ и въ первую половину новаго царствованія: онъ сохраненъ былъ въ 1828 г., когда Государь Николай Павловичъ уѣхалъ къ дѣйствовавшей противъ турокъ арміи, причемъ приказано было всѣ бумаги, подносимыя къ Высочайшей подписи, направлять въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и извѣстить всѣ главныя управленія, что Высочайше объявляемыя рѣшенія и повелѣнія будутъ, какъ и прежде, сообщаемы за подписью статсъ-секретаря, управляющаго I-мъ Отдѣленіемъ Канцеляріи.

Въ 1838 г. данъ былъ секретный Высочайшій указъ о власти, предоставленной Комитету по случаю отъѣзда Государя. Комитету дано было право въ обстоятельствахъ, требующихъ безотлагательнаго принятія мѣръ, которыя въ установленномъ порядкѣ подлежатъ утвержденію Государя, опредѣлять такія необходимыя мѣры и приводить ихъ въ исполненіе по большинству голосовъ, доводя о томъ, каждый разъ во всей подробности, до свѣдѣнія Государя особыми журналами; если бы на такія мѣры потребовались особыя суммы, то Комитету предоставлено было разрѣшать кредиты въ неопредѣленномъ количествѣ. Кромѣ того, для ускоренія дѣлопроизводства Комитету дозволено было по нѣкоторымъ текущимъ дѣламъ приводить въ исполненіе единогласныя положенія, не испрашивая Высочайшаго соизволенія [1]).

Могло случиться такъ, что голоса присутствующихъ раздѣлятся поровну, и ни одно мнѣніе не будетъ имѣть за себя большинства, а между тѣмъ разсматриваемое дѣло, по особенной своей важности и чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, нельзя было безъ явнаго вреда отложить до разрѣшенія Государя,—въ виду этого Государь секретнымъ указомъ на имя кн. Васильчикова предоставилъ ему право приводить въ исполненіе то мнѣніе, которое онъ будетъ раздѣлять; въ случаѣ своего отъѣзда кн. Васильчиковъ долженъ былъ объявить объ этомъ для исполненія на такомъ же основаніи старшему члену, который вмѣсто него будетъ предсѣдательствовать въ Комитетѣ. Кромѣ того именнымъ указомъ 2 Мая того же 1838 г. Комитетъ для устраненія всякихъ замедленій по дѣламъ о возобновленіи

1) 1838 г., № 1208.

питейныхъ откуповъ на предстоявшее четырехлѣтіе уполномоченъ былъ, по случаю отсутствія Государя, передавать по большинству голосовъ прямо къ исполненію рѣшенія по откупнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, на время отсутствія Государя изъ Россіи, Комитетъ получилъ право приводить въ исполненіе нѣкоторыя дѣла, не представляя заключенія о нихъ на Высочайшее утвержденіе. По возвращеніи Государя кн. Васильчиковъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о предоставленіи Комитету Министровъ права разрѣшать эти дѣла и въ присутствіи Государя въ Петербургѣ именемъ Его Величества, не испрашивая каждый разъ Высочайшаго утвержденія; дѣла эти точно указаны въ 14-ти §§: 1) передача дѣлъ на предварительное заключеніе министровъ и въ Правительствующій Сенатъ на окончательное разрѣшеніе на законномъ основаніи; 2) рѣшеніе дѣлъ безъ очереди въ судебныхъ учрежденіяхъ; 3) пересмотръ дѣлъ въ низшихъ инстанціяхъ по опредѣленіямъ Сената или представленіямъ министра юстиціи; 4) примѣненіе правилъ, изданныхъ для одного вѣдомства, къ другимъ вѣдомствамъ; 5) увольненіе въ отпускъ, назначеніе пенсій, пособій и опредѣленіе на службу уроженцевъ западныхъ губерній; 6) пріобрѣтеніе монастырями и церквами ненаселенныхъ недвижимыхъ имѣній; 7) обмѣнъ земель, принадлежащихъ казеннымъ селеніямъ, для устраненія черезполоснаго владѣнія или лучшаго устройства хозяйства; 8) дозволеніе церквамъ иностранныхъ исповѣданій принимать пожертвованія, оставленіе на мѣстахъ новаго водворенія казенныхъ поселянъ, отпускъ суммъ изъ государственнаго казначейства до 50.000 р.; 9) производство на этомъ же основаніи ежегодныхъ расходовъ изъ казны и изъ другихъ въ распоряженіи правительства состоящихъ суммъ до 5.000 р.; 10) производство всякаго рода построекъ по планамъ, утвержденнымъ въ главномъ управленіи путей сообщенія; пріобрѣтеніе казенными учрежденіями домовъ, освобожденіе учредителей фабрикъ на 10 лѣтъ отъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ и гильдейскихъ платежей; разсрочка недоимокъ, числящихся на казенныхъ поселянахъ; пособія сельскимъ и городскимъ жителямъ въ случаяхъ пожара и другихъ бѣдствій, суммою до 50.000 р.; 11) назначеніе изъ казны монастырямъ денежныхъ производствъ за отошедшія отъ нихъ въ казну угодія и другія статьи; 12—14) разсрочка недои-

мокъ городскимъ жителямъ, разсрочка ссудъ, выданныхъ по случаю пожаровъ, неурожаевъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, разсрочка ссудъ, выданныхъ казеннымъ и другимъ крестьянамъ изъ суммъ народнаго продовольствія.

Послѣ совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича, Императоръ Николай Павловичъ, отъѣзжая на болѣе или менѣе продолжительное время изъ Россіи, поручалъ Цесаревичу Александру Николаевичу утверждать рѣшенія по дѣламъ Комитета. Такой порядокъ установленъ былъ впервые указомъ Государя 1841 г. Авг. 25 и повторенъ въ 1844 и 1849 г.г.; поэтому журналы того времени, когда Государь не былъ въ Петербургѣ, утверждались Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; Его Высочество утверждалъ не всѣ дѣла, нѣкоторыя приказывалъ оставить до возвращенія Государя Императора.

Право приводить въ исполненіе нѣкоторыя мѣры и дѣйствовать иногда именемъ Его Величества впервые дано было Комитету въ 1805 г.; особенно долго и широко Комитетъ Министровъ долженъ былъ пользоваться этимъ правомъ въ памятные 1812—1815 г.г.; право это вызвано было нѣкоторою случайностью—крайнею малочисленностью тогда Царской Фамиліи, и тѣмъ не менѣе право это въ исторіи Комитета имѣло очень большое значеніе.

II.

Участіе Комитета въ законодательной дѣятельности. Рѣшенія дѣлъ «не въ примѣръ другимъ». Польское возстаніе 1830—1831 г.г. Обсужденіе Комитетомъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, вызванныхъ польскимъ возстаніемъ 1830—1831 г.г. Комитетъ Западныхъ губерній. Отношеніе къ Комитету Министровъ. Участіе Комитета въ законодательствѣ по дѣламъ текущаго управленія. Дѣла, поступавшія въ Комитетъ изъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Отношеніе Комитета къ Коммисіи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Жалобы на дѣйствія членовъ Комитета Министровъ.

Изъ установленнаго выше положенія, что Императоръ Николай Павловичъ требовалъ, чтобы всякое дѣло производилось опредѣленнымъ порядкомъ и получало вполнѣ законное разрѣшеніе, не слѣдуетъ, чтобы изъ этого правила не было исключеній, иногда и довольно значительныхъ по числу и важныхъ по значенію своему; подобныя дѣла очень

часто проходили чрезъ Комитетъ Министровъ. Дѣла, разрѣшаемыя не въ установленномъ закономъ порядкѣ, а по личному на всякій случай указанію Государя, могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому разряду относятся сравнительно маловажныя дѣла, касающіяся отдѣльныхъ личностей; по разнымъ соображеніямъ и побужденіямъ Государь Императоръ приказывалъ нѣкоторымъ лицамъ дать бо̀льшее вознагражденіе, чѣмъ то, на какое они имѣли право, или Государь приказывалъ поступить по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ не въ примѣръ другимъ; въ такихъ случаяхъ Государь, обыкновенно, Самъ писалъ Свою резолюцію, которою отмѣнялось положеніе Комитета; иногда, впрочемъ, зная или предугадывая какъ отнесется къ данному случаю Государь, Комитетъ, изложивъ заключеніе сообразно точному закону, бралъ на себя тѣмъ не менѣе передать просьбу на Высочайшее соизволеніе. Само собою разумѣется, что никакого по существу значенія въ рѣшеніи подобныхъ дѣлъ Комитетъ не имѣлъ. Важнѣе—дѣла, относящіяся ко второму разряду, т. е. дѣла, которыя касались не отдѣльныхъ личностей, а имѣли значительно бо̀льшее распространеніе. Государь по политическимъ видамъ, считая нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры, обращался иногда къ Комитету Министровъ съ требованіемъ, чтобы Комитетъ указалъ Ему легчайшіе пути для приведенія въ дѣйствіе задуманныхъ Государемъ мѣропріятій; мѣры такія, по большей части, вызывались особыми политическими, иногда даже тревожными, обстоятельствами; отъ Комитета требовалось указаніе на то, какъ должно быть проведено данное мѣропріятіе, независимо отъ того, согласно ли оно вполнѣ съ закономъ или нѣтъ.

И такъ, въ частныхъ случаяхъ Государь измѣнялъ иногда рѣшеніе Комитета сообразно Своимъ взглядамъ и намѣреніямъ,—это была Его воля. Нѣкоему Ишимову, сосланному за ябедничество въ Архангельскъ, обѣщано было возвратить свободу, если въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ не будетъ писать никакихъ бумагъ; Ишимовъ исполнилъ это, и Государь пишетъ: «*обѣщанія Государя святы; дозволить воротиться въ семейство, гдѣ хочетъ, но не въ столицахъ*» [1]). Титулярный совѣтникъ Ян-

---

1) 1826 г., № 906.

*

цовъ просилъ объ отводѣ ему 100 дес. земли въ Таврической губерніи по пріобрѣтенному имъ праву на Всемилостивѣйше назначенный тамъ сержанту Яни участокъ. Комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра финансовъ, полагалъ: такъ какъ раздача земель въ Таврической губерніи прекращена, то предоставить Янцову избрать вмѣсто этого землю въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ раздача дозволена. «*А я не соглашаюсь, ибо что обѣщано было, свято исполнено быть должно. Не мудрено казенной палатѣ надѣлить землею такою, которая бы не нужна была казеннымъ крестьянамъ, или по иной причинѣ, а потому дать, сдѣлавъ нужное распоряженіе*» [1])—резолюція.

Купецъ Куманинъ добивался потомственнаго дворянства по ордену св. Анны 2-ой степени, ссылаясь на то, что такъ обѣщано было ему покойною Императрицею Маріею Θеодоровною; Комитетъ, имѣя въ виду, что Куманинъ пожалованъ орденомъ съ ограниченіемъ правъ, нашелъ невозможнымъ удовлетворить домогательство, но положилъ просьбу передать все-таки на усмотрѣніе Государя. Государь написалъ на меморіи: «*справедливо, что обѣщано было, и исполнить не въ примѣръ другимъ въ память Матушки*» [2]).

Нѣсколько крестьянъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ убійствѣ и ограбленіи одного крестьянина и его работника, приговорены были Сенатомъ къ тѣлесному наказанію; изъ числа ихъ четверо оказались виновны въ лиходательствѣ, а одинъ въ лихоимствѣ и за это были уже наказаны плетьми канцеляріею Колывано-Воскресенскаго завода. Сенатъ положилъ прибавить имъ еще по 20 ударовъ плетей каждому, съ чѣмъ согласился и Комитетъ. «*Я на это не согласенъ, потому что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ, а сдѣлать строгій выговоръ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства за самоуправство*» [3]). Дѣти бывшаго надворнаго совѣтника П—а просили о возстановленіи въ первобытное званіе ихъ отца, лишеннаго чиновъ и дворянства; Комитетъ положилъ оставить просьбу безъ уваженія; но Государь приказалъ предварительно узнать, служатъ ли дѣти и гдѣ именно? Изъ собранныхъ свѣдѣній открылось, что П—ъ называющихся его дѣтьми Валеріана и Георга не признаетъ своими дѣтьми,

---

1) 1826 г., № 1459.
2) 1830 г., № 940.
3) 1826 г., № 1873.

потому что въ «имена эти они превращены изъ Аверьяна и Николая», не знаетъ кѣмъ, и что онъ еще съ 1809 г. просилъ оффиціально объ исключеніи ихъ изъ числа его дѣтей. Тогда Государь написалъ: *«можно, мнѣ кажется, оставить это дѣло безъ движенія; ибо отецъ, отпирающійся отъ дѣтей своихъ, долженъ быть хорошъ»* [1]). Казачка Куликова, не смотря на свою беременность, бросилась въ Донъ и спасла 6-лѣтняго крестьянскаго мальчика, тонувшаго въ рѣкѣ; Государь повелѣлъ: *«дать золотую медаль и тысячу рублей, и сверхъ того похвальный сей поступокъ публиковать во всѣхъ вѣдомостяхъ. Если родитъ сына, воспитать на казенный счетъ, гдѣ мать пожелаетъ; а если родитъ дочь, то дать тысячу рублей въ приданое со дня рожденія. Сверхъ того, хочу знать, отчего такъ поздно о томъ доносится»* (случилось въ Іюлѣ 1826 г., записано въ меморіи 5 Ноября 1827 г.) [2]). Комитетъ положилъ сдѣлать замѣчаніе бывшему Саратовскому губернатору Панчулидзеву за разстройство губернской типографіи и отпустить 5 т. р. денегъ на ея исправленіе. Государь написалъ: *«лежачихъ не бьютъ, на прочее согласенъ»* [3]). По дѣлу о неправильной ссылкѣ мѣщанина Рябинина въ Сибирь Комитетъ призналъ наиболѣе отвѣтственнымъ лицомъ марк. Паулуччи, бывшаго Рижскаго военнаго губернатора, и положилъ удержать часть выдаваемыхъ изъ казны ему денегъ. Государь— *«взысканіе на марк. Паулуччи распространять нынѣ неудобно»* [4]). Эти дѣла, сравнительно мелкія, касающіяся отдѣльныхъ личностей, относительно которыхъ Государь по Своимъ соображеніямъ дѣлалъ исключенія «не въ примѣръ другимъ». Важнѣе были вопросы, затрогивавшіе интересы цѣлаго края, а иногда и всего государства, которые Комитетъ рѣшалъ согласно точно указанной мысли Государя: въ дѣлахъ такого рода, какъ бы они ни были важны, Комитетъ Министровъ бывалъ именно приватнымъ совѣтомъ Государя; Комитетъ долженъ былъ только указать лучшіе способы къ осуществленію мысли, высказанной Государемъ, или выраженнаго Имъ намѣренія. Въ дѣлахъ такихъ Комитетъ Министровъ, конечно,

---

1) 1826 г., № 2028.
2) 1827 г., № 1993.
3) 1827 г., № 1927.
4) 1832 г., № 240.

не долженъ былъ входить уже въ сужденіе, подлежитъ ли означенное дѣло его компетенціи или нѣтъ, и нарушаются ли осуществленіемъ указанной мысли законы государства: Комитетъ долженъ былъ найти легчайшіе и удобнѣйшіе способы осуществить указанное. Такіе вопросы относятся къ политическому законодательству: въ царствованіе Императора Николая I исключительныя событія 1830—1831 г.г. въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, потребовали исключительной дѣятельности правительства и принятія особыхъ мѣръ. Большая часть этой работы пала на Комитетъ Западныхъ губерній;—Комитетъ этотъ учрежденъ былъ 16 Сент. 1831 г.; задачею этому Комитету поставлено было сравнять только что упомянутыя губерніи во всѣхъ отношеніяхъ съ внутренними великороссійскими губерніями и ввести въ нихъ порядки губерній великороссійскихъ. Губерніи, присоединенныя отъ Польши, назывались привилегированными губерніями; онѣ сохраняли еще кое-что отъ того времени, когда входили въ составъ Рѣчи Посполитой; дѣйствующее въ нихъ право былъ литовскій статутъ, а города въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылались на магдебургское право. Комитетъ Западныхъ губерній долженъ былъ не только устранить указанныя особенности, но кромѣ того Комитету поставлена была задача устроить этотъ край такъ, чтобы онъ почувствовалъ, насколько его благосостояніе и благополучіе связаны и зависятъ отъ состоянія Имперіи; короче, въ краѣ слѣдовало ввести такой порядокъ, при которомъ стало бы невозможно повтореніе событій 1830—1831 г.г. Комитетъ Западныхъ губерній въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ приступилъ къ рѣшенію вопросовъ: объ устройствѣ шляхты, объ освобожденіи русскихъ крестьянъ этого края, справедливо доносившихъ начальству о мятежныхъ дѣйствіяхъ своихъ помѣщиковъ, о положеніи евреевъ, о переустройствѣ Виленскаго университета и Волынскаго (Кременецкаго) лицея, которые признаны были главными разсадниками польскаго вліянія, о мѣрахъ къ поднятію православной церкви въ краѣ и т. п. — Комитетъ Западныхъ губерній дѣйствовалъ какъ учрежденіе самостоятельное; но онъ имѣлъ весьма близкое отношеніе къ Комитету Министровъ: до учрежденія этого Комитета многія изъ поставленныхъ ему задачъ разрѣшалъ Комитетъ Министровъ; Комитетъ Западныхъ губерній возникъ

по предложенію Комитета Министровъ, мнѣніе котораго Государь спрашивалъ еще въ то время, когда возстаніе не было усмирено. Комитету Министровъ пришлось высказаться по труднымъ вопросамъ объ амнистіи, о шляхтѣ, объ освобожденіи крестьянъ—русскихъ, справедливо доносившихъ о противогосударственныхъ замыслахъ своихъ помѣщиковъ. Наконецъ по закрытіи Западнаго Комитета всѣ дѣла, которыя поступали въ него, повелѣно было направлять въ Комитетъ Министровъ. Изъ шести лицъ, составившихъ Западный Комитетъ, въ 1831 г. только одинъ, Н. Н. Новосильцовъ, не былъ тогда членомъ Комитета Министровъ; предсѣдателемъ Западнаго Комитета назначенъ былъ гр. В. П. Кочубей—предсѣдатель Комитета Министровъ; дѣлопроизводство по Западному Комитету возложено было на управляющихъ дѣлами Комитета Министровъ, сначала бар. Корфа, затѣмъ Бахтина.

Еще задолго до возстанія возбуждено было нѣсколько представленій мѣстною властью о необходимости принять нѣкоторыя особенныя мѣры по отношенію къ дворянству западно-русскихъ губерній. По дѣламъ Комитета Министровъ видно, что уже въ концѣ царствованія Императора Александра Павловича и центральное правительство, и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, и помощникъ его Н. Н. Новосильцовъ весьма озабочены были духомъ, господствовавшимъ тогда въ западныхъ губерніяхъ, такъ называемыхъ присоединенныхъ отъ Польши. Со вступленія на престолъ Императора Николая Павловича иниціатива принятія особыхъ мѣръ по отношенію къ дворянству Западнаго края исходила отъ Кіевскаго военнаго губернатора Желтухина,—напротивъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, кажется, не вѣрилъ въ возможность заговора, а тѣмъ болѣе возстанія Польши.

Желтухинъ указывалъ на необходимость ввести въ судебныхъ учрежденіяхъ Юго-Западнаго края русскій языкъ въ дѣлопроизводство: въ повѣтахъ Кіевскомъ и Васильковскомъ это было сдѣлано еще въ 1797 г., теперь ген. Желтухинъ просилъ признать русскій языкъ оффиціальнымъ хотя бы только въ судебныхъ мѣстахъ повѣтовъ Черкасскаго, Чигиринскаго и Звенигородскаго, гдѣ населеніе почти сплошь малорусское или русское; въ прочихъ же повѣтахъ сдѣлать обязательнымъ употребленіе русскаго языка лишь въ губернскихъ

учрежденіяхъ, не запрещая, впрочемъ, писать бумаги на этомъ языкѣ въ повѣтовыхъ учрежденіяхъ; затѣмъ ген. Желтухинъ просилъ объ установленіи новаго порядка ревизіи дѣлъ, рѣшаемыхъ повѣтовыми учрежденіями. Въ Сенатѣ это представленіе вызвало пренія; управлявшій министерствомъ юстиціи предлагалъ Комитету испросить Высочайшее соизволеніе на приведеніе предположеній Желтухина въ исполненіе. Комитетъ нашелъ, что все это дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Совѣта, куда его и слѣдуетъ передать, не упоминая о заключеніи III Департамента Сената. Государь утвердилъ это положеніе, приказавъ рѣшить дѣло немедленно [1]).

Затѣмъ ген. Желтухинъ, указывая на то, что засѣдатели, избираемые Кіевскимъ дворянствомъ, очень плохо знаютъ и исполняютъ свое дѣло, постоянно по нѣсколько разъ дополняютъ слѣдствія, по нѣсколько же лѣтъ держатъ у себя дѣла безъ всякаго производства, просилъ: позволить ему назначать половину засѣдателей отъ короны, тѣмъ болѣе, что крестьяне-малороссы питаютъ постоянную ненависть къ помѣщикамъ-полякамъ. Комитетъ разрѣшилъ ввести предлагаемый генералъ-губернаторомъ порядокъ на время до изданія новаго законоположенія [2]). Любопытно, что Кіевское дворянство въ то же время обратилось къ Государю со всеподданнѣйшею просьбою: подтвердить его права и привилегіи. Желтухинъ сильно возсталъ противъ этого: необходимо, писалъ онъ, имѣть въ виду при рѣшеніи этой просьбы и польскіе законы и исторію края; постоянною цѣлью польскаго дворянства было стремленіе ограничить власть королей, умножить свои права и совершенно поработить себѣ низшіе классы населенія, напр., по польскимъ законамъ за оскорбленіе Величества виновный наказывался шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкѣ, а простолюдинъ за уязвленіе дворянина — смертною казнью. Это дѣло Комитетъ также передалъ въ Государственный Совѣтъ. Желтухинъ спрашивалъ, допускать ли ему къ дворянскимъ выборамъ тѣхъ дворянъ Кіевской губерніи, которые находятся подъ секретнымъ надзоромъ полиціи, за прикосновенность къ происшествіямъ 1825 г. 14 Дек., или находятся въ близкихъ связяхъ и родствѣ съ лицами, участвовавшими въ заго-

---

1) 1828 г., № 171.
2) 1828 г., № 90.

ворѣ, открытомъ въ Царствѣ Польскомъ. Особый духъ свободомыслія, дерзость сужденій о правительствѣ, распространеніе неблагопріятныхъ слуховъ о войнѣ, безпрерывные и даже нѣсколько скрытные переѣзды изъ одного мѣста въ другое, частыя между собою свиданія — характеризовали, по его словамъ, поведеніе этихъ дворянъ. Самъ Желтухинъ былъ того мнѣнія, что лицъ этихъ не слѣдуетъ допускать до выборовъ; согласенъ былъ съ нимъ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться, какъ бы эти именно лица и не были выбраны въ должности. Комитетъ сталъ на другую точку зрѣнія: во первыхъ, по мнѣнію Комитета, лишить дворянина участвовать въ выборахъ можно только по приговору суда; во вторыхъ, за этими лицами учрежденъ секретный надзоръ,—слѣдовательно, не допустить ихъ къ выборамъ—значитъ огласить надзоръ; затѣмъ мѣра эта была бы противна жалованной грамотѣ дворянства и другимъ Высочайшимъ указамъ, наконецъ, разсуждалъ Комитетъ, всѣ дѣла по происшествіямъ 14 Декабря окончены, и участь лицъ, прикосновенныхъ къ нимъ, разрѣшена уже приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Государь рѣшилъ дѣло согласно съ представленіемъ военнаго губернатора: «*тѣхъ, которые были изобличены въ участіи сего дѣла, допускать къ выборамъ отнюдь не должно*» [1]).

Такія мѣры принимались Комитетомъ чрезвычайно осторожно; Комитетъ Министровъ вовсе не былъ расположенъ отступать отъ коренныхъ установленій Имперіи. Мѣстныя власти, конечно, ближе и лучше предчувствовали надвигавшуюся грозу—польское возстаніе; поэтому онѣ раньше обратились за разрѣшеніемъ принимать особыя мѣры. Комитетъ Министровъ не располагалъ достаточными свѣдѣніями и хотя представленія о ненадежномъ духѣ польскаго дворянства и католическаго духовенства стали поступать въ Комитетъ еще съ конца прошлаго царствованія, но очевидно Комитетъ не предполагалъ, что дѣло можетъ зайти такъ далеко; потому Комитетъ Министровъ или отклонялъ предложенія мѣстныхъ властей, испрашивавшихъ разрѣшенія отступить отъ закона, или направлялъ подобныя представленія въ Государственный Совѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ это сейчасъ и будетъ видно,

---

1) 1829 г., № 1764.

Комитетъ не былъ вполнѣ подготовленъ къ тому содѣйствію, котораго отъ него ожидалъ Государь въ вопросахъ политическихъ. Взгляды Государя на то, какое содѣйствіе со стороны Комитета Онъ желалъ, высказались вполнѣ опредѣленно по двумъ дѣламъ—о наказаніи мятежниковъ и построеніи цитадели въ Вильнѣ.

Отношенія правительства нашего къ возставшимъ опредѣлены были первоначально указомъ 22 Марта 1831 г.: на ряду съ строгими наказаніями за государственное преступленіе, указъ опредѣлялъ и случаи, въ которыхъ возставшіе имѣли надежду получить прощеніе. Замѣшаннымъ въ вооруженныхъ дѣйствіяхъ дворянамъ края, отнесеннымъ ко 2-му разряду преступниковъ, указъ грозилъ ссылкой въ Сибирь и секвестромъ и конфискаціею ихъ имѣній. Четыре участника возстанія—Горскій, Пржеволоцкій, кн. Гедройцъ и Бѣлевичъ—явились къ Рижскому военному губернатору и просили прощенія, увѣряя, что они вовлечены были въ дѣйствія противъ русскихъ войскъ страхомъ смерти; имъ даровано было прощеніе; Канкринъ по этому случаю вошелъ съ представленіемъ, не полезно ли будетъ расширить принятую мѣру. Комитетъ принялъ его предложеніе, и Государь, одобривъ положеніе Комитета, подписалъ указъ 4 Іюня 1831 г.; указомъ этимъ даровалось прощеніе всѣмъ лицамъ, которыя не были ни предводителями, ни зачинщиками и которыя *послѣ* этого указа сдадутъ оружіе и возвратятся въ свои дома. Скоро послѣ этого Канкринъ внесъ упомянутый свой проектъ правилъ о секвестрѣ и управленіи конфискованными имѣніями [1]). Комитетъ одобрилъ всѣ предположенія министра финансовъ, сдѣлавъ въ нихъ нѣсколько измѣненій редакціоннаго характера; Комитетъ положилъ также сдѣлать добавленіе, чтобы временные военные губернаторы Западнаго края при пріемѣ въ казну этихъ имѣній сколь возможно старались отклонять производство слѣдствій и дѣлъ о маловажныхъ растратахъ по имѣніямъ за время отъ наложенія секвестра до пріема ихъ въ казенное управленіе. Комитетъ предложилъ также Государю образовать особый Комитетъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія приговоровъ о конфискаціи имѣній. И эти предположенія утверждены были Государемъ; въ силу

1) 1831 г., № 1120.

этого постановленія и возникъ Комитетъ Западныхъ губерній [1]).

Между тѣмъ по вопросу о примѣненіи дѣйствій вышеупомянутыхъ указовъ 22 Марта и 4 Іюня возникли разногласія, которыя Комитетъ Министровъ старался примирить въ экстренномъ засѣданіи 21 Августа 1831 г.

Кіевская коммисія, учрежденная для разбора дѣлъ о мятежникахъ, установила различіе относительно людей низшаго класса и шляхтичей, именно между тѣми изъ нихъ, которые были въ мятежническихъ шайкахъ до пораженія ихъ, пойманы послѣ того безъ оружія въ рукахъ и взяты изъ домовъ своихъ до указа 4 Іюня 1831 г., и тѣми, которые послѣ этого указа не были ни предводителями бандъ, ни зачинщиками, возвратились въ свои дома, сдали оружіе и остались спокойны. По предположенію коммисіи изъ числа первыхъ освобождаются отъ наказанія только тѣ, которые завлечены были въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщиковъ или угрозами, оставляли оружіе при первомъ движеніи мятежниковъ и, не участвуя въ сраженіяхъ, возвратились прямо въ свои дома; прочихъ же, т. е. участвовавшихъ въ сраженіяхъ, укрывавшихся до возвращенія своего домой, слѣдуетъ на основаніи указа 22 Марта отдавать въ рекруты или, въ случаѣ неспособности къ военной службѣ, ссылать въ Сибирь на поселеніе; а съ возвратившимися послѣ указа 4 Іюня—слѣдуетъ поступать на основаніи этого указа. Комитетъ Министровъ совершенно согласился съ заключеніемъ управляющаго министерствомъ юстиціи, что дѣлаемое различіе между возвратившимися до и послѣ изданія указа 4 Іюня должно служить не къ отягощенію, а напротивъ къ облегченію участи первыхъ, ибо воля правительства исполнена ими еще до обнародованія прощенія. Сомнѣніе, какъ замѣтилъ и управляющій министерствомъ юстиціи, можетъ быть только въ примѣненіи словъ указа 4 Іюня: «и сдадутъ оружіе», т. е. въ томъ, признавать ли формальную сдачу оружія условіемъ, необходимымъ для полученія права на обѣщанное указами помилованіе. По мнѣнію Комитета, прощеніе вины есть вообще награда за раскаяніе въ винѣ и возвращеніе къ законному долгу, а затѣмъ, отдалъ ли кто формально оружіе преступленія своего, истребилъ ли его,

1) 1831 г., № 1211.

или напр. былъ вооруженъ, какъ земледѣлецъ, косою, вилами и т. п. и оставилъ дома для употребленія по своему промыслу—все это для правительства не можетъ составлять различія. Обезоруженіе жителей бывшаго въ возмущеніи края (единственная безъ сомнѣнія цѣль помѣщенныхъ въ указѣ 4 Іюня словъ: «и сдадутъ оружіе») есть правительственная мѣра, которая можетъ быть исполнена независимо отъ судебныхъ о каждомъ простолюдинѣ слѣдствій и, конечно, не встрѣтитъ препятствія со стороны тѣхъ изъ нихъ, которые искренно рѣшились возвратиться къ своимъ обязанностямъ. Но, кромѣ этого соображенія, представляются и другія: возможно ли будетъ о каждомъ лицѣ изъ городскихъ или сельскихъ жителей въ точности изслѣдовать: прежде или послѣ обнародованія указа 4 Іюня онъ явился въ свое селеніе? Увлеченъ ли онъ былъ угрозами или властью въ толпу бунтовщиковъ, или самъ въ нее вступилъ? Участвовалъ ли въ сраженіяхъ или бросилъ оружіе при первомъ движеніи мятежниковъ? Укрывался ли гдѣ-либо, оставя мятежныя скопища, или немедленно явился въ свой домъ? Все ли оружіе свое отдалъ или только часть его? Если при всѣхъ розыскахъ нельзя будетъ рѣшить этихъ вопросовъ ни за, ни противъ подсудимаго, то какъ слѣдуетъ поступить съ нимъ? Указъ 4 Іюня, присоединяя къ дѣйствіямъ Монаршаго милосердія увлеченныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ безъ сомнѣнія имѣлъ цѣлью въ отношеніи простолюдиновъ скорѣйшее возстановленіе порядка и истребленіе самыхъ слѣдовъ мятежа въ возмущенномъ краѣ; но разборы, подобные упомянутымъ, имѣли бы какъ разъ противоположныя слѣдствія: не только поддерживали бы духъ мятежа, но и могли бы ввергнуть многихъ въ отчаяніе, т. е. породить вновь безпорядки. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Комитетъ полагаетъ, что прощеніемъ, даруемымъ лицамъ низшаго класса и именующимся шляхтичами, не могутъ пользоваться по точнымъ словамъ указа 4 Іюня только тѣ лица, которыя были зачинщиками или предводителями мятежа, всѣ же прочія, оставившія мятежниковъ и явившіяся въ свои жилища прежде или послѣ 4 Іюня, сдали ли они формально оружіе свое, или не сдавали его, лишь бы только при исполненіи мѣстнымъ начальствомъ этого постановленія найдены были спокойно пребывающими въ мѣстахъ своего жительства, или вообще гдѣ либо при мирныхъ занятіяхъ, должны быть прощаемы.

Затѣмъ Комитетъ разсматривалъ вопросы о «мѣрѣ» власти, которую слѣдуетъ предоставить главнокомандующему 1-ою арміею; четвертымъ пунктомъ проектированнаго положенія предлагалось предоставить главнокомандующему приводить свои приговоры въ немедленное исполненіе; Комитетъ же Министровъ нашелъ, что тамъ, гдѣ порядокъ возстановленъ, слѣдуетъ сохранить коренной законъ о конфирмаціи приговоровъ надъ дворянами Высочайшею властью. Противъ этого разсужденія Комитета Государь пишетъ: «*такъ какъ дѣла сіи касаются до времени, въ которое не только не было тишины и порядка, но происходилъ явный бунтъ и злодѣйства неслыханныя: то я отнюдь не соглашаюсь съ мнѣніемъ Комитета. Чѣмъ происхожденіе виновнаго выше, тѣмъ непростительнѣе преступленіе, и потому главнокомандующему рѣшать окончательно приговоры, донося мнѣ*». Далѣе, въ проектированномъ указѣ повелѣвалось «подтвердить, чтобы дѣти шляхты, отдаваемыя въ солдаты, непремѣнно представляемы были въ батальоны кантонистовъ по достиженіи 12 лѣтъ, равно какъ и дѣти убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ шляхтичей». Управляющій министерствомъ юстиціи представилъ Комитету свои соображенія по этому вопросу въ томъ смыслѣ, что неудобно отдавать дѣтей дѣйствительныхъ шляхтичей, т. е. дворянъ, въ кантонисты, потому что дѣти дворянъ не лишаются своего достоинства за преступленія отцовъ.

Къ соображеніямъ управляющаго министерствомъ юстиціи Комитетъ считалъ своимъ долгомъ представить на благоуваженіе Государя настоящее состояніе западныхъ губерній; при изданіи указа 22 Марта возмущеніе было только въ трехъ уѣздахъ Виленской губерніи и можно было предполагать, что этимъ пространствомъ мятежъ и будетъ ограниченъ, но впослѣдствіи мятежъ распространился на всю западную Россію, и потому, какъ велико должно быть теперь число дѣтей, которыя на основаніи указа 22 Марта подлежали бы отдачѣ въ кантонисты? Можно ли такое чрезвычайное число молодыхъ людей, которые безъ сомнѣнія болѣе или менѣе заражены будутъ господствующими нынѣ въ ихъ родинѣ мнѣніями, по мѣрѣ возраста ихъ, включать въ составъ нашей арміи, не подвергнувъ ее опасности вреднаго вліянія ихъ нравовъ и правилъ? Кромѣ того, по мнѣнію Комитета, никакихъ существующихъ заведеній не будетъ достаточно, чтобы

содержать отдѣльно отъ семействъ всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые не достигли еще 12-лѣтняго возраста; если же оставлять ихъ при семействахъ, подвергнутыхъ наказанію, то они, участвуя въ сѣтованіяхъ на правительство и въ горести предстоящей разлуки, будутъ безъ сомнѣнія воспитываться въ враждебномъ къ Россіи расположеніи. Наконецъ, при всеобщемъ разореніи, постигшемъ во время мятежа промышленный и земледѣльческій классы народа, единственную надежду семействъ этихъ классовъ составляютъ дѣти мужскаго пола; если же всѣхъ ихъ за вину отцовъ отобрать въ военное вѣдомство, то земля останется безъ рукъ для воздѣлыванія и многія тысячи нищихъ обратятся въ тягость обществу, а за неимѣніемъ въ разоренномъ краѣ общественныхъ способовъ по необходимости—въ тягость самой казнѣ. Комитетъ полагалъ: представляя о дѣтяхъ дворянъ и дѣйствительной шляхты на Высочайшее усмотрѣніе, изъ числа дѣтей, именующихся шляхтою, и разночинцевъ обращать въ кантонисты только тѣхъ, отцы которыхъ схвачены съ оружіемъ въ рукахъ или принадлежатъ къ двумъ первымъ разрядамъ преступниковъ и которыя теперь въ возрастѣ 12—17 лѣтъ: ибо вступившія въ 17-лѣтній возрастъ должны независимо отъ отцовъ своихъ отвѣчать лично за свое поведеніе во время мятежа; такимъ образомъ неминуемое неудобство принятія въ службу этого рода людей ограничилось бы по крайней мѣрѣ кратковременнымъ срокомъ, конечно, болѣе допускающимъ нужную предосторожность, нежели постоянное, въ теченіе многихъ лѣтъ, пополненіе ими арміи; и полезно было бы, по мнѣнію Комитета, всѣхъ назначаемыхъ на этомъ основаніи въ военные кантонисты дѣтей мятежниковъ размѣстить по разнымъ отдаленнымъ депо русскихъ губерній, дабы во время приготовленія ихъ къ дѣйствительной службѣ удалить ихъ отъ всякаго сношенія съ неблагомыслящими.

Къ дворянству западныхъ губерній принадлежитъ также шляхта или шляхтичи, установленнымъ порядкомъ доказавшіе свое дворянское происхожденіе; имѣнія дворянъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, подвергаются секвестру и конфискаціи, изъ чего слѣдуетъ, что и имѣнія шляхты должны подлежать тому же. Извѣстно, однако, что большинство шляхты не имѣютъ вовсе дворянской собственности, а содержатъ себя или мѣщанскими промыслами и ремеслами, или обрабаты-

ваютъ общественную землю и, въ частности, изъ чинша. Россіенскій уѣздъ Виленской губерніи и нѣкоторые другіе почти цѣликомъ населены подобными людьми. Конфисковать ихъ имущество значило бы лишить ихъ съ семействами насущнаго хлѣба и сдѣлать бродячими. Противъ этихъ разсужденій Государь написалъ: «*дворяне въ губерніяхъ западныхъ суть тѣ, кои имѣютъ помѣстья, или служивъ, получили чины, но шляхта есть тотъ сбродъ людей, который доискивается дворянства, не имѣя на то ни права, ни документовъ, шатается безъ занятій, или находится въ услуженіи и составляетъ классъ самый вредный и развратный. За симъ подтверждаю прежнюю мою волю, чтобы безотговорочно, но всѣ дѣти сихъ людей, изобличенныхъ, осужденныхъ, убитыхъ, или пропавшихъ, считались безпрекословно принадлежащими военному вѣдомству*».

Сверхъ этихъ двухъ пунктовъ, вызвавшихъ отдѣльныя замѣчанія, Государь остался и вообще не доволенъ положеніемъ Комитета, и въ заключеніе журнала приписалъ: «*г. Кочубей сообщитъ Комитету мое замѣчаніе на счетъ отступленія въ сужденіи отъ настоящаго предмета*».

Кромѣ приведенныхъ замѣчаній гр. Кочубей сообщилъ Комитету, что управляющій главнымъ штабомъ Его Величества объявилъ ему по упомянутымъ проектамъ указовъ Высочайшую волю, состоящую въ слѣдующемъ: 1) въ проектѣ указа главнокомандующему 1-ою арміею для точности поименовать губерніи, на которыя распространяется дѣйствіе этого указа, включивъ въ ихъ число и Кіевскую губернію; 2) военнымъ губернаторамъ этихъ губерній вмѣнить въ обязанность заняться немедленно собраніемъ свѣдѣній о дѣтяхъ мужскаго пола и вообще о семействахъ дворянъ, оставшихся послѣ убитыхъ, осужденныхъ или бѣжавшихъ для опредѣленія первыхъ, согласно съ Всемилостивѣйшимъ Его Величества предположеніемъ, въ кадетскіе корпуса, въ которыхъ приготовлено уже довольно большое число мѣстъ для нихъ; 3) для избѣжанія впредь всякихъ недоразумѣній насчетъ шляхты возложить на управляющаго министерствомъ юстиціи составленіе проекта указа, чтобы шляхту, доказавшую свое дворянское право, именовать впредь не шляхтою, а дворянами; 4) на содержаніе до 12-лѣтняго возраста при семействахъ малолѣтнихъ шляхтичей разныхъ наименованій и дѣтей мужскаго пола простолюдиновъ производить семействамъ ихъ по половинѣ солдатскаго пайка,

дозволивъ по усмотрѣнію военныхъ губернаторовъ увеличивать нѣсколько эту дачу въ случаяхъ надобности; 5) Его Величество полагаетъ возможнымъ оставить въ пользу семействъ, отцы которыхъ трудомъ рукъ своихъ пріобрѣтали пропитаніе отъ земледѣлія, все ихъ имущество, не конфискуя его въ казну, но не иначе, какъ въ видѣ особаго Монаршаго милосердія.

Гр. Чернышевъ при этомъ сообщилъ гр. Кочубею, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по журналу Комитета 21 Августа представилъ Государю нѣкоторыя предположенія, съ которыми Государь согласился. Предположенія эти были слѣдующія: 1) предоставляя главнокомандующему право окончательно утверждать приговоры надъ всѣми преступниками 2-го разряда, въ томъ числѣ и надъ дворянами, необходимо ему же предоставить и утвержденіе приговоровъ о конфискаціи ихъ имѣній, но при этомъ возникаетъ вопросъ, ничѣмъ еще не разрѣшенный, о томъ, какимъ вообще образомъ обезпечить содержаніе семействъ дворянъ осужденныхъ, имѣнія которыхъ будутъ конфискованы; 2) необходимо оставить въ проектѣ указа пунктъ о предоставленіи главнокомандующему по особымъ причинамъ объявлять о прощеніи нѣкоторыхъ преступниковъ 2-го разряда и наказывать нѣкоторыхъ изъ преступниковъ 3-го разряда; 3) необходимо ясно и положительно опредѣлить порядокъ представленія дѣтей осужденной шляхты разныхъ наименованій и простолюдиновъ въ военные кантонисты.

Сообщая о Высочайшей волѣ Комитету Министровъ, гр. Кочубей объявилъ, что Его Величество въ сужденіяхъ Комитета съ неудовольствіемъ усмотрѣть изволилъ отступленія отъ существа предложенныхъ ему вопросовъ, къ тому относившихся, чтобы изложить мнѣніе къ удобнѣйшему исполненію Высочайшей воли, положительно изъясненной, а не къ отмѣнѣ оной.

Комитетъ положилъ: 1) исправивъ оба проекта указовъ главнокомандующему 1-ою арміею по точному смыслу объявленныхъ Высочайшихъ повелѣній, поднести ихъ къ Высочайшему подписанію; 2) вопросъ о содержаніи дворянскихъ семействъ, имѣнія которыхъ будутъ конфискованы, предварительно разсмотрѣть управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ министромъ финансовъ; 3) о порядкѣ представле-

нія дѣтей осужденныхъ въ военные кантонисты, управляющему же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ войти съ особеннымъ представленіемъ въ Комитетъ; 4) о наименованіи шляхты дворянами предоставить управляющему министерствомъ юстиціи представить проектъ указа; 5) такъ какъ Высочайшая воля объ оставленіи въ пользу семействъ, отцы которыхъ трудами своихъ рукъ пріобрѣтали пропитаніе отъ земледѣлія, всего ихъ имущества служитъ дополненіемъ къ правиламъ о конфискаціи и секвестрѣ, то управляющему министерствомъ юстиціи привести ее въ исполненіе тѣмъ же порядкомъ, какъ и упомянутыя правила.

Представляя послѣ этого замѣчанія измѣненный проектъ указа со включеніемъ пункта о неконфискаціи дворянскихъ имѣній, «Комитетъ, сказано въ его положеніи, не можетъ однакожъ умолчать предъ Вашимъ Величествомъ, что по мнѣнію его справедливо бы было распространить дѣйствіе сего Монаршаго милосердія и на тѣ семейства, отцы коихъ пріобрѣтали пропитаніе отъ личнаго занятія ремеслами». «*Согласенъ, предоставивъ сію статью усмотрѣнію временныхъ военныхъ губернаторовъ*»—резолюція [1]). Въ слѣдующемъ году Комитетъ представилъ Государю проектъ правилъ для переселенія бывшей шляхты изъ Подольской губерніи. Государь одобрилъ эту мѣру: «*правила сіи считать утвержденными не для одной Подольской, но и для прочихъ всѣхъ западныхъ губерній*» [2]).

Такое же значеніе имѣетъ слѣдующее дѣло: послѣ усмиренія мятежа Государь призналъ необходимымъ построить въ г. Вильнѣ цитадель, для чего необходимо было сломать нѣкоторыя зданія частныхъ лицъ; оцѣнка этихъ домовъ поручена была военнымъ губернаторомъ коммисіи, которая опредѣлила слѣдуемое вознагражденіе въ 640 т. рублей. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету такое рѣшеніе вопроса: если владѣльцы означенныхъ домовъ согласны на эту оцѣнку, то считать дѣло конченнымъ; въ противномъ случаѣ назначить новую коммисію, допустивъ въ нее двухъ членовъ по избранію городомъ Вильною. Комитетъ принялъ это рѣшеніе. Но Государь опять положилъ резолюцію: «*нужнымъ считаю поставить на видъ Комитету настоящую точку, съ которой взирать слѣдуетъ на сію мѣру.*

---

1) 1831 г., № 1556.
2) 1832 г., № 490.

Въ Вильнѣ не было цитадели и среди города, всегда дурно расположеннаго къ Россіи, стояли открыто арсеналъ съ огромнымъ запасомъ оружія и другіе военные запасы. Когда недоброжелательство сдѣлалось столь явно, что съ трудомъ сильный гарнизонъ Вильны могъ удерживать оную въ покорности, я рѣшилъ строить цитадель и симъ упрочить владычество надъ городомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вознаградить въ общемъ порядкѣ должно каждаго за отнимаемую собственность; но тамъ, гдѣ мѣра сія есть послѣдствіе вѣроломства, коварства и прочихъ достохвальныхъ качествъ жителей, справедливо ли, чтобы правительство, дѣйствующее для своей безопасности, несло столь значительную тягость, какъ платежъ за 20 домовъ до полумилліона рублей? Прошу Комитетъ рѣшить вопросъ» [1]).

Двумя этими резолюціями Императоръ Николай I вполнѣ опредѣленно высказалъ свой взглядъ на то, какъ Комитетъ Министровъ долженъ относиться къ предлагаемымъ ему вопросамъ этого рода. Императоръ Николай желалъ: во первыхъ, чтобы Комитетъ указывалъ Ему легчайшіе способы осуществленія высказанныхъ намѣреній, и во вторыхъ, чтобы Комитетъ ближе принималъ въ соображеніе обстоятельства дѣла; Императоръ Николай Павловичъ считалъ невозможнымъ и противогосударственнымъ примѣнять общій порядокъ къ тѣмъ, которые по отношенію къ Россіи проявляли «вѣроломство и коварство и прочія достохвальныя качества»; Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы со стороны правительства соблюдался законъ во всей его строгости, а противная сторона позволяла себѣ «явный бунтъ и злодѣйства неслыханныя»; если при обычныхъ условіяхъ личность дворянина, какъ принадлежащаго къ первенствующему сословію Имперіи, наиболѣе обезпечена и покровительствуема закономъ, то, по взгляду Императора Николая I, тѣмъ отвѣтственнѣе дворянинъ, тѣмъ строже должно быть взыскиваемо съ дворянина за всякое нарушеніе порядка, особливо во время возстанія: государство дало много дворянству, и, конечно, въ случаѣ возстанія противъ государства жалованная грамота не должна быть щитомъ для мятежнаго дворянина: кому больше дано, съ того больше и взыщется. Государь именно ставилъ Комитетъ на надлежащую точку зрѣнія, объясняя ему, что нельзя въ такихъ случаяхъ

[1]) 1831 г., № 1498.

руководствоваться общимъ порядкомъ, установленнымъ для мирнаго времени.

Послѣ этого Комитетъ, конечно, дѣйствовалъ по указаніямъ Государя. Виленское дворянство выбрало двухъ кандидатовъ въ должность губернскаго предводителя, Пусловскаго и Бѣганскаго; оба кандидата были непріятны правительству. Комитетъ при сужденіи сразу поставилъ себѣ задачу, какъ сохранить виды и пользу правительства и права дворянства; главный начальникъ края требуетъ отстраненія обоихъ кандидатовъ и назначенія новаго лица, между тѣмъ какъ такого примѣра не было даже въ самое смутное время. При разсужденіи о дѣлѣ Комитетъ прежде всего обратилъ вниманіе на образъ дѣйствій генералъ-губернатора, который, не придавъ должнаго значенія выборамъ, уѣхалъ передъ ними въ Гродно и Бѣлостокъ,—потому теперь Комитету для исправленія ошибки кн. Долгорукова остается одно: пріискать средство менѣе другихъ неудобное: средство одно—подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ отмѣнить произведенные выборы. Кн. Долгоруковъ не можетъ утвердить Пусловскаго, потому что считаетъ его неопытнымъ, къ тому же, по словамъ кн. Долгорукова, Пусловскій добился избранія не прямыми путями; Бѣганскій же до этого времени не занималъ сколько нибудь значительной должности, весьма нетвердъ въ русскомъ языкѣ, не получилъ высшаго образованія, посаженъ былъ въ крѣпость и хотя освобожденъ оттуда, но еще не можетъ занимать столь важной должности. Конечно, разсуждалъ Комитетъ, при выраженной дворянствомъ довѣренности къ какому либо кандидату, правительство не входитъ и не можетъ входить въ разборъ большей или меньшей способности его къ дѣламъ, но въ выборѣ этомъ есть нѣчто другое, о чемъ военный губернаторъ не упоминаетъ, но что объяснили Комитету министры военный и внутреннихъ дѣлъ: родной братъ Пусловскаго былъ однимъ изъ главныхъ мятежниковъ, предводителемъ шайки повстанцевъ, былъ разбитъ и бѣжалъ заграницу; Пусловскій по столь близкому родству съ однимъ изъ важнѣйшихъ преступниковъ не можетъ занимать должности губернскаго предводителя; конечно, причина эта, продолжаетъ Комитетъ, оглашена быть не можетъ; но Пусловскій за поединокъ былъ выписанъ изъ гвардіи и переведенъ въ армію и потомъ уволенъ отъ службы безъ повышенія въ чинѣ; въ виду такого знака Монаршаго небла-

говоленія, Пусловскій не могъ быть выбранъ и утвержденъ въ должности губернскаго предводителя; на такомъ же основаніи нельзя допустить къ должности этой и Бѣганскаго, хотя онъ и оправданъ судомъ. Обоихъ ихъ, по мнѣнію Комитета, не слѣдовало бы оставлять даже уѣздными предводителями; но такъ какъ въ этихъ должностяхъ они уже утверждены военнымъ губернаторомъ, то, чтобы не ослабить уваженія къ его власти, Комитетъ полагаетъ оставить Пусловскаго и Бѣганскаго въ должностяхъ, объявивъ, что дѣлается это исключительно изъ уваженія къ генералъ-губернатору съ тѣмъ, чтобы дать Пусловскому и Бѣганскому возможность усердною службою заслужить довѣріе правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ полагалъ поставить на видъ военному губернатору, чтобы онъ усугубилъ свою дѣятельность и избѣгалъ случаевъ заставлять правительство прибѣгать къ мѣрамъ столь рѣшительнымъ и непріятнымъ. Канкринъ предложилъ нѣсколько иначе мотивировать неутвержденіе кандидатовъ: положеніе Комитета Канкринъ призналъ не совсѣмъ удачнымъ въ томъ отношеніи, что второй кандидатъ Бѣганскій былъ оправданъ по суду; «удобнѣе бы, по мнѣнію Канкрина, не означать точно причинъ, и сказать только, что Ваше Величество не убѣждены въ томъ, что избранные кандидаты достойны занять мѣсто губернскихъ предводителей, доколѣ не сдѣлаются болѣе извѣстными высшему правительству въ занимаемыхъ ими должностяхъ. Когда, прибавилъ Канкринъ, по дѣлу испрашивается разрѣшеніе, то всегда можетъ послѣдовать отказъ безъ объясненія причинъ». «*Раздѣляю мнѣніе министра финансовъ*»—резолюція [1]).

Комитетъ по представленію Сената постановилъ пріостановить на время въ Гродненскомъ главномъ судѣ теченіе акторатовыхъ дѣлъ [2]). Комитетъ даже полагалъ: предоставить Сенату право по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ разрѣшать такую же пріостановку и по другимъ губерніямъ, всякій разъ съ согласія управляющаго министерствомъ юстиціи; Государь разрѣшилъ не сразу: «*не лучше будетъ, разрѣшивъ сей только случай, и соглашаясь и въ могущихъ еще представиться*

1) 1834 г., № 692.

2) Акторатовыми дѣлами назывались дѣла западныхъ судовъ по записи различныхъ актовъ, что теперь называется нотаріальными дѣлами.

на просимыя подобныя отсрочки, не дѣлать такого правила гласнымъ, дабы не возбудить къ новому способу продлить и эти долгіе процессы? сообщить мнѣ мнѣніе Комитета» [1]). Само собою разумѣется, что Комитетъ принялъ къ исполненію Высочайшее замѣчаніе.

Комитетъ Министровъ принималъ на себя иногда иниціативу законодательства; равнымъ образомъ, Государь иногда приказывалъ ему обсудить предлагаемое мѣропріятіе и въ мирное время и въ дѣлахъ, не вызываемыхъ политическими соображеніями.

Въ слѣдующемъ дѣлѣ, напримѣръ, иниціатива измѣненія закона принадлежала самому Комитету: Сенатъ, на основаніи указа Петра Великаго 1724 г. Іюня 4, опредѣлилъ не допускать раскольниковъ до свидѣтельства предъ судомъ. Комитетъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ сообразить, не нужно ли измѣнить указъ 1724 г. соотвѣтственно духу правилъ, принятыхъ впослѣдствіи правительствомъ [2]). Когда министръ финансовъ внесъ въ Комитетъ проектъ указа о дозволеніи отводить особые участки для общаго пользованія въ лѣсахъ, которыми совмѣстно владѣли казенные крестьяне и помѣщики, Комитетъ въ виду того, что проектъ заключаетъ въ себѣ измѣненіе существующаго закона, опредѣлилъ передать его на разсмотрѣніе Совѣта съ добавленіемъ, нельзя ли принять мѣры противъ разоренія, которому подвергаются всякаго рода чрезполосные, въѣзжіе и спорные лѣса [3]).

На содержаніе вновь сформированныхъ восьми исправительныхъ батальоновъ для бродягъ требовалось 548.000 р. въ годъ; по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ былъ внесенъ вопросъ этотъ съ предварительнымъ замѣчаніемъ Государя, что нельзя отнести этотъ расходъ на счетъ государственнаго казначейства, и что ближе всего было бы отнести его на земскую повинность, т. е. «*непосредственную принадлежность того сословія, которое помянутою мѣрою избавляется отъ людей для него вредныхъ*». Въ Комитетѣ министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ сообразно съ этимъ замѣчаніемъ обложить поровну всѣ губерніи для составленія требуемой суммы; Канкринъ объяснилъ, что новаго расхода на каждую душу придется всего по $2^1/_2$ коп.; отложивъ сформированіе этихъ батальо-

---

1) 1831 г., № 1448.
2) 1832 г., № 1568.
3) 1833 г., № 1980.

новъ до 1836 года, можно будетъ принять ихъ содержаніе на счетъ казны, въ виду большого неудобства такихъ мелкихъ раздробительныхъ сборовъ. Комитетъ по существу согласился съ Канкринымъ; новое обложеніе должно быть разрѣшено Совѣтомъ; по мнѣнію Комитета предлагаемое обложеніе будетъ земскимъ сборомъ по одному названію, ибо земскіе сборы предназначены на мѣстныя потребности губерній и собираются по исчисленію ея сословій, по ихъ раскладкѣ; а проектируемое обложеніе, конечно, равносильно новой подати; поэтому Комитетъ считаетъ, что удобнѣе было бы принять этотъ расходъ на казначейство, отложивъ формированіе батальоновъ до 1836 г.

На это объявлено было Комитету,—что Его Величество изволитъ оставаться при прежнемъ мнѣніи [1]).

Дѣла, поступавшія въ Комитетъ Министровъ изъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, также часто выходили по значенію своему изъ обычнаго круга дѣйствій Комитета; болѣе важныя изъ этихъ дѣлъ вносились въ Комитетъ шефами жандармовъ: гр. Бенкендорфомъ, впослѣдствіи гр. Орловымъ, по приказанію Государя, повелѣвавшаго Комитету Министровъ разсмотрѣть ихъ. Представленія начальниковъ III Отдѣленія, большею частью, касались отдѣльныхъ личностей, или считавшихъ себя обиженными начальствомъ, несправедливо осужденными, или обращавшихся къ Монаршему милосердію; часто починъ дѣла принадлежалъ не просителямъ, а III Отдѣленію: III Отдѣленіе Канцеляріи стало новымъ путемъ, по которому подданные могли обращаться къ Государю съ своими просьбами. Задачи III Отдѣленія, какъ извѣстно, были шире: онѣ касались не только отдѣльныхъ личностей, но и порядковъ въ государствѣ. III Отдѣленіе, по мысли его основателя Императора Николая Павловича, должно было замѣнить гласность, образовать особый высшій контроль надъ администраціею, т. е. то, что въ другихъ мѣстахъ и при другихъ обстоятельствахъ узнается высшимъ правительствомъ путемъ печати, Императоръ Николай I предполагалъ узнавать чрезъ III Отдѣленіе Своей Канцеляріи; поэтому шефы жандармовъ доводили до свѣдѣнія Государя о замѣченныхъ ими неудобствахъ нѣкото-

---

1) 1835 г., № 2297.

рыхъ порядковъ, и Государь приказывалъ разсмотрѣть такія представленія въ Комитетѣ и сообразить, что по нимъ можно сдѣлать. Конечно, въ такихъ случаяхъ Комитетъ Министровъ имѣлъ также значеніе совѣщательнаго учрежденія, частнаго совѣта Императора. Наибольшій интересъ представляютъ поступавшія въ Комитетъ дѣла, касавшіяся до измѣненія порядковъ.

Въ 1832 г. гр. Бенкендорфъ обратилъ вниманіе Государя на канцелярскихъ служителей губернскихъ присутственныхъ мѣстъ; по его мнѣнію, большинство изъ нихъ были весьма предосудительнаго поведенія, крайне нерадивы; между тѣмъ начальство не могло ихъ удалять отъ должности, иначе какъ по болѣзни ихъ, т. е., конечно, ихъ можно было отставлять отъ должностей, но выше было приведено нѣсколько оффиціальныхъ данныхъ, донесеній губернаторовъ и ревизовавшихъ губерніи сенаторовъ о томъ, какъ трудно было въ то время находить и даже удерживать на службѣ канцелярскихъ служителей и низшихъ чиновниковъ. Зло, указанное гр. Бенкендорфомъ, дѣйствительно существовало: нерадиваго и даже нечестнаго канцелярскаго служителя губернаторъ могъ уволить, но найти на мѣсто уволенныхъ людей лучшей нравственности не могъ; послѣ увольненія приходилось опредѣлять лицъ столь же грубыхъ и нерадивыхъ и только менѣе привычныхъ къ дѣлу, чѣмъ уволенные. Страхъ быть отданнымъ подъ судъ на нихъ не дѣйствовалъ: по суду, писалъ гр. Бенкендорфъ, ихъ почти всегда оправдываютъ, если не въ уголовныхъ палатахъ, то въ Сенатѣ, въ канцеляріи котораго они находятъ себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ своихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что формы судопроизводства у насъ весьма продолжительны, и самыя сужденія не достигаютъ своей цѣли. Гр. Бенкендорфъ предлагалъ виновныхъ въ упущеніяхъ по должности канцелярскихъ служителей не дворянъ отдавать въ солдаты, а для того, чтобы не было пристрастныхъ въ этомъ отношеніи дѣйствій со стороны губернскихъ правленій, онъ предлагалъ образовать для разбора подобныхъ проступковъ канцелярскихъ служителей особыя присутствія изъ губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ. Государь велѣлъ Комитету Министровъ разсмотрѣть это представленіе Бенкендорфа, но Комитетъ, ознакомившись съ дѣломъ, отклонилъ его отъ себя какъ заключающее въ себѣ

предложеніе новаго закона; Комитетъ передалъ дѣло на предварительное соображеніе министра юстиціи съ тѣмъ, чтобы онъ затѣмъ внесъ дѣло туда, куда слѣдуетъ по порядку его направить; само собою разумѣется, что на такое свое постановленіе Комитетъ испрашивалъ Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало [1]). Въ другой разъ гр. Бенкендорфъ обратилъ вниманіе на то, что на улицахъ столицы около штофныхъ лавочекъ постоянно собираются толпы чернаго народа въ нетрезвомъ видѣ; по этому поводу онъ объяснялся съ содержателемъ питейнаго откупа въ Петербургѣ, по мнѣнію котораго избѣжать этого можно двоякимъ путемъ: или дозволить распивочную продажу въ штофныхъ лавкахъ, или продавать вино не менѣе, какъ $1/8$ ведра въ запечатанной посудѣ. Гр. Бенкендорфъ, съ своей стороны, остановился на первомъ предположеніи; министръ финансовъ, мнѣніе котораго предварительно было спрошено, объявилъ, что онъ приметъ предположеніе во вниманіе при обсужденіи условій отдачи откупа на слѣдующее четырехлѣтіе; гр. Бенкендорфъ не согласился съ такою отсрочкою дѣла, потому что до новыхъ откуповъ оставалось еще два года, и дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ. Комитетъ также принялъ первое предложеніе откупщика, поручивъ министру финансовъ предварительно снестись съ содержателемъ откупа, сколько за новое дозволеніе будетъ прибавлено въ пользу казны со стороны откупа, притомъ, чтобы точно было постановлено, когда должны запираться штофныя лавки, чтобы онѣ не ставились къ казармамъ ближе, чѣмъ позволено для питейныхъ домовъ, чтобы въ нихъ не впускали нижнихъ чиновъ—противъ этого пункта Государемъ написано: «*отнюдь и ни въ какія гдѣ бы то ни было*»,—и наконецъ, чтобы все это было введено въ видѣ опыта. Государственный контролеръ подалъ особое мнѣніе: въ такомъ случаѣ, по его словамъ, всѣ штофныя лавки обратятся въ распивочные дома, и не будетъ достигнута главная цѣль правительства—уменьшеніе разврата въ народѣ; наблюдать за порядкомъ на улицѣ есть обязанность полиціи, между тѣмъ изъ дѣла не видно, чтобы по замѣченному случаю произведено было должное сношеніе съ военнымъ губернаторомъ; принятіе подобнаго предложенія выгодно только

1) 1832 г., № 1190.

для одного откупа, и вредно во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Государь положилъ резолюцію: *«согласенъ съ мнѣніемъ государственнаго контролера»*. Дѣло это особенно интересно двумя приведенными помѣтами Государя,—которыя съ очевидностью указываютъ на то значеніе, которое Государь придавалъ обсужденію дѣла въ Комитетѣ Министровъ: можно сказать, Государь выслушивалъ совѣты и мнѣнія по поставленному Имъ вопросу; первая помѣта Государя показываетъ, что Онъ какъ будто соглашался уже на разрѣшеніе устроить по мнѣнію Комитета и желалъ только оградить солдатъ отъ соблазна штофныхъ лавокъ; когда же Государь прочиталъ изложенное въ концѣ мнѣніе Хитрово, исключающее положеніе Комитета, Онъ, уже окончательно, согласился и утвердилъ это отдѣльное мнѣніе [1]).

Для болѣе успѣшнаго производства торговъ на казенныя поставки гр. Бенкендорфъ предложилъ привести въ исполненіе мысль, высказанную однимъ изъ его подчиненныхъ, чтобы на торгахъ по значительнымъ казеннымъ подрядамъ присутствовали жандармскіе штабъ-офицеры также, какъ это допущено по рекрутскимъ наборамъ; предполагалось, что жандармскіе штабъ-офицеры не будутъ вмѣшиваться въ торги, а останутся лишь внимательными наблюдателями того, что будетъ происходить, и такимъ образомъ они будутъ въ состояніи доводить до свѣдѣнія о всякомъ, скрытомъ даже, намѣреніи, направленномъ ко вреду казны. Мысль эта не была вполнѣ отвергнута Государемъ, и по Высочайшему повелѣнію гр. Бенкендорфъ обратился къ Комитету съ тѣмъ, чтобы послѣдній опредѣлилъ, до какой именно суммы торги должны считаться значительными и постановилъ правило, по которому бы всѣ присутственныя мѣста обязаны были извѣщать заблаговременно жандармскихъ штабъ-офицеровъ о предстоящихъ торгахъ. Комитетъ, однако, рѣшительно высказался противъ этого предложенія: осуществленіе этой мысли, по мнѣнію Комитета, не только было бы сопряжено съ важными неудобствами, но даже не достигало бы и желаемой цѣли: торги до 25.000 р., а иногда и выше этой суммы, утверждаются мѣстнымъ начальствомъ, и, слѣдовательно, пока замѣчанія дойдутъ до свѣдѣнія высшаго правительства контракты будутъ уже

---

1) 1833 г., № 24.

заключены; затѣмъ, одно опасеніе мнимыхъ жандармскихъ донесеній можетъ отклонить отъ торговъ робкихъ промышленниковъ, слѣдовательно пониженія цѣнъ не послѣдуетъ; главное же, трудно при производствѣ торговъ сдѣлать такія наблюденія, потому что тайныя дѣйствія, направленныя къ ущербу казны, совершаются внѣ присутствія, и для того, чтобы открыть ихъ, слѣдуетъ удалить прежде всего всякую мысль о наблюденіи за производствомъ торговъ со стороны жандармскихъ офицеровъ; сверхъ того донесенія эти будутъ дѣлаемы безъ всякой отвѣтственности за нихъ, но между тѣмъ и въ средѣ жандармскихъ офицеровъ могутъ быть поползновенія къ злоупотребленіямъ, а мѣстныя власти увидятъ въ этомъ доказательство недовѣрія къ себѣ. По этимъ соображеніямъ Комитетъ предложилъ отклонить эту мысль [1]), что и было утверждено Государемъ.

Въ 1831 г. гр. Бенкендорфъ доложилъ Государю, что по дошедшимъ до него народнымъ толкамъ о Монаршей милости,—дозволеніи исключить изъ ревизскихъ списковъ всѣхъ умершихъ отъ холеры, немногія сравнительно лица могутъ воспользоваться этою милостью, потому что для этого требуется: 1) подать прошеніе духовному начальству, 2) получить отъ него свидѣтельство и 3) представить это свидѣтельство въ казенную палату; живущія вдали отъ губернскихъ городовъ не могутъ, поэтому, воспользоваться Монаршею милостью; и много говорятъ въ обществѣ, что удобнѣе было бы произвести новую ревизію. Государь приказалъ гр. Бенкендорфу внести дѣло въ Комитетъ. Комитетъ объ этомъ разсуждалъ такъ: ревизія есть исключеніе и включеніе, доказательства чьей либо смерти будутъ также необходимы и при ревизіи, ибо и при ней требуются свѣдѣнія исключительно вѣрныя; затѣмъ, ревизія приводитъ въ движеніе населеніе всего государства; поэтому едва ли удобно производить ее во время войны, разстройства, эпидемическихъ болѣзней; между тѣмъ и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще свирѣпствуетъ холера, въ другихъ — продолжаются военныя дѣйствія; слѣдовательно теперь произвести ревизію будетъ крайне невыгодно для обществъ, которыя потомъ постигнетъ холера; наконецъ, очень многія общества и лица примутъ реви-

1) 1835 г., № 162.

зію за мѣру финансовую, принятую въ интересахъ государства, а не населенія [1]). Государь согласился съ разсужденіемъ Комитета.

Во время польскаго мятежа особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ запрещено было уроженцамъ Западнаго края пріѣзжать въ Петербургъ и опредѣляться на службу; по возстановленіи спокойствія гр. Бенкендорфъ возбудилъ вопросъ, нельзя ли отмѣнить это распоряженіе? Комитетъ и на этотъ разъ призналъ, что воспрещеніе это было вызвано исключительными обстоятельствами, которыхъ теперь нѣтъ, и что западное дворянство, оставаясь дома, будетъ только предаваться вредной праздности; почему Комитетъ и полагалъ дозволить имъ пріѣзжать въ Петербургъ, но не иначе, какъ по удостовѣреніи въ ихъ поведеніи и образѣ мыслей. Государь рѣшилъ такъ: «*спрашивать всякій разъ моего разрѣшенія, но не препятствовать къ ихъ опредѣленію*» [2]). Поэтому, когда Комитетъ черезъ годъ объ уроженцахъ Западнаго края положилъ: прежде опредѣленія ихъ на службу въ столичныхъ учрежденіяхъ,—наводить объ нихъ справки, тогда Государь написалъ на журналѣ: «*весьма справедливо*» [3]).

Гораздо больше поступало въ Комитетъ представленій изъ III Отдѣленія по дѣламъ частнымъ: чрезъ III Отдѣленіе очень многіе старались возстановить свою честь и служебное положеніе, отмѣнить послѣдствія приговора, какъ бы высоко ни стояло учрежденіе, постановившее приговоръ. Штабъ-лекарь Р—въ, за неправильное освидѣтельствованіе рекрутъ, былъ заподозрѣнъ въ лихоимствѣ и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта назначенъ за это на службу въ одну изъ сибирскихъ губерній. Холера 1831 г. застала его, однако, еще въ Одессѣ; во время эпидеміи онъ самоотверженно спасъ многихъ людей, самъ дважды заболѣвалъ холерою, чѣмъ до такой степени разстроилъ свое здоровье, что, по словамъ оффиціальнаго донесенія, не могъ ѣхать въ Сибирь; къ тому же у него на рукахъ было четверо дѣтей, взять которыхъ въ Сибирь съ собою онъ не имѣлъ средствъ. Гр. Бенкендорфъ передалъ просьбу на Высочайшее воззрѣніе; Государь приказалъ Комитету дать свое заклю-

---

1) 1831 г., № 1387.
2) 1832 г., № 2079.
3) 1833 г., № 781.

ченіе; Комитетъ нашелъ, что въ виду всего вышеизложеннаго можно этого лекаря оставить на мѣстѣ его теперешняго мѣстожительства, подъ ближайшимъ надзоромъ, безъ права выѣзда и не назначая его для освидѣтельствованія рекрутъ [1]). Сыновья, корнетъ и юнкеръ П—вы, просили за своего 64-лѣтняго отца, который за подчистку платежной росписки былъ лишенъ дворянства и чиновъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь; сыновья просили позволенія принять на себя отцовскій проступокъ и искупить его своею солдатскою службою; и это дѣло доходило до Государственнаго Совѣта, но судебное рѣшеніе не было измѣнено; Комитетъ, отдавъ должное сыновней любви, нашелъ однако несовмѣстнымъ и несправедливымъ удовлетворить просьбу; въ виду же нѣкоторыхъ смягчающихъ обстоятельствъ, т. е. преклонныхъ лѣтъ обвиненнаго, смерти его старшаго сына на войнѣ, большой семьи, Комитетъ нашелъ возможнымъ оставить отца П-хъ на мѣстѣ его жительства, не возвращая ему ни дворянства, ни чиновъ [2]). Оба эти рѣшенія были утверждены. Жена чиновника жаловалась на рѣшеніе, также разсмотрѣнное Государственнымъ Совѣтомъ, по дѣлу о составленіи разныхъ подложныхъ актовъ для расхищенія имущества, оставшагося по смерти ея отца; при разсмотрѣніи дѣла въ Совѣтѣ министръ юстиціи подтвердилъ, что записка по дѣлу составлена была оберъ-секретаремъ Сената спутанно, сбивчиво и темно, за что ему уже и сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Комитетъ, разобравъ дѣло, нашелъ, что въ производствѣ его были существенные недостатки и упущенія, что нѣкоторыя важныя обстоятельства не были представлены Государственному Совѣту, вслѣдствіе чего Комитетъ и полагалъ пересмотрѣть это дѣло снова въ Совѣтѣ. Рѣшеніе это было утверждено Государемъ [3]). Въ 1820 г. нѣкій штабсъ-капитанъ В. за укоризны въ прошеніи насчетъ священника былъ приговоренъ къ трехдневному аресту; затѣмъ, онъ былъ выбранъ Тверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; Сенатъ не утвердилъ этого выбора, но жандармскаго корпуса ротмистръ Апраксинъ довелъ до свѣдѣнія гр. Бенкендорфа и объ отличныхъ качествахъ штабсъ-капитана В. и о желаніи всего дворянства видѣть его на этомъ мѣстѣ. Государь при-

---

1) 1832 г., № 951.
2) 1832 г., № 991.
3) 1832 г., № 1145.

казалъ гр. Бенкендорфу внести дѣло въ Комитетъ; Комитетъ не рѣшился просить объ утвержденіи В. предводителемъ, но полагалъ возможнымъ дозволить ему впредь участвовать въ дворянскихъ выборахъ [1]). Мнѣніе это было утверждено.

Чрезъ III Отдѣленіе кн. Кольцовъ-Масальскій просилъ назначить послѣ его смерти опеку надъ его имѣніемъ въ виду того, что сынъ его велъ расточительный образъ жизни [2]). Послѣ пожара, бывшаго въ г. Балашовѣ (Сарат. губ.), возникло тамъ предположеніе объ устройствѣ общества добровольныхъ пожарныхъ; о предположеніи этомъ гр. Бенкендорфъ докладывалъ Государю и получилъ повелѣніе внести его въ Комитетъ Министровъ. Проектъ устава 2 страхового отъ огня общества также былъ внесенъ въ Комитетъ гр. Бенкендорфомъ; оба эти представленія были переданы Комитетомъ на предварительное разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ [3]). Гр. Бенкендорфъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; впослѣдствіи гр. Бенкендорфъ просилъ, чтобы этому учебному заведенію даны были права и преимущества коронныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній 2-го разряда; вопреки мнѣнію министра народнаго просвѣщенія Уварова Комитетъ принялъ предложеніе Бенкендорфа; Уваровъ остался при своемъ мнѣніи, но Государь согласился съ мнѣніемъ большинства [4]). Смоленскій генералъ - губернаторъ, кн. Долгоруковъ, просилъ освободить бывшихъ и нынѣшнихъ членовъ Минской казенной палаты отъ денежнаго взысканія, производившагося на пополненіе растраты, сдѣланной бывшимъ уѣзднымъ казначеемъ. Комитетъ Министровъ, согласно мнѣнію министра финансовъ, отказалъ въ удовлетвореніи ходатайства генералъ-губернатора. Тогда одинъ изъ числа чиновниковъ, у которыхъ производились вычеты, обратился съ просьбою къ начальнику IV отдѣленія корпуса жандармовъ, а тотъ доложилъ эту просьбу гр. Бенкендорфу, представившему ее Государю: отставной чиновникъ 80 лѣтъ, потерявшій зрѣніе, отецъ многочисленнаго семейства, долженъ былъ половину своей пенсіи въ 1.500 р. отдавать на

---

1) 1833 г., № 7.
2) 1833 г., № 448.
3) 1833 г., №№ 1441 и 2292.
4) 1839 г., № 1269.

пополненіе растраты. Дѣло опять поступило въ Комитетъ; министръ финансовъ заявилъ, что онъ не можетъ съ своей стороны ходатайствовать о сложеніи взысканія съ этого чиновника, но если Комитетъ приметъ во вниманіе открывшіяся особыя обстоятельства этой просьбы, то отъ Монаршаго милосердія зависитъ прощеніе взысканія; Комитетъ принялъ это заключеніе, и Государь согласился на прощеніе этого чиновника [1]).

Чрезъ графа же Бенкендорфа поступила на разсмотрѣніе Комитета всеподданнѣйшая просьба статсъ-дамы кн. Волконской объ учрежденіи попечительства надъ имѣніями, принадлежащими сыну ея, государственному преступнику Волконскому; имѣніе это было: родовое владѣніе въ 2,127 душ. и благопріобрѣтенное—каменный домъ въ Одессѣ; родовое имѣніе, какъ принадлежность сына Волконскаго, кн. Николая,—отдано было въ опекунское управленіе въ 1827 г.; второе,—принадлежавшее собственно его женѣ, находилось въ управленіи ея отца. Между тѣмъ кн. Ник. Волконскій умеръ; имѣніе родовое перешло по наслѣдству кн. Репнину-Волконскому, который рѣшилъ оставить это имѣніе въ пожизненномъ владѣніи жены преступника Сергѣя Волконскаго, уполномочивъ управлять имѣніемъ ея отца, ген. Раевскаго, а по смерти его, свою мать, кн. Волконскую, которая и подала приведенную просьбу, испрашивая также и разрѣшеніе продать часть имѣнія для расплаты съ долгами, лежавшими на немъ. Между тѣмъ было постановлено, что жены государственныхъ преступниковъ, которыя послѣдуютъ за своими мужьями, дѣлаются причастными ихъ судьбѣ и теряютъ прежнее званіе, т. е. будутъ признаваемы женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти ихъ—казенными крестьянами. Министръ юстиціи находилъ, что это постановленіе нельзя принимать за законъ, и что жена Сергѣя Волконскаго не лишена права наслѣдовать и располагать имуществомъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, почему слѣдуетъ спросить ея согласіе на продажу части имѣнія.

Комитетъ, однако, нашелъ, что права Волконской пріостановлены и ограничены для общественной безопасности, что и по смерти мужа она не можетъ вступить въ полное обладаніе имѣніями и не можетъ непосредственно пользоваться доходами

1) 1839 г., № 180.

имѣній: она должна уже теперь раздѣлить судьбу мужа,—въ противномъ случаѣ ослаблена будетъ сила приговора.

Государь приказалъ: признавать Волконскую женою ссыльно-каторжнаго, дѣтей—казенными крестьянами; дозволить ей получать доходы чрезъ подлежащее начальство, а на прочее истребовать формальное согласіе наслѣдниковъ [1]).

Дѣла, поступавшія въ Комитетъ изъ Коммисіи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, довольно близко подходятъ по своему содержанію къ послѣдней категоріи дѣлъ, поступавшихъ чрезъ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи; это—всевозможныя просьбы и жалобы частныхъ лицъ на распоряженія властей, на судебные приговоры, просьбы о пособіяхъ и т. п. По представленіи прошенія Государю, Онъ часто писалъ на нихъ «Въ Комитетъ Министровъ», т. е. это были особыя порученія, которыя давались Комитету Министровъ, или дѣла, по которымъ Государь желалъ знать мнѣніе Комитета.

Изъ многочисленныхъ дѣлъ этихъ значеніе для опредѣленія круга дѣйствій Комитета имѣютъ жалобы на рѣшенія Государственнаго Совѣта и на распоряженія министровъ и другихъ членовъ Комитета.

Весьма важнымъ представляется вопросъ, можно ли было жаловаться на рѣшенія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденныя? На практикѣ вопросъ этотъ, какъ и видно изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, разрѣшался утвердительно, и Комитетъ Министровъ не разъ постановлялъ, чтобы дѣло, рѣшенное Совѣтомъ, было пересмотрѣно имъ снова: причиною этого обыкновенно выставлялось то, что при рѣшеніи дѣла Совѣтомъ не всѣ обстоятельства дѣла были въ виду Совѣта. Такое разсужденіе Комитета было совершенно согласно съ образованіемъ Государственнаго Совѣта 1810 г., § 90 котораго дѣйствительно было запрещено приносить жалобы на Высочайше утвержденныя рѣшенія Совѣта, но въ то же время позволялось приносить жалобы въ Коммисію Прошеній на неправильное или неточное изложеніе дѣла въ представленіи Государственному Совѣту. Коммисія Прошеній держалась, однако, иного взгляда, полагая, что всѣ жалобы на Высочайше утвержденныя рѣшенія Совѣта должны

1) 1833 г., № 447.

быть отвергаемы. Вопросъ выяснился по слѣдующему дѣлу Бенардоса.

Бенардосъ отыскивалъ имѣніе, якобы насильственно отнятое у предковъ его жены предками помѣщика Млодецкаго; дѣло доходило до Государственнаго Совѣта и оставлено имъ безъ удовлетворенія. Въ 1829 г. Бенардосъ принесъ жалобу въ Коммисiю Прошенiй на это рѣшенiе Совѣта; но и эта просьба оставлена была также безъ уваженія; тогда снова поступила отъ Бенардоса туда же просьба о назначенiи по этому дѣлу особой коммисiи подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Павловича. Коммисiя Прошенiй постановила тогда: обязать Бенардоса не утруждать больше Государя просьбами; несмотря на это Бенардосъ нашелъ возможнымъ подать новую просьбу въ Коммисiю же;—на этотъ разъ онъ увѣрялъ, что будто 29 сенаторовъ были согласны признать его претензiю справедливою; противъ былъ только одинъ тогдашнiй министръ юстицiи, кн. Лобановъ-Ростовскiй, поэтому и дѣло было перенесено въ Государственный Совѣтъ; Государственная Канцелярiя неправильно изложила дѣло въ представленiи Совѣту, на что онъ и жалуется, заявляя, что готовъ подвергнуться строжайшему суду въ томъ случаѣ, если напрасно утруждаетъ Государя. Дѣло велѣно было разсмотрѣть Комитету. Комитетъ въ просьбахъ Бенардоса увидѣлъ жалобы на Государственную Канцелярiю и на рѣшенiе Коммисiи Прошенiй, оставившей его просьбы безъ уваженія на томъ основанiи, что дѣло было рѣшено Совѣтомъ. По мнѣнiю Комитета § 90 образованiя Государственнаго Совѣта дѣйствительно запрещаетъ Коммисiи Прошенiй принимать жалобы на Высочайше конфирмованныя рѣшенiя Совѣта, но изъ правилъ этихъ исключаются жалобы, относящiяся не къ рѣшенiю Совѣта, а къ представленiямъ, на которыхъ основаны рѣшенiя Совѣта,—по этимъ соображенiямъ Комитетъ положилъ спросить Коммисiю Прошенiй, чѣмъ она руководствовалась въ отказѣ на прошенiе Бенардоса. Статсъ-секретарь Лонгиновъ, управлявшiй Коммисiей, отвѣтилъ, что всеподданнѣйшiя жалобы на рѣшенiя Государственнаго Совѣта всегда были оставляемы Коммисiей безъ уваженія и разсмотрѣнiя на томъ основанiи, что удостовѣриться въ томъ, что жалоба подана не на рѣшенiе, а на неправильное изложенiе его Государственной Канцелярiей можно не иначе, какъ повѣркою дѣла, что § 90 образованiя

Совѣта Коммисіи не позволено; статсъ-секретарь Лонгиновъ добавилъ, что и Комитету Министровъ поручено разсмотрѣть не самое дѣло, а только дѣйствія Бенардоса, не исполнившаго данной имъ подписки. Тогда Комитетъ постановилъ такое заключеніе: поступокъ Бенардоса предать законному разсмотрѣнію подлежащаго судебнаго мѣста; но такъ какъ извѣтъ Бенардоса на Государственную Канцелярію, какъ по важности своей, такъ и по достоинству самаго мѣста, не можетъ быть оставленъ безъ должнаго обслѣдованія, то Комитетъ полагаетъ, что дѣйствія Государственной Канцеляріи должны быть разсмотрѣны Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта. Обращаясь, наконецъ, къ правилу, принятому Коммисіей Прошеній, Комитетъ находитъ, что по точному разуму § 90 не только не возбранено, но, напротивъ, постановлено вносить въ Коммисію жалобы на рѣшенія Государственнаго Совѣта, основанныя на неправильныхъ или неполныхъ представленіяхъ; но такъ какъ въ случаѣ утвержденія и обнародованія такого рѣшенія Комитета можетъ возникнуть много новыхъ дѣлъ, то Комитетъ считаетъ болѣе удобнымъ передать вопросъ на обсужденіе самого Совѣта [1]). Это положеніе Комитета было утверждено Государемъ.

На такомъ же основаніи Комитетомъ рѣшено было слѣдующее дѣло. Кн. Козловскій, бывшій Костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, обвиненъ былъ, какъ одинъ изъ соучастниковъ губернатора Пасынкова, въ неправильной отдачѣ на содержаніе почтовыхъ станцій губерніи. Послѣ его смерти дочери и наслѣдницы его представили акты Костромской казенной палаты, доказывавшіе невиновность ихъ покойнаго отца, и на этомъ основаніи просили пересмотра дѣла, которое между тѣмъ прошло уже всѣ инстанціи и доходило до Государственнаго Совѣта; рѣшеніемъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ было постановлено, что отвѣтствовать за непорядочное производство торговъ долженъ не одинъ Пасынковъ, но и казенная палата, и губернскій предводитель и губернскій прокуроръ; Общее Собраніе Совѣта не только признало дѣйствія Пасынкова неправильными, но видѣло въ дѣйствіяхъ его сильное подозрѣніе на поползновеніе къ лихоимству и положило взыскать переданную сумму съ

---

1) 1832 г., № 1455.

Пасынкова и прочихъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, не назвавъ ихъ по именамъ. Комитетъ, разсмотрѣвъ представленные ему документы, призналъ ихъ весьма сильными доказательствами невиновности покойнаго кн. Козловскаго, но въ тоже время Комитетъ замѣтилъ, что всякое присутственное мѣсто могло бы встрѣтить затрудненіе въ разрѣшеніи просьбы наслѣдницъ кн. Козловскаго, имѣя въ виду Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ прописано обвиненіе кн. Козловскаго; Комитетъ призналъ и то, что есть разница между заключеніями Департамента Совѣта и Общаго Собранія, но Комитетъ не считалъ себя въ правѣ входить въ пререканіе, вполнѣ ли принято Общимъ Собраніемъ Совѣта заключеніе Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, и Общее Собраніе Совѣта, назначивъ взысканіе и *съ прочихъ*, опредѣленіе послѣднихъ предоставляло ли тому мѣсту, по распоряженію котораго должно производиться присужденіе ко взысканію? По мнѣнію Комитета даже Сенатъ поставленъ былъ бы въ затрудненіе рѣшительнымъ заключеніемъ Совѣта; поэтому Комитетъ положилъ: не благоугодно ли будетъ Государю передать дѣло опять въ Государственный Совѣтъ, остановивъ пока исполненіе по утвержденному уже заключенію. Государь утвердилъ это положеніе Комитета [1]).

Чиновникъ Савловскій отрѣшенъ былъ отъ должности за ложный доносъ, съ приказаніемъ впредь его никуда не опредѣлять; онъ подалъ прошеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ и обвиненіе на Коммисію Прошеній, которая послѣ утомительныхъ проволочекъ отказываетъ обыкновенно просителямъ, признавая самыя незаконныя рѣшенія правильными. Тогда Коммисія Прошеній, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, довела прошеніе Савловскаго до Высочайшаго свѣдѣнія; но Государь не соизволилъ на удовлетвореніе прошенія; и слѣдующее прошеніе Савловскаго оставлено было безъ вниманія; тогда Савловскій подалъ еще разъ новое прошеніе, въ которомъ Коммисія обратила особенное вниманіе на выраженія Савловскаго. Въ прошеніи Савловскій называлъ дѣйствія военнаго губернатора по отношенію къ нему слѣдствіемъ страсти съ увѣренностью въ своей ненаказанности; видѣлъ въ этихъ дѣйствіяхъ даже умаленіе власти Государя, въ десницѣ Коего совокуплены спокой-

---

1) 1831 г., № 1414.

ствіе людей и ручательство въ огражденіи ихъ отъ неправды и насилія, разрушающихъ общее благо, ожесточающихъ народъ и ведущихъ ко всѣмъ послѣдствіямъ, рождаемымъ крайностью и насиліемъ; «положеніе мое, писалъ онъ, вопіетъ къ небу»— и онъ проситъ разсмотрѣть его дѣло въ Сенатѣ. Комитетъ нашелъ, что Савловскій имѣлъ право просить о пересмотрѣ дѣла въ Общемъ Собраніи Сената, но дерзость употребленныхъ имъ выраженій выше всякой мѣры, почему Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета постановлено отказать ему въ просьбѣ, а за дерзость, выдержавъ нѣкоторое время въ крѣпости, сослать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ имѣть за нимъ строгій надзоръ [1]). Коллежскій секретарь Михайловъ удаленъ былъ отъ должности вслѣдствіе рѣшенія VI Департамента Сената, которымъ Михайловъ признанъ былъ сильно заподозрѣннымъ въ лихоимствѣ; Михайловъ сначала просилъ возвратить ему только 1.872 р., издержанные имъ будто бы на разъѣзды по должности; но и министерство финансовъ и Сенатъ отказали ему въ просьбѣ. Тогда Михайловъ подалъ доносъ на министерство финансовъ, обвиняя послѣднее въ сокрытіи разныхъ злоупотребленій по Вятскому казенному винокуренному заводу. На это послѣдовало Высочайшее рѣшеніе, чтобы онъ впредь воздерживался отъ подобныхъ дѣйствій. Но Михайловъ принесъ опять жалобу, уже на Коммисію Прошеній, которая будто бы основала свои рѣшенія на превратномъ изложеніи дѣла, сдѣланнаго въ Сенатѣ, а кромѣ того онъ подалъ Государю прошеніе о предполагаемыхъ имъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ по государственному управленію. На это послѣдовало рѣшеніе Коммисіи: пусть Михайловъ обратится къ тѣмъ начальникамъ, къ которымъ относятся его предположенія. Тогда Михайловъ сталъ жаловаться, что Коммисія не даетъ хода его бумагамъ и заграждаетъ ему путь къ правосудію, а вмѣстѣ просилъ не лишать его средствъ къ пропитанію и не убивать въ немъ духа соревнованія ко благу отечества. Коммисія положила обязать Михайлова подпискою не подавать болѣе такихъ бумагъ, но Государь приказалъ внести дѣло въ Комитетъ, чтобы Комитетомъ опредѣлены

---

[1]) 1832 г., № 1047.

*

были законныя мѣры противъ Михайлова, какъ нарушителя законнаго порядка. Комитетъ положилъ предоставить министру юстиціи, дабы съ Михайловымъ поступлено было по законамъ, что и было утверждено [1]).

Сравнительно многочисленныя жалобы уволенныхъ чиновниковъ чрезъ Коммисію Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, требовали установленія болѣе опредѣленныхъ отношеній между Коммисіей и Комитетомъ, чѣмъ тѣ, которыя уже установились въ предыдущее царствованіе. Первое столкновеніе между Коммисіей и Комитетомъ произошло изъ за порядка сообщенія Коммисіи положеній Комитета. Отставной тайный совѣтникъ Казадаевъ обратился къ Государю чрезъ Коммисію съ прошеніемъ о томъ, найдется ли во всей Имперіи другой примѣръ, чтобы чиновникъ, облеченный важнѣйшимъ званіемъ, какое онъ носилъ, получилъ пенсію въ 1.333 р.? Комитетъ, усмотрѣвъ, что кромѣ полнаго пенсіона Казадаеву пожалована была при увольненіи аренда въ 2.500 р. сер., отказалъ ему въ просьбѣ и объ этомъ сообщилъ выпискою изъ журнала статсъ-секретарю Лонгинову. Черезъ нѣсколько времени Лонгиновъ довелъ до свѣдѣнія Комитета, что Государь повелѣлъ сообщить Комитету, дабы онъ положенія свои на основаніи прежняго порядка объявлялъ непосредственно чрезъ своихъ членовъ, до кого изъ нихъ дѣла относиться могутъ, а потому и въ объявленіи Казадаеву поступилъ бы также. Комитетъ положилъ сообщить это управляющему министерствомъ юстиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ донести Государю, что Казадаевъ занималъ также званіе члена Коммисіи Прошеній [2]). Важнѣе былъ вопросъ, должны ли министерства и другія главныя управленія сообщать Коммисіи Прошеній свѣдѣнія, отчего или на основаніи чего дурно аттестованъ тотъ или другой чиновникъ. Вопросъ очень важный, который, въ случаѣ удовлетворительнаго его рѣшенія, поставилъ бы министерства подъ нѣкоторый контроль Коммисіи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Уволенный въ отставку статскій совѣтникъ Мясоѣдовъ принесъ жалобу на министра юстиціи за отказъ въ назначеніи ему, Мясоѣдову, пенсіи. Управляющій Коммисіей, статсъ-секретарь Лонгиновъ, потребовалъ

---

1) 1832 г., № 1219.
2) 1831 г., № 2164.

доставить ему свѣдѣнія, когда послѣдовали дурныя о Мясоѣдовѣ аттестаціи и въ чемъ онѣ заключались. Министръ юстиціи затруднился дать отвѣтъ въ виду того, что Мясоѣдовъ былъ прикосновененъ къ дѣлу о припискѣ, сдѣланной сенаторами послѣ состоявшагося уже опредѣленія, т. е. министръ считалъ неудобнымъ разглашать такое дѣло. Комитетъ сталъ на сторону министра; Комитетъ призналъ, что извѣстный манифестъ 1810 г. Января 1 предоставляетъ Коммисіи право по жалобамъ на министерства собирать нужныя свѣдѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ призналъ и то, что въ отзывѣ, данномъ отъ министра юстиціи Мясоѣдову, столь положительно изъяснены причины отказа ему въ пенсіи, что едва ли нужны были дальнѣйшія свѣдѣнія при той степени довѣренности, которую должно имѣть къ званію министра: требовать отъ министровъ объясненій или отвѣтовъ о побудительныхъ къ распоряженіямъ ихъ причинахъ не въ правѣ ни Коммисія Прошеній, ни другое мѣсто или лицо безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія, тѣмъ болѣе относительно чиновника, отвергнутаго отъ службы именнымъ Высочайшимъ указомъ безъ объясненія причинъ, ибо таковые чиновники не могутъ даже просить и о судѣ надъ ними. Поэтому Комитетъ полагалъ постановить на будущее время слѣдующее правило: всякія справки, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, нужныя для одной полноты дѣла или для удостовѣренія въ справедливости показаній просителя, могутъ быть требуемы отъ министерствъ не иначе, какъ по доведеніи заключенія о томъ Коммисіи Прошеній предварительно до Высочайшаго свѣдѣнія. Положеніе это было утверждено Государемъ [1]).

Увольненія, самыя разнообразныя, отъ службы вызывали много жалобъ, какъ сказано выше. Любопытно, что точки зрѣнія Государя и Комитета на порядокъ увольненій высказались вполнѣ по жалобѣ лица, которое само потомъ сдѣлалось министромъ.

С. С. Уваровъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія и членъ Комитета, подалъ жалобу на министра финансовъ Канкрина: по особой волѣ покойнаго Государя онъ, Уваровъ, поступилъ на службу въ министерство финансовъ; во время службы этой неоднократно онъ былъ награждаемъ

[1]) 1832 г., № 527.

и поощряемъ; между тѣмъ теперь, находясь въ отпуску, узналъ, что въ день коронаціи пожалованъ онъ сенаторомъ съ увольненіемъ отъ управленія государственнымъ банкомъ; что какъ назначеніе въ сенаторы, такъ и увольненіе его сдѣлано безъ всякаго предварительнаго съ нимъ сношенія или объясненія, сдѣлано во время его отпуска и что все это тѣмъ обиднѣе для него, что сотоварищи его по службѣ въ банкѣ кн. Хованскій и гр. Ламбертъ сохранили свои мѣста съ назначеніемъ ихъ въ Сенатъ. Чувство чести, писалъ Уваровъ, заставляетъ его просить изслѣдовать его управленіе. Когда рапортъ Уварова въ первый разъ былъ заслушанъ въ Комитетѣ, то Комитетъ положилъ: министру финансовъ представить Комитету свѣдѣнія и мнѣнія свои по этому дѣлу; Канкринъ при подписаніи журнала заявилъ, что на это положеніе онъ не согласенъ, ибо разъ состоялся указъ о назначеніи Уварова, то имъ покрываются всѣ причины такого назначенія. Тогда Комитетъ рѣшилъ такъ: разъ Уваровъ пожалованъ званіемъ сенатора, то ему нѣтъ никакой причины жаловаться на увольненіе; если бы съ его стороны были какія упущенія по службѣ, то начальство обратило бы на это вниманіе, а главное, Комитетъ полагалъ, что вообще жалобы на увольненія отъ должностей по Высочайшимъ повелѣніямъ несовмѣстны и допускаемы быть не должны; только въ случаѣ если въ Высочайшемъ указѣ изъяснены причины увольненія, уволенный, буде считаетъ себя невиннымъ, не можетъ быть лишенъ права принести просьбу и для оправданія просить суда надъ собой. Государь написалъ на меморіи: «*совершенно справедливо и согласно съ моимъ понятіемъ*» [1]).

Когда Уваровъ былъ уже министромъ, бывшій профессоръ Казанскаго университета Жобаръ подалъ гр. Бенкендорфу жалобу, а Уварову написалъ дерзкое письмо по тому поводу, что ему не позволено было называться въ отставкѣ ординарнымъ профессоромъ и носить мундиръ; Жобаръ объяснялъ, что онъ потому и написалъ такъ предосудительно письмо министру, чтобы оно было представлено выше и что онъ даже желалъ бы быть взятымъ подъ стражу, лишь бы Государь узналъ о причинѣ его поступка. Жобару, во первыхъ, Комитетомъ запрещено было называться ординар-

---

*) 1829 г., № 1658.

нымъ профессоромъ, а во вторыхъ, Комитетъ положилъ было арестовать его на два мѣсяца при полиціи; только заявленіе Уварова, что такой поступокъ Жобара онъ приписываетъ разстроенному состоянію умственныхъ способностей его, избавило Жобара отъ ареста [1]).

Затѣмъ на Уварова подалъ жалобу чиновникъ особыхъ порученій Свѣчинъ. По его словамъ еще при гр. Ливенѣ ему было заявлено, чтобы онъ, Свѣчинъ, просилъ увольненія отъ службы, потому что жалованье получаетъ, а ничего не дѣлаетъ; Свѣчинъ отказался отъ подачи прошенія на томъ основаніи, что занятія его зависятъ отъ возлагаемыхъ на него порученій начальствомъ; но директоръ департамента, уже отъ имени Уварова, требовалъ, чтобы Свѣчинъ непремѣнно подалъ въ отставку, угрожая, что въ противномъ случаѣ ему непремѣнно прекращена будетъ выдача жалованья. Свѣчинъ, однако, упорно отказывался подать въ отставку. Уваровъ могъ бы его уволить, но въ виду того, что Свѣчину оставалось не долго до выслуги пенсіи, позволилъ остаться, приказавъ дать Свѣчину нѣкоторыя порученія: съ одной стороны отмѣчать отступленія отъ закона во всѣхъ поступающихъ въ департаментъ бумагахъ, а съ другой—дежурить въ департаментѣ. Свѣчинъ нашелъ, что первое—слишкомъ важное дѣло, которое долженъ дѣлать директоръ департамента, а второе, дежурство, низко для него, чиновника особыхъ порученій, и, усмотрѣвъ въ этомъ только желаніе отъ него отдѣлаться, подалъ прошеніе на Высочайшее Имя, въ которомъ весьма рѣзко выражался о распоряженіяхъ Уварова. Государь, получивъ это прошеніе, написалъ на немъ: «*въ Комитетъ Министровъ на разсмотрѣніе въ присутствіи г. Уварова*». Комитетъ призналъ прежде всего, что начальство Свѣчина имѣло полную возможность распорядиться само сразу отставкою Свѣчина и если бы оно такъ поступило, то не обременило бы Высочайшей власти просьбою Свѣчина; но, конечно, своими дѣйствіями оно должно было бы возбудить въ Свѣчинѣ только благодарность къ себѣ, на дѣлѣ же Свѣчинъ рѣшилъ остаться на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Поэтому Комитетъ, опредѣляя увольненіе Свѣчина, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ сдѣлать ему выговоръ за его рѣзкія выраженія

1) 1833 г., № 1261.

въ прошенiи. Уваровъ, который находился по Высочайшему повелѣнiю въ Комитетѣ, но воздержался отъ участiя въ сужденiи, представляя Комитету свои объясненiя по дѣлу, просилъ Комитетъ не дѣлать Свѣчину выговора, который лишилъ бы его права на пенсiю. Комитетъ положилъ представить это ходатайство на Высочайшее усмотрѣнiе. Резолюцiя Государя: «*Раздѣляю мнѣнiе Комитета, что совершенно напрасно и я нахожу неблаговидно было г. Уварову принимать подобныя мѣры, чтобы удалить отъ службы чиновника по его мнѣнiю безполезнаго для оной; его могъ онъ уволить просто отъ занимаемаго имъ мѣста. Принявъ же иныя средства, подалъ онъ поводъ ко всѣмъ дерзостямъ, въ которыхъ г. Свѣчинъ сдѣлался виновнымъ. Сего послѣдняго, сдѣлавъ ему строгiй выговоръ, уволить, не лишая пенсiона. Г. Уварову же поставить на видъ, чтобы впредь дѣйствовалъ прямо по власти ему данной, не изыскивая средствъ, несогласныхъ съ порядкомъ службы*» [1]). Скоро опять на распоряженiе министерства народнаго просвѣщенiя подана была чрезъ Коммисiю Прошенiй жалоба, возбудившая гнѣвъ Государя. Учитель Псковской гимназiи Митинскiй за нетрезвое поведенiе отданъ былъ въ солдаты, рядовымъ. Отецъ его, заслуженный протоiерей г. Солигалича (Костромской губернiи), принесъ чрезъ Коммисiю Прошенiй всеподданнѣйшее прошенiе, умоляя сына его наказать такъ, чтобы онъ вину свою почувствовалъ, но не погибъ окончательно. Коммисiя Прошенiй въ своемъ заключенiи нашла, что съ бывшимъ учителемъ Митинскимъ поступили на основанiи указа 1811 г. правильно, но такъ какъ онъ страдаетъ запоемъ, т. е. скорѣе боленъ, чѣмъ человѣкъ дурнаго поведенiя, можно отдать его отцу на излеченiе. Государь приказалъ Уварову представить чрезъ Комитетъ Министровъ подробныя объясненiя по этому дѣлу. Уваровъ представилъ слѣдующее: въ теченiе 1832 г. студентъ Петербургскаго университета Митинскiй нѣсколько разъ самовольно отлучался изъ университета; ректоръ дѣлалъ ему выговоры, грозилъ исключенiемъ, но отлучки Митинскаго продолжались. Тогда министръ кн. Ливенъ приказалъ объявить ему, что если онъ не исправится, непремѣнно будетъ отданъ въ солдаты. Попечитель С.-Петербургскаго округа предлагалъ его уволить изъ университета, отправивъ къ семьѣ, на томъ основанiи, что онъ человѣкъ для учебной службы

1) 1833 г., № 843.

неблагонадежный, но въ то же время не безъ способностей, и можетъ быть въ семьѣ обратится на путь истинный. Митинскій, къ своему несчастью, былъ казенный стипендіатъ, и потому кн. Ливенъ не согласился на освобожденіе его отъ обязательной службы по учебному вѣдомству изъ опасенія, какъ бы это не послужило дурнымъ примѣромъ и для другихъ, желающихъ избавиться отъ обязательной службы. Митинскій былъ опредѣленъ исправляющимъ должность учителя въ Псковское уѣздное училище; до Сентября 1833 г. онъ велъ себя весьма удовлетворительно, получилъ уроки въ Псковской гимназіи и назначенъ былъ даже надзирателемъ въ гимназическій пансіонъ, а затѣмъ запьянствовалъ. Директоръ гимназіи, объясняя это болѣзнью, просилъ отослать Митинскаго къ отцу; но управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія положилъ отдать его въ распоряженіе военнаго министра для зачисленія въ солдаты. Когда отецъ Митинскаго обратился къ Уварову съ просьбою, то послѣдній, выразивъ свое сожалѣніе, объявилъ, что теперь судьба сына его можетъ быть измѣнена только Монаршею милостью. Комитетъ призналъ распоряженіе министерства правильнымъ, но призналъ также, что и Митинскій, а тѣмъ болѣе отецъ его, заслуживаютъ сожалѣнія, а потому и положилъ: отдать сына отцу съ тѣмъ, что если онъ вылечится отъ болѣзни, долженъ будетъ отслужить свои обязательные годы. Положеніе это вызвало слѣдующую резолюцію Государя: «*Согласенъ, но при томъ не могу не замѣтить ни съ чѣмъ несообразнаго распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое безнравственнаго студента чрезъ годъ допустило не только къ учительской должности, но даже до назначенія въ надзиратели въ пансіонъ. Подобное небреженіе къ первѣйшимъ обязанностямъ доказываетъ ясно въ глазахъ моихъ, что нѣтъ ни порядка, ни чувствъ благородныхъ въ тѣхъ лицахъ, чрезъ руки коихъ сіе дѣло шло; виновнымъ сдѣлать строжайшій выговоръ и внести въ формулярный списокъ*» [1]). Казня, можно сказать, такъ за каждый неосмотрительный поступокъ со служащими, Государь Николай Павловичъ также строго относился къ лицамъ, подававшимъ несправедливыя жалобы на министровъ или позволявшимъ себѣ употреблять въ жалобахъ дерзкія выраженія; Государь всегда оберегалъ достоинство званія министра.

[1]) 1834 г., № 137.

II-й Департаментъ Сената возбудилъ дѣло объ отвѣтственности бывшаго генералъ-интенданта 1 арміи, нынѣ (въ 1828 г.) министра финансовъ, Канкрина, по продовольствію войскъ за 1820 г. Комитетъ рѣшилъ такъ: на основаніи §§ 290—292 общаго учрежденія министерствъ, министры отвѣтственны въ тѣхъ только случаяхъ, когда они дѣйствовали по должности министра, но это не распространяется на тѣ дѣла, къ которымъ министръ можетъ быть прикосновененъ по прежней своей службѣ въ другомъ званіи; такія дѣла должны идти общеустановленнымъ порядкомъ; въ частности же относительно заключенія полеваго аудиторіата первой арміи Комитетъ замѣтилъ, что такъ какъ по закону никто не можетъ быть подвергнутъ обвиненію, если отъ него не было предварительно потребовано объясненіе, то также надлежитъ поступить и въ данномъ случаѣ, т. е. потребовать отъ министра финансовъ объясненія, и потому пока не слѣдуетъ налагать запрещенія на имѣніе министра финансовъ. Резолюція Государя—«*справедливо*» [1]). На Ланскаго, управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, принесена была жалоба въ томъ, что во время еще управленія имъ герцогствомъ Варшавскимъ онъ самовольно будто бы уволилъ просителя. Жалоба эта приносима была уже четвертый разъ. Комитетъ отвергъ ее и въ этотъ разъ, добавивъ, что если проситель подастъ ее еще разъ, то подвергнется всей строгости законовъ. Государь рѣшилъ иначе: «*дѣло передать въ Государственный Совѣтъ, ибо содержитъ прямыя обвиненія министра, а подобными доносами шутить не должно, и если онъ неоснователенъ, то съ доносчикомъ поступить по всей строгости законовъ*» [2]).

Адм. Грейгъ, главный командиръ портовъ Чернаго моря, имѣлъ большія препирательства съ государственнымъ контролеромъ. Комитетъ призналъ объясненія Грейга наполненными выраженіями, которыя законами нашими строго воспрещены и которыя тѣмъ неумѣстнѣе, что относятся къ опроверженію такихъ распоряженій государственнаго контроля, которыя признаны совершенно основательными и законными не только Сенатомъ и Комитетомъ Министровъ, но и Государемъ. Государь положилъ резолюцію: «*адм. Грейгу поставить сіе на видъ*

1) 1828 г., № 1670.
2) 1826 г., № 1376.

съ тѣмъ, чтобы впредъ не осмѣливался писать подобныхъ бумагъ, кои никому не позволительны, а тѣмъ менѣе въ его званіи и при его долголѣтней службѣ» [1]).

Подаваемы были жалобы и на гр. Бенкендорфа, начальника III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и на самую Коммисію Прошеній.

Нѣкогда близкое къ Императору Александру Павловичу лицо, но давно, впрочемъ, потерявшее довѣріе Монарха, В. Н. Каразинъ, обратился къ Николаю Павловичу съ прошеніемъ, написаннымъ чрезвычайно пространно и велерѣчиво и наполненнымъ самыми ѣдкими замѣчаніями на счетъ гр. Бенкендорфа, жандармовъ и мѣстнаго управленія въ Харьковѣ. Въ прошеніи этомъ было все: и сравненіе Бенкендорфа съ Меньшиковымъ, и сравненіе дѣятельности Каразина съ дѣятельностью Бенкендорфа, — послѣдній ни въ одной деревнѣ Эстляндской губ. не сдѣлалъ того, что Каразинъ сдѣлалъ для цѣлой губерніи; и обвиненіе жандармовъ въ томъ, что не умѣли предвидѣть польское возстаніе, стоившее правительству 800 м. р. и 100 т. душъ населенія, и въ заключеніе всего обращеніе къ Государю: «помилуйте Государь, за что Вы любите этого человѣка, котораго мы знавали пустымъ? Оставьте его, буде угодно, у особы Вашей, какъ и Петръ— иныхъ, платя дань человѣчеству,—но приблизьте къ Себѣ умнѣйшихъ людей Вашего Царства, ими уже изобилующаго. Теперь сіе весьма важно». Вмѣстѣ съ тѣмъ представлено было Комитету письмо Каразина къ сыну, въ которомъ онъ, жалуясь на всѣхъ и все, писалъ: «у насъ всѣ неправды совершаются такъ, что публика о нихъ не вѣдаетъ,—тамъ, гдѣ все зависитъ отъ послѣдняго тайнаго доклада и гдѣ министръ юстиціи боится Бенкендорфа, не можетъ быть правды. О благомыслящій Государь! народы не противъ самодержавія возмущаются, но противъ самовластія его органовъ». Эти бумаги препровождены были въ Комитетъ, «*съ тѣмъ, чтобы опредѣлено было, какія по закону слѣдуетъ употребить мѣры противъ сего дерзкаго человѣка, послѣ всего, что уже съ нимъ сдѣлано было*». Комитетъ разсуждалъ такъ: слѣдовало бы Каразина за этотъ проступокъ предать суду, но во первыхъ, необыкновенная дерзость и нелѣпыя желанія Каразина заста-

---

1) 1831 г., № 1454.

вляютъ сомнѣваться въ томъ, что въ здравомъ умѣ писалъ это прошеніе; Комитетъ полагаетъ, что если разстройство ума не есть всегдашнее его состояніе, то оно свойственно ему, когда онъ предается прежнимъ своимъ мечтаніямъ. Во вторыхъ, на гласномъ судѣ Каразинъ можетъ дать еще болѣе несообразные отвѣты; поэтому, по мнѣнію Комитета, достаточно принять лишь полицейскія мѣры, объявивъ ему, что дерзость и нелѣпость его прошенія оставлены безъ вниманія единственно потому, что явно свидѣтельствуютъ о разстроенномъ положеніи умственныхъ его силъ, и что ему рѣшительно запрещается что либо писать Государю; въ противномъ же случаѣ онъ будетъ лишенъ свободы [1]). Также поступлено было и съ Колтовской, одной изъ наслѣдницъ Баташева; она домогалась отстранить отъ разбора дѣла о заводахъ Баташева сенатора Васильчикова и въ прошеніи по этому поводу министру юстиціи отозвалась дерзко о Васильчиковѣ; министръ сдѣлалъ ей внушеніе, на которое Колтовская отвѣчала уже рѣзкимъ требованіемъ устранить отъ этого дѣла и самого министра юстиціи. Колтовской сдѣлано было внушеніе и съ нея взята была подписка, что впредь не будетъ писать такихъ бумагъ [2]).

Нѣкоего Стольникова за дерзкія и укоризненныя слова о Сенатѣ и управляющемъ министерствомъ юстиціи Комитетъ положилъ выдержать подъ арестомъ на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ; дѣло же для «вящаго удостовѣренія» пересмотрѣть въ Общемъ Собраніи Сената. Государь сверхъ того положилъ: «*объявить, что если впредь скромнѣе не будетъ, то вышлется изъ столицы*» [3]). Гр. Закревскій, въ бытность свою министромъ внутреннихъ дѣлъ, приказалъ выслать съ жандармами Саратовскаго акушера Нимейера за его будто бы уклоненіе отъ леченія холерныхъ больныхъ въ Саратовѣ. Нимейеръ подъ конвоемъ былъ высланъ въ Новочеркасскъ; но, когда онъ представилъ свидѣтельство за подписью трехъ врачей и постороннихъ лицъ о томъ, что онъ въ Саратовѣ самъ былъ дважды боленъ холерою, Комитетъ положилъ: во первыхъ выдать ему прогоны и другія деньги, какъ врачу, командированному на холеру, а во вторыхъ въ вознагражденіе понесен-

1) 1833 г., № 500.
2) 1832 г., № 1998.
3) 1829 г., № 1825.

Графъ В: Кочубей

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ныхъ имъ убытковъ и разстройства выдать еще 1.500 р. изъ государственнаго казначейства. Но Государь далъ такую резолюцію: «*выдать тоже вспоможеніе, какъ и прочимъ командированнымъ по холерѣ докторамъ, но ничего болѣе, ибо ежели вѣрить больше партикулярному свидѣтельству, чѣмъ отзыву министровъ, то конца не было бы жалобамъ, и довѣріе, должное правительствомъ избираемымъ имъ министрамъ, было нарушено. Ежели симъ Нимейеръ недоволенъ, то можетъ жаловаться судебнымъ порядкомъ, ибо законы общи для всѣхъ*» [1]).

III.

Отношеніе Комитета Министровъ къ Сенату. Неудовольствія Государя нѣкоторыми приговорами Сената. Отступленія въ Сенатѣ отъ порядка. Надзоръ министра юстиціи. Пересмотръ сенатскихъ опредѣленій. Дѣла, касавшіяся личнаго состава Сената. Охрана авторитета Сената. Отношеніе Комитета Министровъ къ генералъ-губернаторамъ. Предположеніе Комитета 6 Декабря 1826 г. Указъ 1831 г. Сужденія Комитета по дѣламъ объ управленіи генералъ-губернаторовъ. Неопредѣленность отношеній генералъ-губернаторовъ къ министрамъ. Исключительныя права, предоставленныя нѣкоторымъ генералъ-губернаторамъ. Инструкція генералъ-губернаторамъ, составленная въ Комитетѣ Министровъ въ 1852 и 1853 гг.

Положеніе, занятое Комитетомъ по отношенію къ Сенату, мало измѣнилось въ новое царствованіе. Попрежнему опредѣленія Сената представлялись на Высочайшее воззрѣніе чрезъ Комитетъ Министровъ и съ заключеніями Комитета Министровъ; попрежнему министръ юстиціи считался въ глазахъ Государя, правительственныхъ и частныхъ лицъ отвѣтственнымъ за правильность судопроизводства по Сенату; потому надзоръ министра юстиціи за Сенатомъ считался вполнѣ необходимымъ и цѣлесообразнымъ. Различіе отъ прежняго порядка заключается въ томъ, что истинное положеніе и значеніе Сената вполнѣ выяснилось и, слѣдовательно, не было того несоотвѣтствія между теоріей и дѣйствительностью, которое замѣчалось въ предыдущее царствованіе. Въ случаѣ неправильностей, допущенныхъ Сенатомъ, Комитетъ представлялъ Государю свое мнѣніе, какъ о причинахъ замѣченныхъ отступленій отъ законнаго порядка, такъ точно и о послѣдствіяхъ за эти правонарушенія; иногда Государь Самъ

---

[1]) 1831 г., № 2029.

отъ Себя выражалъ чрезъ Комитетъ Свое неодобреніе или неудовольствіе Сенату.

По жалобамъ Маркова на Владимірскаго губернатора, гр. Апраксина, Сенатъ назначилъ нѣсколько выговоровъ и замѣчаній гр. Апраксину со внесеніемъ ихъ въ формуляръ его. Но Комитетъ Министровъ совершенно иначе взглянулъ на это дѣло и вполнѣ оправдалъ поведеніе Апраксина. На этой меморіи Государемъ написано: «*Я изъ сего вижу, съ какою неосновательностью Сенатомъ было поступлено при семъ случаѣ, а такъ какъ отъ несправедливаго такого рѣшенія помрачена честь благороднаго человѣка совершенно невиннаго, то я требую, чтобы дѣло сіе было внесено немедля въ Государственный Совѣтъ, гдѣ войти въ разсмотрѣніе, что могло побудить Сенатъ къ такому отступленію отъ закона и кто причиной кривому рѣшенію? На мнѣніе Комитета согласенъ*» [1]).

Сенатомъ представленъ былъ докладъ о производствѣ 50 чиновниковъ за выслугу лѣтъ въ слѣдующіе чины 5, 6 и 8 классовъ. Нѣкоторымъ изъ чиновниковъ Комитетъ отказалъ въ производствѣ по замѣченнымъ неправильностямъ; Государь написалъ: «*всѣ сіи неправильности въ представленіи поставить на видъ управляющему министерствомъ юстиціи съ тѣмъ, чтобы впредь за подобныя ошибки не оставлять безъ взысканія*» [2]).

Подобныя отступленія отъ порядка и отъ закона продолжались въ Сенатѣ и, конечно, слѣдствіемъ ихъ было паденіе авторитета Сената въ глазахъ Государя. На журналѣ Комитета о наградахъ чиновникамъ по вѣдомству министерства юстиціи за 1829 г. Государь написалъ: «*согласенъ, кромѣ служащихъ въ Сенатѣ, ибо въономъ дѣла текутъ слишкомъ медленно*» [3]).

По дѣлу о запродажѣ дома Синявина крестьяниномъ Сѣрковымъ купцамъ Тимофееву и Скачкову IV Департаментъ Сената опредѣлилъ условія на запродажу уничтожить, домъ передать наслѣдникамъ Синявина, обязавъ ихъ внести полученные Сѣрковымъ 18.000 р. Но затѣмъ сенаторъ Болгарскій приписалъ къ опредѣленію: «съ тѣмъ, чтобы слѣдующіе въ возвратъ Тимофееву и Скачкову 18.000 р. возвращены были тотчасъ по представленіи Синявинымъ дома»; на при-

---

1) 1829 г., № 124.
2) 1829 г., № 396.
3) 1830 г., № 1487.

пискѣ сенаторомъ Сумароковымъ написано: «вѣрно». Указъ Сената отправленъ былъ съ присоединеніемъ этихъ словъ, которыхъ въ журналѣ засѣданія не было; приписка эта противорѣчила резолюціи Сената по особому дѣлу между Тимофеевымъ и Скачковымъ, по которому право на домъ присуждено одному Тимофееву. Обстоятельство это выяснилось тогда, когда гражданская палата встрѣтила затрудненіе при исполненіи указа Сената. Весьма важно было выяснить, когда именно двумя сенаторами была сдѣлана приписка: до или послѣ пропуска оберъ-прокуроромъ указа къ исполненію? Оберъ-прокуроръ и протоколистъ утверждали, что—послѣ; оберъ-секретарь отозвался, что онъ въ точности не знаетъ, но думаетъ, что—до пропуска. Сенаторы Болгарскій и Сумароковъ, къ которымъ министръ юстиціи не считалъ себя въ правѣ обратиться, имѣли съ нимъ по собственному побужденію частный разговоръ: сенаторы признали неосторожность своего поступка, но увѣряли, что подобныя приписки бывали и прежде и что они сдѣлали приписку до пропуска къ исполненію. Въ виду того, что со времени указаннаго опредѣленія Сената прошло болѣе года, управляющій министерствомъ полагалъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла не производить тѣмъ болѣе, что оно и не привело бы ни къ чему, а было бы только предосудительно для Сената; поэтому управляющій министерствомъ предлагалъ: обоимъ сенаторамъ сдѣлать замѣчаніе отъ имени Его Величества и перемѣстить ихъ въ другіе Департаменты, будто бы для предупрежденія личностей; оберъ-секретаря Мясоѣдова, который и прежде былъ на худомъ счету, уволить отъ должности; секретарю сдѣлать строгій выговоръ, и, наконецъ, самое дѣло пересмотрѣть въ Общемъ Собраніи Сената. Комитетъ принялъ это предложеніе, замѣнивъ замѣчаніе сенаторамъ строгимъ замѣчаніемъ и выговоръ секретарю строгимъ выговоромъ. Высочайшая резолюція была: «*согласенъ, но господамъ сенаторамъ въ Общемъ Собраніи всѣхъ сенаторовъ объявить выговоръ; ибо если въ верхнемъ судилищѣ Имперіи могутъ случаться подобные безпорядки и оные оставить безъ взысканія, чего ожидать отъ низшихъ*» [1]).

Менѣе важное нарушеніе порядка въ Сенатѣ допущено было сенаторомъ Корниловымъ; во время сужденія Корниловъ

---

[1]) 1831 г., № 825.

на вопросъ оберъ-прокурора объявилъ, что онъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, а затѣмъ, «не входя въ трактацію», вручилъ оберъ-секретарю особое мнѣніе, которое было тутъ же въ засѣданіи прочитано, но нисколько не измѣнило рѣшенія остальныхъ сенаторовъ. Статсъ-секретарь Дашковъ, ссылаясь на новое положеніе, данное Сенату въ руководство 1832 г. 28 Января, объяснилъ въ Комитетѣ, что письменныя мнѣнія можно подавать въ Сенатѣ только послѣ «диспута», допустить же противное—это значитъ дать право уклоняться отъ отвѣтовъ, т. е. отъ общаго разсужденія о дѣлѣ. Министръ докладывалъ Комитету, что ошибка Корнилова произошла, конечно, отъ недоразумѣнія, но, съ другой стороны, польза и охрана новаго порядка требуютъ, чтобы и малѣйшее отклоненіе отъ него было немедленно устраняемо общею и гласною мѣрою. Комитетъ, согласно съ Дашковымъ, приписалъ происшедшее недоразумѣнію, но положилъ объявить Сенату Именемъ Его Величества, чтобы впредь не были допускаемы отступленія отъ такого порядка [1]). Надзоръ министра юстиціи за Сенатомъ признавали весьма желательнымъ и необходимымъ. Такія лица какъ бар. Корфъ, сенаторъ Диковъ, Никитенко и др. въ своихъ запискахъ безпорядки по Сенату ставятъ въ упрекъ министрамъ юстиціи. Направленіе такое, очевидно, было господствующимъ, и Комитетъ Министровъ обыкновенно всегда соглашался съ министромъ юстиціи, когда этотъ послѣдній предлагалъ пересмотрѣть какое-либо уже рѣшенное Сенатомъ дѣло. Помимо пересмотра дѣлъ, явленія обычнаго, Комитетъ вполнѣ опредѣленно высказалъ свой взглядъ на значеніе контроля министра надъ Сенатомъ по двумъ дѣламъ: въ 1827 г. особымъ указомъ предоставлены были особыя права оберъ-прокурору Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ, кн. Гагарину, для ускоренія теченія дѣлъ. Но въ 1831 г. министръ юстиціи представлялъ Комитету, что если есть выгодныя стороны новаго порядка, такъ есть и невыгодныя, такъ какъ отъ отсутствія надзора министра юстиціи могутъ происходить неправильности и разнообразія въ постановленіяхъ Сената; Комитетъ согласился съ министромъ, что это послѣднее вовсе нежелательно и не слѣдуетъ для скорости рѣшеній жертвовать ихъ правильностью и что лучше возвра-

1) 1832 г., № 515.

титься къ прежнему порядку. Положеніе это было утверждено [1]). Дѣло Грузинскаго губернатора Завилейскаго могло подать поводъ къ вышеприведенному заключенію Комитета. Губернаторъ Завилейскій по донесеніямъ ген. Панкратьева и Розена удаленъ былъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ должности и преданъ суду Сената. VI Департаментъ (Московскій) призналъ Завилейскаго совершенно невиновнымъ и опредѣлилъ: 1) освободить его отъ суда и взысканія; 2) бытность его подъ судомъ считать за дѣйствительную службу; 3) выдать ему за это время жалованье, и 4) если онъ пожелаетъ, опредѣлить вновь на службу. Рѣшеніе это вошло въ законную силу, но не было доведено не только до Высочайшаго свѣдѣнія, но даже до министра юстиціи; между тѣмъ оправданный Завилейскій просилъ объявить о приговорѣ Сената во всеобщее свѣдѣніе для возстановленія его чести. Комитетъ увидѣлъ въ этомъ случаѣ два вопроса, подлежащіе его рѣшенію: 1) должно ли подобные приговоры Сената до приведенія ихъ въ дѣйствіе представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе, и 2) имѣлъ ли право VI Департаментъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе.

По первому вопросу Комитетъ совершенно согласился съ мнѣніемъ Блудова и Дашкова, министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, настаивавшихъ на томъ, что во всякомъ случаѣ прежде исполненія такіе приговоры Сената должны быть представляемы на Высочайшее воззрѣніе тѣмъ болѣе, что ими разрѣшается вступленіе въ должность, что не можетъ быть предоставлено окончательно никакому мѣсту въ государствѣ, когда отрѣшеніе отъ должности послѣдовало по причинамъ, уваженнымъ Государемъ Императоромъ. Изъ отвѣта на первый вопросъ само собою вытекалъ отвѣтъ на второй; Комитетъ призналъ, что рѣшеніе должно быть предварительно сообщено министру юстиціи, который долженъ разсмотрѣть, насколько оно правильно; при этомъ Комитетъ отмѣтилъ и существенные недостатки Сенатскаго опредѣленія,—ибо оно, по мнѣнію Комитета, основано было на одностороннихъ отвѣтахъ Завилейскаго; Сенатъ не потребовалъ даже дополнительныхъ свѣдѣній отъ генераловъ Панкратьева и Розена, что тѣмъ болѣе ошибочно, такъ какъ первыя ихъ донесенія, сдѣлан-

1) 1831 г., № 226.

ныя въ порядкѣ административномъ, были конфиденціальнаго характера и не могли содержать въ себѣ полныхъ судебныхъ уликъ. Сверхъ того, по мнѣнію Комитета, Завилейскаго слѣдовало судить, какъ отставного чиновника; наконецъ, Комитетъ недоумѣвалъ, почему о рѣшеніи своемъ Московскіе Департаменты дали знать только тремъ министрамъ и главноуправляющему Грузіею, и при томъ дали знать *печатнымъ* указомъ? Предсѣдатель Комитета заявилъ, что онъ по этому поводу видитъ, какъ неудобно вообще предоставлять производство суда надъ гражданскими губернаторами въ Москвѣ: по отдаленности тѣхъ Департаментовъ отъ постояннаго надзора министра юстиціи, при невозможности давать личныя объясненія могутъ быть приговоры неумѣстные или затрудняющіе потомъ высшее правительство. Комитетъ вполнѣ согласился со всѣми приведенными разсужденіями министровъ и гр. Кочубея. Государь положилъ резолюцію: «*Справедливо; министру юстиціи мнѣ представить донесеніе о ходѣ сего дѣла немедленно по полученіи имъ нужныхъ свѣдѣній*» [1]).

Нѣкая Хилинская проживала у своего дяди, помѣщика Юшкевича, когда (въ 1819 г.) возбуждено было дѣло о нанесеніи ими крестьянамъ побоевъ, слѣдствіемъ которыхъ была смерть одного крестьянина. Юшкевичъ и племянница его, Хилинская, были осуждены, лишены дворянства и сосланы въ Сибирь на поселеніе; впослѣдствіи же открылось, что въ 1819 г. Хилинской было всего 10 лѣтъ отъ роду; открылось и то, что всѣ судебныя мѣста и не поинтересовались справиться о томъ, сколько лѣтъ Хилинской, — результатомъ такой небрежности были, по словамъ министра юстиціи, «столь важныя и горестныя послѣдствія», для устраненія которыхъ онъ и предлагалъ: предоставить Государственному Совѣту постановить о Хилинской заключеніе, не стѣсняясь Высочайшей конфирмаціей по дѣлу. Комитетъ принялъ это предложеніе; Государь рѣшилъ такъ: «*ст. секр. Дашкову немедленно доставить въ Совѣтъ свѣдѣнія, кто виноватъ въ столь непростительномъ упущеніи; Хилинской же немедленно возвратить неправильно отнятое дворянство*» [2]).

---

1) 1833 г., № 411.
2) 1831 г., № 2023.

Въ Сенатѣ возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли бывшаго Новгородскаго губернатора Жеребцова судить за безпорядки и упущенія по должности, совершенные до манифеста 1826 г., или простить его? Комитетъ положилъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ простить. На это Государь положилъ резолюцію: «*совершенно такъ; вольно было Сенату толковать рѣшеніе, совершенно ясное въ противномъ смыслѣ, я не могу понять, что могло къ сему побудить*» [1]).

Въ другой разъ Сенатъ долженъ былъ представить свои объясненія, на какомъ основаніи имъ допущены были изъятія для кн. Куракиныхъ изъ закона, запрещающаго употребленіе нѣкоторыхъ орудій при рыбной ловлѣ. Законъ этотъ изданъ былъ въ 1803 г., а до 1827 г. оставался по отношенію къ князьямъ Куракинымъ не исполненнымъ, да и въ 1827 г. для Куракиныхъ сдѣланы были Сенатомъ значительныя изъятія. Комитетъ призналъ, что всѣ изъятія эти допущены Сенатомъ, вѣроятно, по недоразумѣнію. Государь написалъ: «*согласенъ, но управляющему министерствомъ юстиціи велѣть поставить сіе на видъ I Департаменту*» [2]).

Государь Николай Павловичъ, сравнительно часто, измѣнялъ приговоры Сената по Своимъ соображеніямъ. Государь, обыкновенно, смягчалъ приговоры тогда, когда были на лицо обстоятельства, дававшія къ этому основанія: напр., незначительность, ничтожность матеріальнаго вреда, причиненнаго преступленіемъ, лѣта подсудимаго, прежняя его служба, особыя семейныя обстоятельства. Государь на первыхъ же порахъ выразилъ Свое неудовольствіе Комитету, министру юстиціи и Сенату за то, что по дѣлу о Тверскомъ губернаторѣ Всеволожскомъ они заставили Его усилить наказаніе. Комитетъ призналъ, что Всеволожскій неправильно, безъ основаній, обвинилъ предъ начальствомъ двухъ чиновниковъ, за что и положилъ сдѣлать ему отъ Имени Государя строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, дабы впредь уклонялся отъ всякихъ личностей, по службѣ нетерпимыхъ и особенно предосудительныхъ въ званіи начальника губерніи. Государь написалъ: «*сего мало; законъ гласитъ, что кто фальшивый сдѣлаетъ доносъ, то съ тѣмъ поступить такъ, какъ слѣдовало бы посту-*

1) 1828 г., № 215.
2) 1829 г., № 1660.

пить съ тѣмъ, котораго обвинялъ, а потому, соглашаясь на все, отрѣшить Всеволожскаго отъ должности губернатора, а Комитету, Сенату и министру юстиціи замѣтить, что они въ семъ случаѣ отдѣлились отъ силы законовъ и не должны были вынуждать лицо Государя усугублять мѣру наказанія явнымъ послабленіемъ» [1]).

Иногда смягченіе приговоровъ вызывалось другими соображеніями Государя.

По жалобамъ Яковлева на убытки, которые онъ потерпѣлъ отъ дѣйствій коммисіи сооруженія храма во Имя Христа Спасителя, Сенатъ опредѣлилъ: дѣйствія членовъ коммисіи разсмотрѣть уголовной палатѣ. Комитетъ, въ виду того, что членами коммисіи были Московскій военный генералъ-губернаторъ, Московскій митрополитъ и сенаторъ Кушниковъ, нашелъ по важности этихъ лицъ неудобнымъ предавать дѣйствіе ихъ разсмотрѣнію уголовной палаты и потому считалъ болѣе удобнымъ: оставить это обстоятельство безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Согласіе Государя выразилось резолюціей: «*согласенъ, на членовъ коммисіи взысканіе не распространять, ибо по устройству коммисіи и ходу дѣлъ въ оной члены не были въ возможности ни что либо знать, ни что либо устроивать, а подписывали однѣ бумаги*» [2]).

Саратовскій губернаторъ кн. Голицынъ посадилъ дворянскаго засѣдателя подъ арестъ за ослушаніе начальства, а затѣмъ дѣло объ ослушаніи оставилъ безъ движенія. Сенатъ опредѣлилъ сдѣлать за это губернатору замѣчаніе. Государь отмѣнилъ замѣчаніе резолюціею: «*губернаторъ не правъ, ибо поступилъ не по строгому законному порядку; но нельзя не согласиться, что бываютъ случаи, гдѣ подобный примѣръ нуженъ въ страхъ другимъ. Сей случай можно отнести къ роду таковыхъ; и потому на сей разъ губернатору замѣчанія не дѣлать, а предоставить впредь дѣйствовать по всей строгости законовъ, довольно сильныхъ, дабы прекратить зло, гдѣ найдется*» [3]). Тогда же и тому же губернатору Сенатъ опредѣлилъ сдѣлать выговоръ за мнѣніе его по одному дѣлу о кражѣ. Комитетъ нашелъ опредѣленіе Сената правильнымъ. Но Государь опять поло-

---

1) 1825 г., № 2240.
2) 1827 г., № 1373.
3) 1827 г., № 1995.

жилъ резолюцію: «*Справедливо. Но такъ какъ мнѣніе кн. Голицына клонилось къ облегченію участи преступниковъ, а не къ отягощенію, то выговоръ я отмѣняю. Впредь Сенату никакихъ выговоровъ губернаторамъ не объявлять иначе, какъ представя на разрѣшеніе*» [1]).

Нѣкоего коллежскаго секретаря Крылова за то, что написалъ инвалиду Зимину прошеніе съ дерзкими выраженіями, Сенатъ присудилъ выдержать подъ арестомъ при полиціи шесть мѣсяцевъ и, опубликовавъ его повсемѣстно, запретить ему заниматься сочиненіемъ просьбъ по чужимъ дѣламъ. Комитетъ, сверхъ этого, положилъ: отправить Крылова, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, на житье въ Сибирь. Государь не согласился на это: «*Я считаю, что въ Сибири столько же вреденъ на свободѣ будетъ; оставить его на мѣстѣ съ объявленіемъ, что при первомъ случаѣ будетъ сужденъ по всей строгости*» [2]). Два отставныхъ офицера, квартировавшіе вмѣстѣ въ Москвѣ, завели между собою ссору въ нетрезвомъ видѣ и одинъ изъ нихъ нанесъ другому рану ножемъ въ лобъ; Сенатъ опредѣлилъ выдержать ихъ въ смирительномъ домѣ. Государь: «*выслать потомъ изъ столицы туда, откуда родомъ*».

Когда министръ юстиціи съ опредѣленіемъ Сената былъ несогласенъ, онъ вносилъ дѣла въ Комитетъ Министровъ, который обыкновенно, какъ указано выше, соглашался съ министромъ. Въ Комитетѣ даже поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ сообщать Сенату положенія Комитета о пересмотрѣ въ Общемъ Собраніи Сената рѣшеній Департаментовъ. Управляющій министерствомъ юстиціи предложилъ сообщать эти положенія, само собой разумѣется, по утвержденіи ихъ Государемъ, кратко, безъ оглашенія разсужденій Комитета. Комитетъ согласился, что должно быть сообщаемо Сенату только то, что слѣдуетъ къ исполненію. Это было вполнѣ одобрено Государемъ, написавшимъ: «*Я именно о томъ хотѣлъ приказать Комитету сообщить по всѣмъ министерствамъ, но для большей ясности изготовить проектъ такого объявленія по первому дѣлу и представить на разсмотрѣніе*» [3]).

---

1) 1827 г., № 2136.
2) 1828 г., № 371.
3) 1831 г., № 207.

Сенатъ опредѣлилъ въ Курляндскій оберъ-гофгерихтъ совѣтникомъ дворянина Дистерло, экзекутора губернскаго правленія, губернскаго регистратора. Управляющій министерствомъ юстиціи нашелъ такое назначеніе неправильнымъ и неприличнымъ на томъ основаніи, что Дистерло не имѣлъ даже оберъ-офицерскаго чина, служилъ не болѣе трехъ лѣтъ и не занималъ должности оберъ-гауптмана, какъ это требуется по закону. Сенатъ возражалъ, что онъ поступилъ правильно, по прежде бывшимъ примѣрамъ; тогда статсъ-секретарь Дашковъ внесъ дѣло въ Комитетъ, указывая на указъ 1797 г. Февраля 5, предписывающій постепенный переходъ чиновъ судебныхъ мѣстъ Курляндской губерніи изъ низшихъ въ высшія. Комитетъ положилъ предоставить самому Сенату разобраться въ противорѣчіи и войти потомъ съ докладомъ въ Государственный Совѣтъ; а спорное мѣсто оставить пока вакантнымъ [1]). Рѣшеніе было утверждено Государемъ.

Надъ купцомъ Бродниковымъ учрежденъ былъ конкурсъ; послѣ его смерти Сенатомъ разрѣшена была продажа его имѣнія и уничтоженъ былъ конкурсъ. Когда же выяснилось, что нельзя удовлетворить кредиторовъ, Московская гражданская палата просила разрѣшенія открыть снова конкурсъ, но Сенатъ отказалъ; тогда на опекуновъ наслѣдниковъ Бродникова поступили въ Сенатъ жалобы; Сенатъ ограничился и на этотъ разъ только предписаніемъ опекунамъ и сиротскому суду озаботиться объ удовлетвореніи кредиторовъ, а гражданской палатѣ поручилъ наблюсти за исполненіемъ своего указа. Управляющій министерствомъ юстиціи находилъ такое опредѣленіе противнымъ уставу о банкротахъ и стѣснительнымъ для кредиторовъ и просилъ пересмотрѣть дѣло въ Общемъ Собраніи Сената. Комитетъ согласился съ его представленіемъ [2]). Положеніе Комитета было утверждено.

Иногда само Общее Собраніе Сената просило о позволеніи ему пересмотрѣть дѣло въ виду, напримѣръ, противорѣчивыхъ рѣшеній отдѣльныхъ Департаментовъ, потому что закономъ 1830 г. Января 6 постановлено было, что Общее Собраніе не можетъ ни отмѣнять, ни пересматривать само рѣшеній Департамента, послѣ того, какъ указъ посланъ къ исполненію.

1) 1831 г., № 939.
2) 1831 г., № 946.

Въ Комитетѣ же разбирались дѣла о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ сенаторовъ,—такихъ дѣйствіяхъ, которыя признавались неблаговидными.

Сенаторъ гр. Стройновскій обвинялъ дворянина Маевскаго въ присвоеніи себѣ клада; Совѣтъ нашелъ, что обвиненіе это вовсе не доказано Стройновскимъ, а три члена Совѣта считали всю эту тяжбу по несообразности ея съ истиною и по побужденіямъ, которыми она вызвана, чрезвычайно предосудительной для сенатора. Государь Александръ Павловичъ утвердилъ рѣшеніе Совѣта съ дополненіемъ, сдѣланнымъ тремя членами. Отставленный отъ должности гр. Стройновскій принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую уже Императоръ Николай I велѣлъ разсмотрѣть Комитету Министровъ, съ тѣмъ, что, если жалоба окажется несправедливою, гр. Стройновскій будетъ преданъ суду. Комитетъ призналъ жалобу совершенно неосновательною, но полагалъ не подвергать Стройновскаго суду за силою манифеста 1826 г. Августа 22, что и было ему объявлено съ тѣмъ еще, чтобъ онъ не утруждалъ болѣе Государя неосновательными жалобами. Рѣшеніе Комитета было утверждено Государемъ [1]).

Сенаторы, отправляемые на ревизію губерній, получали за время ревизіи добавочное жалованье по 1 т. руб. въ мѣсяцъ. Сенаторъ Лавровъ отправленъ былъ въ 1829 г. на ревизію Астраханской губерніи; когда и къ 1831 г. онъ не возвратился въ Петербургъ, въ Комитетѣ возбужденъ былъ вопросъ министромъ юстиціи, производить ли ему въ виду столь продолжительной ревизіи добавочное жалованье и чѣмъ вызвано столь исключительно долгое пребываніе его въ губерніи? Самъ Лавровъ объяснялъ продолжительность ревизіи во первыхъ чрезвычайными безпорядками по управленію, обнаруженными имъ, во вторыхъ множествомъ поступившихъ къ нему жалобъ, и въ третьихъ холерою въ Астрахани. Разсуждая объ этомъ въ первый разъ, Комитетъ объяснилъ себѣ такую продолжительную ревизію тѣмъ, что повидимому сенаторъ Лавровъ понялъ данное ему порученіе въ видѣ чрезвычайно

---

[1]) 1831 г., № 117.

обширномъ, но что правительство, посылая на ревизію сенаторовъ, не имѣетъ въ виду такихъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что долгое пребываніе сенатора въ Астрахани нарушаетъ обычное теченіе мѣстнаго управленія; поэтому Комитетъ положилъ предписать Лаврову, чтобы онъ ограничилъ свои изслѣдованія. Въ отвѣтъ на это сенаторъ, объясняя причины, удерживающія его въ Астрахани, просилъ позволенія вернуться въ Петербургъ хотя бы къ 1 Мая 1832 г.; затѣмъ сенаторъ просилъ новой отсрочки до 1 Августа 1832 г. Комитетъ согласился на это, потому что иначе цѣль его продолжительнаго пребыванія въ Астрахани осталась бы недостигнутой; при этомъ рѣшено было подтвердить Лаврову, чтобы къ назначенному сроку онъ непремѣнно возвратился и не испрашивалъ себѣ новыхъ отсрочекъ; предсѣдатель Комитета добавилъ, что отказъ въ отсрочкѣ Лаврову, который съ 1829 г. не можетъ кончить ревизіи управленія губерніи,—ревизіи малосложной, можетъ только дать впослѣдствіи благовидный предлогъ: неисполненіе чего-либо приписать требованію правительства скорѣе возвратиться назадъ. «*Согласенъ въ отмѣну даннаго мною приказанія возвратиться къ 1 Іюня*» [1])—резолюція. По дѣлу о ревизіи сенаторомъ Безобразовымъ Петербургской губерніи Комитетъ, между прочимъ, нашелъ, что нельзя не признать, что число нерѣшенныхъ дѣлъ по губерніи увеличено сенаторомъ въ его донесеніи. Государь, утверждая въ остальномъ положеніе Комитета, написалъ: «*согласенъ; но при семъ считаю справедливымъ, чтобы Комитетъ опредѣлилъ мѣру взысканія съ сенатора Безобразова за неосновательное донесеніе*» [2]).

Въ Комитетъ поступило представленіе о вакантномъ времени для сенаторовъ. Комитетъ призналъ необходимымъ назначить сенаторамъ вакантное время; при недостаточномъ содержаніи, получаемомъ сенаторами, необходимо предоставить имъ нѣкоторое время для занятій домашними дѣлами и поддержанія хозяйства личнымъ надзоромъ. Государь утвердилъ, однако, это положеніе Комитета только въ видѣ опыта на годъ съ тѣмъ, чтобы потомъ дѣло внесено было въ Государственный Совѣтъ.

Если Государь Николай Павловичъ относился строго

---

[1]) 1831 г., № 1509; 1832 г., №№ 258, 560.
[2]) 1831 г., № 446.

ко всякой ошибкѣ Сената, то, съ другой стороны, Онъ требовалъ, чтобы Сенату оказываемо было должное почтеніе со стороны всѣхъ какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ лицъ, и строго преслѣдовалъ всякое нарушеніе порядка.

Гр. Воронцовъ жаловался Государю на притѣсненія, которыя дѣлалъ Сенатъ Таврическому губернатору и губернскому правленію по тремъ дѣламъ: 1) объ употребленіи стакановъ и рюмокъ въ питейныхъ домахъ; 2) о высылкѣ бродягъ и безпаспортныхъ, и 3) о покупкѣ изъ Саблинскаго имѣнія овецъ. Особенно сильно гр. Воронцовъ выражался о томъ покровительствѣ, которое будто бы всегда находили въ Сенатѣ откупщики: «Прискорбно сказать, писалъ Воронцовъ, по первой на него [1]) жалобѣ агента Таврическаго откупа, подкрѣпленной можетъ быть въ Петербургѣ личнымъ ходатайствомъ откупщика Зеленькова, Сенатъ, несмотря на условія, предъ нимъ лежащія и при ономъ заключенныя, до полученія даже отъ губернскаго правленія объясненія, повелѣлъ распорядиться о дозволеніи имѣть въ питейныхъ домахъ стаканы и рюмки, наблюдая, чтобы они употребляемы были не для продажи питій. Дѣйствіе сіе не требуетъ никакихъ примѣчаній или объясненій: оно только можетъ сдѣлаться понятнымъ по намѣренію или во всемъ угождать откупщикамъ или еще болѣе и болѣе разорить и истребить по службѣ человѣка и такъ уже гонимаго по другимъ дѣламъ». Дѣло это было внесено въ Комитетъ по особому повелѣнію ст.-секр. Муравьевымъ, съ замѣчаніемъ Государя разсмотрѣть, правильны ли дѣйствія Сената, ибо въ случаѣ правильности никому, а тѣмъ менѣе первымъ чиновникамъ въ государствѣ не должно позволять подобныхъ изрѣченій; въ противномъ же случаѣ должно поставить мѣру сенатскимъ преслѣдованіямъ тѣхъ чиновниковъ, которые не въ угожденіе лицамъ, но въ строгомъ смыслѣ служатъ вѣрно государству. Комитетъ нашелъ, что первое дѣло такое, по которому недоразумѣнія встрѣчаются всегда и вездѣ; по второму дѣлу—Комитетъ призналъ необходимымъ потребовать дополнительныхъ объясненій, а по

---

1) Въ виду бывшихъ обмѣровъ въ питейныхъ домахъ Таврическое губернское правленіе запретило имѣть въ нихъ стаканы и рюмки. Сенатъ по жалобѣ откупа дозволилъ имѣть эту посуду съ тѣмъ, чтобы она употреблялась исключительно для питья, а не для продажи изъ нея вина. При этомъ Сенатъ добавилъ, что въ случаѣ медленности въ исполненіи его указа убытки будутъ взысканы съ виновныхъ.

третьему призналъ дѣйствія Сената неправильными. О выраженіяхъ же, употребленныхъ гр. Воронцовымъ, Комитетъ былъ того мнѣнія, что имѣлъ ли генералъ-губернаторъ правильную или неправильную причину жаловаться Государю Императору, но во всякомъ случаѣ онъ не долженъ былъ позволять себѣ такихъ выраженій. Государь далъ резолюцію: «*Дѣло, изложенное въ третьей статьѣ, внести въ Государственный Совѣтъ, дабы разсмотрѣно было, что побудило Сенатъ къ неправильному рѣшенію? Рескриптъ гр. Воронцову изготовить, въ коемъ предостеречь его, дабы впредь въ выраженіяхъ своихъ былъ остороженъ*». Къ статьѣ приложенъ и *секретный* рескриптъ гр. Воронцову: «сдѣлавъ такимъ образомъ по представленіямъ вашимъ все то, чего строгая справедливость требовала, Я не могъ не обратить вниманія на выраженія, употребленныя вами насчетъ Правительствующаго Сената. Если съ одной стороны Я вмѣнялъ верховному мѣсту въ обязанность соблюдать въ сношеніяхъ своихъ съ главноначальствующими въ губерніяхъ все должное приличіе, то съ другой стороны не могу допустить, чтобы и эти послѣдніе отступали малѣйше отъ правила сего даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они полагаютъ имѣть справедливую причину жаловаться на распоряженія Сената. Извѣстное Мнѣ усердіе ваше служитъ ручательствомъ, что сіе изъясненіе воли Моей будетъ вами принято впредь въ точное руководство. Пребываю впрочемъ къ вамъ всегда благосклонный Николай» [1]).

Сенатъ по дѣлу казначея Курляндской губерніи Фельдмана распорядился наложить запрещеніе на имѣніе Курляндскаго губернатора бар. Гана. Военный губернаторъ марк. Паулуччи жаловался, что распоряженіе это оскорбительно для бар. Гана и вредитъ тому уваженію, которымъ долженъ пользоваться всякій начальникъ губерніи. Но Комитетъ принялъ мнѣніе министра юстиціи,—объяснившаго, что разъ Сенатомъ по дѣлу Фельдмана обнаружены были весьма важныя упущенія и со стороны губернскаго начальства, то Сенатъ совершенно правильно принялъ мѣру, оберегающую интересы казны; разумѣется, мѣра эта стѣснительна для губернатора, но она основана на законѣ и не предосудительна; для удовлетворенія же ходатайства марк. Паулуччи можно возвратить все дѣло

1) 1829 г., № 148.

въ Сенатъ, предписавъ ему немедленно разобрать дѣло, насколько оно касается бар. Гана, и, если окажется, что бар. Ганъ нисколько не причастенъ къ отвѣтственности, то освободить его имѣніе отъ запрещенія; въ противномъ же случаѣ внести дѣло снова въ Комитетъ [1]).

Вдова надвор. сов. Арапова подала чрезъ Коммисію Прошеній жалобу на рѣшеніе VIII Департамента Сената по дѣлу о раздѣлѣ земель и лѣсовъ ея покойнаго мужа, объясняя, что будто бы Департаментомъ въ 1827 и 1829 г.г. даны два противорѣчивыхъ опредѣленія; когда же она получила отказъ и отъ Коммисіи, то подала новое прошеніе, въ которомъ писала, что она понимаетъ и знаетъ дѣло лучше, чѣмъ VIII Департаментъ и Коммисія, и потому находитъ невозможнымъ принять этотъ отказъ за какое нибудь для себя убѣжденіе. Государь написалъ на этомъ прошеніи: «*Въ Комитетъ Министровъ, съ тѣмъ, чтобы дерзкое прошеніе сіе было разсмотрѣно, а съ нею поступлено было по законамъ*». Араповой раньше уже сдѣлано было замѣчаніе и съ нея взята была подписка, дабы воздержалась отъ подобныхъ изъясненій насчетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ. Управляющій министерствомъ юстиціи разъяснилъ въ Комитетѣ, что никакого разногласія по существу дѣла нѣтъ, но что просительница заслуживаетъ снисхожденія, какъ женщина, незнающая законовъ и повидимому превратно понимающая права свои на имущество. Комитетъ положилъ сдѣлать ей строгій выговоръ [2]). На это согласился Государь.

Отношеніе власти министерской къ власти генералъ-губернаторской осталось неразрѣшеннымъ съ достаточною ясностью въ предыдущее царствованіе: равноправныя власти эти основаны были на разныхъ началахъ, примирить которыя въ дѣйствительности было трудно. Теоретическія разсужденія того времени клонились къ тому, что сохраненіе должности генералъ-губернаторовъ повсемѣстно въ Россіи ненужно; Комитетъ 6 Декабря по этому вопросу разсуждалъ, что всѣ части управленія въ губерніи должно соединить въ одномъ *мѣстѣ*, а не въ одномъ *лицѣ*; было уже указано, что такія разсужденія пользовались сочувствіемъ большинства тогдашнихъ министровъ, и это было вполнѣ естественно. Намѣренія

1) 1827 г., № 1162.
2) 1831 г., № 1581.

Императора Александра I во вторую половину Его царствованія склонялись болѣе къ противному взгляду, т. е. не только къ сохраненію генералъ-губернаторовъ тамъ, гдѣ они были, но и къ учрежденію новыхъ генералъ-губернаторствъ. Комитетъ 6 Декабря высказался весьма рѣшительно за уничтоженіе генералъ-губернаторовъ во внутренней Россіи; онъ считалъ полезнымъ сохранить генералъ-губернаторовъ только въ Сибири, Оренбургской губерніи, Новороссіи, на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Между бумагами, найденными въ кабинетѣ Императора Александра Павловича, оказался проектъ раздѣленія Россіи на 12 областей [1]), но Комитетъ 6 Декабря опасался «даже вредныхъ послѣдствій» отъ этого проекта. Еще рѣшительнѣе Комитетъ отвергъ предположеніе и устройство, введенное уже ген. Балашовымъ въ управляемыхъ имъ пяти губерніяхъ (Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской); впрочемъ самъ авторъ этого устройства ген. Балашовъ выразился о немъ такъ: «не бывъ основано на зрѣломъ разсмотрѣніи всѣхъ частей государственнаго управленія, оно не могло быть соображено съ высшими и низшими установленіями». «А чтеніе бумагъ, говорится въ журналѣ Комитета, удостовѣряетъ, что и многія общія правила, коими онъ при семъ руководствовался, не совсѣмъ основательны» [2]). Комитетъ призналъ полезнымъ прежде всего возстановить въ пяти названныхъ губерніяхъ существовавшій тамъ порядокъ до 1819 г.; вообще же Комитетъ призналъ, что повсемѣстное существованіе генералъ - губернаторовъ неудобно, но что есть нѣкоторыя части имперіи, гдѣ назначеніе ихъ можетъ быть полезно; не говоря о двухъ столицахъ, есть отдаленныя губерніи, въ которыхъ необходимы особыя правила для управленія; въ губерніяхъ пограничныхъ мѣстное положеніе и другія обстоятельства обязываютъ начальниковъ заниматься разными посторонними дѣлами, какъ то: сношеніями политическими, торговыми и пр. Таковы губерніи Сибирскія, Оренбургская, Кавказская, Новороссійскій край, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія. Этотъ журналъ Комитета былъ Высочайше одобренъ и повелѣно было немедленно изготовить рескриптъ на имя ген. Балашова объ уничтоженіи введеннаго

[1]) Проектъ этотъ см. т. XC, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., стр. 210.
[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. LXXIV, стр. 144—147.

имъ управленія. Въ остальномъ постановленія Комитета 6 Декабря остались предположеніями, т. е. генералъ-губернаторства не только не были уничтожены, но даже число ихъ было значительно увеличено.

Власть генералъ-губернатора и его значеніе, очевидно, не могли быть одинаковы въ Москвѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Ригѣ: въ каждомъ изъ указанныхъ пунктовъ генералъ-губернаторская власть имѣла свой характеръ: во внутренней Россіи—это былъ, по преимуществу, органъ высшаго надзора; на окраинахъ государства—генералъ-губернаторъ не столько надзиралъ, сколько направлялъ, являясь какъ бы средоточіемъ культурной дѣятельности государства, которая опять не могла быть одинакова въ Сибири, Грузіи и Новороссіи; въ Западной и Юго-Западной Россіи генералъ-губернаторы преслѣдовали по преимуществу цѣли политическія—предотвратить возможность вооруженнаго возстанія и тѣснѣе соединить край съ Имперіей; наконецъ въ Прибалтійскомъ краѣ сохраненіе должности генералъ-губернатора признано было желательнымъ въ виду тѣхъ особенностей, которыми край пользовался и которыя правительство вовсе не намѣревалось тогда (ни при Александрѣ I, ни при Николаѣ I) ни уничтожать, ни увеличивать.

Событія не позволили осуществить предположеній Комитета 6 Декабря; однако, его критика генералъ-губернаторскаго управленія для внутренней Россіи не прошла безслѣдно. Инструкціи генералъ-губернаторамъ не было составлено, но права ихъ опредѣлены были, хотя недостаточно ясно, указомъ 13 Октября 1831 г., въ которомъ сказано, что права и обязанности генералъ-губернаторовъ (кромѣ Сибирскаго и Кавказскаго) по губернскому управленію тѣ же самыя, какія имѣютъ гражданскіе губернаторы тѣхъ губерній, въ которыхъ нѣтъ генералъ-губернаторовъ. Генералъ-губернаторамъ обѣихъ столицъ дано право непосредственно испрашивать Высочайшія разрѣшенія по дѣламъ полицейскимъ, а Московскому—и по всѣмъ предметамъ особенной важности; всѣ прочіе генералъ-губернаторы пользуются правомъ препровождать къ министрамъ представленія гражданскихъ губернаторовъ съ своими заключеніями и во время пребыванія въ столицѣ присутствовать въ Сенатѣ по дѣламъ своихъ губерній, а Московскій генералъ-губернаторъ приглашается и въ Государственный Совѣтъ и

Комитетъ Министровъ для объясненій и общаго совѣщанія по его представленіямъ. Въ общемъ указъ этотъ нѣсколько уменьшилъ значеніе генералъ-губернаторовъ; во всякомъ случаѣ они поставлены были ниже министровъ, за исключеніемъ Московскаго генералъ-губернатора.

И по дѣламъ Комитета можно указать рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что управленіе нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ мало чѣмъ отличалось отъ обыкновеннаго губернаторскаго. Комитетъ Министровъ не только представлялъ иногда Государю о необходимости сдѣлать замѣчанія генералъ-губернаторамъ, но даже разбиралъ донесенія сенаторовъ и другихъ лицъ о недостаткахъ и упущеніяхъ генералъ-губернаторскаго управленія.

Какъ и въ предыдущее царствованіе, такъ и теперь Комитету пришлось имѣть нѣсколько столкновеній прежде всего съ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ маркизомъ Паулуччи: V Департаментъ Сената опредѣлилъ по одному дѣлу сдѣлать строгій выговоръ всѣмъ чинамъ Курляндскаго оберъ-гофгерихта въ присутствіи губернскаго правленія. Маркизъ Паулуччи пріостановилъ исполненіе сенатскаго указа и возбудилъ ходатайство объ измѣненіи сенатскаго приговора въ виду того, что до сихъ поръ Курляндскій гофгерихтъ отличался замѣчательною исправностью и что извѣстіе о сенатскомъ опредѣленіи повергло президента гофгерихта въ опасную болѣзнь. Комитетъ положилъ смягчить приговоръ: выговоръ сдѣлать, но безъ присутствія губернскаго правленія, а маркизу Паулуччи замѣтить, что онъ не имѣлъ права своею властью останавливать исполненіе сенатскаго указа [1]). Гораздо непріятнѣе было для маркиза Паулуччи дѣло по доносу нѣкоего исключеннаго изъ службы Викмана, указывавшаго на цѣлый рядъ правонарушеній со стороны маркиза Паулуччи и набрасывавшаго тѣнь на многихъ губернскихъ чиновниковъ, пользовавшихся довѣріемъ военнаго губернатора. Слѣдствіе по этому доносу производилъ, по предписанію конечно, Лифляндскій гражданскій губернаторъ Дюгамель. Комитетъ Министровъ призналъ, что Дюгамель не могъ не быть стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ по слѣдствію и тѣмъ не менѣе изъ слѣдствія видно, что по управленію остзейскими губерніями допущены большіе безпорядки и даже злоупо-

---

1) 1826 г., № 53.

требленія, а сверхъ того поступило отъ жителей много жалобъ на самоуправство и притѣсненія со стороны губернскаго начальства; по этимъ соображеніямъ Комитетъ полагалъ необходимымъ отправить для ревизіи мѣстнаго управленія сенатора. Дѣло о доносѣ Викмана началось еще въ царствованіе Александра Павловича и разсмотрѣно было тогда Финансовымъ Комитетомъ, который призналъ нарушеніе маркизомъ Паулуччи установленнаго закономъ порядка, призналъ, что маркизъ Паулуччи вмѣшивается въ судебныя дѣла, но Финансовый Комитетъ объяснялъ это ревностью къ службѣ, желаніемъ Паулуччи ускорить ходъ дѣла и доставить скорѣе удовлетвореніе обиженнымъ. Доносъ [1]) Викмана наполненъ чрезвычайно мелкими фактами изъ обыденной жизни губернскихъ чиновниковъ, наживавшихся будто бы и взятками, и контрабандою, и азартными играми. Государь не согласился съ предложеніемъ Комитета отправить сенатора въ Ригу, а предписалъ: «*все, что найдено губернаторомъ Дюгамелемъ, сообщить маркизу Паулуччи для исправленія и донесенія, а Викману разрѣшить поступить на службу*» [2]). Уже по оставленіи маркизомъ Паулуччи должности военнаго губернатора,—Комитетъ разсматривалъ жалобу на него же за вмѣшательство въ судебныя дѣла: рижскій мѣщанинъ Рябининъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу объ убійствѣ; магистратъ, въ виду недостаточности уликъ противъ Рябинина, положилъ освободить его, если онъ будетъ взятъ на поручительство, въ противномъ же случаѣ—сослать Рябинина въ Сибирь на поселеніе. Рябининъ представилъ поручителями по себѣ отца своего и двухъ купцовъ. Маркизъ Паулуччи, имѣя въ виду, что Рябининъ былъ уже подъ судомъ и прежде взятъ былъ тогда на поруки своимъ отцомъ, потребовалъ, чтобы на этотъ разъ онъ представилъ «благонадежнѣйшихъ» поручителей, а такъ какъ этого требованія Рябининъ не могъ исполнить, то и былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе. Когда же дѣло было разобрано Сенатомъ, то Сенатъ опредѣлилъ: такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ уликъ, по которымъ можно бы даже

---

[1]) Нѣкоторые видные чиновники обвинялись въ азартной игрѣ, въ жизни не по средствамъ; одинъ изъ нихъ прежде былъ почти нищій, а какъ только получилъ мѣсто и 300 р. жалованья въ годъ, то завелъ у себя чуть ли не лучшій столъ въ Ригѣ, ежедневно приглашая къ себѣ 20—30 особъ.

[2]) 1827 г., № 247.

подозрѣвать Рябинина въ убійствѣ, то и возвратить Рябинина изъ Сибири на счетъ казны; при чемъ Сенатъ не оставилъ указать опять на нарушеніе установленнаго порядка: военный губернаторъ въ случаѣ несогласія съ приговоромъ правленія долженъ, остановивъ исполненіе приговора, донести Сенату; съ другой же стороны и правленіе не имѣло права по предложенію военнаго губернатора перемѣнить свое опредѣленіе; вслѣдствіе этого Сенатъ и полагалъ предписать и маркизу Паулуччи, и губернскому правленію, чтобы они были впредь осмотрительнѣе и взыскать съ нихъ со всѣхъ то, что будетъ стоить возвращеніе Рябинина. Комитетъ нашелъ, что маркизъ Паулуччи виновнѣе всѣхъ въ этомъ безпорядкѣ и положилъ такъ: хотя теперь (1832 г.) маркизъ Паулуччи уже не служитъ и проживаетъ заграницей, тѣмъ не менѣе все взысканіе обратить на тѣ денежныя дачи и пенсію, которыя ему производятся. Но Государь рѣшилъ иначе: «*взысканіе на маркиза Паулуччи распространять нынѣ неудобно*» [1]).

Ревизію управленія Восточной Сибири производилъ сенаторъ Толстой; между нимъ и генералъ - губернаторомъ вышли большія пререканія: генералъ-губернаторъ жаловался Комитету, что Толстой открывалъ преступленія чиновниковъ чрезъ ссыльныхъ евреевъ и даже государственныхъ преступниковъ; что онъ отставилъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, а потомъ чрезъ годъ самъ же опредѣлялъ ихъ на другія мѣста, что онъ исключилъ изъ формулярнаго списка одного чиновника штрафъ, которому тотъ былъ подвергнутъ и т. п. Комитетъ положилъ— потребовать прежде всего объясненія ревизующаго сенатора [2]). Сенаторъ Толстой указывалъ въ своихъ донесеніяхъ на незаконныя распоряженія генералъ-губернатора по хлѣбнымъ операціямъ въ Енисейской губерніи, гдѣ генералъ-губернаторъ запретилъ свободную покупку хлѣба, разрѣшая ее однако нѣкоторымъ лицамъ, чѣмъ вызваны были неизвинительные безпорядки по народному продовольствію. Гр. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, соглашался съ Толстымъ, что ген. Рупертъ неосновательно донесъ о голодѣ въ краѣ, безъ разрѣшенія правительства, въ противность закону, принялъ крутую и гибельную мѣру, отмѣнивъ свободу

1) 1832 г., № 740.
2) 1846 г., №№ 178 и 466.

хлѣбной торговли, при чемъ рѣшился измѣнить Высочайше утвержденныя правила для частной золотопромышленности, къ явному вреду дѣла; на Высочайше поставленный ему вопросъ, по журналу Комитета 25 Апрѣля 1839 г., ген. Рупертъ представилъ неправильныя объясненія, донеся, что запрещеніе свободы хлѣбной торговли уже отмѣнено, между тѣмъ какъ распоряженія такого не было сдѣлано, и запрещеніе оставалось въ своей силѣ,—однимъ словомъ генералъ-губернаторъ не исполнилъ Высочайшей воли, предоставилъ себѣ право давать на торговлю хлѣбомъ исключительныя разрѣшенія нѣкоторымъ самымъ богатымъ золотопромышленникамъ; въ операціи по выкуркѣ вина всѣ усилія генералъ-губернатора направлены были въ пользу откупщика Кузнецова, которому приказано было отпустить хлѣбъ даже изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, т. е. опять нарушенъ былъ коренной законъ; отъ министерства финансовъ скрыта была настоящая цѣна, во что обошлась казнѣ выкурка ведра вина: ведро стоило казнѣ по 6 р., донесено же было, что оно стоило болѣе 2 р. 50 к., откупщику же отдано по 2 р. ведро. По мнѣнію гр. Перовскаго такія дѣйствія ген. Руперта возбуждаютъ отвѣтственность его въ порядкѣ, уголовнымъ закономъ указанномъ.

Министръ юстиціи гр. Панинъ также въ этихъ дѣйствіяхъ ген. Руперта видѣлъ превышеніе власти, явное нарушеніе Высочайшаго повелѣнія, допущеніе важныхъ безпорядковъ и согласно съ гр. Перовскимъ предлагалъ подвергнуть ген. Руперта самой строгой отвѣтственности, потому что онъ употребилъ во зло власть, ему предоставленную по званію генералъ-губернатора; гр. Панинъ предлагалъ, впрочемъ, чтобы ген. Руперту дана была полная возможность представить свои объясненія и оправданія. Сверхъ этихъ обвиненій указанъ былъ еще рядъ другихъ, которыя, по словамъ гр. Перовскаго, «показываютъ предосудительную въ главномъ начальникѣ наклонность къ извлеченію изъ ввѣренной ему власти непозволительныхъ выгодъ»; въ то же время генералъ-губернаторъ рекомендовалъ Иркутскому губернатору почаще обращать вниманіе на законы, въ которыхъ говорится объ исполненіи подчиненными предписаній, просилъ не утруждать его, генералъ-губернатора, чтеніемъ представленій, наполненныхъ фантазіей и умозрѣніями, а въ другой разъ совѣтывалъ ему изъ

желанія добра и опасенія другихъ послѣдствій прочесть статьи XV т. свода законовъ, въ которыхъ виновному полагается испрашиваніе прощенія у обиженнаго или тюремное заключеніе, или же лишеніе чести, всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе; такой образъ дѣйствій гр. Панинъ характеризовалъ въ Комитетѣ словомъ «неприличный»: въ немъ не было бы преступленія, если бы ген. Рупертъ не позволилъ себѣ угрожать начальнику губерніи закономъ, примѣняемымъ къ преступникамъ. Комитетъ, разсмотрѣвъ это большое дѣло, нашелъ одни обвиненія противъ ген. Руперта не важными, но другія призналъ заслуживающими особеннаго вниманія; къ послѣднимъ Комитетъ отнесъ дѣйствія генералъ-губернатора по заготовкѣ хлѣба въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ съ 1839 по 1844 гг., употребленіе ссыльно-каторжныхъ на частныя работы и распоряженія его по управленію золотыми промыслами; въ заключеніе Комитетъ положилъ, что по его мнѣнію ген. Рупертъ не можетъ долѣе оставаться въ нынѣшнемъ своемъ званіи и пользоваться довѣріемъ правительства. Государь рѣшилъ такъ: «*ген.-лейт. Руперта по прошенію его уволить отъ должности генералъ-губернатора; по прочему исполнить. Внесенный штрафъ въ формуляръ не иначе можетъ исключенъ быть какъ съ моего разрѣшенія; сен. Толстой въ этомъ совершенно виновенъ въ превышеніи власти*» [1]).

Въ управленіи Архангельскаго генералъ-губернатора Миницкаго сенаторы Корниловъ и Мертенсъ нашли много злоупотребленій и безпорядковъ, которые произошли частью отъ слабаго управленія Миницкаго и отъ нерадѣнія и самовластія гражданскаго губернатора Филимонова; замѣчанія свои сенаторы сообщили новому генералъ-губернатору адмиралу Галлу, «но, писали сенаторы, едва ли можно ожидать со стороны его надлежащаго исправленія безпорядковъ и пресѣченія зла, ибо онъ совершенно руководствуется губернаторомъ и всемѣрно будетъ стараться покрыть вины его и губернскаго правленія». О ген. Миницкомъ Комитетъ положилъ, что дѣйствія его по неисполненію объявленнаго ему по одному дѣлу Высочайшаго повелѣнія не могутъ быть оставлены безъ строгаго замѣчанія. «*Да, если бы манифеста не было; но за силою*

---

1) 1847 г., № 874.

онаго, кажется, Комитету Министровъ не должно бы было назначать сего» [1])—резолюція.

Малолѣтніе наслѣдники помѣщика Глинки не могли получить денегъ, должныхъ имъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, кн. Репнинымъ. Сенатъ опредѣлилъ сдѣлать выговоръ Полтавскому губернскому правленію за медленность во взысканіи этихъ денегъ. Но Комитетъ, принявъ во вниманіе подчиненное положеніе Полтавскаго правленія по отношенію къ кн. Репнину, положилъ подтвердить объ исполненіи, поставивъ на видъ генералъ-губернатору неисправность и медленность губернскаго правленія, а равно и то положеніе, въ которомъ находится имѣніе малолѣтнихъ сиротъ вслѣдствіе его уклоненія отъ платежа по законному и неоспоренному акту, тогда какъ именно онъ, генералъ-губернаторъ, по самому званію своему есть непосредственный защитникъ всѣхъ утѣсненныхъ. Для сохраненія уваженія къ званію военнаго губернатора положено было не считать этого взысканія въ числѣ тѣхъ, о коихъ велѣно было публиковать [2]).

Приговоромъ Сената Нѣжинскій полиціймейстеръ Киценко отставленъ былъ отъ должности за произвольное заключеніе подъ стражу и обритіе головы одного изъ Нѣжинскихъ мѣщанъ. Кн. Репнинъ ходатайствовалъ о пересмотрѣ дѣла въ Общемъ Собраніи Сената, объясняя, что полиціймейстеръ только исполнилъ его, военнаго губернатора, приказаніе. Комитетъ постановилъ: не перенося дѣла въ Общее Собраніе Сената, предоставить военному губернатору опредѣлить полиціймейстера этого на другое мѣсто, кромѣ однакоже города Нѣжина и кромѣ должности полиціймейстера. Резолюція: *«Я съ симъ не согласенъ; Киценко правильно отставленъ отъ мѣста и довольно будетъ дозволить вступить паки на службу на правилахъ манифеста, т. е. съ перваго офицерскаго чина. Извиненіе, будто онъ дѣйствовалъ по даннымъ ему предписаніямъ отъ военнаго губернатора, я не пріемлю, ибо не могу вѣрить, чтобы генералъ-губернаторъ беззаконное предписывалъ»* [3]). Въ 1837 г. послѣ уже отъѣзда кн. Репнина заграницу, гр. Строгановъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора, извѣстилъ о большихъ недочетахъ по постройкѣ новаго зда-

1) 1828 г., № 75.
2) 1831 г., № 730.
3) 1829 г., № 1619.

нія для института благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ; предсѣдателемъ же коммисіи, завѣдывавшей постройкою, былъ кн. Репнинъ; отчетности по постройкѣ не оказалось, шнуровыя книги найдены безъ печати, израсходовано было вдвое больше противъ первоначальной смѣты, причемъ недостававшія деньги 230 т. р. взяты были изъ Полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія по словеснымъ приказаніямъ кн. Репнина. Комитетъ, опредѣливъ назначить особую коммисію для изслѣдованія, подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова, положилъ уволить отъ должности казначея, содержать его подъ присмотромъ полиціи и наложить запрещеніе на имѣніе кн. Репнина. Государемъ написано: «*согласенъ, кн. Репнину чрезъ вице-канцлера велѣть немедля возвратиться въ Россію для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ*» [1]).

Харьковскій генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ истратилъ изъ казенныхъ денегъ 43.000 р. на свои надобности; генералъ-губернаторъ самъ написалъ объ этомъ предъ своею смертью Государю; письмо его было внесено въ Комитетъ, который положилъ: наложить запрещеніе на имѣніе кн. Долгорукова и произвести изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла чрезъ довѣренное лицо. Государь приказалъ отправить на слѣдствіе въ Харьковъ ген.-ад. Анрепа [2]). Дознаніе, произведенное Анрепомъ, обнаружило слѣдующее: съ самаго вступленія своего въ должность кн. Долгоруковъ терпѣлъ недостатокъ въ деньгахъ, казначея сдѣлалъ управляющимъ своимъ домомъ и позволялъ, по словесному приказу, заимствовать иногда недостающее изъ канцелярскихъ суммъ, въ расчетѣ впослѣдствіи пополнить все; но вмѣсто этого позаимствованія изъ казенныхъ суммъ становились все больше, такъ что даже чиновники жалованьемъ удовлетворялись въ счетъ будущихъ суммъ; домашнія дѣла покойнаго генералъ-губернатора были въ совершенномъ разстройствѣ: первые три года онъ чуть не ежедневно давалъ вечера, иногда проигрывалъ въ вечеръ по 2—3 т. р. асс., дѣлалъ займы у частныхъ лицъ, но потомъ кредитъ его сильно упалъ до того даже, что заборъ съѣстныхъ припасовъ сталъ для него затруднителенъ; послѣ смерти его—денегъ не оказалось вовсе, а неуплаченныхъ долговъ—до 300.000 р. асс.; похороны совершены

---

[1]) 1837 г., № 1151.
[2]) 1847 г., № 654.

были на счетъ его брата. Покойный оставилъ по себѣ добрую память въ населеніи и общее сожалѣніе, такъ что многіе уничтожили его долговыя обязательства не столько по безнадежности ихъ, сколько по личному уваженію къ памяти его; въ Харьковѣ даже устроена была подписка на сооруженіе особаго придѣла въ соборѣ, гдѣ похороненъ кн. Долгоруковъ. О чиновникахъ, окружавшихъ кн. Долгорукова, ген.-ад. Анрепъ равнымъ образомъ далъ хорошій отзывъ, какъ о виновныхъ болѣе всего лишь въ исполненіи словесныхъ незаконныхъ приказаній покойнаго. Комитету Министровъ слѣдовало рѣшить, съ кого взыскивать казенные убытки? Комитетъ призналъ, что виновные въ выдачѣ денегъ чиновники подлежатъ отвѣтственности, но слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что неисполненіе ими приказаній генералъ - губернатора могло бы имѣть для нихъ самыя непріятныя послѣдствія, между тѣмъ главный виновникъ смертью изъятъ уже отъ всякой личной отвѣтственности, и потому обращать взысканіе на подчиненныхъ ему лицъ было бы въ высшей степени неудобно и могло бы породить неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ. Государь положилъ такую резолюцію: «*исполнить, но одно выраженіе пропустить безъ замѣчанія не могу; конечно, кн. Долгоруковъ за смертью избѣгнулъ неминуемаго и заслуженнаго взысканія за свои беззаконныя дѣйствія и предстоитъ суду Божію, но тѣмъ не менѣе онъ запятналъ, что благородному человѣку дороже быть должно всего на свѣтѣ: честь и доброе имя въ наслѣдіе дѣтямъ*» [1]).

Комитету Министровъ приходилось иногда отмѣнять нѣкоторыя распоряженія генералъ-губернаторовъ или представлять Государю о неудобствахъ ихъ.

Въ Петербургѣ военный губернаторъ запретилъ производить на Сѣнной площади торговлю съѣстными припасами на столахъ и въ ларяхъ на томъ основаніи, что площадь эта предназначена для продажи товаровъ сельскихъ, а означенною торговлею занимались преимущественно скупщики; отъ запрещенія выигралъ по объясненію военнаго губернатора и видъ

---

1) 1847 г., № 895. Бар. Корфъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что три брата кн. Долгорукова немедленно выразили желаніе возмѣстить эту сумму и что Государь принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ, но не согласился на такую жертву съ ихъ стороны.

самой площади, и кромѣ того уничтожено этимъ бывшее постоянно на площади зловоніе. Распоряженіе вызвало протесты министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; Комитетъ рѣшилъ дѣло сообразно съ мнѣніемъ министровъ на томъ основаніи, что такая торговля на Сѣнной производилась съ давняго времени. Государемъ утверждено было положеніе Комитета [1]). Чрезъ Коммисію Прошеній дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ, бывшій директоръ медицинскаго департамента, обратился съ просьбою: избавить его отъ ареста, которому онъ подвергнутъ по случаю запрещенія ему выѣзда изъ столицы. По сношенію Коммисіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что Тургеневу вовсе не былъ запрещенъ выѣздъ изъ столицы, и что это есть только распоряженіе генералъ-губернатора. Государь велѣлъ разсмотрѣть просьбу Тургенева въ Комитетѣ Министровъ. Комитетъ поручилъ министру юстиціи узнать, дѣйствительно-ли выѣздъ ему изъ Петербурга былъ запрещенъ и если—да, то по какому случаю. Жалоба оказалась вѣрною и Тургеневъ получилъ право выѣзда [2]). Московскій военный губернаторъ представилъ о необходимости починить нѣкоторыя казенныя зданія въ Московскихъ уѣздныхъ городахъ и о томъ, что онъ намѣренъ заимствовать на это деньги изъ городскихъ доходовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ такое распоряженіе неправильнымъ въ виду того, что военный губернаторъ долженъ былъ сначала представить смѣту предполагаемымъ расходамъ, а военный губернаторъ тѣмъ временемъ распорядился уже приступить къ работамъ въ виду совершенной необходимости ихъ и позаимствовалъ изъ городскихъ суммъ 17.465 р. съ копѣйками. Тогда дѣло поступило въ Комитетъ, который не могъ не признать причинъ, заставившихъ военнаго губернатора такъ поступить, уважительными, тѣмъ не менѣе Комитетъ думалъ, что въ виду отзыва министра военному губернатору не слѣдовало приступать къ работамъ, почему и должно поставить на видъ это обстоятельство кн. Голицыну, а деньги отпустить немедленно изъ суммъ, ассигнованныхъ на строенія; если же ихъ нѣтъ, то—изъ смѣты будущаго года. Государь положилъ такую резолюцію: «*военный губернаторъ поступилъ правильно,*

1) 1832 г., № 992.
2) 1831 г., № 954.

ибо своевременнымъ исправленіемъ избавилъ отъ значительныхъ издержекъ, не должно было только представлять о семъ, не представивъ плановъ; это впредь повсюду велѣть непремѣнно представлять къ 1 Октября для разсмотрѣнія и внесенія въ смѣту» [1]).

Эти и слѣдующіе факты доказываютъ, что и въ это царствованіе, какъ и въ предыдущее, значеніе и положеніе генералъ-губернаторовъ были не одинаковы и что было бы ошибкой считать, будто отношенія ихъ къ министрамъ были опредѣлены приведеннымъ указомъ 1831 г.; скорѣе должно сказать противное, т. е., что генералъ-губернаторы дѣйствовали весьма самостоятельно и по отношенію къ лицамъ, служившимъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ подчиненныхъ имъ губерній, и по отношенію къ порядкамъ, ими иногда отмѣняемымъ, иногда устанавливаемымъ, и по отношенію, наконецъ, къ центральнымъ органамъ управленія.

Въ Архангельскѣ вышли раздоры между генералъ-губернаторомъ и губернаторомъ; и они оба жаловались другъ на друга. Государь распорядился немедленно увѣдомить объ этомъ Комитетъ Министровъ и немедленно же приказалъ отправить въ Архангельскъ сен. гр. Гурьева съ правомъ остановить дѣйствія генералъ-губернатора, если они неправильны, и даже отправить его въ Петербургъ; если же по изслѣдованіи окажется неправымъ гражданскій губернаторъ, то гр. Гурьевъ долженъ былъ немедленно отрѣшить его отъ должности [2]). Въ Тобольской губерніи исправлявшій должность губернатора Нагибинъ позволилъ себѣ рядъ рѣзкихъ отзывовъ на счетъ покровительства, оказываемаго всѣми властями и самимъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири содержателямъ откупа, «которые счастливѣе алхимиковъ и давно нашли философскій камень и весьма умѣютъ употреблять его въ свою пользу». Напр., Нагибинымъ выставлены были объявленія во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ за напрасные обыски, производимые по приказанію откупщиковъ. Тщетно откупщики испытывали надъ нимъ, Нагибинымъ, всѣ свои средства, чтобы распоряженіе это было отмѣнено; но то, чего не отмѣнилъ онъ, отмѣнено было генералъ-губернаторомъ Вельяминовымъ по протесту

---

1) 1833 г., № 1526.
2) 1830 г., № 152.

губернскаго прокурора, который, «по странному стеченію обстоятельствъ, постигъ всѣ неудобства новаго распоряженія, какъ разъ въ то время, когда откупщики пріѣхали въ губернскій городъ». Кромѣ того, Нагибинъ указывалъ на злоупотребленія и въ другихъ областяхъ управленія; Комитетъ Министровъ нѣкоторыя обвиненія призналъ вовсе недоказанными, а объ остальныхъ поручилъ министрамъ навести справки; объясненія же Нагибина, по мнѣнію Комитета, наполнены дерзкими и неприличными словами, за что и постановлено было сдѣлать Нагибину строжайшій выговоръ. Государь отнесся строже къ Нагибину, приказавъ: «*губернатора Нагибина за дерзость и фальшивый доносъ отрѣшить отъ должности и предать суду*» [1]).

Гр. Воронцовъ, Новороссійскій генералъ - губернаторъ, остался недоволенъ дѣятельностью коммерческихъ судовъ въ Новороссіи: учреждены они были для облегченія торговаго класса, на дѣлѣ же выходитъ совсѣмъ противное, писалъ гр. Воронцовъ, и особенно дурно дѣйствуетъ коммерческій судъ въ Одессѣ подъ предсѣдательствомъ Дембровскаго. Дембровскій, съ своей стороны, жаловался на гр. Воронцова, который будто бы стѣснялъ его дѣятельность; все слѣдствіе было направлено къ министру юстиціи, который, по словамъ гр. Воронцова, не оказалъ съ самаго начала дѣла приличнаго званію генералъ-губернатора довѣрія, да и прежде должное довѣріе не было ему, гр. Воронцову, оказываемо отъ министерства юстиціи; по всѣмъ этимъ причинамъ гр. Воронцовъ просилъ разсмотрѣть доносъ Дембровскаго помимо этого министерства,—Комитетъ вполнѣ уважилъ это ходатайство и положилъ, кромѣ того, предать Дембровскаго суду [2]). Въ Одессѣ же изъ за устройства мостовыхъ и тротуаровъ вышли большія пререканія между гр. Воронцовымъ и офицерами корпуса путей сообщенія: офицеры смѣло отвѣчали генералъ-губернатору на указываемые имъ недостатки, что они все дѣлаютъ къ лучшему, а о работахъ своихъ доносятъ по начальству. Комитетъ на этотъ разъ принялъ сторону гр. Воронцова и даже въ своемъ положеніи рѣшилъ обобщить данный случай установленіемъ правила, чтобы впредь чиновники вѣдомства путей

---

1) 1830 г., № 1247.
2) 1826 г., № 1314.

сообщенія по производимымъ ими работамъ въ губерніяхъ состояли въ полной зависимости и подчиненности главному начальнику губерніи. Государь въ данномъ случаѣ не согласился съ Комитетомъ: «*касательно же подчиненія офицеровъ путей сообщенія губернскому начальству не разрѣшаю; но каждый разъ представлять о томъ мнѣ, ибо по искусственной части въ губерніяхъ не вездѣ люди въ состояніи судить о достоинствѣ производимыхъ работъ*» [1]). Офицеры эти скоро подверглись сильнѣйшему гнѣву Государя; въ 1828 же году Николай Павловичъ былъ въ Одессѣ, посѣтилъ тамъ, между прочимъ, такъ называемый чумной кварталъ, и въ Комитетъ Министровъ прислано было слѣдующее повелѣніе: Государь Императоръ въ Одессѣ изволилъ лично видѣть, что такъ называемый чумной кварталъ, два года тому назадъ выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ: сводъ надъ окнами совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его Величество, лично осмотрѣвши такую худобу сего строенія, находитъ, что оное не могло произойти иначе, какъ отъ небреженія или явно дурного намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе,—ген. Потье, Гана и Морозова; почему и повелѣваетъ:

1) Гана и Морозова, арестовавъ, предать военному суду, которому рѣшить дѣло это безъ очереди; 2) наложить запрещеніе на имѣнія Потье, Гана и Морозова; 3) сломать зданіе и выстроить заново насчетъ виновныхъ [2]).

Такъ кончилось столкновеніе офицеровъ путей сообщенія съ гр. Воронцовымъ.

Для опредѣленія отношеній чиновъ разныхъ вѣдомствъ къ генералъ-губернаторамъ весьма важно дѣло, возбужденное Саратовскимъ губернаторомъ о правѣ его аттестовать всѣхъ служащихъ въ губерніи по разнымъ вѣдомствамъ. Саратовскій губернаторъ кн. Голицынъ сдѣлалъ въ формулярныхъ спискахъ многихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ «укоризненныя» отмѣтки, напр. о вице-губернаторѣ отмѣтилъ: «способности весьма хорошія, но едва ли употребленіе его на службѣ въ 1828 г. соотвѣтствовало пользѣ службы»; о предсѣдателѣ

---

1) 1828 г., № 19.
2) 1828 г., № 907.

уголовной палаты—«неспособенъ и недостоинъ»; о депутатѣ дворянства Вольскаго уѣзда—«послѣ родителя родового имѣнія почти не осталось, но будучи трудолюбивымъ чиновникомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти большое количество душъ частью на свое имя, частью на имя жены своей, но какъ способности весьма ограничены, то ни къ чему не аттестуется»; о секретарѣ Сердобскаго городового магистрата: «Ябедникъ, мерзавецъ, да и отрѣшенъ въ недавнее время отъ должности»; о Петровскомъ уѣздномъ стряпчемъ—«безъ способностей и пустой человѣкъ». По этому поводу, Сенатъ и министръ внутреннихъ дѣлъ признали, что Саратовскій губернаторъ кн. Голицынъ не имѣлъ права дѣлать въ формулярныхъ спискахъ неприличныхъ, оскорбительныхъ и даже бранныхъ отмѣтокъ, за что и объявить ему выговоръ съ внушеніемъ, и кромѣ того, такъ какъ нѣкоторые чиновники въ губерніяхъ опредѣляются Именемъ Его Величества, зависятъ не отъ губернаторовъ, а прямо отъ министра финансовъ или министра юстиціи,—то предписывается повсемѣстно, чтобы начальники губерній, кромѣ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, не считали, что аттестація въ формулярахъ этихъ чиновниковъ зависитъ отъ нихъ.

Принимая это опредѣленіе Сената, Комитетъ признавалъ только за генералъ-губернаторами право аттестовать чиновниковъ, но Государь опять смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе; Николай Павловичъ, такъже, какъ и его предшественникъ, высоко ставилъ высшихъ представителей мѣстной власти; поэтому Онъ положилъ слѣдующую резолюцію: «*кн. Голицынъ неправильно поступилъ, дозволивъ себѣ выраженія неумѣстныя, что ему замѣтить должно, ибо въ свое время не представилъ о тѣхъ, коихъ безполезными для службы считалъ. Но согласиться съ Комитетомъ не могу, чтобы должно было какого-либо изъ упомянутыхъ имъ губернскихъ чиновъ изъять изъ аттестованія начальникомъ губерніи, какъ перваго лица въ оной, на мнѣніе коего должно высшее начальство полагаться и который, какъ и всякій, отвѣчаетъ честью за налагаемыя имъ аттестаціи*» [1]).

Въ 1847 г. Смоленскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ распорядился, чтобы опредѣленія, перемѣщенія и увольненія всѣхъ служащихъ въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ чинов-

---

1) 1832 г., № 1142.

никовъ и канцелярскихъ служителей происходили не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Когда распоряженіе это было представлено въ Сенатъ, то послѣдній нашелъ, что есть порядокъ, указанный въ общемъ губернскомъ учрежденіи и уставѣ о службѣ по выборамъ, по которому всѣ чиновники губернскіе и уѣздные утверждаются губернскими правленіями, а избираемые дворянствомъ—гражданскими губернаторами; такого же постановленія, чтобы все это разрѣшалось каждый разъ генералъ-губернаторомъ, нѣтъ; сверхъ того Сенатъ замѣтилъ, что главнымъ начальникамъ предоставлено право требовать себѣ дѣла, но не присвоено права устанавливать новыя правила; на основаніи этого Сенатъ опредѣлилъ: распоряженіе Смоленскаго генералъ-губернатора отмѣнить и предписать Витебскому, Могилевскому и Смоленскому губернскимъ правленіямъ руководствоваться впредь общими узаконеніями. Въ отвѣтъ на это кн. Голицынъ писалъ, что онъ, вступивъ въ управленіе краемъ въ 1845 г., нашелъ администрацію мѣстную въ слѣдующемъ видѣ: чиновники опредѣлены на мѣста безъ должнаго разбора, многіе изъ нихъ неблагонадежны; писцы не умѣютъ писать по русски, у большинства изъ нихъ—дурной почеркъ; становые и полицейскіе офицеры мало знаютъ свою должность; городскіе головы и прочіе чины городскихъ правленій большею частью неграмотны, дурного поведенія и не занимаются своими обязанностями; чиновники, выбираемые дворянствомъ, не всѣ соотвѣтствуютъ своему званію и должностямъ; поэтому онъ и призналъ нужнымъ, чтобъ ему доносили о всякомъ опредѣленіи на должность, начиная съ должности писца, ибо писцы впослѣдствіи занимаютъ должности столоначальниковъ, а потомъ секретарей; начальники губерній постоянно заявляютъ о невозможности имѣть способныхъ чиновниковъ, что чиновники, большею частью, польскіе уроженцы, плохо знающіе русскій языкъ, между тѣмъ сами же ихъ опредѣляли въ должности, т. е. дѣлали это безъ должнаго разбора; генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему указаннаго права, такъ какъ онъ уже успѣлъ замѣтить хорошія послѣдствія заведеннаго порядка. Министръ внутреннихъ дѣлъ высказался рѣшительно противъ представленія кн. Голицына, видя въ этомъ, во первыхъ, нарушеніе установленнаго порядка и сомнѣваясь, во вторыхъ, чтобы генералъ-губернаторъ могъ выполнить свои

намѣренія, такъ какъ трудно знать лично столькихъ чиновниковъ и занятія ихъ; слѣдовательно генералъ-губернаторъ будетъ полагаться на мнѣніе постороннихъ лицъ, но правильнѣе, конечно, чтобы онъ полагался на мнѣнія гражданскихъ губернаторовъ и предсѣдателей палатъ. Комитетъ согласился съ доводами министра, что нельзя предоставить генералъ-губернатору такое право потому, что: 1) это было бы несогласно съ узаконеніями; 2) повело бы къ ослабленію значенія власти и отвѣтственности гражданскихъ губернаторовъ и губернскихъ правленій, и 3) возложило бы излишній трудъ на генералъ-губернаторовъ [1]). Такое заключеніе Комитета было утверждено Государемъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ обратился къ министру юстиціи съ просьбою уволить отъ должности Томскаго губернскаго стряпчаго и назначить на его мѣсто другого. Гр. Панинъ, исполнивъ первую просьбу кн. Горчакова, запросилъ управлявшаго Томскою губерніею о томъ, нѣтъ ли среди мѣстныхъ уѣздныхъ стряпчихъ лица, достойнаго занять освободившееся мѣсто въ Томскѣ. Обращеніе это сдѣлано было въ отсутствіе кн. Горчакова, который, очевидно, обидѣлся на сношеніе министра по этому дѣлу съ подчиненными ему, генералъ-губернатору, лицами помимо его и, ссылаясь на статьи Свода, просилъ министра впредь не отступать отъ порядка, указываемаго закономъ. Гр. Панинъ представилъ дѣло съ своими объясненіями въ Комитетъ; Комитетъ призналъ: обращеніе гр. Панина къ мѣстному губернатору не могло имѣть никакой другой цѣли, кромѣ пользы службы; статья 1690 Свода Государственныхъ Учрежденій гласитъ: «министры имѣютъ во всѣхъ случаяхъ право предписывать губернскому начальству непосредственно, сообщая главному начальнику списки со своихъ предписаній для надзора въ исполненіи». Поэтому управляющій Томскою губерніею обязанъ былъ немедленно исполнить требованіе министра, не заводя лишней переписки, хотя статья 1778 и дѣлаетъ исключеніе для Сибири, но предписаніе министра юстиціи не заключало въ себѣ требованія разрѣшенія. Подведеніе случаевъ, въ которыхъ министры требуютъ отъ губернаторовъ разныхъ свѣдѣній по дѣламъ, подъ такой порядокъ,

---

1) 1847 г., № 393.

который установленъ для дѣлъ, требующихъ разрѣшенія, не только было бы противно закону, но могло бы умножить безполезную переписку. Сверхъ того Комитетъ и выраженія, употребленныя кн. Горчаковымъ по отношенію къ министру, нашелъ несоотвѣтствующими порядку службы и положилъ: подтвердить генералъ-губернатору кн. Горчакову, чтобы онъ наблюдалъ за исполненіемъ со стороны подчиненныхъ ему начальниковъ губерній законныхъ требованій министровъ. «*Справедливо*»—резолюція Государя [1]).

Кн. Горчаковъ представилъ новыя объясненія, въ которыхъ Комитетъ не нашелъ ничего, чтобы могло измѣнить его положеніе, но Государь иначе посмотрѣлъ на дѣло послѣ дополнительныхъ объясненій, написавъ: «*впредь избѣгать подобныхъ недоразумѣній, сносясь предварительно съ генералъ-губернаторами*».

Такъ опредѣлялись практикой права генералъ-губернаторовъ надъ лицами, служившими въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Важнѣе—измѣненія порядковъ и установленныхъ законами формъ дѣлопроизводства, которыя дозволяли себѣ генералъ-губернаторы.

Въ 1848 г. кн. Воронцовъ, назначенный Кавказскимъ намѣстникомъ, обратился къ Государю Императору со слѣдующею просьбою:

Постоянно стремясь къ возможно большему благоустройству края, онъ долженъ былъ принимать на себя въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшеніе денежныхъ расходовъ, чего онъ не могъ избѣгнуть при портовыхъ сооруженіяхъ и устройствѣ новыхъ городовъ. Не его дѣло судить, до какой степени развились во время его управленія торговля, промышленность и земледѣліе края, но онъ смѣетъ думать, что дѣйствія его въ продолженіе четверти вѣка не повредили краю, достигнувшему исполинскими, можетъ быть совершенно естественными, шагами того благосостоянія, въ которомъ онъ теперь находится. Нынѣ, при новомъ его назначеніи намѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ корпусомъ Кавказскихъ войскъ, ему трудно, а сыну его впослѣдствіи еще труднѣе будетъ, разсчитываться передъ казною за всѣ произведенныя имъ для края издержки. Уповая на милость Государя, съ чистою совѣстью онъ проситъ признать правильными

1) 1842 г., № 2037.

всѣ произведенныя имъ на указанные предметы денежныя траты. Комитетъ прежде всего призналъ, что эта просьба выходитъ изъ общаго порядка, установленнаго закономъ, и что удовлетвореніе ея зависитъ исключительно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія; но, такъ какъ Государю угодно было передать эту просьбу на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, то Комитетъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность представить Его Величеству слѣдующее свое мнѣніе: могли, конечно, встрѣчаться такіе случаи, въ которыхъ генералъ-губернаторъ по мѣстнымъ ли обстоятельствамъ или для того, чтобы выиграть время, долженъ былъ принимать на себя разрѣшеніе расходовъ съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ установленныхъ формъ и правилъ; съ другой стороны безпрерывно возрастающее благосостояніе Новороссійскаго края приводитъ къ заключенію, что всѣ дѣйствія кн. Воронцова направлены были единственно къ общей пользѣ; поэтому Комитетъ считаетъ возможнымъ освободить кн. Воронцова отъ отвѣтственности по упомянутымъ дѣламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдовало бы, по мнѣнію Комитета, подвергать отвѣтственности тѣхъ изъ подвѣдомственныхъ кн. Воронцову чиновниковъ, которые дѣйствовали на точномъ основаніи данныхъ имъ кн. Воронцовымъ предписаній, или распоряженія которыхъ были имъ утверждены; но мѣру эту, которая можетъ быть допущена по уваженію къ лицу кн. Воронцова, неудобно было бы распространять на состоящихъ подъ начальствомъ кн. Воронцова лицъ, когда они по какимъ либо дѣламъ дѣйствовали собственною властью или несообразно съ данными отъ него предписаніями; затѣмъ, такъ какъ въ просьбѣ кн. Воронцовымъ не объяснено, на какіе именно предметы произведены были расходы съ отступленіемъ отъ правилъ, то поручить государственному контролеру представить объ нихъ Комитету [1]). Государь утвердилъ это положеніе. Такое отступленіе отъ установленнаго порядка объясняется, конечно, совершенно исключительнымъ положеніемъ и тѣмъ особымъ довѣріемъ, которымъ пользовался у Государя кн. Воронцовъ.

Въ 1853 г. Московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій запретилъ вывозить изъ Москвы хлѣбъ безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія; запрещеніе это дано было и

[1]) 1848 г., №№ 691 и 692.

конторѣ новой тогда Петербурго - Московской желѣзной дороги. Главноуправляющій путями сообщенія гр. Клейнмихель доложилъ объ этой мѣрѣ Государю, какъ о стѣснительной для дороги. Государь велѣлъ спросить Закревскаго, чѣмъ вызвано было это распоряженіе? Гр. Закревскій объяснилъ, что принялъ эту мѣру и настаиваетъ на ней въ виду опасенія за урожай въ Московской и сосѣднихъ губерніяхъ. Государь велѣлъ разсмотрѣть дѣло въ Комитетѣ Министровъ; но раньше по поводу этой же мѣры къ гр. Закревскому обратился министръ внутреннихъ дѣлъ, спрашивая его, не нужно ли принять еще какихъ мѣръ для обезпеченія продовольствія Москвы. Гр. Закревскій отвѣчалъ министру такъ: въ настоящее время не требуется никакихъ больше мѣръ, а если что будетъ нужно, то онъ, пользуясь правомъ непосредственнаго доклада Его Величеству, и не преминетъ довести до свѣдѣнія Его Величества. Въ Комитетѣ министръ внутреннихъ дѣлъ ген. Бибиковъ указывалъ на то, что въ Комитетѣ говорилось не разъ, а именно, что свобода хлѣбной торговли у насъ не только утверждена коренными законами, но даже поставлено въ обязанность мѣстнымъ властямъ покровительствовать ей, а не стѣснять ее. Комитетъ принялъ мнѣніе министра и положилъ отмѣнить распоряженіе гр. Закревскаго; положеніе Комитета утверждено было Государемъ [1]).

Одинъ изъ преемниковъ марк. Паулуччи генералъ-губернаторъ Головинъ поручилъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій чиновнику кн. Гагарину произвести слѣдствіе по дѣлу о крестьянинѣ Марцѣ, обвинявшемся въ поруганіи православной иконы; затѣмъ генералъ-губернаторъ предписалъ на основаніи этого слѣдствія предать крестьянина Марца суду и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть дѣло о пасторѣ, который отказался по требованію кн. Гагарина привести лютеранъ-свидѣтелей къ присягѣ. Губернское правленіе оспаривало въ Сенатѣ это предложеніе ген. Головина. Комитетъ прежде всего положилъ сдѣлать строгій, но безъ опубликованія, выговоръ губернскому правленію за троекратный отказъ исполнить предписаніе генералъ-губернатора, о правѣ же генералъ-губернатора поручать производство судебныхъ

1) 1853 г., № 1053.

слѣдствій, а равно и о поступкѣ пастора Комитетъ поручилъ II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи доставить свое заключеніе. Въ дополнительномъ донесеніи ген. Головинъ жаловался на весьма вредное направленіе и образъ мыслей присутственныхъ мѣстъ остзейскихъ губерній. По его словамъ, присутственныя мѣста и сословія не могли свыкнуться съ мыслью, что послѣ изданія Свода необходимо подчинить существовавшій доселѣ во многихъ отношеніяхъ произволъ законному порядку и контролю высшаго правительства, и генералъ-губернаторъ просилъ Высочайшаго повелѣнія разсмотрѣть всѣ находящіяся въ Сенатѣ дѣла о подобныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему присутственныхъ мѣстъ безъ очереди. Резолюція Государя была—«*исполнить, но выговоръ замѣнить замѣчаніемъ*» [1]. Генералъ же Головинъ поднялъ вопросъ старый, но имѣвшій, по отношенію къ этому краю, весьма острый характеръ, именно вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскаго края; представленіе это было утверждено и назначенъ былъ срокъ, къ которому всѣ служащіе въ этихъ учрежденіяхъ должны были научиться русскому языку. Соображенія по этому трудному вопросу были выработаны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и сообщены имъ новому генералъ-губернатору кн. Суворову. Кн. Суворовъ нашелъ соображенія министерства неправильными, основанными на невѣрныхъ предположеніяхъ о числѣ чиновниковъ, знающихъ русскій языкъ; поэтому кн. Суворовъ предлагалъ: назначенный срокъ введенія русскаго языка—отмѣнить и ограничиться пока слѣдующими мѣрами: 1) подтвердить присутственнымъ мѣстамъ производить на русскомъ языкѣ всю переписку съ высшими правительственными учрежденіями, которыя сами не производятъ дѣлъ на нѣмецкомъ языкѣ и 2) поручить мѣстному начальству наблюдать, конечно по мѣрѣ возможности, чтобы впредь на должности членовъ присутствій были опредѣляемы преимущественно лица, знающія русскій языкъ. Кн. Суворовъ прибавлялъ, что въ трехъ губерніяхъ изъ 340 канцелярскихъ служителей знаютъ русскій языкъ 80 чел. и изъ 125 чиновниковъ — 54 чел., т. е. ему слѣдовало бы уволить свыше 300 человѣкъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ на представ-

---

[1] 1847 г., № 1747.

леніе кн. Суворова возражалъ съ той точки зрѣнія, что если приведенныя княземъ свѣдѣнія вѣрны вполнѣ, изъ нихъ вытекаетъ только то, что слѣдуетъ назначить болѣе продолжительный срокъ для изученія русскаго языка чиновниками края, что предположенную мѣру можно проводить послѣдовательно, напр. для губернскихъ правленій назначить срокъ въ три года, для казенныхъ палатъ—въ пять лѣтъ. Министръ ссылался на указы Петра Великаго и Екатерины II, которыми повелѣвалось ввести въ дѣлопроизводство Прибалтійскаго края русскій языкъ, но, говорилъ гр. Перовскій, съ того времени (съ указа Екатерины II 1769 г. Ноября 2) прошло 80 лѣтъ, а дѣло нисколько не подвинулось впередъ. Главноуправляющій II Отдѣленіемъ гр. Блудовъ отнесся къ дѣлу снисходительнѣе. Такъ какъ, говорилъ онъ, мѣры приняты недавно, то неудивительно, что цѣль правительства не достигнута; слѣдуетъ имѣть въ виду, что Остзейскія губерніи не имѣютъ достаточно учителей русскаго языка, что многіе чиновники края понимаютъ по русски, но только пока не научились говорить; принимаемыя мѣры, продолжалъ Блудовъ, безъ сомнѣнія, приведутъ къ желаемой цѣли; до тѣхъ поръ необходимо и вполнѣ цѣлесообразно оказывать во всѣхъ случаяхъ снисхожденіе, не прибѣгая къ понужденіямъ, которыя могутъ поставить въ затрудненіе даже самыхъ готовыхъ и усердныхъ исполнителей Монаршей воли. При избраніи чиновниковъ для губернскихъ мѣстъ, самое совершенное знаніе русскаго языка, по мнѣнію Блудова, едва-ли можно считать условіемъ болѣе важнымъ, нежели основательныя, твердыя и, такъ сказать, практическія свѣдѣнія объ особыхъ мѣстныхъ потребностяхъ, установленіяхъ, самыхъ обычаяхъ и нравахъ края. Слѣдовательно, заключалъ Блудовъ, если принять мѣры, предлагаемыя кн. Суворовымъ, дѣло совершится нескоро, но непремѣнно доведено будетъ до желательнаго конца безъ крутыхъ и стѣснительныхъ мѣръ. Заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ указахъ 1769 и 1784 г.г., конечно, справедливо, но должно принять во вниманіе и то, что не только въ половинѣ и концѣ прошлаго столѣтія, а даже и въ ближайшее къ намъ время основательное знаніе русскаго языка и дѣлового слога было довольно рѣдко и между природными русскими, особенно въ высшихъ классахъ общества; поэтому Блудовъ, видоизмѣняя нѣсколько мѣры кн. Суворова, пред-

лагалъ: 1) подтвердить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ края, чтобы они сносились съ начальствомъ на русскомъ языкѣ; 2) мѣстному начальству наблюдать, чтобы преимущество при назначеніяхъ отдавалось знающимъ русскій языкъ; 3) съ 1858 г. опредѣлять въ должности только лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ, и тогда, когда чиновниковъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, будетъ достаточно, сдѣлать употребленіе русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ края обязательнымъ. Комитетъ Министровъ сталъ вполнѣ на точку зрѣнія Блудова: признавая, говорится въ положеніи Комитета, необходимымъ принять положительныя мѣры къ введенію въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскаго края дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, Комитетъ не могъ не обратить вниманія на затрудненія, связанныя съ этимъ дѣломъ; соглашаясь вполнѣ, что нужно дѣйствовать не вдругъ, а исподволь и постепенно, и что рѣшительныя мѣры могутъ только затруднить исполненіе предначертаній правительства, Комитетъ останавливается на мѣрахъ, предложенныхъ гр. Блудовымъ [1]. Въ 1850 г. въ уставѣ о народной переписи велѣно было ревизскія сказки писать исключительно на русскомъ языкѣ. Кн. Суворовъ снова возбудилъ вопросъ, чтобы въ Остзейскихъ губерніяхъ позволено было писать и на нѣмецкомъ языкѣ, какъ это позволено было въ 1833 г.; министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ возражали, что именно въ 1833 г. позволено было подавать эти сказки на нѣмецкомъ языкѣ только на тотъ разъ; при этомъ министръ финансовъ добавилъ, что нѣмецкаго языка крестьяне Остзейскаго края вообще не знаютъ. Тогда кн. Суворовъ отвѣчалъ, что ходатайствовалъ объ этомъ по убѣжденію въ положительной невозможности требовать сказокъ на русскомъ языкѣ; онъ лично вполнѣ раздѣляетъ желаніе министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы сказки писались по русски, но ему, какъ мѣстному начальнику, предпочтительно предъ всѣми другими властями извѣстны средства, имѣющіяся въ распоряженіи жителей, и онъ проситъ принять за несомнѣнную истину, что нѣтъ физической возможности исполнить это Высочайшее повелѣніе. Крестьяне края, дѣйствительно, не знаютъ нѣмецкаго языка, какъ они не знаютъ и русскаго

[1] 1849 г., № 2014.

языка, но писаря мірскихъ судовъ знаютъ эстонскій, латышскій и нѣмецкій языки; нанять же писарей, знающихъ русскій языкъ, у крестьянскихъ обществъ нѣтъ средствъ; члены ревизіонныхъ коммисій также не знаютъ вовсе русскаго языка, а между тѣмъ они подлежатъ отвѣтственности за неправильныя показанія. Послѣ такого отвѣта министръ финансовъ согласился, что должно допустить подачу ревизскихъ сказокъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Согласился съ этимъ и Комитетъ, поручивъ, впрочемъ, кн. Суворову стараться всѣми мѣрами, дабы на будущее время въ подобныхъ случаяхъ употребляли русскій языкъ [1]).

Кн. Суворовъ далъ разрѣшеніе губернатору опредѣлить въ коммисію поземельнаго устройства Лифляндіи чиновниковъ, которые уже состояли въ другихъ должностяхъ; основаніемъ такого распоряженія кн. Суворова было крайне незначительное жалованье, назначенное членамъ коммисіи; представляя объ этомъ гр. Перовскому, кн. Суворовъ просилъ въ случаѣ его несогласія исходатайствовать на его представленіе Высочайшее разрѣшеніе. Гр. Перовскій внесъ дѣло въ Комитетъ съ заявленіемъ, что разрѣшеніе занимать въ одно и то же время двѣ должности можетъ послѣдовать только отъ Монаршей воли. Комитетъ положилъ утвердить на этотъ разъ представленіе кн. Суворова, но подтвердить ему на будущее время, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ на точномъ основаніи Устава о службѣ, т. е., чтобы каждый разъ испрашивалъ разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ. Городъ Рига издавна дѣлалъ подношенія-подарки нѣкоторымъ губернскимъ чиновникамъ; Сенатъ, считая, что всѣ такія подношенія запрещены закономъ, опредѣлилъ отмѣнить ихъ. Кн. Суворовъ горячо протестовалъ противъ этого; подношенія эти не могутъ быть, по его словамъ, сравниваемы съ подношеніями, дѣлаемыми въ другихъ мѣстахъ; въ Ригѣ— они дѣлаются издавна, въ опредѣленномъ порядкѣ въ одно и то же время однимъ и тѣмъ же лицамъ, по мѣсту и званію ихъ; для чиновниковъ подношенія эти важны, потому что составляютъ часть ихъ годоваго содержанія; подношенія эти всегда открыто вносятся въ смѣту городскихъ расходовъ,— по существу они есть и въ другихъ городахъ, но только иначе называются. Кн. Суворовъ, ссылаясь на позволеніе,

---

1) 1850 г., № 874.

данное Императоромъ Александромъ I, предлагалъ не запрещать подношеній, а упорядочить такимъ образомъ: губернатору назначить по 1.000 р. въ годъ, вице-губернатору—700 р., коменданту — 350 р., губернскому прокурору — 600 р. и генералъ-губернатору—1.700 р., двумъ послѣднимъ—въ видѣ добавочнаго жалованья на наемъ квартиры. Деньги эти брали отъ города кн. Лобановъ-Ростовскій, марк. Паулуччи, бар. Паленъ и др., и деньги эти давали генералъ-губернаторамъ возможность пособлять нищимъ и бѣднымъ, сверхъ посильныхъ собственныхъ средствъ. Но гр. Перовскій былъ противнаго мнѣнія: если въ 1803 г. подношенія эти были оставлены, то изъ этого слѣдуетъ, что они зависятъ отъ воли гражданъ, и отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что исполнить ходатайство кн. Суворова объ урегулированіи подношеній равносильно положительной отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія 1803 г. Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ городское управленіе неоднократно измѣняло лицъ, которымъ дѣлались эти подарки, иногда подарки дѣлались изъ секретныхъ суммъ за опредѣленныя услуги, напр. по случаю рекрутскаго набора, контроля городскихъ денегъ; бывали случаи, что чиновники выпрашивали выдачи подарочныхъ денегъ раньше срока; бывали, что принимали подарки дважды. Между тѣмъ городская касса находится въ дурномъ состояніи: въ 1841 г. сложено было съ Риги 38 т. р. недоимки, и всетаки ея къ 1844 г. числилось—222 т. р.; по всѣмъ этимъ соображеніямъ гр. Перовскій настаивалъ на необходимости запретить подобныя подношенія. Комитетъ рѣшилъ этотъ споръ такъ: указъ Сената, по мнѣнію Комитета, основанъ на точной силѣ закона и потому его слѣдуетъ оставить въ силѣ; затѣмъ Комитетъ не могъ не обратить вниманія на свѣдѣнія, сообщенныя ему министромъ внутреннихъ дѣлъ, но съ другой стороны не могъ не признать и того, что запрещеніе принимать подношенія поставитъ въ трудное положеніе мѣстныхъ чиновниковъ, поэтому Комитетъ полагаетъ, что слѣдуетъ подношенія запретить, но въ то же время назначить чиновникамъ изъ городскихъ суммъ прибавочные оклады; послѣднее обстоятельство заключаетъ въ себѣ вопросъ о расходахъ города Риги, каковой подлежитъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, почему это дѣло и надлежитъ внести въ Совѣтъ [1]).

1) 1850 г., № 79.

Въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1849 г., между прочимъ, было помѣщено слѣдующее: «по богатству средствъ за Одессою слѣдуетъ Рига, но здѣсь по причинѣ остающейся отъ прежняго времени несоотвѣтственности общественнаго хозяйства настоящимъ попечительнымъ видамъ правительства городскіе обороты находятся не въ удовлетворительномъ состояніи». Кн. Суворовъ подалъ всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ писалъ, что замѣчаніе это падаетъ нѣкоторымъ образомъ на его отвѣтственность и поэтому онъ позволяетъ себѣ въ оправданіе приложить особую записку о дѣйствительномъ положеніи хозяйственнаго управленія города Риги за 1849 г. Государь приказалъ: «*разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ и донести, отчего происходитъ противорѣчіе въ данныхъ*».

Оказалось, что: 1) кн. Суворовъ пишетъ: до 1847 г. доходы Риги возрастали не чрезъ увеличеніе окладовъ и введеніе новыхъ сборовъ, но вслѣдствіе хорошаго хозяйственнаго управленія городомъ, а управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—въ теченіе 50 лѣтъ правительство вынуждено было почти постоянно принимать чрезвычайныя мѣры для изысканія доходовъ.

2) Кн. Суворовъ—городской долгъ уплачивается безостановочно, а Ланской—долгъ, сдѣланный въ 1833 г., будетъ уплоченъ только къ 1873 г., а между тѣмъ открылся въ 1850 г. новый дефицитъ.

3) Кн. Суворовъ—всегда былъ остатокъ отъ городскихъ расходовъ въ 5—25% общей суммы; Ланской—происходитъ это отъ зачисленія въ остатокъ суммъ невыданныхъ и невыполненныхъ расходовъ.

4) Кн. Суворовъ—низшій бѣдный классъ—34,800 чел. изъ 58,750 чел. всего населенія города совершенно освобожденъ отъ всякихъ платежей въ пользу города. Ланской—изъ этого числа слѣдуетъ исключить: 18,239 женщинъ, 10,620 чел. умершихъ, безъ вѣсти пропавшихъ, отданныхъ въ рекруты и 1,462 имѣющихъ свидѣтельства о бѣдности и потому свободныхъ отъ всякихъ податей, слѣдовательно собственно свободныхъ отъ платежей только 4,479 чел., въ 8 разъ меньше, чѣмъ показано въ запискѣ кн. Суворова, но и изъ этихъ 4.479 чел. посадскіе платятъ по 2 р. на полицію, а въ предмѣстьяхъ по 50 к.—1 р. на пожарную часть и другія пошлины.

5) Кн. Суворовъ—въ Ригѣ выгоднѣе жить, чѣмъ въ Петербургѣ; Ланской—это ничего не доказываетъ.

6) Кн. Суворовъ—доходъ съ общественныхъ имуществъ въ Ригѣ составляетъ больше $^1/_2$ всей суммы дохода, тогда какъ въ Петербургѣ онъ равняется только—$^1/_{11}$, въ Москвѣ—$^1/_{19}$, Одессѣ—$^1/_{37}$. Ланской — и это ничего не доказываетъ или доказываетъ противное, т. е., что Рига владѣетъ большимъ имуществомъ, изъ котораго не умѣетъ извлекать выгоды.

Комитетъ рѣшилъ это пререканіе, признавъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ поводъ выразиться, что городскіе доходы Риги находятся не въ удовлетворительномъ состояніи, что признавалъ въ нѣкоторыхъ своихъ представленіяхъ и кн. Суворовъ; но слова эти не могутъ, по мнѣнію Комитета, служить укоромъ генералъ-губернатору, такъ какъ все сказанное въ отчетѣ относительно.

Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ члены главныхъ судовъ пользовались вакантнымъ временемъ съ 20 Іюля по 20 Сентября и съ 20 Декабря по 20 Февраля; на это время оставалась обыкновенно половина членовъ, кн. Хованскій предлагалъ, въ виду множества дѣлъ и медленнаго ихъ теченія, постановить на будущее время правило, чтобы члены судовъ могли пользоваться вакаціями только съ его разрѣшенія. Ни Сенатъ, ни Комитетъ не нашли нужнымъ измѣнять установленный и ясно опредѣленный порядокъ, тѣмъ болѣе, что остающіеся члены, по разсужденію Комитета, могутъ рѣшать дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и полное присутствіе. Государь посмотрѣлъ на это совершенно иначе, положивъ слѣдующую резолюцію: «*Я съ симъ заключеніемъ согласиться не могу, ибо если половиннаго числа служащихъ достаточно, то ясно, что двойное число совершенно лишнее. Мы всѣ на службѣ не за тѣмъ, чтобы гулять, а чтобы дѣло дѣлать. Поэтому поручить генералъ-губернатору съ министромъ юстиціи представить новый штатъ симъ мѣстамъ, ограничa до необходимости число чиновниковъ*» [1]. Кн. Хованскій, въ виду все усиливавшагося въ Бѣлоруссіи стараго зла—пристанодержательства бѣглыхъ—просилъ разрѣшенія назначать въ каждый уѣздъ по одному добавочному засѣдателю, который бы спеціально наблюдалъ за отыскиваніемъ бѣглыхъ по уѣзду; кн. Хованскій просилъ, чтобы эти добавочные засѣдатели

---

[1] 1827 г., № 430.

назначались отъ короны, а не по дворянскимъ выборамъ. Комитетъ положилъ отклонить представленіе по двумъ основаніямъ: во первыхъ, уже введены такіе именно засѣдатели для корчемныхъ дѣлъ, а во вторыхъ, зло это существуетъ и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ съ нимъ борются наличными силами. Государь далъ повелѣніе: «мнѣніе Смоленскаго генералъ-губернатора привести въ исполненіе, но съ тѣмъ, чтобы по истеченіи годичнаго срока донесено было объ успѣхѣ, который отъ сей мѣры полученъ будетъ и если пристанодержательство не прекратится, то взыскать съ вновь опредѣляемыхъ по сему случаю чиновниковъ» [1]).

Харьковскій генералъ-губернаторъ Кокошкинъ при обозрѣніи имъ Харьковской губерніи нашелъ, что пристава исполнительныхъ дѣлъ отвлекаются отъ прямыхъ своихъ обязанностей по наружной части ежедневными засѣданіями въ полицейскихъ присутствіяхъ. Генералъ-адъютантъ Кокошкинъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ о томъ, чтобы эту обязанность возложить на приставовъ слѣдственныхъ и уголовныхъ. Сенатъ нашелъ это неудобоисполнимымъ. Государь спросилъ на журналѣ: «*Зачѣмъ?*»; тогда Общее Собраніе Сената представило такое объясненіе: въ законѣ опредѣлено, что въ губернскихъ городахъ присутствіе составляютъ полиціймейстеръ съ частными приставами и двумя ратманами, а пристава уголовные и слѣдственные имѣютъ свои прямыя обязанности. Объясненіе Общаго Собранія Сената было представлено Государю чрезъ Комитетъ; Государь положилъ резолюцію: «*этого мнѣ недостаточно, надо дѣло пересмотрѣть и обдумать основательнѣе*» [2]). Генералъ-губернаторъ Мирковичъ нашелъ составъ полиціи въ городахъ Мозырѣ и Пинскѣ крайне недостаточнымъ, особенно при нынѣшнихъ 1848 г. обстоятельствахъ и Комитетъ утвердилъ его представленія объ увеличеніи полиціи въ этихъ городахъ [3]).

Ревизовавшіе Грузію сенаторы Мечниковъ и гр. Кутайсовъ возбудили вопросъ о томъ, обязаны ли тамошнія присутственныя мѣста безпрекословно исполнять предписанія главнокомандующаго, отмѣняющія постановленныя узаконенія?

---

1) 1829 г., № 2265.
2) 1847 г., № 1662.
3) 1848 г., № 862.

Высочайшее повелѣніе 1813 г. Декабря 9 гласило: «Верховному Грузинскому начальству объявить, дабы впредь до повелѣнія поступало оно согласно съ предложеніями главнокомандующаго, съ тѣмъ, однако, чтобы о каждомъ такомъ случаѣ увѣдомляло министра юстиціи для донесенія Государю»; поэтому бывшіе главнокомандующіе возстановляли по просьбамъ потерянныя права на апелляцію, по просьбамъ же входили въ разбирательства дѣлъ низшихъ судебныхъ мѣстъ, дѣлали на ихъ рѣшенія замѣчанія, заставляли постановлять новыя судебныя опредѣленія, выводили гражданскія дѣла изъ очереди, останавливали исполненія рѣшеній по дѣламъ вексельнымъ, отмѣняли Высочайшіе указы, замѣняли ихъ своими распоряженіями и даже сами учреждали судебныя мѣста. По этому поводу управляющій министерствомъ юстиціи высказалъ въ Комитетѣ мнѣніе, что, конечно, въ такомъ отдаленномъ краѣ генералъ - губернатору должны быть предоставлены особыя полномочія, но что они должны быть только въ области распорядительной, а вовсе не въ дѣлахъ судебныхъ, тѣмъ болѣе тяжебныхъ, въ которыя главноуправляющій не долженъ вмѣшиваться, доколѣ они не дойдутъ до него по очереди; такъ какъ все это происходило на основаніи повелѣнія 1813 г., то управляющій министерствомъ предлагалъ Комитету пріостановить пока дѣйствіе этого повелѣнія впредь до изданія новаго. Мнѣніе это было принято Комитетомъ; но Государь приказалъ разсмотрѣть дѣло вновь вмѣстѣ съ запискою сенаторовъ Мечникова и Кутайсова. Сенаторы предлагали или совсѣмъ не давать главноуправляющимъ права отмѣнять законы, въ которыхъ манифестомъ 1801 г. Сентября 12 предоставлено Грузинскому народу находить защиту, и замѣнять законы собственными распоряженіями; или дать право главноуправляющимъ дѣйствовать, когда нужно, по усмотрѣнію, донося объ этомъ Сенату. Комитетъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе дѣла, предложивъ Государю передать его на разсмотрѣніе Совѣта, на что и послѣдовало согласіе Государя.

До сихъ поръ генералъ - губернаторы руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами и частными наставленіями. Въ Февралѣ 1852 г. Государь далъ особое повелѣніе всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ, чтобы они по губерніямъ, управляемымъ генералъ - губернаторами, всѣ новыя мѣры и всякія полицейскія распоряженія, къ какому бы вѣдом-

ству эти распоряженія ни относились, приводили въ дѣйствіе и предписывали къ исполненію не иначе, какъ по сношеніи съ генералъ-губернаторами. Комитетъ Министровъ, опредѣливъ сообщить объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ, нашелъ, что вообще въ дѣйствующихъ постановленіяхъ недостаточно подробно и обстоятельно опредѣлены обязанности и права генералъ-губернаторовъ; что постановленія о нихъ, изданныя въ разное время, безъ общей связи, едва ли достаточны, и въ виду этого полезно было бы въ особой инструкціи подробно опредѣлить обязанности, права, отношенія и отвѣтственность генералъ-губернаторовъ; но предварительно Комитетъ положилъ поручить гр. Блудову собрать свѣдѣнія по этому вопросу съ тѣмъ, чтобы онъ далъ заключеніе свое, нужно ли теперь издавать особую подробную инструкцію генералъ-губернаторамъ.

Гр. Блудовъ внесъ скоро обширную записку. Изложивъ исторію генералъ-губернаторской власти за XVIII вѣкъ, Блудовъ остановился на опредѣленіи отношеній генералъ-губернаторовъ къ министерствамъ по учрежденію 1811 года.

Тогда генералъ-губернаторамъ предоставлено было:

1) Право относиться непосредственно къ Государю по дѣламъ, имъ ввѣреннымъ.

2) Представленія генералъ-губернаторовъ къ министрамъ должны быть соображаемы съ общими правилами и затѣмъ, съ заключеніемъ министра, получить разрѣшеніе, о чемъ министры и сообщаютъ генералъ-губернаторамъ для исполненія.

3) Никакія представленія гражданскихъ губернаторовъ, кромѣ срочныхъ вѣдомостей, не поступаютъ къ министрамъ мимо генералъ-губернатора.

4) Министръ имѣетъ право во всѣхъ случаяхъ предписывать губернскому начальству непосредственно, сообщая главному начальнику списки со своихъ предписаній для надзора въ исполненіи.

Въ 1816 г. Александръ I предположилъ раздѣлить Россію, кромѣ столицъ, на 10 округовъ или намѣстничествъ, опредѣливъ въ каждый округъ Императорскаго намѣстника, выработавъ для намѣстниковъ одинъ общій наказъ. Бумаги, относящіяся къ этому предположенію, найдены были въ кабинетѣ Его Величества. Изложивъ постановленіе по этимъ вопросамъ Комитета 6 Декабря, полагавшаго, что во внутреннихъ губер-

ніяхъ удобнѣе не имѣть генералъ-губернаторовъ, Блудовъ отмѣтилъ, что планы и виды Комитета 6 Декабря также не имѣли послѣдствій и что потому теперь только Сибирскіе генералъ-губернаторы имѣютъ инструкцію, остальные же дѣйствуютъ на прежнемъ основаніи, болѣе или менѣе сообразно съ постановленіями учрежденія 1775 г.

По мнѣнію Блудова, генералъ-губернаторъ есть мѣстный высшій блюститель порядка во всѣхъ частяхъ, непрестанно, такъ сказать, ревизующій всѣ дѣйствія мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ, для предупрежденія, когда возможно, или для прекращенія всякаго нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности или пользѣ общей, несогласнаго съ видами верховнаго правительства, вполнѣ ему извѣстными. Онъ не судья и не законодатель, но наблюдаетъ и за правильностью и удовлетворительностью хода и движенія дѣлъ въ мѣстахъ судебныхъ; мнѣніе его требуется и принимается въ уваженіе при составленіи новыхъ законовъ и при постановленіи временныхъ мѣръ. Короче, онъ—есть соединеніе въ краѣ всѣхъ министровъ и такъ же, какъ они, каждый по своей части, въ предѣлахъ власти своей и вѣдомства, или самъ разрѣшаетъ возникающіе вопросы и затрудненія, или же испрашиваетъ Высочайшія разрѣшенія установленнымъ порядкомъ по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ; въ непредвидѣнныхъ и необыкновенныхъ случаяхъ приступаетъ подъ своею отвѣтственностью и къ необходимо важнымъ, вынуждаемымъ необходимостью, распоряженіямъ. Наконецъ, онъ такъ же, какъ министръ, представляетъ на Высочайшее воззрѣніе и сообщаетъ центральнымъ главнымъ управленіямъ вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи губерніи и свои разныя предположенія.

Комитетъ, выслушавъ записку Блудова, нашелъ, что въ настоящее время вполнѣ можно обойтись безъ изданія общей подробной для всѣхъ генералъ - губернаторовъ инструкціи, тѣмъ болѣе, что и самое составленіе ея представляетъ значительныя неудобства: 1) трудно примѣнить одинаковыя правила къ различнымъ и часто совершенно разнороднымъ губерніямъ; 2) какъ ни желательно возможно точное опредѣленіе отношеній, оно могло бы стѣснить генералъ-губернаторовъ именно въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя наиболѣе важны и необходимы въ случаяхъ чрезвычайныхъ, которыхъ, особенно въ настоящее время при настоящемъ положеніи дѣлъ и умовъ

въ Европѣ, никакая человѣческая предусмотрительность указать заранѣе не можетъ, и въ коихъ часто имъ должно быть предоставлено дѣйствовать по своему усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностью, какъ лицамъ, особою Монаршею довѣренностью облеченнымъ. На основаніи этихъ разсужденій Комитетъ полагаетъ: прежнюю свою мысль объ изданіи общей инструкціи для генералъ-губернаторовъ оставить безъ исполненія. Но при этомъ не могъ не представиться Комитету другой вопросъ, возбужденный еще Комитетомъ 6 Декабря, именно: въ какихъ губерніяхъ нужны генералъ-губернаторы? Комитетъ хотя и соглашался съ положеніемъ Комитета 6 Декабря, но, имѣя въ виду, что назначеніе генералъ-губернаторовъ зависитъ отъ Верховной власти, не признаетъ нужнымъ и не дозволяетъ себѣ входить въ дальнѣйшее по этому предмету сужденіе, считая обязанностью, по важности вопроса, повергнуть и его на воззрѣніе Его Величества.

На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе: Его Величество не можетъ раздѣлять мнѣнія Комитета на счетъ неудобства въ изданіи общей инструкціи для всѣхъ генералъ-губернаторовъ, происходящаго главнѣйше отъ затрудненія примѣнять исполненіе на одинаковомъ основаніи того или другого правила къ различнымъ и часто разнороднымъ губерніямъ, поручаемымъ особому завѣдыванію и управленію генералъ-губернаторовъ. Его Величество находитъ, что есть общія обязанности для всѣхъ генералъ-губернаторовъ одинаковыя и совершенно необходимыя и что если бы потребовались по видамъ правительства для нѣкоторыхъ изъ нихъ частныя наставленія и даже особенныя полномочія въ видѣ временныхъ или постоянныхъ, то это проистекать будетъ непосредственно отъ Самого Государя Императора, соображаясь съ тѣми обстоятельствами и случаями, которые будутъ указывать на необходимость таковой мѣры. Поэтому Государь приказалъ теперь же приступить къ изданію общей инструкціи генералъ-губернаторамъ, а такъ какъ въ то время II Отдѣленіе занято было обширными и важными работами по другимъ частямъ государственнаго управленія, то Государь повелѣлъ: составленіе инструкціи возложить на канцелярію Комитета Министровъ подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя Комитета Министровъ.

Тогда въ канцеляріи Комитета Министровъ составлена

была общая инструкція генералъ-губернаторамъ. Въ ней генералъ-губернаторы названы главными блюстителями неприкосновенности верховныхъ правъ Самодержавія, пользы государства и точнаго исполненія законовъ и распоряженій высшаго правительства по всѣмъ частямъ управленія во ввѣренномъ имъ краѣ (§ 2); генералъ-губернаторъ есть мѣстный высшій блюститель порядка во всѣхъ частяхъ, непрестанно ревизующій всѣ дѣйствія мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ, для предупрежденія или для прекращенія нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности и пользѣ общей или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему, какъ лицу, полнымъ довѣріемъ Государя Императора облеченному (§ 4). Особенному попеченію генералъ-губернатора подлежатъ: а) общее благосостояніе и внутренняя безопасность, б) народное здравіе и продовольствіе, в) общественное хозяйство, г) отправленіе правосудія и д) личный составъ мѣстныхъ управленій (§ 5).

а) Обязанности генералъ-губернатора относительно общаго благосостоянія и безопасности заключались въ томъ, чтобы юношество получало образованіе и воспитаніе въ правилахъ чистой вѣры, доброй нравственности, въ чувствахъ преданности къ Престолу и Отечеству; чтобы молодые дворяне не проводили времени въ праздности, а посвящали себя государственной службѣ, и чтобы всѣ сословія вообще снискивали себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ; чтобы дворяне, какъ первое сословіе въ государствѣ, вели жизнь приличную ихъ происхожденію, служили примѣромъ прочимъ сословіямъ; чтобы помѣщики отечески заботились о своихъ крестьянахъ (§§ 6 и 7); генералъ - губернаторъ обращаетъ особое вниманіе на жизнь и средства отставныхъ военныхъ чиновъ, а равно и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ (§ 8); всѣми зависящими отъ него мѣрами преслѣдуетъ роскошь, излишество, расточительность, распутство и мотовство (§ 9); устраняетъ всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію (§ 10); прекращаетъ безпорядки, устраняетъ причины къ ихъ возобновленію (§ 11) и оказываетъ помощь и облегченіе при чрезвычайныхъ народныхъ бѣдствіяхъ (§ 12).

б) Относительно народнаго здравія и продовольствія генералъ-губернаторъ наблюдаетъ за ходомъ эпидемій, принимаетъ

мѣры къ прекращенію заразы и недопущенію ея (§ 13); своевременно принимаетъ мѣры для отвращенія бѣдствій голода (§§ 14 и 15).

в) Относительно общественнаго хозяйства—наблюдаетъ за правильнымъ и полезнымъ употребленіемъ городскихъ доходовъ, равномѣрно заботится обо всѣхъ мѣстахъ и городахъ губерній (§ 16); особенно заботится о развитіи и улучшеніи сельскаго хозяйства, слѣдуя коренному убѣжденію, что земледѣліе есть главнѣйшая и самая прочная основа народнаго богатства (§ 17), но не оставляетъ безъ вниманія и промышленности фабричной и ремесленной, наблюдая за бытомъ и нравственнымъ направленіемъ фабричныхъ и заводскихъ людей (§ 18); принимаетъ мѣры къ разработкѣ естественныхъ богатствъ и слѣдитъ за ходомъ торговли, преслѣдуетъ вредныя дѣйствія монополистовъ и заботится объ исправности путей сообщенія (§§ 19—22).

г) О правосудіи—генералъ-губернаторъ руководствуется постоянно правилами, что онъ не судья, а только блюститель правосудія и установленнаго порядка, отнюдь не вмѣшивается въ обсужденіе существа дѣла, когда по закону къ тому не уполномоченъ; но, въ случаѣ медленности, проволочки, безпорядковъ и т. п., принимаетъ мѣры къ прекращенію ихъ (§ 23). Имѣя право требовать на свое разсмотрѣніе уголовныя дѣла, генералъ-губернаторъ не долженъ обременять себя обыкновенными дѣлами и обращаетъ свое вниманіе на особыя дѣла,—преступленія по службѣ лицъ, занимающихъ значительныя должности, злоупотребленія помѣщичьею властью и т. п. (§ 24); оказываетъ всѣмъ защиту, принимаетъ просьбы, наблюдая, однако, чтобы ему не подавали прошеній на нисшія мѣста и лица помимо высшихъ (§ 25), и строго преслѣдуетъ ябедничество и ложные доносы (§ 26).

д) О личномъ составѣ управленій—наблюдаетъ за сохраненіемъ между служащими дисциплины, не допускаетъ превышенія власти и устраняетъ всякіе поводы къ взаимнымъ пререканіямъ (§ 27); сохраняя въ точности правила о порядкѣ назначенія какъ по опредѣленію отъ правительства, такъ и по выборамъ сословій, имѣетъ право ходатайствовать объ опредѣленіи въ должности, когда открывается вакансія, чиновниковъ, лично ему извѣстныхъ, и ходатайство таковое не оставляется, безъ особыхъ причинъ, безъ уваженія (§ 29) и, нако-

нецъ, ходатайствуетъ предъ Государемъ о награжденіи служащихъ, которые окажутъ особыя отличія (§ 30).

Генералъ-губернаторъ имѣетъ право непосредственно представлять на благоусмотрѣніе Государя Императора обо всемъ, что признаетъ нужнымъ и необходимымъ, но пользуется этимъ правомъ съ должною осмотрительностью, не дозволяя себѣ утруждать Государя такими представленіями, которыя могутъ быть разрѣшаемы министрами и главноуправляющими (§ 32); получивъ непосредственно отъ Государя Императора повелѣніе по какому-либо предмету, немедленно дѣлаетъ распоряженіе объ исполненіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о полученномъ повелѣніи доводитъ до свѣдѣнія министровъ по принадлежности (§ 34). Въ государственныя установленія всѣ дѣла по предметамъ губернскаго управленія имѣетъ право представлять съ своимъ мнѣніемъ, а дѣла, порученныя ему этою инструкціею и другими учрежденіями, восходятъ не иначе, какъ чрезъ него (§ 35); поэтому и распоряженія министровъ и главноуправляющихъ по означеннымъ дѣламъ передаются къ исполненію равнымъ образомъ не иначе какъ чрезъ генералъ-губернатора; въ случаяхъ экстренныхъ министры могутъ для выигрыша времени дѣлать предписанія непосредственно губернскому начальству, сообщая генералъ-губернатору списки съ своихъ предписаній (§ 36). Никакая новая мѣра не принимается безъ предварительнаго требованія соображеній и заключенія генералъ-губернатора (§ 37). Начальникъ губерніи и всѣ прочія мѣста и лица, составляющія губернское управленіе, исполняютъ всѣ законныя предложенія и предписанія генералъ-губернатора (§ 40).

Комитетъ, выслушавъ проектъ этой инструкціи, вполнѣ одобрилъ его и, не сдѣлавъ въ немъ никакихъ измѣненій, положилъ представить его на Высочайшее усмотрѣніе. Государемъ на инструкціи написано: «*Быть по сему*» [1]).

Такъ къ концу царствованія Императора Николая I точно опредѣлены были власть генералъ-губернаторовъ и ихъ отношенія къ министрамъ и къ мѣстнымъ губернскимъ учрежденіямъ.

---

1) 1853 г., № 715.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народное здравіе. Народное продовольствіе. Переселенія.

I.

Мѣры по народному здравію. Чума въ Россіи въ 1828—1829 г.г. Предположенія гр. Воронцова. Безпорядки, вызванные чумою на югѣ Россіи. Споръ о пропускѣ судовъ съ товарами въ Азовское море. Огражденіе государства отъ чумы со стороны Оренбургской линіи. Эпидемія холеры и борьба съ нею. Нужны ли карантины противъ холеры? Шаткость медицинскихъ воззрѣній того времени на холеру. Отдѣльные вопросы по борьбѣ съ холерою. Мѣры, принятыя Комитетомъ, по борьбѣ съ другими болѣзнями. Сужденія Комитета о способахъ леченія, лекарствахъ и больницахъ.

Изъ мѣръ по народному здравію, принятыхъ Комитетомъ Министровъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ мѣры противъ эпидемическихъ болѣзней,—чумы и холеры. При обсужденіи мѣропріятій для охраны государства отъ эпидемій, Комитетъ Министровъ всегда имѣлъ въ виду основное положеніе, выработанное государственной практикой, чтобы предлагаемыя мѣры были въ строгой соотвѣтственности съ угрожающею опасностью. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Комитета замѣтно отличаются отъ дѣйствій мѣстныхъ властей или лицъ, призванныхъ къ непосредственной борьбѣ съ эпидеміей. Комитетъ Министровъ не былъ расположенъ держаться основанія, нѣкогда принятаго, что въ дѣлѣ этомъ лучше допустить больше осторожности и строгости, чѣмъ слѣдуетъ; напротивъ Комитетъ въ это царствованіе всегда помнилъ, что всякія чрезмѣрно строгія правила вредно отзовутся на торговлѣ и промышленности; что они стѣснятъ общество и что въ то же время польза ихъ еще не доказана. На эту сторону дѣла постоянно указывалъ Комитету одинъ изъ вліятельнѣйшихъ его членовъ Е. Ф. Канкринъ—

министръ финансовъ, такъ много сдѣлавшій для развитія отечественной торговли и промышленности. Опираясь на его заключенія, Комитетъ обыкновенно отвергалъ представленія мѣстныхъ властей, иногда слишкомъ рѣшительныя. Явленіе это вполнѣ понятно: мѣстныя власти—окраинные генералъ-губернаторы—по справедливости были озабочены тѣмъ, чтобы эпидемія не была занесена въ предѣлы подчиненныхъ имъ губерній, для предупрежденія чего они и предлагали мѣры самыя рѣшительныя и строгія. Министръ финансовъ, а съ нимъ и Комитетъ имѣли въ виду интересы всего государства и прежде всего его центра. Можетъ быть покажется нѣсколько страннымъ, почему главнымъ противникомъ слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ выступалъ, обыкновенно, министръ финансовъ, а не министръ внутреннихъ дѣлъ? Но и это недоумѣніе легко устраняется: забота о народномъ здравіи, а слѣдовательно и принятіе всякихъ мѣръ по охранѣ государства отъ эпидеміи, лежала на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое часто съ этой послѣдней точки зрѣнія и смотрѣло на вещи: руководимое въ своихъ заключеніяхъ авторитетами медицинской науки, оно склонялось и само предлагало мѣры, которыя казались наиболѣе дѣйствительными и цѣлесообразными для достиженія только указанной цѣли: не допускать эпидеміи въ Россію или, если эпидемія уже проникла, возможно скорѣе и тѣснѣе ограничить предѣлы ея распространенія; другую сторону дѣла брало на себя министерство финансовъ, объясняя то, чего будутъ стоить излишне строгія мѣры. На дѣлахъ по народному здравію вполнѣ выясняется значеніе Комитета Министровъ и полная необходимость въ немъ или подобномъ ему учрежденіи; въ дѣлахъ этихъ требовалась совмѣстная работа нѣсколькихъ вѣдомствъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія смотрѣвшихъ на предметы; требовалось не только обсужденіе предмета, но принятіе скорыхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ 1828 г. въ Комитетъ начали поступать донесенія изъ пограничныхъ съ Турціею мѣстностей какъ въ Европѣ, такъ и Азіи о чумныхъ случаяхъ; положеніе становилось труднымъ, потому что поставленъ былъ вопросъ: слишкомъ строгое исполненіе карантинныхъ правилъ не повредитъ ли сообщеніямъ дѣйствующихъ армій съ Имперіей, а слѣдовательно не отзовется ли косвенно даже на самыхъ успѣхахъ военныхъ

дѣйствій? Комитетъ распорядился усилить надзоръ по карантинной линіи на Прутѣ; положилъ учредить временные карантины въ Николаевѣ, Херсонѣ и Севастополѣ [1]). Въ Комитетъ поступали то сравнительно успокоительныя извѣстія, то тревожныя. Когда чума замѣтно усилилась въ Бухарестѣ, то Новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ правила карантиннаго устава соблюдались строго, особенно основное правило о 14-ти-дневномъ пребываніи въ карантинѣ; другіе способы обезвреживанія—обкуриваніе—гр. Воронцовъ признавалъ безполезными и даже вредными; Воронцовъ настаивалъ, чтобы задержанію въ карантинахъ подвергались и «значительныя особы», особенно же ихъ прислужники, часто неопрятные и корыстолюбивые. Комитетъ согласился съ этимъ представленіемъ, предписавъ соблюдать правила во всей точности, безъ малѣйшихъ отступленій [2]). Но главнокомандующій арміей, ген. Дибичъ, рѣшительно возсталъ противъ этого: по его мнѣнію, такія мѣры предосторожности, во первыхъ, излишни, потому что господствовавшая тогда чума была не «настоящая восточная чума», а во вторыхъ потому, что строгое соблюденіе карантинныхъ мѣръ не только стѣснительно, но неудобно и вредно для арміи,—слишкомъ много придется терять времени. Кн. Куракинъ [3]) предложилъ возстановить Днѣстровскую карантинную линію: такимъ путемъ и безъ строгаго соблюденія карантинныхъ правилъ на Прутѣ можно было считать обезопасенными внутреннія губерніи, и въ то же время армія имѣла бы облегченныя сношенія съ Бессарабіей. Государь утвердилъ предложеніе кн. А. Б. Куракина.

Гр. Воронцовъ и со своей стороны убѣдительно просилъ о возстановленіи Днѣстровской линіи,—тѣмъ болѣе онъ былъ противъ всякаго смягченія правилъ по линіи Дунай—Прутъ. Высочайшимъ рескриптомъ Дибичъ и Воронцовъ были уполномочены принять мѣры противъ внесенія заразы въ Россію; но такъ какъ къ лѣту 1829 г. чума замѣтно усилилась, то гр. Закревскій предложилъ Комитету возстановить такъ же, какъ и въ 1812 г., единство дѣйствія, «потому что едва ли отъ

---

1) 1828 г., №№ 222, 270 и 864.
2) 1828 г., № 1654.
3) О дѣятельности его по прекращенію чумы въ 1812—1814 г.г. см. томъ I сего очерка.

начальства двухъ лицъ можно ожидать успѣха»; Комитетъ принялъ это предложенiе. Высочайше повелѣно было возстановить Днѣстровскую линiю и ввѣрить дѣло это гр. Воронцову [1]). Прежде, чѣмъ это положенiе Комитета дошло до Воронцова, онъ донесъ рапортомъ о значительномъ усиленiи чумы, отъ которой умирало много воинскихъ чиновъ и обывателей; скоро, къ несчастью, чума была обнаружена и въ Одессѣ. Гр. Воронцовъ требовалъ принятiя рѣшительныхъ мѣръ: указывая на то, что зараза занесена была однимъ обывателемъ, ходившимъ на охоту и миновавшимъ карантинную линiю, Воронцовъ предлагалъ установленiе смертной казни за подобныя нарушенiя карантинныхъ правилъ; какъ въ 1813 г. кн. Куракинъ, такъ теперь гр. Воронцовъ обычное преслѣдованiе нарушителей по закону находилъ продолжительнымъ, наказанiе—легкимъ, между тѣмъ какъ одинъ, два примѣра строгости возстановили бы порядокъ и общее спокойствiе; графъ требовалъ смертной казни какъ обывателямъ, такъ и воинскимъ чинамъ, изобличеннымъ въ нарушенiи правилъ; управляющiй министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ противъ этого, считая невозможнымъ предоставить такую власть карантинному суду, состоящему изъ двухъ гражданскихъ и одного медицинскаго чиновниковъ. Гр. Воронцовъ представилъ проектъ правилъ противъ занесенiя въ государство чумы и борьбы съ нею. Онъ предлагалъ установить три перiода: 1) перiодъ спокойствiя, т. е. когда нѣтъ опасенiя чумы,—въ это время за всякое нарушенiе карантинныхъ правилъ наказанiя назначаются обыкновеннымъ судомъ; 2) перiодъ, когда обнаружится чума въ Молдавiи,—тогда нарушенiе правилъ наказуется смертью, и 3) перiодъ, когда чума проникнетъ въ Бессарабiю: гражданскiй губернаторъ долженъ возстановить немедленно Днѣстровскую линiю; оцѣпить зараженныя мѣстности; отдѣлить въ селенiяхъ зачумленные дома; переводить заболѣвающихъ и сомнительныхъ въ особые кварталы; уничтожать подозрительные вещи и предметы огнемъ, выдавая немедленно хозяевамъ плату по оцѣнкѣ за все уничтоженное. При обсужденiи этого проекта кн. А. Б. Куракинъ высказалъ свое сожалѣнiе, что опытъ 1813 г. пропалъ безслѣдно, что составленный имъ проектъ новаго карантиннаго устава не былъ одобренъ, или взамѣнъ его

---

1) 1829 г., № 924.

не былъ предложенъ новый проектъ. Несмотря на это, и предложенія Воронцова не были одобрены: основаніемъ къ отклоненію ихъ послужило замѣчаніе Государя, что Онъ считалъ смертную казнь несоотвѣтствующею кротости нашихъ законовъ, ибо смертная казнь можетъ быть допускаема только въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ, единственно за государственныя преступленія. Комитетъ нашелъ, что такъ какъ главное въ проектѣ Воронцова есть смертная казнь, то этимъ замѣчаніемъ Государя предметъ уже разрѣшенъ [1]). Въ 1828—1829 г.г. Комитетъ, такъ же, какъ въ 1812—1814 г.г., отклонилъ слишкомъ рѣшительныя предложенія лица, на которое возложена была борьба со страшной эпидеміей; Комитетъ, очевидно, опасался при тогдашнемъ составѣ мѣстныхъ властей предоставлять имъ власть жизни и смерти. Какъ и предыдущая чума, такъ и чума 1828—1829 г.г. не прошли безъ волненій, вызванныхъ отчасти излишне строгими мѣропріятіями; зная ихъ, становится понятнѣе точка зрѣнія Комитета. Во время этой чумы самыя сильныя волненія были въ Севастополѣ, среди нижнихъ морскихъ чиновъ этого порта. Изъ за этихъ волненій произошло столкновеніе между гр. Воронцовымъ и адм. Грейгомъ, главнымъ командиромъ черноморскихъ портовъ. По донесеніямъ послѣдняго образована была особая коммисія подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Тимоѳеева, дѣйствовавшая въ Севастополѣ во время отсутствія изъ края гр. Воронцова; эта коммисія признала, что собственно не было дано повода къ волненіямъ со стороны лицъ, распоряжавшихся въ городѣ во время эпидеміи; что населенію города былъ доставляемъ хорошій провіантъ и въ достаточномъ количествѣ; что кромѣ мелкихъ наказаній жителямъ не было никакого стѣсненія, и что изъ предъявленныхъ къ казнѣ претензій слѣдуетъ удовлетворить только немногія, на сумму меньшую 5.000 р. Одновременно съ этимъ слѣдствіемъ въ Комитетѣ былъ прочитанъ отзывъ адм. Грейга, который писалъ:

Городъ внезапно и преждевременно былъ оцѣпленъ безъ всякой видимой причины за два мѣсяца до появленія болѣзни; однихъ произвольно и противозаконно выпускали изъ оцѣпленнаго города въ то время, какъ къ другимъ предъявляли всю строгость данныхъ распоряженій,—такія дѣйствія вызы-

---

1) 1829 г., № 1659.

вали въ населенiи удивленiе и неудовольствiе; сомнительные и больные размѣщались въ сырыхъ и смрадныхъ пещерахъ, въ строенiяхъ безъ печей, половъ, потолковъ и оконъ;—почему то къ больнымъ не допускали медиковъ морского вѣдомства; въ карантинѣ въ одномъ помѣщенiи держали здоровыхъ и сомнительныхъ; присланные медики дѣйствовали произвольно: однѣ вещи сжигали безъ оцѣнки, другiя—портили окуркою; осмотръ женщинъ мужчинами, сопровождаемый иногда неблагопристойностями, не можетъ быть, писалъ Грейгъ, ничѣмъ оправданъ; все это вселяло въ жителяхъ ужасъ; выдача провiанта дурного качества, приказанiе жителямъ выйти въ лагерь и наконецъ появленiе въ городѣ войскъ—было поводомъ къ волненiямъ. Обстоятельства эти, доносилъ Грейгъ, не могли быть открыты коммисiей, ибо всѣ, прикосновенные къ этому дѣлу, были высланы изъ Севастополя еще за три мѣсяца до начала занятiй коммисiи, которая основала свое сужденiе на показанiи 24 свидѣтелей, вовсе не прикосновенныхъ къ дѣлу. Чѣмъ могутъ быть, спрашивалъ Грейгъ, оправданы тѣлесныя наказанiя за то, что жители города просили себѣ пищи и топлива, или гнусныя покушенiя нѣкоторыхъ докторовъ, приказанiе взять въ карантинъ женщину, имѣвшую обыкновенный вередъ на шеѣ? Самовольныя дѣйствiя народа противъ начальства ничѣмъ, заключалъ адмиралъ, не могутъ быть оправданы, но онъ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что «они не были слѣдствiемъ заговора нарушить присягу, но внезапнымъ порывомъ чувства, и надобны были весьма сильныя причины, чтобы вовлечь въ забвенье долга людей, толико покорныхъ». Начальникъ морского штаба предложилъ передать это трудное дѣло Сенату, но Комитетъ нашелъ удобнѣе передать его на заключенiе министра юстицiи [1]).

Въ Севастополѣ произошло столкновенiе властей разныхъ вѣдомствъ, которое пришлось разбирать Комитету. На мѣры, принимаемыя мѣстнымъ генералъ - губернаторомъ противъ занесенiя въ Россiю чумы, постоянно и сильно жаловались жители Таганрога,—ихъ жалобы на распоряженiя гр. Воронцова,—какъ бы продолженiе просьбъ и жалобъ Таганрога въ 1813 г. и въ послѣдующихъ годахъ; для Таганрога, какъ одного

[1]) 1832 г., № 1452.

изъ важнѣйшихъ въ то время портовъ, усиленіе карантинныхъ строгостей всегда было невыгодно; съ другой же стороны сравнительная близость Таганрога къ внутреннимъ губерніямъ заставляла соблюдать особую осторожность, имѣя въ виду постоянныя сношенія Таганрога съ турецкими портами, въ которыхъ то и дѣло появлялась чума. Въ царствованіе Императора Александра I интересы Таганрога въ Комитетѣ защищалъ министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ; Императоръ Александръ личнымъ осмотромъ порта убѣдился въ несостоятельности многихъ карантинныхъ правилъ и повелѣлъ ихъ отмѣнить; сверхъ того у Таганрога было старое соперничество съ Керчью, гдѣ существовалъ карантинъ.

Излишняя, можетъ быть, осторожность въ этомъ дѣлѣ гр. Воронцова сказалась и по вопросу объ осмотрѣ судовъ, приходящихъ въ порты Азовскаго моря, въ частности въ Таганрогъ. Вопросъ этотъ тоже былъ не новый и неоднократно поднимался въ предыдущее царствованіе. Карантинъ существовалъ въ Керчи; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 1821 г. Октября 10 постановлено было «очищать» по карантиннымъ правиламъ въ Керчи только сомнительныя суда, остальныя же—подвергать лишь одной обсерваціи; но, въ 1829 г., когда была чума въ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи, то по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ велѣно было подвергать строгому очищенію *всѣ* суда, проходящія въ Азовское море. Гр. Воронцовъ, признавая это распоряженіе весьма полезнымъ и «спасительнымъ», просилъ оставить его навсегда въ силѣ, но министръ финансовъ видѣлъ въ этой мѣрѣ совершенный подрывъ торговлѣ Таганрога; въ 1830 г. Іюня 17 Комитетъ Министровъ положилъ возстановить прежній порядокъ, бывшій до чумы 1829 г. Въ 1832 г., когда опять въ Турціи была чума, гр. Паленъ, временно управлявшій Новороссійскими губерніями вслѣдствіе болѣзни и продолжительнаго отсутствія изъ края гр. Воронцова, предложилъ, чтобы суда съ товарами, принимающими въ себя заразу, не допускать до Таганрога, а обязательно направлять для разгрузки въ Керчь. Оба министра—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ согласились на это съ тѣмъ ограниченіемъ, что суда съ небольшимъ количествомъ такихъ товаровъ можно все-таки пропускать къ Таганрогу, такъ какъ и тамъ есть карантинъ; при этомъ Канкринъ и

Блудовъ прибавили, что съ прекращеніемъ чумы въ Турціи можно будетъ возвратиться къ прежнему порядку. Комитетъ такъ и рѣшилъ дѣло (1832 г. Іюня 12). Между тѣмъ гр. Воронцовъ, указывая на усиленіе чумы въ Константинополѣ и на то, что ни въ Таганрогѣ, ни въ Маріуполѣ нѣтъ настоящихъ карантиновъ, распорядился пропускать въ Азовское море суда только послѣ очищенія ихъ въ Керчи. На такое распоряженіе принесена была жалоба Таганрогскимъ купечествомъ; въ объясненіи своемъ гр. Воронцовъ доказывалъ, что онъ поступилъ совершенно сообразно Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ 1832 г. Іюня 12; въ Таганрогѣ вовсе нѣтъ карантинныхъ учрежденій; въ Азовскомъ морѣ, какъ въ морѣ внутреннемъ, нѣтъ карантинной стражи; обстоятельства эти столь важны, что никакія другія не могутъ имѣть мѣста. Послѣ прекращенія чумы въ Турціи можно будетъ пропускать суда прямо къ Таганрогу, но только не съ товарами, чрезъ которые чума передается; такіе товары должны быть всегда подвергаемы полному очищенію въ Керчи. Азовское море, по мнѣнію его, гр. Воронцова, должно быть моремъ практическимъ;—если оно станетъ таковымъ, то уменьшится опасность проникновенія заразы въ Россію, выиграетъ національное каботажное судоходство, и даже сами порты этого моря. Затѣмъ Комитетъ выслушалъ записку купечества г. Таганрога, жаловавшагося на то, что торговля падала и они несли большіе убытки отъ частыхъ измѣненій мѣстнымъ начальствомъ карантинныхъ правилъ. Министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, оба были того мнѣнія, что на мѣру, принятую гр. Воронцовымъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на временную, сдѣлать же ее постоянною— значитъ лишить государство важныхъ торговыхъ выгодъ. Комитетъ Министровъ сталъ на эту же точку зрѣнія: проектъ гр. Воронцова, по словамъ положенія Комитета, о томъ, что Азовское море должно быть исключительно моремъ практическимъ, имѣетъ лишь видъ уважительности, но повлечетъ за собою послѣдствія самыя неблагопріятныя, ибо отпускная торговля Таганрога равняется около 10 мил. р.; портъ этотъ отпускаетъ хлѣба 300—400 т. четв., таможеннаго дохода собирается въ Таганрогѣ до 2 м. р.; правительство всегда заботилось о развитіи торговли Таганрога; до сихъ поръ чума ни разу не проникала въ Таганрогъ; если, какъ думаетъ

гр. Воронцовъ, разовьется каботажное плаваніе, то собственная польза укажетъ жителямъ выгодность этого занятія, но принуждать ихъ къ этому правительственными мѣропріятіями было бы неудобно; по всѣмъ этимъ соображеніямъ Комитетъ полагалъ, что на распоряженіе гр. Воронцова должно смотрѣть, какъ на временное, подлежащее немедленной отмѣнѣ по минованіи тѣхъ обстоятельствъ, которыми оно было вызвано. Государь Николай Павловичъ далъ на это такое повелѣніе: «*съ этимъ никакъ не могу согласиться, опасность внесенія чумы въ Государство очевидна, хотя до нынѣ сего не случалось въ Таганрогѣ, но сіе приписать должно болѣе милосердію Божію, чѣмъ принятымъ мѣрамъ противъ занесенія чумы. Оставить дѣло въ нынѣшнемъ положеніи было бы противно совѣсти; потому слѣдуетъ или рѣшительно держаться мѣръ, принятыхъ гр. Воронцовымъ, или же привести берега Азовскаго моря въ такое же карантинное положеніе, какъ и берега Чернаго моря, что вовлечетъ въ огромныя издержки, гораздо превышающія мнимыя потери по Таганрогскому порту, котораго торговля никогда упасть не можетъ, ибо она есть потребность внутренняя*» [1]).

Для охраны государства со стороны степи отъ чумы выработанъ былъ рядъ мѣръ, которыя, по предварительномъ разсмотрѣніи министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и начальникомъ главнаго штаба,—внесены были въ Комитетъ. Оренбургскій военный губернаторъ предлагалъ: устроить въ Гурьевѣ карантинъ и производить торговлю съ азіатами не иначе, какъ чрезъ карантинъ, очищая товары пошлинами только въ карантинѣ; для мѣновой торговли—назначить нѣсколько пунктовъ въ степи; зимніе азіатскіе караваны задерживать на внѣшней линіи; запретить выѣздъ рыбопромышленниковъ за линію; привозъ стараго платья запретить; при первыхъ же извѣстіяхъ объ опасности прекращать всякія сношенія съ киргизами и возстановить вторую линію.

Канкринъ былъ въ общемъ противъ этого предложенія,—достаточно было бы ограничиться однѣми необходимѣйшими мѣрами, оставивъ край въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ до этого времени; новыя мѣры могутъ уничтожить торговлю съ азіатскими народами, т. е.

---

1) 1833 г., № 352.

лишить многія фабрики сбыта своихъ произведеній; опыты уже показали, какъ вредно и даже опасно дѣлать затрудненія рыболовному промыслу Уральскихъ казаковъ. Всѣ предлагаемыя мѣры могутъ оказаться излишними съ одной стороны, потому, что по обширности степи совсѣмъ прекратить сообщеній въ ней нельзя, съ другой же стороны—по свѣдѣніямъ, чумы въ Средней Азіи не бываетъ. Канкринъ указывалъ и на опасность, которая может грозить Россіи со стороны Хивы и заключалъ обычными своими доводами: надлежитъ теперь избѣгать всякихъ новыхъ издержекъ. Поэтому Канкринъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ ограничиться устройствомъ карантина только въ Гурьевѣ въ виду опасности заноса чумы изъ Персіи; въ противномъ случаѣ, т. е. если ограждать карантинами и сухопутную границу, учрежденіе карантиновъ должно распространить и на Сибирскую линію, на что потребуются уже очень значительныя издержки, къ тому же едва ли необходимыя. Гр. Нессельроде также былъ противъ учрежденія карантиновъ; и онъ указывалъ на то, что въ теченіе многихъ вѣковъ чума не проникала въ Среднюю Азію; вещи, перевозимыя по степи, для осмотра раскидываются на чистомъ воздухѣ, передаются изъ рукъ въ руки, слѣдовательно, разсуждалъ гр. Нессельроде, товары теряютъ свою заразу; поэтому гр. Нессельроде полагалъ возможнымъ ограничиться подтвержденіемъ нашей миссіи въ Тегеранѣ слѣдить за этимъ дѣломъ и немедленно давать знать сюда въ случаѣ появленія подозрительныхъ заболѣваній и для той же цѣли отправить эмиссара въ Бухару. Комитетъ Министровъ согласился съ представленіями своихъ членовъ—Канкрина и Нессельроде; — основное положеніе Комитета то, что принимаемыя мѣры должны быть въ соотвѣтствіи степени опасности, которую можно предвидѣть; а все предлагаемое военнымъ губернаторомъ, кромѣ карантиновъ, основано на предположеніи возможности проникновенія чумы; Комитетъ не думаетъ, чтобы предположенія Оренбургскаго военнаго губернатора можно было считать послѣдствіями точнаго соображенія нужды; но сверхъ того правительство должно принять въ соображеніе и интересы торговли, которая обѣщаетъ большія выгоды сбыту нашихъ фабрикъ и слѣдовательно требуетъ поощренія; стѣснительныя же мѣры въ этомъ краѣ по характеру народовъ могутъ привести къ полному

прекращенію торговли [1]). Такимъ образомъ дѣло окончено было устройствомъ одного карантина въ Гурьевѣ; преемникъ гр. Сухтелена по должности, гр. Перовскій, нашелъ ненужнымъ карантинъ и въ Гурьевѣ: по словамъ представленія его Гурьевъ вовсе не имѣлъ сношеній съ южнымъ берегомъ Каспійскаго моря; даже не было примѣра, чтобы какое либо купеческое судно было бурею занесено къ устью Урала; слѣдовательно, заключалъ гр. Перовскій, карантинъ въ Гурьевѣ не можетъ приносить никакой пользы. Комитетъ согласился съ этимъ представленіемъ и карантинъ въ Гурьевѣ былъ уничтоженъ [2]). Точно также въ 1846 г. рѣшено было Комитетомъ уничтожить Днѣстровскую линію [3]).

Еще въ концѣ царствованія Императора Александра I начали по временамъ поступать въ Комитетъ извѣстія изъ приволжскихъ губерній о новой болѣзни «cholera morbus» и тогда же отправлены были доктора изъ Петербурга для наблюденія и изученія этой новой болѣзни. Въ 1829 г. холера съ значительной силой проявилась въ Персіи и у насъ, въ Оренбургскомъ краѣ [4]). Первый серьезный вопросъ по борьбѣ съ холерою состоялъ въ томъ, нужны ли противъ этой болѣзни карантины или нѣтъ? Въ 1830 г. Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, Е. Ф. Канкрина, высказалъ такой взглядъ, что карантины, стѣснительные сами по себѣ, не помогутъ къ прекращенію новой эпидеміи, потому что болѣзнь эта сообщается болѣе посредствомъ воздуха, нежели чрезъ прикосновеніе [5]). Равномѣрно и Государь согласился съ положеніемъ Комитета: «*карантинныхъ мѣръ принимать не надо, но строго свидѣтельствовать приходящія суда, и если были на нихъ или есть сомнительные больные, задержать и поступать по всей строгости карантинныхъ мѣръ*». Между тѣмъ Нижегородскій губернаторъ донесъ, что онъ получилъ отъ Оренбургскаго военнаго губернатора извѣщеніе объ учрежденіи имъ 21 дневнаго карантина для купцовъ, идущихъ изъ Бухары; гр. Сухтеленъ предварялъ при этомъ Нижегородскаго губернатора, чтобы онъ извѣстилъ собравшееся на

---

1) 1831 г., № 845.
2) 1834 г., № 779.
3) 1846 г., № 167.
4) 1829 г., №№ 2028 и 2089.
5) 1830 г., №№ 954 и 955.

ярмарку купечество о томъ, что азіатскіе товары не поспѣютъ къ сроку. По поводу распоряженія Сухтелена Канкринъ объяснялъ въ Комитетѣ всю невыгоду его: только что, по его словамъ, азіатская торговля приняла выгодное для насъ направленіе, только что наши произведенія начали проникать вглубь Азіи, какъ новыя мѣры Оренбургскаго военнаго губернатора наносятъ ей смертельный ударъ: азіаты отстанутъ отъ торговли съ Россіею и это поприще русской торговли, самою природою для нея предназначенное, будетъ навсегда потеряно: именемъ отечественной промышленности Е. Ф. Канкринъ убѣдительно просилъ постановить рѣшительно, чтобы безъ высшаго разрѣшенія не были принимаемы впредь подобныя мѣры противъ холеры. Состоявшій при военномъ губернаторѣ докторъ Пятницкій предложилъ очищать окуркою вещи, потому что въ нихъ можетъ скрываться холера. Въ Петербургѣ же медицинскій совѣтъ высказался противъ этого на томъ основаніи, что вовсе не доказано, чтобы холера передавалась чрезъ вещи; Оренбургскій губернаторъ велѣлъ остановить бухарскій караванъ на 21 день съ тѣмъ, что если купцы согласятся на окурку вещей, то сократить срокъ на 14 дней; Ѳ. И. Энгель, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ въ Комитетѣ, что извѣстій о холерѣ въ степи нѣтъ никакихъ. Комитетъ такъ же, какъ и раньше, призналъ карантины противъ холеры безполезными и стѣснительными и положилъ предписать начальникамъ губерній, чтобы впредь безъ разрѣшенія высшаго правительства не были нигдѣ принимаемы карантинныя мѣры противъ холеры; наконецъ, Комитетъ положилъ корпуснаго штабъ-доктора Пятницкаго, который неосновательными своими сужденіями вовлекъ начальство въ сомнѣніе о необходимости принять столь стѣснительныя мѣры, перевести на другое мѣсто. Государь далъ такую резолюцію: «*первое утверждаю, но второе совершенно было бы несправедливо, ибо Пятницкій исполнилъ долгъ свой по совѣсти, хотя и могъ ошибиться. Наказывать же за сіе тѣмъ болѣе неосновательно, что чаще должно было порочить лекарей въ непростительной опрометчивости и даже въ явномъ упрямствѣ не признавать чумы тамъ, гдѣ она уже свирѣпствовала во всей силѣ и отъ которой по большей части сами они погибали*» [1]).

[1]) 1830 г., № 1366.

Скоро Комитету пришлось измѣнить свое мнѣніе о холерѣ; болѣзнь быстро распространялась: лѣтомъ 1830 г. она охватила все Закавказье, поднялась по Каспійскому морю въ Астрахань, Гурьевъ и Уральскъ; изъ Астрахани пошла вверхъ по Волгѣ—въ Царицынъ и Саратовъ. Въ Закавказьѣ съ нею боролся главнокомандующій Грузіей и находившіеся тамъ два сенатора—Мечниковъ и гр. Кутайсовъ; въ Астрахани—сен. Лавровъ и посланный туда фл.-ад. Кокошкинъ; въ Оренбургѣ—гр. Сухтеленъ и фл.-ад. Лачиновъ, но, представлялъ министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Закревскій, «не взирая на то, язва холеры пожрала уже множество народа»,—бѣдствіе распространялось тѣмъ быстрѣе, что, по свидѣтельству Закревскаго, свойства болѣзни не были достаточно извѣстны, заключенія медиковъ были гадательны, являлось сомнѣніе, не придется ли перемѣнить всѣ наставленія медицины? Мѣстныя власти просили указаній изъ Петербурга. Закревскій предлагалъ назначить центральную коммисію, которая, имѣя пребываніе въ Саратовѣ, объединила бы разрозненныя дѣйствія мѣстныхъ властей. Государь приказалъ Закревскому внести это предложеніе въ Комитетъ; Комитетъ одобрилъ предположеніе министра, опредѣлилъ составъ коммисіи, назначилъ въ ея распоряженіе 100.000 р.; предсѣдателемъ коммисіи былъ назначенъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель, управлявшій въ тѣ годы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ во время частыхъ отлучекъ изъ С.-Петербурга гр. Закревскаго; чрезъ нѣсколько времени повелѣно было Закревскому стать во главѣ коммисіи, а Энгелю—управлять министерствомъ [1]).

Затѣмъ пришло извѣстіе о появленіи холеры въ окрестностяхъ Кизляра и за Терекомъ. Комитетъ принялъ это извѣстіе «къ свѣдѣнію». Хотя и было донесено, что начальникъ Кавказской области предписалъ въ случаѣ появленія холеры сдѣлать повсюду оцѣпленіе, но разсуждалъ Комитетъ, такъ какъ министру внутреннихъ дѣлъ уже предписано, чтобы впредь безъ разрѣшенія высшаго правительства нигдѣ не принимали карантинныхъ мѣръ, то если бы гдѣ и приняты были такія мѣры, можно быть увѣреннымъ, что онѣ будутъ отмѣнены. Однако оказалось, что Комитетъ не вполнѣ

---

1) 1830 г., № 1607.

понялъ вышеприведенную резолюцію Государя, потому что на этомъ разсужденіи Комитета Государь написалъ: «*Я уже прежде замѣтилъ, что вовсе не принимать карантинныхъ мѣръ я не могу согласиться, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что болѣзнь сія сообщается чрезъ зараженный воздухъ; потому пропускъ больныхъ или имѣющихъ въ себѣ зародышъ сей болѣзни, хотя еще и не открывшейся въ немъ, опасенъ не чрезъ прикосновеніе къ нему, но чрезъ дыханіе при разговорахъ. Сему есть вчера послѣ обѣда полученный новый опытъ. Стало оцѣпить зараженныя мѣста, или прекращать съ ними сообщенія, необходимо, но безъ окурокъ и тому подобнаго*» [1]).

Это одна изъ любопытнѣйшихъ резолюцій Императора Николая I. Она служитъ живымъ свидѣтельствомъ того, какъ мало тогда знали новую болѣзнь и того, какъ Государь относился къ Комитету—Онъ учитъ Комитетъ, какъ должно бороться съ холерой на основаніи новѣйшихъ донесеній о ней; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло это служитъ доказательствомъ и того, какъ быстро приходилось тогда во время эпидеміи принимать и отмѣнять мѣры: ни о какомъ, разумѣется, всестороннемъ обсужденіи вопроса не могло быть и рѣчи, а приходилось дѣйствовать сообразно свѣдѣніямъ неточнымъ и даже противорѣчившимъ другъ другу. Когда поэтому представлено было въ Комитетъ дополнительное донесеніе Оренбургскаго военнаго губернатора о причинахъ, заставившихъ его принять вышеприведенныя мѣры, и Комитетъ принялъ это донесеніе опять «къ свѣдѣнію», Государь написалъ: «*гр. Сухтеленъ не только не заслуживалъ замѣчанія за принятыя имъ мѣры, но должно ему объявить совершенное благоволеніе за то, что благоразумными мѣрами сими спасъ ввѣренный ему край отъ вторичной гибели; что ему и объявить*» [2]).

Извѣстія о холерѣ становились все грознѣе: въ Астрахани отъ нея умеръ губернаторъ, умерло изъ 12 квартальныхъ надзирателей 8; пришлось на ихъ мѣсто назначить лицъ изъ купечества, такъ какъ свободныхъ чиновниковъ не было; управленіе было въ полномъ разстройствѣ; по недостатку рабочихъ рукъ нельзя было зарывать глубоко трупы умер-

---

1) 1830 г., № 1482.
2) 1830 г., № 1913.

шихъ. Чрезвычайно усилилась также холера въ Тифлисѣ, откуда жители поспѣшно бѣжали, разнося съ собою эпидемію. Снова Комитету поставленъ былъ вопросъ, нужны ли карантины? Спрошенный вторично медицинскій совѣтъ высказался теперь за 14-дневное пребываніе въ карантинѣ, за обмываніе хлористой известью и за окуриваніе вещей, но не товаровъ. Комитетъ тогда постановилъ: хотя предлагаемыя теперь медицинскимъ совѣтомъ мѣры стоятъ въ противорѣчіи съ прежними распоряженіями и хотя при «весьма несовершенной извѣстности качества болѣзни» многія изъ этихъ мѣръ впослѣдствіи могутъ оказаться излишними, но принимая въ соображеніе съ одной стороны, что болѣзнь сильно распространяется, а съ другой—что лучше допустить въ этомъ дѣлѣ больше осторожности, Комитетъ положилъ: принять указанныя медицинскимъ совѣтомъ мѣры [1]).

Тогда Комитетъ одобрилъ распоряженія Закревскаго объ очищеніи по карантиннымъ правиламъ вещей и товаровъ, находившихся въ пораженныхъ холерою мѣстахъ или привезенныхъ туда изъ зараженныхъ мѣстъ; впрочемъ Комитетъ сдѣлалъ все-таки ограниченія въ правилахъ, выработанныхъ Закревскимъ: предписать начальникамъ губерній, чтобы они ограничивали всѣ свои распоряженія карантиннымъ очищеніемъ тѣхъ единственно домовъ, въ которыхъ дѣйствительно были зараженные холерою или умершіе отъ этой болѣзни. Государь рѣшилъ такъ: «*совершенно согласенъ; но распространить это правило не только на домы, въ коихъ были холерные случаи, но и на лавки и магазины, въ коихъ купцы и сидѣльцы заболѣвали, и на вещи и товары въ оныхъ, кои не въ крытыхъ тюкахъ лежали, а уже раскладенными*» [2]).

Такъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Комитетъ принялъ совершенно противоположное первоначальному своему мнѣнію положеніе о карантинахъ противъ холеры. Конечно, это объясняется тѣмъ, что холера въ эти годы впервые посѣтила Россію, и тѣмъ, что Комитетъ не хотѣлъ стѣснять торговли и промышленности послѣ только что окончившейся войны; но въ виду неточныхъ понятій о холерѣ нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ осужденіе Комитетомъ мѣръ,

---

1) 1830 г., № 1607.
2) 1830 г., № 2321.

принятыхъ гр. Сухтеленомъ и, особенно, рѣшеніе Комитета о докторѣ Пятницкомъ, — только резолюція Императора избавила Комитетъ отъ крупной несправедливости. Затѣмъ возникъ вопросъ, какъ пересылать простую корреспонденцію, т. е. подвергать ли ее предварительной окуркѣ или нѣтъ. Комитетъ положилъ окуривать, но только тамъ, гдѣ существуютъ карантины [1]). Комитетъ призналъ необходимымъ устройство карантиновъ; но призналъ не безъ колебанія и во всякомъ случаѣ безъ полной вѣры въ успѣшность этой мѣры. По мѣрѣ приближенія болѣзни къ столицѣ, затрудненія отъ устройства карантиновъ росли; карантины не приносили видимой пользы, стѣсняя въ то же время промышленность и торговлю. Министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскій, стоявшій во главѣ центральной коммисіи, строгимъ примѣненіемъ карантинныхъ и обсерваціонныхъ правилъ надѣялся спасти Петербургъ отъ страшной гостьи. Когда издано было постановленіе, что суда, идущія по каналамъ, должны выдерживать 8-дневную обсервацію, Комитетъ призналъ это распоряженіе стѣснительнымъ для общественнаго движенія; подобныя мѣропріятія должны ограничиваться только самою необходимостью; въ прошедшемъ (т. е. въ 1830) году, говорится въ положеніи Комитета, вопросъ о заразительности холеры разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что болѣзнь эта не сообщается чрезъ вещи, а тѣмъ болѣе чрезъ товары; это положеніе было обнародовано, и теперь (въ 1831 г.) было бы неудобно для правительства отъ него отступать; на основаніи этого положенія закуплены въ Россіи на срокъ иностранцами хлѣбъ и другія произведенія; изъ переписки съ консулами извѣстно, какъ опасаются иностранные купцы задержки въ плаваніи судовъ; неминуемыми слѣдствіями продолжительныхъ обсервацій будутъ: уронъ внѣшней торговли, недовѣріе иностранцевъ къ нашему вывозу, разстройство купеческаго кредита,— и все это не на одинъ годъ, а на продолжительное время. Зачѣмъ возобновлять мѣры, признанныя безполезными, зачѣмъ касаться жизненной артеріи народной промышленности—водяныхъ путей сообщенія? Холера спорадически можетъ быть въ Россіи нѣсколько лѣтъ сряду, и неужели все это время надо держаться мѣръ, которыя внушаютъ страхъ торговцамъ: прі-

[1]) 1831 г., № 57.

остановятся совсѣмъ заказы отъ иностранцевъ и упадетъ общій кредитъ Россіи.

Въ настоящее время возможно ограничиться только однѣми предохранительными мѣрами: отдѣлять на судахъ больныхъ отъ здоровыхъ, хозяевамъ судовъ вмѣнить въ обязанность сдавать заболѣвшихъ въ больницу. Государь по этому журналу далъ резолюцію: «*Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, но само собою разумѣется, что нынѣ ограничиться должно однимъ приготовленіемъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствіе карантиновъ не начиналось безъ моего разрѣшенія и безъ самыхъ уважительныхъ причинъ*». Такое рѣшеніе поставило Комитетъ въ трудное положеніе въ 1831 г., когда Закревскій обратился къ нему за назначеніемъ кредитовъ губернаторамъ; Комитетъ, не рѣшая дѣла самъ, положилъ испросить Высочайшее разрѣшеніе, предложивъ слѣдующій отвѣтъ: разрѣшеніе послѣдуетъ въ свое время, отъ Его Величества, а чтобы пока мѣстныя власти были готовы открыть дѣйствіе карантиновъ тотчасъ послѣ даннаго имъ приказанія. Государь написалъ: «*согласенъ*».

На этомъ основаніи Комитетъ вполнѣ одобрилъ благоразумную осторожность въ Ригѣ гр. Строганова, который скрылъ отъ населенія смерть трехъ лицъ отъ холеры, потому что въ противномъ случаѣ неминуемо удалились бы изъ порта купеческія суда, торговля понесла бы великіе убытки и самое сообщеніе съ прусскими портами, столь необходимое теперь [1]), стало бы весьма затруднительнымъ. Поэтому Комитетъ разрѣшилъ Строганову стараться и впредь сохранить въ тайнѣ появленіе въ Ригѣ холеры, если тамъ число заболѣвающихъ отъ нея не будетъ особенно значительно; если же болѣзнь усилится, то Строгановъ уполномочивался оцѣпить нѣкоторые кварталы города, стараясь, однако, не прерывать сообщенія въ городѣ; для успокоенія шкиперовъ морскихъ судовъ онъ долженъ былъ учредить особую складку отпускаемыхъ товаровъ такъ, чтобы портовые рабочіе и корабельные нагрузчики могли не сообщаться другъ съ другомъ; наконецъ для безпрепятственнаго подхода къ порту судовъ и барокъ по Двинѣ Комитетъ разрѣшилъ учредить только однодневную обсер-

---

1) Во время польскаго возстанія удобнѣе было доставлять продовольствіе и припасы въ нѣкоторые корпуса арміи моремъ.

вацію; кромѣ того гр. Строганову предписывалось объявить мѣстнымъ дворянству и купечеству, что Его Величество вполнѣ увѣренъ въ томъ, что они приложатъ всѣ усилія къ сохраненію спокойствія въ городѣ и окажутъ должное содѣйствіе управленію во всѣхъ принимаемыхъ имъ мѣрахъ [1]).

Когда въ томъ же 1831 г. Комитетъ принялъ рядъ мѣръ для защиты Петербурга отъ холеры, то ему было объявлено: по симъ предметамъ сдѣланы уже всѣ распоряженія; засимъ считать дѣло оконченнымъ [2]).

Наконецъ, высказался опредѣленно медицинскій совѣтъ; мнѣніе его было такое: холера заразительна и для борьбы противъ нея необходимы полицейскія мѣры. Министръ внутреннихъ дѣлъ этимъ постановленіемъ былъ поставленъ въ затрудненіе, мнѣніе медицинскаго совѣта противорѣчило опубликованному раньше отъ правительства мнѣнію московскихъ врачей; и потому Закревскій обратился въ Комитетъ за разрѣшеніемъ труднаго вопроса.

Комитетъ, сказано въ его положеніи, отнесся къ дѣлу со всѣмъ вниманіемъ, какъ требовала этого важность предмета; изъ сопоставленія мнѣній медиковъ онъ убѣдился, что пока вопросъ о степени заразительности и о путяхъ распространенія холеры—вопросъ научныхъ преній: Астраханскіе и Московскіе врачи объясняли возникновеніе холеры измѣненіями въ атмосферѣ и рѣшительно отвергали прилипчивость ея, особенно чрезъ вещи; тогда и было обнародовано постановленіе о томъ, что нѣтъ надобности очищать вещи въ карантинахъ. Теперь медицинскій совѣтъ высказался за необходимость очищенія вещей и карантиновъ; точно такое же мнѣніе высказали и австрійскіе и прусскіе врачи, пріѣзжавшіе въ Россію для изученія этой болѣзни. Комитетъ нашелъ, что, въ такомъ невыясненномъ еще положеніи, онъ не можетъ присвоить себѣ права сказать что-нибудь рѣшительное: вопросъ можетъ надолго остаться предметомъ ученыхъ споровъ.—Какое-либо новое постановленіе, по мнѣнію Комитета, было бы впрочемъ даже излишне: правительство наше принимаетъ такія мѣры, какъ будто болѣзнь прилипчива; усиливать же карантинныя мѣры, возстановлять очищеніе вещей было бы равносильно

---

[1]) 1831 г., № 883.
[2]) 1831 г., № 893.

совершенному разстройству сообщеній, торговли, промышленности, т. е. главныхъ источниковъ государственныхъ и частныхъ доходовъ, и безъ того столь много пострадавшихъ и отъ сдѣланныхъ уже распоряженій: короче, по мнѣнію Комитета, всякія новыя мѣры были бы «преждевременны и невозможны и несовершенно необходимы».

Нужно ли, однако, обнародовать теперь мнѣніе медицинскаго совѣта? Обнародовать его, въ видѣ ли акта правительственнаго, или только мнѣнія, правительствомъ одобреннаго, значитъ еще болѣе устрашить и безъ того встревоженные умы; увеличить даже число жертвъ отъ унынія и упадка духа; еще болѣе внушить иностраннымъ державамъ недовѣрчивость и страхъ и положить новыя преграды торговымъ сношеніямъ съ тѣми странами, куда холера донынѣ еще не проникла. Затѣмъ неудобно и несовмѣстимо съ достоинствомъ правительства обнародовать во время научныхъ споровъ рѣшеніе, противорѣчащее первоначальному акту, тѣмъ болѣе, что перевѣсъ небольшаго числа медиковъ на одной сторонѣ вовсе не служитъ ручательствомъ справедливости мнѣнія, — возможно, слѣдовательно, обнародовать мнѣніе медицинскаго совѣта только, какъ разсужденіе ученаго сословія, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ подождать обѣщаннаго прусскими врачами подробнаго ихъ заключенія. На это рѣшеніе Комитета послѣдовала такая резолюція: «*ждать и наблюдать за ходомъ и свойствомъ болѣзни въ столицѣ*» [1]).

Къ концу остраго періода эпидеміи правительство все больше убѣждалось въ безполезности карантиновъ и кордоновъ противъ холеры. Такъ, Комитетъ, собравшись въ полномъ присутствіи всѣхъ бывшихъ въ столицѣ наличныхъ членовъ, съ участіемъ С.-Петербургскаго военнаго губернатора и ген.-ад. кн. Васильчикова, положилъ, что своевременно уничтожить многіе кордоны, ибо неудобство карантиновъ и кордоновъ общепризнано, и потому слѣдуетъ предоставить губернаторамъ принимать другія мѣры для прекращенія болѣзни, какъ то: немедленное помѣщеніе заболѣвшихъ въ больницы, открытіе предохранительныхъ комитетовъ, раздѣляя города по кварталамъ, не принуждая, однако, никого непремѣнно поступать въ больницы; сверхъ того слѣдуетъ удержи-

1) 1831 г., № 1170.

вать народъ отъ невоздержанности и внушать ему о необходимости беречь свое здоровье. Нѣсколько позже Комитетъ постановилъ еще рѣшительнѣе: карантины вообще, какъ уже дознано опытомъ, не служатъ дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію холеры, а поставляютъ только препоны свободному сообщенію и промышленности и порождаютъ всюду неудовольствіе и ропотъ.

Вотъ опытъ, который вынесъ Комитетъ Министровъ изъ перваго появленія холеры въ Россіи: при началѣ эпидеміи Комитетъ высказался противъ карантиновъ и тѣмъ болѣе—противъ необходимости «очищать» вещи; грозный и быстрый ходъ эпидеміи заставилъ Комитетъ измѣнить свое первоначальное рѣшеніе; принимаемыя мѣры были не всегда согласны съ положеніями Комитета; слишкомъ настойчиво проводимыя гр. Закревскимъ, онѣ вызвали серьезныя замѣшательства въ торговлѣ и промышленности, и Комитетъ вернулся къ той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоялъ въ началѣ эпидеміи.

Первая по времени холера сопровождалась, какъ впрочемъ и послѣдующія, народными волненіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; Комитетъ разбиралъ дѣла въ сравнительно маловажныхъ случаяхъ народныхъ волненій; такъ до его свѣдѣнія было доведено, что въ Новоладожскомъ уѣздѣ крестьяне, заподозрѣвъ нѣкоего губернскаго секретаря Дементьева въ отравѣ людей, жестоко истязали его, привязавъ къ столбу; во Владимірѣ (губернскомъ) населеніе съ крайнею подозрительностью относилось ко всѣмъ вновь пріѣзжавшимъ въ городъ: пріѣхавшій въ городъ лейтенантъ Шнейеръ навлекъ на себя подозрѣніе населенія тѣмъ, что прогуливался по берегу р. Трубежа и останавливался на мосту; обыватели схватили его и повели въ съѣзжій домъ съ криками: «поймали холерника»; въ съѣзжемъ домѣ у несчастнаго Шнейера найдены были въ погребцѣ гофманскія капли, что уже вполнѣ убѣдило толпу въ виновности схваченнаго и т. п.

Чрезъ Комитетъ проходили мѣры для распространенія въ народѣ прививки предохранительной оспы; постояннымъ ходатаемъ за это дѣло былъ адм. Мордвиновъ; кромѣ того Канкринъ предложилъ Комитету принять слѣдующую мѣру для казенныхъ крестьянъ: изъ каждой волости, а гдѣ крестьяне пожелаютъ и изъ каждаго міра, брать одного взрослаго мальчика, неспособнаго къ рекрутчинѣ, и въ теченіе года обучить

его оспоприваніванію; по окончаніи ученія онъ освобождается отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, пользуется отъ общества подводами и квартирою, а за это обязанъ безплатно прививать оспу во всей волости или во всемъ міру. Комитетъ вполнѣ одобрилъ это предложеніе съ тѣмъ дополненіемъ, чтобы не назначали, какъ этого можно было опасаться, въ такіе оспопрививатели слабоумныхъ молодыхъ людей и чтобы оспопрививатели ежегодно доносили по начальству о числѣ сдѣланныхъ прививокъ. За успѣхи въ оспопрививаніи Комитетъ награждалъ отличившихся медалями; по одному такому предложенію о награжденіи медалями 98 человѣкъ Государь положилъ резолюцію: «*согласенъ; но съ подтвержденіемъ священникамъ и получившимъ офицерскіе чины оныхъ не носить*» [1]).

Распространеніе въ народѣ сифилиса также вызвало рядъ предохранительныхъ мѣръ противъ этой болѣзни, называвшейся тогда на офиціальномъ языкѣ «любострастною болѣзнью». Въ 1830 г. Комитетъ положилъ отдавать одержимыхъ этою болѣзнью казенныхъ крестьянъ Гдовскаго уѣзда для пользованія въ Нарвскій военный госпиталь съ платою отъ казны. Государь написалъ на меморіи: «*послать довѣреннаго чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ изслѣдовать, отъ чего болѣзнь сія тамъ столь сильно распространилась, и людей самаго развратнаго поведенія, оттуда обоего пола отобравъ, употребить, куда годными окажутся*» [2]). Помѣщики сосѣдняго уѣзда, Ямбургскаго, въ тѣхъ же цѣляхъ, указывая на то, что многіе крестьяне возвращаются изъ города больными этою болѣзнью, заражаютъ и уродуютъ цѣлыя семьи, просили позволенія пригласить на свой счетъ врача, который бы пользовался всѣми правами лицъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Петербургскій военный губернаторъ отнесся къ этому ходатайству чрезвычайно сочувственно, а Блудовъ предложилъ въ Комитетѣ не только удовлетворить эту просьбу, но и принять ее общимъ правиломъ на будущее время. Комитетъ принялъ предложеніе Блудова и оно было утверждено Государемъ [3]). Производившій ревизію Восточной Сибири сенаторъ Толстой указывалъ на необходимость устройства больницы для леченія

[1]) 1828 г., № 148.
[2]) 1830 г., № 1899.
[3]) 1834 г., № 2379.

той же болѣзни, сильно распространенной между сибирскими инородцами. Государь написалъ противъ этого мѣста донесенія Толстого: «*обратить на это вниманіе*». Иркутскій генералъ-губернаторъ находилъ, впрочемъ, устройство больницы излишнимъ, такъ какъ будто бы болѣзнь сама собой почти прекратилась, но Толстой возражалъ, что на 100 инородцевъ приходится 5—8 чел. зараженныхъ этою болѣзнью; Комитетъ согласился съ Толстымъ и опредѣлилъ принять нужный расходъ на счетъ казны [1]), что и было утверждено.

Особое вниманіе Комитетомъ обращено было также на тотъ вредъ, который волки причиняли населенію государства, а еще болѣе домашнему скоту. Гр. Перовскій указывалъ Комитету, что въ Россіи вовсе нерѣдки такіе случаи: волкъ врывался въ избу и увѣчилъ всѣхъ находившихся тамъ людей; нерѣдки и случаи, что волки не только уносили и съѣдали дѣтей, оставшихся безъ надзора, но даже вырывали ихъ изъ рукъ матерей; бѣшенные волки успѣвали иногда искусать 10 и даже 20 человѣкъ въ деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобные случаи наводятъ паническій страхъ на населеніе, и обыватели получаютъ внушеніе отъ полиціи не выходить изъ дому безъ оружія и не выпускать вовсе дѣтей изъ домовъ. Вредъ и убытки, причиняемые волками, тѣмъ ощутительнѣе для населенія, что въ другихъ государствахъ они совершенно истреблены, напр. въ Англіи и Франціи; въ Россіи съ 1843 г. начали принимать нѣкоторыя систематическія мѣры противъ волковъ, устраивались мѣстами большія одновременныя облавы; въ однѣхъ губерніяхъ вошло въ обычай устраивать не менѣе двухъ облавъ въ годъ, въ другихъ—установлена плата за каждаго убитаго волка, именно за стараго по 3 р. и за молодого по 1 р. 50 к. за штуку. Въ заключеніе гр. Перовскій предлагалъ: назначеніе особыхъ наградъ за истребленіе волковъ, устройство общихъ облавъ на нихъ и устройство особыхъ командъ ловчихъ отъ правительства, содержаніе которыхъ гр. Перовскій опредѣлялъ въ 28.000 р. ежегодно, сумма незначительная сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который волки наносили сельскому населенію. Комитетъ согласился на это, но первоначально въ видѣ опыта [2]). Положеніе это было утверждено.

1) 1848 г., № 1034.
2) 1846 г., № 860.

Комитету приходилось высказываться по поводу новыхъ способовъ леченія болѣзней.—Въ 1833 г. обращено было вниманіе правительства на гомеопатію; до того времени гомеопаты пользовали больныхъ безъ всякаго надзора по убѣжденію, будто гомеопатическія средства невинны сами по себѣ; но генералъ-штабъ-докторомъ замѣчено было то, что шарлатаны и корыстолюбивые люди употребляли эти средства во зло, примѣшивая въ лекарства сильно дѣйствующія вещества. Министръ внутреннихъ дѣлъ согласно съ мнѣніемъ медицинскаго совѣта полагалъ: 1) дозволить пользовать гомеопатическими средствами только докторамъ; 2) гомеопатическія лекарства отпускать только изъ аптекъ; 3) врачей, лечащихъ этимъ способомъ, обязать представлять ежемѣсячные отчеты по начальству. Комитетъ принялъ это предложеніе съ нѣкоторыми ограниченіями, разрѣшивъ гомеопатамъ имѣть свою аптеку и продажу лекарствъ въ самыхъ малыхъ дозахъ по вольной цѣнѣ; основаніемъ для такого положенія были ссылки на аптекарскій уставъ 1789 г. Кн. Голицынъ подалъ особое мнѣніе: уставъ 1789 г. изданъ былъ тогда, когда гомеопатіи еще не было, поэтому точное примѣненіе этого устава въ данномъ случаѣ весьма стѣснительно и, по существу, есть косвенное запрещеніе; чтобы не давать повода думать, будто правительство затрудняетъ новой системѣ леченія обнаружить свою пользу, когда и противники системы признаютъ вполнѣ ея безвредность, кн. Голицынъ предложилъ призвать въ медицинскій совѣтъ наиболѣе знаменитыхъ гомеопатовъ для совмѣстнаго совѣщанія съ медиками, ибо теперь предметъ обсужденъ все таки только одною стороною. Къ этому мнѣнію присоединились гр. Литта и Хитрово; оно было утверждено Государемъ, положившимъ резолюцію: «*справедливо, но исполнить немедленно*» [1]).

Нѣкій купецъ Авѣринъ лечилъ дѣтей отъ золотухи разными травами и меркуріальною мазью; объ этомъ возбуждено было дѣло и медицинскій совѣтъ въ своемъ отзывѣ высказался, что травы—средство невинное, меркуріальная же мазь въ рукахъ неопытнаго человѣка чрезвычайно опасная вещь,—почему совѣтъ и былъ за запрещеніе Авѣрину дальнѣйшей практики. Заключеніе совѣта было принято Комитетомъ

1) 1833 г., № 927.

Министровъ, но Государь утвердилъ отдѣльное мнѣніе гр. Закревскаго, ссылавшагося на невѣроятные почти успѣхи леченія Аверинымъ дѣтей въ патріотическомъ институтѣ и домѣ трудолюбія. Послѣ этого Аверинъ обратился съ просьбою дозволить ему напечатать во всеобщее свѣдѣніе о своемъ способѣ леченія. Медицинскій совѣтъ высказался рѣшительно противъ дозволенія на томъ основаніи, что съ одной стороны цѣлебное свойство меркурія (ртути) извѣстно болѣе ста лѣтъ, а съ другой, что въ практикѣ Аверина были и неблагопріятные случаи; медицинскій совѣтъ полагалъ даже совсѣмъ запретить ему пользованіе больныхъ. Аверинъ же, съ своей стороны указывая на то, что иногда онъ съ успѣхомъ пользовалъ послѣ неудачнаго медицинскаго леченія, просилъ оставить за нимъ данное ему разрѣшеніе. Комитетъ принялъ мнѣніе Блудова: разрѣшить Аверину и пользованіе больныхъ и напечатаніе наставленія, но съ тѣмъ, чтобы ртутную мазь онъ употреблялъ не иначе какъ подъ наблюденіемъ извѣстныхъ и опытныхъ врачей, по своему, впрочемъ, выбору [1]). На это послѣдовало согласіе Государя. Въ 1830 г. Комитетъ положилъ дозволить одному чиновнику Маркелову продавать изобрѣтенное имъ лекарство противъ лихорадокъ и острыхъ болѣзней, не открывая секрета медицинскому начальству. Государь не согласился: «*секретъ*, сказано въ резолюціи, *можетъ быть для публики, но не для медицинскаго совѣта; а потому если г. Маркеловъ не хочетъ онаго на положенныхъ правилахъ объявить, то запретить употреблять въ леченіе*» [2]).

Немного, но поступали въ Комитетъ и дѣла объ устройствѣ въ Россіи минеральныхъ водъ: въ 1828 г. учрежденъ былъ комитетъ для устройства этихъ водъ на Кавказѣ [3]); въ 1833 г. Комитетомъ одобрено было предположеніе гр. Витгенштейна, ген. Бахметева и кн. Четвертинскаго объ образованіи компаніи на акціяхъ для устройства заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ въ мѣстечкѣ Каменкѣ (Подольской губ.), принадлежавшемъ гр. Витгенштейну. Въ 1853 г. на содержаніе лечебнаго заведенія на Куяльницкомъ лиманѣ явилось два претендента: докторъ Андреевскій и купецъ

1) 1833 г., № 287.
2) 1830 г., № 2432.
3) 1828 г., № 1381.

Бирюковъ; первый предлагалъ вносить въ пользу города по 100 р. въ годъ, второй по 2.000 р., но не бралъ на себя ремонта. Гр. Воронцовъ, бывшій тогда уже намѣстникомъ Кавказа, рѣшительно высказался за Андреевскаго: по его убѣжденію, это заведеніе могло приносить дѣйствительную пользу только при условіи отличнаго знанія дѣла администраціею его, почему онъ и полагалъ отдать заведеніе Андреевскому. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ, высказался по этому дѣлу въ Комитетѣ такъ: слѣдовало бы по закону назначить торги, тѣмъ болѣе, что были и другія лица, желавшія взять на содержаніе это заведеніе, но въ виду заявленія гр. Воронцова о томъ, что переходъ лечебнаго заведенія въ другія руки неудобенъ и нежелателенъ, слѣдуетъ оставить заведеніе за Андреевскимъ, обезпечивъ сколь возможно выгоды публики. Комитетъ призналъ всѣ эти разсужденія вполнѣ основательными, но положилъ также внести нѣкоторыя дополненія въ условія съ Андреевскимъ, а именно: въ виду того, что самъ докторъ Андреевскій постоянно проживаетъ на Кавказѣ, обязать его имѣть при заведеніи на лиманѣ опытнаго врача, затѣмъ самое заведеніе отдать ему на содержаніе на 24 года, заключивъ съ нимъ точный контрактъ [1]). Въ такомъ видѣ положеніе было утверждено Государемъ. Нерѣдко поступали въ Комитетъ на утвержденіе проекты больницъ, напр. проектъ больницы въ Петербургѣ— для поданія скорой помощи, «внезапно обмирающимъ и повреждаемымъ» людямъ, особой больницы въ Петербургѣ же для чиновниковъ и лицъ средняго класса или больницы для прокаженныхъ остяковъ. Въ Москвѣ построена была новая больница на 450 кроватей и военный губернаторъ ходатайствовалъ, чтобы больница эта была принята подъ покровительство Ея Величества Императрицы Маріи Θеодоровны. Государь приказалъ: «*предоставить кн. Голицыну представить всѣ проекты и планъ сего заведенія лично Ея Величеству; и, если удостоитъ Своего одобренія, испросить Ея покровительства; я жъ съ своей стороны буду просить Ея Величество не отказать въ сей просьбѣ*» [2]). Въ 1828 г. Комитетъ представилъ Государю на Его разрѣшеніе вопросъ о назначеніи намѣстницы

1) 1853 г., № 153.
2) 1827 г., № 2087.

или діакониссы ордена св. Екатерины. По статуту 1797 г. Екатерининскій орденъ имѣлъ начальницу или орденъ-мейстера въ особѣ Государыни Императрицы, а званіе діакониссы присвоено было Супругѣ Наслѣдника или, если Ея нѣтъ, первой великой княгинѣ или великой княжнѣ. Государь разрѣшилъ вопросъ такъ: «*Жена уже вступила въ званіе Ей слѣдуемое, прочее оставимъ волѣ Божіей*» [1]).

II.

Народное продовольствіе. Уменьшеніе круга дѣятельности Комитета по вопросамъ о народномъ продовольствіи. Измѣненія, сдѣланныя въ уставѣ 1822 года. Неурожай 1833 года. Донесенія изъ губерній. Свобода хлѣбной торговли. Ссуды хлѣбомъ и деньгами. Общественныя работы. Посылка Государемъ генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ въ пострадавшія губерніи. Вопросъ объ опекѣ надъ неисправными по обезпеченію продовольствіемъ своихъ крестьянъ помѣщиками. Отчеты объ общественныхъ работахъ, трудность доставить работу всѣмъ нуждающимся въ продовольствіи. Неурожай 1839—1840 гг. Общественныя запашки. Разсмотрѣніе проектовъ объ образованіи хлѣбныхъ запасовъ въ государствѣ и установленіи среднихъ цѣнъ на хлѣба. Задолженность русскаго землевладѣнія. Продовольственное дѣло въ западныхъ губерніяхъ.

Сильный неурожай 1820—1822 г.г. заставилъ правительство пересмотрѣть продовольственный уставъ; выработанный окончательно въ 1822 г. новый уставъ обезпеченіе продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ всецѣло возложилъ на обязанность помѣщиковъ, а продовольствіе остальнаго населенія ввѣрено было особымъ коммисіямъ народнаго продовольствія, которыя были организованы въ каждой губерніи: уже эти коммисіи должны были по мѣстнымъ условіямъ избрать одинъ изъ двухъ способовъ обезпеченія населенія: т. е. устройство запасныхъ магазиновъ или образованіе продовольственныхъ капиталовъ: 41 губернія Европейской Россіи предпочла первый способъ обезпеченія, а 12—второй. Образованіе значительныхъ запасовъ, какъ натурою, такъ и деньгами, могло послѣдовать только въ томъ случаѣ, еслибы по крайней мѣрѣ одно поколѣніе (считая на поколѣніе тридцать лѣтъ) не видало и не испытало значительнаго неурожая: на дѣлѣ этого не было, и въ царствованіе Императора Николая I 1833, 1839, 1840, частью

---

[1]) 1828 г., № 1915.

1844, 1845, 1846 и 1851 г.г. были неурожайными годами; главное условіе для составленія запаса или капитала исчезало само собой: если неурожай постигалъ даже только одну или двѣ губерніи, и то приходилось заимствовать для пострадавшей или пострадавшихъ губерній хлѣбъ и деньги изъ запасовъ сосѣднихъ губерній.

Какъ казенные крестьяне и другіе низшіе разряды свободнаго населенія государства не могли быть обезпечены въ продовольствіи своими запасами, такъ точно и обезпеченіе помѣщичьихъ крестьянъ въ трудные годы, попрежнему, въ значительной степени оставалось на попеченіи и средствахъ правительства: въ первомъ томѣ настоящаго труда указано было много случаевъ, изъ которыхъ можно было видѣть, почему это оставалось такъ и почему угроза отобранія имѣній въ опеку оставалась фикціею. Тѣмъ не менѣе правительство Императора Николая I не удовольствовалось, какъ и слѣдовало ожидать, только констатированіемъ указаннаго явленія: если бывали годы неурожайные, то съ другой стороны бывали и обильные урожаи, слѣдовательно едва ли было бы правильно примириться съ такимъ порядкомъ, при которомъ населеніе жило почти буквально со дня на день: обильнѣйшая вчера губернія, завтра становилась жертвою голода.

Правительство Императора Николая I, помимо частныхъ поправокъ въ продовольственномъ уставѣ, останавливается на трехъ главныхъ мѣропріятіяхъ, неизвѣстныхъ правительству предыдущаго царствованія: общественныя запашки, общественныя работы и нормированіе хлѣбныхъ цѣнъ. Эти мѣры преслѣдовали одну цѣль: общественными запашками предполагалось образовать тѣ запасы, которые оказалось невозможнымъ образовать ни сборомъ зерна, ни сборомъ денегъ; общественныя работы должны были давать нуждающемуся населенію способы заработать своими силами пропитаніе, которое не могло быть получено земледѣліемъ, —наконецъ, нормированіе цѣнъ, или, какъ тогда говорили, установленіе и удержаніе среднихъ цѣнъ на хлѣбъ, должно было удерживать запасы хлѣба въ государствѣ, устранить то странное на первый взглядъ явленіе, что въ одномъ году правительство озабочено и тратится по случаю дороговизны хлѣба, а въ слѣдующемъ ему же приходится принимать мѣры противъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ: такое колебаніе цѣнъ, конечно, было одною изъ причинъ, почему не образовывались въ госу-

дарствѣ запасы хлѣба: населеніе, покупавшее или получавшее хлѣбъ въ неурожайные годы дорогою цѣною, должно было продавать потомъ хлѣбъ для расплаты съ долгами по дешевой цѣнѣ.

Мѣропріятія эти успѣха не имѣли; тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ дальнѣйшіе шаги въ трудномъ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія. Относительно участія Комитета Министровъ въ продовольственномъ дѣлѣ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что его участіе было все-таки не такимъ полнымъ, какъ въ царствованіе Императора Александра Павловича. Новый, послѣ 1822 г., продовольственный уставъ 1834 г. былъ изданъ безъ участія Комитета Министровъ: для пересмотра устава 1822 г. образованъ былъ сначала особый комитетъ изъ ген.-ад. Балашова, Сперанскаго, Канкрина и Блудова; составленный этимъ комитетомъ проектъ, «положеніе о запасахъ для пособія въ продовольствіи», разсмотрѣнъ былъ Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденъ Государемъ [1]). Даже распоряженія по случаю неурожаевъ не всегда въ это царствованіе обсуждались и принимались Комитетомъ Министровъ. Объясненіе этого послѣдняго обстоятельства находится въ запискахъ бар. (впослѣд. графа) Корфа.

Разсказъ бар. Корфа, конечно, неофиціальный, долженъ быть, однако, здѣсь приведенъ, какъ имѣющій близкое отношеніе къ исторіи Комитета Министровъ. По словамъ бар. Корфа обстоятельство это находилось въ связи съ нѣкоторымъ временнымъ неудовольствіемъ Государя Николая Павловича на тогдашняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, кн. И. В. Васильчикова. Предъ Своимъ отъѣздомъ въ 1840 г. за границу Государь говорилъ кн. Варшавскому о противодѣйствіи, встрѣченномъ Имъ въ Западномъ Комитетѣ по вопросу о распространеніи на западныя губерніи общихъ русскихъ законовъ, съ отмѣною Литовскаго статута и конституцій и со введеніемъ въ дѣлопроизводство русскаго языка. Между тѣмъ скоро послѣ отъѣзда Государя въ Эмсъ, гдѣ проживала тогда Императрица Александра Θеодоровна, стали поступать крайне неблагопріятныя извѣстія о неурожаѣ,

---

1) Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Россіи, ч. II, изданіе хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, 1893 г.

почти повсемѣстномъ; слѣдовало оказать помощь губерніямъ; кн. Васильчиковъ, видя необходимость принять хотя бы предварительныя мѣры и разсчитывая, сколько было бы потеряно дорогого времени, если бы онъ писалъ Государю за границу, рѣшился составить у себя экстренное совѣщаніе министровъ, на которомъ и были приняты нѣкоторыя мѣры, о чемъ кн. Васильчиковъ немедленно донесъ Государю. Но, говоритъ бар. Корфъ, «въ этомъ, очевидно, сдѣланы были двѣ ошибки: одна заключалась въ самой сей рѣшительности, которая, безъ особаго уполномочія, при всей чистотѣ побужденій, не могла быть угодна Государю. Другая состояла въ томъ, что къ министерскому совѣщанію не былъ призванъ управлявшій въ то время, за отсутствіемъ Канкрина, министерствомъ финансовъ Вронченко, — тотъ самый, противъ назначенія котораго товарищемъ министра Васильчиковъ незадолго передъ тѣмъ такъ долго протестовалъ». Посланное Государю донесеніе долго не было возвращаемо и только уже по пріѣздѣ Государя въ Петербургъ оно было возвращено Васильчикову, «съ сухою надписью, изъявившею единственно удивленіе, что въ сказанное совѣщаніе князь не пригласилъ Вронченко». Затѣмъ, продолжаетъ бар. Корфъ, не далѣе, какъ на другой день, созваны были въ Царское Село всѣ министры, кромѣ Васильчикова, и тутъ же послѣдовало повелѣніе, изъявъ дѣла о продовольствіи постигнутыхъ неурожаемъ губерній изъ вѣдѣнія Комитета Министровъ, учредить для нихъ особый временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ военнаго министра гр. Чернышева. Это было въ Іюнѣ 1840 г., а въ Октябрѣ, послѣ возвращенія кн. Васильчикова изъ отпуска и послѣ объясненія, которое онъ имѣлъ у Государя, повелѣно было ему предсѣдательствовать въ этомъ особомъ комитетѣ вмѣсто гр. Чернышева.

Таковъ разсказъ бар. Корфа, передающаго многія подробности со словъ самого кн. Васильчикова. Основной фактъ разсказа, разумѣется, совершенно вѣренъ; въ Іюнѣ 1840 г. Императоръ Николай Павловичъ, возвратившись изъ путешествія, разсмотрѣлъ свѣдѣнія о состояніи народнаго продовольствія и, признавая, что чрезвычайныя обстоятельства этого дѣла требуютъ и мѣръ чрезвычайныхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Всѣ соображенія о способахъ народнаго продовольствія

и о заготовленіи хлѣба для казны сосредоточить въ одномъ установленіи.

2) Для сей цѣли составить особый секретный комитетъ.

3) Все дѣлопроизводство по сему предмету поручить военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества, подъ распоряженіемъ управляющаго ею.

4) Секретному комитету направлять порученное ему дѣло въ главныхъ видахъ, не стѣсняя нисколько самыхъ распоряженій по заготовленіямъ, которыя производить отдѣльно каждому вѣдомству, по принадлежности.

5) Положенія комитета приводить въ исполненіе съ Высочайшаго разрѣшенія, объявляя ихъ въ видѣ Высочайшихъ повелѣній, непосредственно министрамъ данныхъ, и принявъ для производства дѣлъ комитета порядокъ, существующій въ Комитетѣ Министровъ.

6) Управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отправиться лично въ губерніи, наиболѣе угрожаемыя недостаткомъ продовольствія, для оказанія немедленнаго пособія жителямъ и для опредѣленія мѣръ дальнѣйшаго вспомоществованія [1]).

За исключеніемъ 1840 г. распоряженія о помощи населенію въ остальные неурожайные годы выходили изъ Комитета Министровъ, какъ это и видно изъ нижеслѣдующаго:

Съ первыхъ же шаговъ Императоръ Николай Павловичъ обнаружилъ большую заботливость въ дѣлѣ народнаго продовольствія. Послѣ сильнаго неурожая 1820—1822 гг. до неурожая 1833 г. страна и правительство сравнительно отдыхали отъ того напряженія, которое было обнаружено въ 1820—1822 г.г. По первому отчету о народномъ продовольствіи, который представленъ былъ Императору Николаю I, земледѣльческое населеніе государства состояло изъ:

	18,122,564	душъ мужскаго пола
	18,540,113	— женскаго —
Итого . . .	36,662,677	душъ.

---

1) Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ Комитета Министровъ вслѣдствіе неурожаевъ 1833, 1839 и 1840 г.г. Составлено и издано Канцеляріей Комитета Министровъ (въ свѣтъ не выпущено); см. приложеніе къ части 2 настоящаго тома.

ими было посѣяно хлѣбовъ:

озимыхъ . . . . 19,094,280 четв.
яровыхъ . . . . 28,700,400 —
Итого . . . 47,794,680 четв.

Среднiй урожай озимыхъ былъ безъ малаго самъ—4, яровыхъ — 3 1/3. Вывезено было хлѣба изъ Россiи всего 1,198,000 четв.; цѣны въ общемъ стояли низкiя.

Въ первые годы новаго царствованiя въ Комитетъ поступали лишь частныя представленiя нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ о недостаткѣ въ продовольствiи.

Такъ, Костромской губернаторъ писалъ, что казенные крестьяне его губернiи терпятъ недостатокъ; что не во всѣхъ мѣстахъ хватаетъ на сѣмена; что крестьяне принуждены уменьшать посѣвы; что запасы есть, но незначительные и, можетъ быть, осторожно писалъ губернаторъ, на лицо ихъ меньше, чѣмъ показывается въ вѣдомостяхъ. Комитетъ, согласно съ представленiемъ министра финансовъ, положилъ ассигновать въ пособiе казеннымъ крестьянамъ губернiи 30.000 рублей. Государь написалъ: «*да, но чтобы сдѣланы были распоряженiя, дабы пособiе сiе было сколь необходимо нужное, столь и дѣйствительное*» [1]). Кн. Хованскiй доносилъ о худомъ состоянiи продовольствiя въ четырехъ староствахъ Могилевской губернiи; Государь написалъ на меморiи: «*кн. Хованскому предписать донести, какъ обезпечилъ вообще продовольствiе своихъ губернiй и что я строго подтверждаю за этимъ смотрѣть и отнюдь не скрывать настоящаго положенiя вещей*» [2]). Когда, затѣмъ кн. Хованскiй просилъ добавочной ассигновки для продовольствiя казенныхъ крестьянъ Калужской губернiи сверхъ ранѣе отпущенныхъ 50.000 р. еще столько же, то Комитетомъ положено было отнюдь не распространять пособiй на тѣхъ крестьянъ, которые либо продажею своихъ произведенiй, либо заработками могутъ сами себя продовольствовать [3]). Положенiе, что населенiе должно само себя продовольствовать, высказываемое неоднократно и въ предыдущее царствованiе, становится преобладающимъ и въ это царствованiе. Комитетъ видитъ по своимъ дѣламъ, что, не говоря уже о пособiяхъ, но и ссуды

1) 1826 г., № 95.
2) 1826 г., № 186.
3) 1826 г., № 422.

правительственныя весьма неаккуратно ему возвращались: такая неаккуратность едва было не послужила причиной обогащенія сенатской типографіи: за объявленія о наложеніи запрещенія на имѣніе по закону взыскивалось въ пользу типографіи по 5 р. съ имѣнія, а въ 1826 г. подлежали запрещенію 1907 помѣщичьихъ имѣній одной Смоленской губерніи. Комитетъ, въ виду того, что нѣкоторыми имѣніями въ ссуду получено-то было всего 10—50 р., нашелъ неудобнымъ подвергать ихъ еще штрафу въ пользу типографіи. Министръ юстиціи заявилъ, что даетъ свое согласіе исключительно на этотъ разъ, ибо только этими доходами сенатская типографія и содержится [1]).

Въ 1826 г. Государь самъ поставилъ Комитету вопросъ: какія приняты мѣры по случаю продолжающейся засухи, повреждающей растенія и препятствующей въ сообщеніи водными путями, и приказалъ, чтобы Комитетъ Министровъ сдѣлалъ свои распоряженія къ обезпеченію продовольствія. Комитетъ прежде сужденія по Высочайшему вопросу потребовалъ сообщеній отъ заинтересованныхъ вѣдомствъ: главнаго управленія путей сообщенія и министерствъ—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Но свѣдѣнія были успокоительнаго характера: съ одной стороны въ министерствахъ не было получено свѣдѣній, чтобы засуха заставила опасаться за продовольствіе населенія, а съ другой—изъ министерствъ посланы были уже предписанія губернаторамъ, чтобы они обратили особенное вниманіе на это дѣло [2]).

Только одинъ марк. Паулуччи доносилъ о Псковской губерніи, что вслѣдствіе безпрерывной засухи и града—урожай тамъ самый посредственный, и что онъ сильно опасается, какъ бы Псковская губернія не стала жертвою весьма чувствительнаго недостатка въ хлѣбѣ, тѣмъ болѣе, что въ иностранныхъ государствахъ повсюду цѣны на хлѣбъ замѣтно поднялись, а помѣщики, вѣроятно, писалъ марк. Паулуччи, не упустятъ случая пріобрѣсти деньги и продадутъ свои запасы, крестьяне же принуждены будутъ пойти по міру. Комитетъ не придалъ большаго значенія этому донесенію; по его мнѣнію марк. Паулуччи опасался только послѣдствій большого сравнительно вывоза хлѣба изъ Риги и до нѣкоторой степени противорѣчилъ

1) 1826 г., № 967.
2) 1826 г., № 1126.

самъ себѣ, ожидая крайне дурныхъ слѣдствій отъ посредственнаго урожая; Канкринъ объяснилъ въ Комитетѣ, что онъ признаетъ положеніе казенныхъ крестьянъ обезпеченнымъ, а Ланской—что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пока не получено никакихъ тревожныхъ извѣстій изъ Псковской губерніи [1]). Но марк. Паулуччи вошелъ съ новымъ представленіемъ о необходимости назначить 100.000 р. въ пособіе казеннымъ крестьянамъ губерніи. Комитетъ на этотъ разъ положилъ предоставить сначала министру финансовъ разсмотрѣть, сколько именно нужно денегъ на пособіе этимъ крестьянамъ. Государемъ приписано: «*не замедлить*» [2]).

Тогда же Паулуччи возбудилъ вопросъ о томъ, что и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Псковской губерніи не обезпечено; энергичный генералъ-губернаторъ указывалъ, и уже вторично, что новый (т. е. 1822 г.) продовольственный уставъ весьма мало даетъ возможности ему знать о положеніи дѣла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: по уставу 1822 г. дѣло предоставлено на отвѣтственность самихъ владѣльцевъ подъ угрозою, что, въ случаяхъ замѣченнаго въ продовольствіи крестьянъ недостатка, имѣнія эти взяты будутъ въ опеку. Когда марк. Паулуччи возбудилъ первый разъ объ этомъ вопросѣ, Комитетъ ему отказалъ, находя, что угрозы этой вполнѣ достаточно для того, чтобы помѣщики сами заботились о своихъ крестьянахъ; теперь Паулуччи возобновилъ свое предложеніе о необходимости установить особый надзоръ, потому что помѣщики, какъ онъ замѣтилъ, вовсе не опасаются установленія надъ ними опекъ, уклоняются и вообще отъ общественной службы, а тѣмъ болѣе отъ званія опекуновъ, зная за собою равное нарушеніе закона. Комитетъ, очевидно, имѣя въ виду всю исторію продовольственнаго дѣла, остался при прежнемъ своемъ взглядѣ: особый надзоръ—это только поводъ къ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ владѣльцевъ имѣній, а уклоненіе дворянства отъ службы по выборамъ зависитъ часто отъ мѣстнаго начальства. Государь Николай Павловичъ по существу держался такого же взгляда на продовольственное дѣло, какъ и Его предшественникъ,—резолюція Его была такая: «*Я убѣжденъ въ пользѣ бывшихъ сельскихъ магазиновъ. Желаю, чтобы*

1) 1826 г., № 2168.
2) 1827 г., № 2.

Комитетъ занялся вновь разсужденіемъ того, что побудило ихъ уничтожить и не лучше ли ихъ возстановить и на какомъ основаніи?» [1]).

Тогда Комитетъ поручилъ Ланскому, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, представить Комитету необходимыя свѣдѣнія. Ланской представилъ эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, въ которомъ наиболѣе любопытною мѣрою было предложеніе предоставить помѣщикамъ по собственному ихъ произволу и распоряженію, а свободнымъ хлѣбопашцамъ съ разрѣшенія губернскаго предводителя принять мѣру, установленную для селеній удѣльнаго вѣдомства, т. е. учрежденіе особой запашки, составивъ для того общественныя поля. Комитетъ предложеніе Ланского разсматривалъ вмѣстѣ съ заключеніемъ о немъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Закревскаго, и, согласно съ его заключеніемъ, не рѣшился ввести предположенія Ланского, другія же менѣе важныя предложенія Ланского, которыя, по мнѣнію Комитета, не измѣняли устава 1822 г., а только дополняли его, были приняты Комитетомъ [2]).

Съ 1832 г. начали поступать въ Комитетъ извѣстія, нѣсколько тревожныя: кн. Репнинъ просилъ на Черниговскую губернію 100.000 р., деньги были даны, но изъ нихъ ничего не пришлось тратить, такъ какъ опасенія оказались напрасными [3]). Пензенскій губернаторъ писалъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи,—Краснослободскомъ, Чембарскомъ и Инсарскомъ, часть полей осталась незасѣянною; что населеніе питалось главнымъ образомъ овощами; губернаторъ просилъ пособій только для казенныхъ крестьянъ, потому что помѣщичьи— были достаточно обезпечены своими владѣльцами; губернаторъ просилъ отпустить въ распоряженіе мѣстной коммисіи народнаго продовольствія 100.000 р. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ, согласно съ Канкринымъ, предложилъ Комитету ограничить выдачу 50.000 р., и кромѣ того оповѣстить всѣхъ губернаторовъ, что всякія пособія могутъ быть даваемы не иначе какъ заимообразно, что излишнія выдачи напрасно разстроятъ платежныя силы населенія и что слѣдовательно должно

---

1) 1827 г., № 3.
2) Историч. обзоръ правит. мѣропріят. по народн. продов., ч. II, стр. 205—207.
3) 1832 г., №№ 264 и 410 (о Полтавской губерніи).

стараться избѣгнуть всякихъ выдачъ, обращая вниманіе населенія на посторонніе заработки. Комитетъ одобрилъ всѣ эти предположенія и въ виду того, что можно было опасаться, какъ бы подобныя же просьбы не стали поступать отъ многихъ губернаторовъ, положилъ уполномочить министра финансовъ назначать въ случаѣ надобности коммисіямъ народнаго продовольствія по 25.000 р. каждой. Скоро однако пришло дополнительное извѣстіе изъ Пензы: губернаторъ сообщалъ точныя цифры нуждающихся: 2,371 рев. душъ казенныхъ крестьянъ вовсе не имѣли запасовъ, 2,920—имѣли не болѣе, какъ на три мѣсяца: въ общемъ потребность нуждающагося населенія онъ исчислилъ въ 10,000 четв. хлѣба, присоединяя, что на это было бы довольно 100.000 р., но что безусловно необходимо сразу назначить 150.000 р., такъ какъ могутъ быть новыя данныя о нуждающихся [1]).

На этотъ разъ Блудовъ призналъ необходимымъ совершенно удовлетворить это ходатайство. Несмотря на полное удовлетвореніе, съ наступленіемъ новаго, тяжелаго для Россіи, 1833 года, Пензенскій губернаторъ просилъ еще 70.000 р. Блудовъ опять призналъ необходимымъ отпустить эти деньги, но, какъ онъ заявилъ въ Комитетѣ, поставилъ на видъ губернатору, чтобы тотъ покупку и раздачу хлѣба производилъ осмотрительно: во многихъ другихъ губерніяхъ урожай былъ не обильнѣе и даже скуднѣе Пензенскаго и однако ни откуда не просили такихъ значительныхъ пособій; онъ, министръ, обстоятельство это приписываетъ хорошей распорядительности губернскихъ начальствъ и благоразумнымъ внушеніямъ ихъ поселянамъ о необходимости обезпечить продовольствіе собственными средствами [2]). Сосѣдній губернаторъ—Тамбовскій—просилъ пособіе въ 280.000 р., на 41,000 чел. казенныхъ крестьянъ, нуждавшихся въ продовольствіи. Комитетъ положилъ выдать согласно мнѣнію министра финансовъ 100.000 р., потому что расчетъ губернатора не представлялся вполнѣ точнымъ и едва ли губернатору необходимы сразу всѣ 280.000 рублей [3]). Положенія эти были утверждены. О недостаткѣ въ продовольствіи доносили и изъ Архангельской губерніи

1) 1832 г., №№ 1824 и 1937.
2) 1833 г., № 225.
3) 1833 г., № 100.

и Оренбургской [1]). Изъ Полтавской губернiи просили 186.000 р. для помѣщичьихъ крестьянъ и почти 11.000 р. для казенныхъ [2]). Въ Витебской губернiи средній урожай 1832 г. былъ только 2½ зерна; по всѣмъ уѣздамъ губернiи, кромѣ Невельскаго, помѣщики обѣщали продовольствовать своихъ крестьянъ; въ Невельскомъ—не дѣлали этого и заявили о невозможности для нихъ при такихъ условiяхъ вносить подати. Мѣстная коммисiя постановила: 1) продовольствiе помѣщичьихъ крестьянъ, а равно и крестьянъ, живущихъ въ имѣнiяхъ, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ, должно быть оставлено на попеченiи владѣльцевъ; 2) запрещать винокуренiе не слѣдуетъ, отъ запрещенiя можетъ еще сильнѣе упасть кредитъ землевладѣльцевъ и можетъ погибнуть масса скота, и 3) для казенныхъ крестьянъ нужно закупить до 7,000 четв. хлѣба. Генералъ-губернаторъ былъ другого мнѣнiя: обѣщанiя помѣщиковъ не представляли для него надежнаго ручательства; на винокуренiе могъ пойти почти весь хлѣбъ,—а между тѣмъ надежда многихъ помѣщиковъ—прiобрѣсти покупкою хлѣбъ на деньги, вырученныя отъ винокуренiя, могла не сбыться: и въ другихъ губернiяхъ урожай былъ необильный, а на урожай нынѣшняго, т. е. 1833 года, едва ли можно расчитывать, такъ какъ все время льетъ дождь. Министръ внутреннихъ дѣлъ по сличенiи этихъ извѣстiй съ данными объ урожаяхъ 1828—1833 гг. находилъ, что нынѣшнее положенiе не представляетъ опасности, тѣмъ болѣе, что помѣщики ручаются за продовольствiе своихъ крестьянъ; отнимать у нихъ право винокуренiя по мнѣнiю министра неудобно, потому что это ихъ привилегiя и главная отрасль промышленности. Министръ финансовъ объявилъ, что имъ уже назначено для казенныхъ крестьянъ этой губернiи 100.000 рублей. Просили денегъ, не въ значительныхъ, правда, размѣрахъ, также изъ Олонецкой губернiи, Бессарабской области, Нижегородской губернiи; наказной атаманъ земли Войска Донского извѣщалъ съ нарочнымъ, что продолжительная засуха уничтожила всякiя надежды на урожай, и что по мѣстнымъ исчисленiямъ для области нужно 50,000 четв. и 500.000 р. Министръ внутреннихъ дѣлъ возражалъ противъ такого большого посо-

1) 1833 г., № 76 (Архангельская губ.) и № 263 (Оренбургская).
2) 1833 г., № 415.

бія, самыя вычисленія находилъ основанными не на положительныхъ свѣдѣніяхъ, почему и предложилъ ограничить размѣръ пособія, опредѣливъ купить 25,000 четв. и выдать 200.000 р. деньгами; Блудовъ заявилъ при этомъ въ Комитетѣ, что свои предположенія онъ въ общихъ чертахъ довелъ до свѣдѣнія Государя и они были Имъ одобрены. Комитетъ положилъ утвердить это предложеніе съ небольшимъ измѣненіемъ: вмѣсто 200.000 р. ассигновалъ 300.000 р. Государь утвердилъ это положеніе. Такія же печальныя вѣсти, какъ изъ земли Войска Донского, пришли отъ кн. Репнина, Малороссійскаго генералъ-губернатора: едва начали колоситься хлѣба, какъ наступила засуха и жара, хлѣба отъ знойныхъ вѣтровъ потеряли цвѣтъ, земля засушена до такой степени, что затрудненъ самый посѣвъ, и нѣтъ надежды ни на озимые, ни на яровые; травы въ еще худшемъ положеніи: онѣ только и держатся на болотистыхъ мѣстахъ, а гористыя и степныя мѣста выгорѣли такъ, что на нихъ травы и вовсе нѣтъ, и теперь уже копна сѣна стоитъ, писалъ кн. Репнинъ, 7 р.; въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи дѣло обстоитъ лучше, но и тамъ бури и градъ причинили много убытковъ. Херсонскій губернаторъ также доносилъ, что холода, дожди, а потомъ засуха совсѣмъ уничтожили всѣ посѣвы.

По первоначальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, изъ 42 губерній въ 7-ми ожидался хорошій урожай, въ 6-ти—достаточный, въ 18-ти посредственный; плохой урожай въ 8-ми, а въ 3-хъ губерніяхъ—урожай весьма плохой, а именно: въ Полтавской, Херсонской и землѣ Войска Донского; были уже приняты нѣкоторыя мѣры посредствомъ выдачи ссудъ для обезпеченія продовольствія въ этихъ трехъ губерніяхъ, но такъ какъ во всѣхъ вообще губерніяхъ хлѣбные и денежные запасы могли бы оказаться недостаточными, то министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ, представляя Комитету эти свѣдѣнія, а равно и свои опасенія за губерніи Витебскую, Смоленскую и Воронежскую, можетъ быть также Таврическую, Екатеринославскую и Тамбовскую, доложилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ:

1) Отправить двухъ чиновниковъ высшихъ степеней, одного въ западныя губерніи, другого—въ Поволжье для собранія на мѣстахъ точныхъ свѣдѣній: о состояніи продовольственной части въ каждой губерніи, о видахъ на урожай и о средствахъ

*

къ доставленію пособій нуждающимся, обязавъ притомъ этихъ лицъ дѣйствовать безъ огласки, чтобы не встревожить умы населенія и не вызвать чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на жизненные припасы; предварительно же послать младшихъ чиновниковъ для собиранія необходимыхъ свѣдѣній.

2) Если пособія окажутся нужными, то предпринять, въ видахъ доставленія заработка нуждающемуся населенію, различныя общественныя работы, назначая особыхъ коммисіонеровъ для заключенія условій съ помѣщиками объ отдачѣ въ наемъ крѣпостныхъ людей за извѣстную плату, половину которой дозволить выдавать помѣщикамъ впередъ для обезпеченія продовольствія рабочихъ и остающихся дома ихъ семействъ.

3) Выдавать помѣщикамъ особенно неурожайныхъ губерній ссуду въ размѣрѣ отпускаемой Государственнымъ Заемнымъ Банкомъ подъ залогъ имѣній, съ прибавленіемъ 25 и 50 р. на ревизскую душу.

О мѣрахъ этихъ Блудовъ докладывалъ Государю, написавшему на представленіи: «*Согласенъ, внесть въ Комитетъ*».

Выслушавъ это представленіе, Комитетъ призналъ, что при изысканіи особыхъ мѣръ «необходимо не упускать изъ виду той главной мысли, что пособія, слишкомъ легко получаемыя, могутъ ослабить дѣятельность поселянина въ снисканіи себѣ пропитанія собственнымъ трудомъ и заботливость помѣщика объ огражденіи крестьянъ его отъ недостатка. Съ другой стороны всякая усиленная, изъ круга обыкновенныхъ слишкомъ рѣзко выходящая, мѣра, при распространяющихся слухахъ о безнадежномъ во многихъ мѣстахъ урожаѣ, покажетъ большое опасеніе самого правительства, а отъ того естественно увеличится общая тревога, и данъ будетъ поводъ къ вящшему еще возвышенію цѣнъ на хлѣбъ».

Въ этихъ словахъ выражено полное основаніе тѣхъ условій, при которыхъ и на которыхъ правительство признавало нужнымъ и возможнымъ оказывать помощь населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Основаніе это, такъ сказать принципъ, нѣсколько разъ высказывалось и въ предыдущее царствованіе гр. Гурьевымъ и Комитетомъ Министровъ по просьбамъ о пособіи для отдѣльныхъ губерній. Поэтому Комитетъ положилъ:

1) Министра внутреннихъ дѣлъ уполномочить разрѣшать

выдачу ссудъ на продовольствіе и для засѣва полей, по собственному его усмотрѣнію, изъ капиталовъ народнаго продовольствія до 200.000 р. на каждую губернію; министру финансовъ, графу Канкрину, разрѣшить назначать, въ случаѣ нужды, главнымъ образомъ для казенныхъ крестьянъ изъ суммъ государственнаго казначейства до 100.000 р., также на губернію, сверхъ тѣхъ пособій, которыя были прежде назначены; свѣдѣнія же объ этихъ денежныхъ отпускахъ должно въ концѣ каждаго мѣсяца доводить до Комитета Министровъ;

2) отправить въ неурожайныя губерніи подъ разными предлогами чиновниковъ среднихъ классовъ, во избѣжаніе огласки и излишнихъ издержекъ;

3) признать общественныя работы весьма важнымъ средствомъ для пропитанія населенія неурожайныхъ губерній; къ такимъ работамъ должно отнести: устройство въ Одессѣ мола, набережной и пристани, окончаніе дороги по южному берегу Крыма и ломку и приготовленіе гранита у береговъ Буга для Одесскихъ мостовыхъ; средствами для производства этихъ работъ были указаны отчасти мѣстные казенные платежи (Татарская подать въ Крыму), а отчасти было предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ условиться съ министромъ финансовъ о займахъ въ кредитныхъ установленіяхъ. Передвиженіе рабочихъ было облегчено чрезъ безденежную выдачу имъ паспортовъ, и

4) относительно выдачи помѣщикамъ дополнительныхъ ссудъ изъ Заемнаго Банка было указано, что мѣра эта не можетъ быть допущена въ виду задолженности имѣній и состоянія наличныхъ средствъ Заемнаго Банка, и потому было опредѣлено производить особенно нуждающимся помѣщикамъ, по удостовѣреніямъ мѣстныхъ начальствъ, ссуды непосредственно изъ казны, сдѣлавъ для того, если бы оказалось нужнымъ, особый заемъ въ кредитныхъ установленіяхъ на счетъ государственнаго казначейства. Государь утвердилъ это положеніе резолюціею: «*исполнить немедленно*» [1]).

Въ засѣданіи 18 Іюля, министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до свѣдѣнія Комитета Министровъ, что отправленный, для изслѣдованія причинъ образованія недоимокъ въ Курской и Слободско-Украинской губерніяхъ, сенаторъ Мечниковъ

---

[1]) 1833 г., № 1217 и Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ Комитета Министровъ, вслѣдствіе неурожаевъ 1833, 1839 и 1840 г.г. (см. прил. къ части 2 настоящаго тома).

считалъ необходимымъ: 1) вывести изъ Слободско-Украинской губерніи всѣ войска на другія временныя квартиры, 2) разрѣшить выдачу хлѣбныхъ ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ и 3) сдѣлать распоряженіе о пріостановленіи винокуренія на 1833 годъ, или по крайней мѣрѣ ограничить его, что хотя и было бы невыгодно для винокуровъ, но облегчило бы положеніе самой губерніи.

Комитетъ, по разсмотрѣніи представленія министра внутреннихъ дѣлъ, призналъ, что изъ мѣръ, предложенныхъ сенаторомъ Мечниковымъ, выводъ войскъ изъ Слободско-Украинской губерніи, по Высочайшему повелѣнію, поставленъ уже въ виду военнаго министерства, а пособія жителямъ изъ сельскихъ магазиновъ назначаются мѣстною коммисіею продовольствія. Обратившись затѣмъ къ вопросу о пріостановленіи на время винокуренія въ Слободско-Украинской губерніи, Комитетъ нашелъ, что «означенная мѣра, какъ и всѣ ей подобныя, напримѣръ, запрещеніе вывоза хлѣба за границу, или изъ одной губерніи въ другую, причиняя одно стѣсненіе, всегда болѣе имѣть можетъ послѣдствій вредныхъ, нежели полезныхъ, и потому полагалъ: не постановляя никакихъ ограниченій со стороны правительства, предоставить уменьшеніе или прекращеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ дѣйствій винокуренныхъ заводовъ собственной расчетливости содержателей оныхъ». Короче, Комитетъ остался на этотъ разъ вѣренъ взгляду, который онъ неоднократно высказывалъ на запрещеніе винокуренія. Между тѣмъ Воронежскій губернаторъ донесъ, что онъ опасается, какъ бы въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ деревняхъ отъ отсутствія хлѣба и невниманія помѣщиковъ не возникли безпокойства, и, предвидя, что взятіе такихъ имѣній въ опеку останется безуспѣшнымъ, губернаторъ просилъ разрѣшенія купить на счетъ хранящихся въ казенной палатѣ земскихъ сборовъ ржи на 400.000 р. и выдавать ее подъ надзоромъ и отвѣтственностью предводителей дворянства. Витебскій губернаторъ, донося, что назначенные 100.000 р. уже розданы, просилъ ассигновать на губернію еще 500.000 р. Министръ внутреннихъ дѣлъ поставилъ было губернатору на видъ его неосмотрительность, но генералъ-губернаторъ кн. Хованскій, съ своей стороны, указывалъ на полную безнадежность урожая и просилъ скорой помощи. Тогда Государь далъ

повелѣніе: «*по полученіи уже всѣхъ почти рапортовъ и по важности несчастныхъ сихъ обстоятельствъ, всѣ сіи бумаги передать въ Комитетъ Министровъ и въ экстренномъ засѣданіи немедля разсмотрѣть и постановить, какія мѣры считаются необходимыми, дабы нынѣ же къ онымъ приступить*». На представленіи о неурожаѣ Херсонскаго губернатора Государемъ было написано: «*немедленно же отправить по эстафетѣ предписаніе гр. Воронцову, чтобы представилъ мнѣ свои соображенія, какимъ образомъ полагаетъ прокормить ввѣренный ему край и въ особенности обезпечить будущій засѣвъ*» [1]).

Въ силу Высочайшаго повелѣнія Комитетъ въ засѣданіи 25 Іюля 1833 г. установилъ подробныя правила той помощи, которую правительство рѣшило оказать населенію. Прежде всего Комитетъ остановился на вопросѣ, какая должна быть принята система въ ссудахъ и денежныхъ пособіяхъ, т. е. должно ли на отпускаемыя изъ разныхъ источниковъ деньги покупать и раздавать хлѣбъ въ мукѣ или въ зернѣ нуждающимся, или же производить прямо денежныя ссуды для покупки каждымъ нужнаго количества хлѣба самому отъ себя? Относительно казенныхъ крестьянъ, по самому устройству ихъ управленія и другимъ обстоятельствамъ, почти всегда, по мнѣнію Комитета, должно избирать первый способъ, допуская второй— только въ видѣ исключенія, по особымъ обстоятельствамъ; но для крестьянъ помѣщичьихъ послѣдній способъ предпочтительнѣе, какъ потому, что, при экстренныхъ въ огромномъ количествѣ закупкахъ хлѣба отъ правительства, цѣны на него непремѣнно еще поднимутся, такъ и потому, что при назначеніи значительныхъ денегъ на закупки въ однѣ руки нельзя не опасаться большихъ злоупотребленій. Сверхъ того, формальности, неизбѣжныя при всѣхъ казенныхъ операціяхъ, затруднятъ и своевременное заготовленіе сѣмянъ къ засѣву, время котораго уже приближается. Поэтому, принимая для помѣщичьихъ имѣній раздачу денежныхъ ссудъ, нужно только будетъ ограничить ихъ тѣми владѣльцами, которые дѣйствительно не имѣютъ средствъ прокормить своихъ крестьянъ и засѣять поля; поэтому Комитетъ полагалъ:

«1) Предписать начальникамъ губерній, дабы всѣ единовременно, 1 Сентября, отправили въ министерство внутрен-

---

[1]) 1833 г., № 1318.

нихъ дѣлъ самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ урожая разнаго хлѣба и травъ, а 15 Сентября донесли, сколько употреблено на обсѣмененіе полей, сколько за тѣмъ остается на пропитаніе и въ запасъ, и какое, въ случаѣ недостатка, надлежитъ оказать пособіе; вмѣстѣ съ чѣмъ однако же предупредить губернаторовъ, что при неурожаѣ, открывшемся въ разныхъ губерніяхъ, большое назначеніе ссудъ превысило бы всѣ средства правительства.

2) Продолжая до того времени пособія губерніямъ, наиболѣе нуждающимся, по мѣрѣ необходимости, на установленныхъ правилахъ и съ оставленіемъ въ своей силѣ тѣхъ уполномочій, какія министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ присвоены, поступать въ распредѣленіи денежныхъ суммъ слѣдующимъ образомъ:

а) въ продовольствіи на счетъ этихъ суммъ казенныхъ крестьянъ и въ пособіи имъ на засѣвъ полей руководствоваться правилами, предписанными въ указѣ 14 Апрѣля 1822 г. и въ Высочайше утвержденномъ, 27 Марта 1826 г., положеніи Комитета Министровъ, относительно Калужской губерніи послѣдовавшемъ [1]);

б) въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, вмѣсто заготовленія нужнаго хлѣба и сѣмянъ отъ правительства въ натурѣ, давать владѣльцамъ денежныя ссуды, но гражданскіе губернаторы и коммисіи продовольствія должны наблюдать, чтобы ссуды назначались исключительно помѣщикамъ, лишеннымъ всѣхъ способовъ къ прокормленію крестьянъ и обсѣмененію ихъ полей, и вообще такимъ только, которые имѣютъ не болѣе 100 душъ крестьянъ мужского пола по 7-й ревизіи;

в) помѣщикамъ, имѣющимъ по 7-й ревизіи отъ 10 или менѣе 50 душъ, производить въ ссуду по 15 р., а имѣющимъ отъ 50 до 100 душъ—по 10 р. на каждую душу мужского пола;

г) ссуды давать на четыре года съ платежемъ, по минованіи перваго, однихъ указныхъ процентовъ и съ возвратомъ въ остальные три года по равной части капитала, съ таковыми же процентами;

---

[1]) Затѣмъ добавлено: Положеніемъ 12 Сентября постановлено выдачу хлѣбныхъ ссудъ казеннымъ крестьянамъ производить чрезъ учреждаемыя особыя коммисіи; положеніемъ 7 Ноября разрѣшена выдача пособій зерномъ также отставнымъ солдатамъ и солдатскимъ женамъ.

д) если бы помѣщикъ, получивъ ссуду, употребилъ ее не по назначенію, оставя крестьянъ своихъ необезпеченными въ прокормленіи или засѣвѣ полей, то о такихъ, для надлежащаго взысканія, представлять министерству внутреннихъ дѣлъ, а между тѣмъ надъ имѣніями ихъ немедленно учреждать опеки, а для продовольствія крестьянъ принимать другія, по усмотрѣнію, мѣры, и

е) всѣ эти правила относятся къ однѣмъ тѣмъ ссудамъ, на которыя уполномочивается мѣстное начальство изъ ассигнуемыхъ суммъ; о помѣщикахъ же, имѣющихъ болѣе 100 душъ, но при всемъ томъ дѣйствительно нуждающихся въ способахъ продовольствія своихъ крестьянъ, должно быть особо представляемо министерству, для оказанія имъ, по строгому разсмотрѣнію, ссудъ на основаніи постановленій Комитета» [1]).

Въ засѣданіи 1 Августа, мѣры, принятыя Комитетомъ 25 Іюля, были дополнены постановленіемъ о невзысканіи до второй половины 1834 г. пени за неуплату въ срокъ податей помѣщиками тѣхъ губерній, въ коихъ ожидался неурожай, а именно: Астраханской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской, Слободско-Украинской, Витебской и Полтавской, областей Кавказской и Бессарабской и земли Войска Донского. Положенія эти были утверждены.

Еще полнѣе взглядъ Комитета на назначеніе денежныхъ пособій отъ казны высказанъ былъ имъ въ засѣданіи, въ которомъ разсматривался Комитетомъ рапортъ Малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина. Описывая бѣдственное положеніе Полтавской губерніи, кн. Репнинъ заявилъ, что 436,000 душъ обоего пола не имѣютъ чѣмъ себя прокормить. На рапортѣ кн. Репнина Государь написалъ: «*немедленно разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ и опредѣлить, въ какой степени помочь можно, и сейчасъ мнѣ представить, не позже завтра вечеромъ*» [2]).

Признавъ положеніе Полтавской губерніи весьма стѣсненнымъ, Комитетъ счелъ необходимымъ оказать ей немедленно пособіе въ 2.000.000 р.: на заготовленіе 100,000 четв. хлѣба для казенныхъ крестьянъ, и 1.000.000 р. для ссуды по-

---

[1]) Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ Комитета Министровъ, вслѣдствіе неурожаевъ 1833, 1839 и 1840 г.г. (см. прил. къ части 2 настоящаго тома).

[2]) 1833 г., № 1323.

мѣщикамъ. При этомъ Комитетъ высказалъ, что хотя правительство въ подобныхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ и не можетъ щадить никакихъ пожертвованій къ обезпеченію продовольствія и отвращенію недостатка, но самыя пожертвованія сіи должны быть соображены съ дѣйствительною необходимостью и пособія приложены съ возможною осмотрительностью, чтобы, вмѣсто уменьшенія угрожающаго зла, не увеличивать еще онаго. Комитетъ полагалъ, что вообще правительство можетъ и должно дѣлать только самыя неизбѣжныя вспомоществованія, но никакъ не въ состояніи принимать на себя прокормленія цѣлаго края, безъ самаго строгаго различенія дѣйствительно нуждающихся обывателей отъ тѣхъ, кои могутъ, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, обойтись собственными средствами. Правило сіе тѣмъ важнѣе было соблюсти, что цѣлая обширная полоса подвержена тому же бѣдствію и что всѣ нуждающіяся губерніи, болѣе или менѣе только въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, могли искать подкрѣпленія къ способамъ своего продовольствія; истощеніе же сихъ источниковъ и поглощеніе всѣхъ запасовъ для одной Полтавской губерніи могло крайне затруднить положеніе другихъ, частію въ высшей еще степени угрожаемыхъ. Комитетъ и въ прежнихъ журналахъ своихъ [1]) упоминалъ, что всякія слишкомъ усиленныя мѣры въ этомъ направленіи могутъ имѣть разныя крайне вредныя послѣдствія и въ другомъ отношеніи,—ослабляя, при увѣренности на несомнѣнное пособіе, дѣятельность поселянъ и заботливость помѣщиковъ объ огражденіи крестьянъ ихъ отъ недостатка. Съ другой стороны слѣдовало, по мнѣнію Комитета, также принять въ уваженіе, что поселяне и въ неурожайные годы имѣютъ еще иныя средства пріобрѣтать себѣ прокормленіе путемъ заработковъ, къ чему преподаны нынѣ возможные способы усиленіемъ публичныхъ работъ и безденежною выдачею паспортовъ; что у многихъ есть скотъ, который за недостаткомъ корма они могутъ продать или убить для посоленія до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ; что они по необходимости должны обратиться и къ продовольствію себя овощами, и что вообще при худомъ урожаѣ всякій самъ убѣждается въ томъ, что пища его не можетъ быть столь же

1) 11 Іюля 1833 г.

обильна, какъ въ другое время, и соотвѣтственно сему умѣряетъ свои потребности.

Наконецъ Комитетъ не могъ не замѣтить, что «всякое покушеніе къ закупкѣ вдругъ столь огромнаго количества хлѣба какъ то предполагалъ князь Репнинъ, возвыситъ цѣны до устрашающей степени, а какъ справедливость требовала бы распространить пособія въ семъ же размѣрѣ и на другія губерніи, то при всѣхъ вышеизложенныхъ неудобствахъ казна вовлечена бы была въ невозможныя къ удовлетворенію издержки, и съ одной стороны открылся бы общій примѣръ на всегдашнее время, а съ другой—родилось бы пагубное поощреніе къ праздности и безпечности».

Комитетъ полагалъ, что безъ сомнѣнія полезнѣе закупки хлѣба производить не вдругъ въ огромныхъ количествахъ, но постепенно и лучше увеличить пособія послѣ, когда требованія и средства удовлетворенія ихъ придутъ опять въ нѣкоторое равновѣсіе, и минется общая тревога, столь сильно дѣйствующая на возвышеніе цѣнъ.

Тогда же Комитету Министровъ было объявлено гр. Чернышевымъ, чтобы независимо отъ всѣхъ принятыхъ и впредь предполагавшихся мѣръ и «въ изъявленіе подданнымъ непрестанной заботливости и личнаго вниманія Его Величества къ постигающимъ ихъ бѣдствіямъ» были командированы въ губерніи: Полтавскую, Слободско-Украинскую, Воронежскую, три Новороссійскія и Астраханскую, а также въ область Войска Донского одинъ генералъ-адъютантъ и два флигель-адъютанта, съ цѣлью обозрѣнія на мѣстахъ состоянія продовольственной части, для наблюденія за исполненіемъ губернскими начальствами Высочайшихъ повелѣній и для донесенія затѣмъ Государю Императору объ истинномъ положеніи дѣла и о возможныхъ, по ихъ предположенію, мѣропріятіяхъ. Особенное вниманіе, при этомъ, должно было быть обращено на мѣщанъ, «не имѣющихъ по большей части никакихъ запасовъ и потому скорѣе другихъ могущихъ подвергнуться голоду и впасть въ какія либо преступленія». Графъ Чернышевъ къ этому прибавилъ, что Государю Императору угодно было назначить въ распоряженіе командируемаго генералъ-адъютанта до 100.000 р. изъ суммъ государственнаго казначейства для раздачи въ подаяніе лицамъ, особенно пострадавшимъ, а также повелѣть о составленіи Комитетомъ Министровъ краткой инструкціи для

этой командировки. Въ составленной вслѣдъ затѣмъ инструкціи, согласно Высочайшей волѣ, было предоставлено, между прочимъ, удостовѣриться въ состояніи хлѣбныхъ запасовъ и въ томъ, «достаточно ли обнадеживаютъ въ исполненіи мѣры, пріемлемыя мѣстными начальствами, вслѣдствіе положеній высшаго правительства, къ обезпеченію продовольствія посредствомъ заготовленія хлѣба, или иными способами», для представленія затѣмъ собранныхъ свѣдѣній Государю Императору; кромѣ того, лицамъ, командированнымъ въ Малороссійскія губерніи, было предложено отправиться первоначально въ мѣстопребываніе военнаго губернатора для сообщенія своей инструкціи, а затѣмъ оказывать ему содѣйствіе въ собираніи необходимыхъ свѣдѣній. Проектъ этой инструкціи былъ Высочайше утвержденъ 15 Августа 1833 г.

Въ засѣданіи Комитета Министровъ 25 Сентября военный министръ объявилъ, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣть ему соизволилъ предложить на обсужденіе Комитета, не полезно ли бы было командировать въ каждую нуждающуюся губернію по одному флигель-адъютанту; причемъ изволилъ отозваться, что съ давняго уже времени не получалъ непосредственныхъ отъ Новороссійскаго генералъ-губернатора, гр. Воронцова, донесеній о состояніи продовольствія во ввѣренномъ ему краѣ».

Комитетъ, имѣя въ виду, что командированнымъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанту Дьякову и флигель-адъютантамъ князю Трубецкому и князю Мещерскому поручено объѣхать всѣ нуждающіяся губерніи, въ томъ числѣ и три Новороссійскія, и что отъ Дьякова и князя Мещерскаго не получено еще донесеній о томъ, что найдено ими въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической,—нашелъ, «что какъ командировкою ихъ достигается предназначаемая Его Величествомъ цѣль, то можетъ быть удобнѣе было бы отложить таковую сближенную присылку чиновниковъ, при Высочайшемъ лицѣ состоящихъ, дабы не возбудить симъ какъ въ жителяхъ, такъ и въ начальствахъ, новую тревогу, являя имъ какъ бы нѣкоторый знакъ усиливающихся опасеній правительства. Но вмѣстѣ съ симъ Комитетъ призналъ, что весьма полезное могло бы имѣть вліяніе на умы, если бъ настоящее положеніе онаго, вмѣстѣ со вновь ассигнованнымъ милліономъ рублей, доставлены были графу Воронцову чрезъ флигель-

адъютанта, лично отъ Его Величества присланнаго, который могъ бы получить отъ него для представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе и всѣ нужныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи вещей и о видахъ на будущее».

На означенномъ журналѣ Комитета послѣдовала Собственноручная отмѣтка Императора Николая Павловича слѣдующаго содержанія: «*Посылку флигель-адъютантовъ полагаю я сдѣлать совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ то поручено Г.-А. Дьякову и посланнымъ съ нимъ. Мое намѣреніе нынѣ состоитъ въ томъ, чтобы посылаемые вновь адъютанты, получивъ здѣсь изъ М. Ф. списки казеннымъ волостямъ, отправясь по губерніямъ, объѣхали всѣ казенныя волости, вникнувъ въ настоящее оныхъ положеніе и донесли мнѣ:*

1) Въ какомъ положеніи ихъ продовольствіе.

2) Какія мѣры приняты для дальнѣйшаго прокормленія ихъ.

3) Въ какомъ положеніи засѣвы.

4) Есть ли запасы для весеннихъ посѣвовъ.

О найденномъ сообщить какъ мнѣ сейчасъ, такъ и главному мѣстному начальству».

Рапорты г.-ад. Дьякова, фл.-ад.: кн. Трубецкого (Астраханская губ. и Кавказская область), кн. Мещерскаго (Таврическая губ.), гр. Пратасова (Воронежская губ.), кн. Суворова (Харьковская губ.), гр. Ивелича (Херсонская губ.), кн. Лобанова-Ростовскаго (Екатеринославская губ.) и г.-м. Тимирязева (Полтавская губ.) напечатаны въ приложеніи къ части 2 сего тома. Особенно тяжкое впечатлѣніе г.-ад. Дьяковъ вынесъ въ Бахмутѣ и Славяносербскѣ, гдѣ онъ нашелъ столько нищихъ, въ томъ числѣ отставныхъ офицеровъ, ихъ женъ и солдатъ, что ежеминутно былъ осаждаемъ требованіями спасти ихъ отъ голодной смерти. Не менѣе тяжело было въ этихъ уѣздахъ положеніе крестьянъ, лишившихся еще и своего скота. На рапортѣ помѣта Государя: «*Ужасно читать, гр. Воронцовъ ничего мнѣ не доноситъ; внести сегодня же въ Комитетъ Министровъ на разсмотрѣніе*». Комитетъ, разсмотрѣвъ рапортъ, положилъ, что послѣ сдѣланныхъ уже распоряженій слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ донесеній генералъ-губернатора.

При обсужденіи мѣръ, необходимыхъ для Полтавской губерніи, гр. Литта, предсѣдатель Департамента Экономіи,

подалъ особое мнѣніе: нельзя не замѣтить, писалъ гр. Литта, какъ непредусмотрительно и недостаточно такое управленіе, которое, дѣйствуя только со дня на день, не принимаетъ никакихъ мѣръ для будущаго и не имѣетъ въ рукахъ своихъ даже самыхъ первыхъ способовъ на случай бѣдствія, столь возможнаго и не рѣдкаго, отчего при первомъ же неурожаѣ край подвергается опасности совершеннаго голода; и что было бы, если бы за однимъ такимъ худымъ годомъ слѣдовалъ такой же второй, третій и даже четвертый. Малороссія, иногда столь богатая и обильная хлѣбомъ, обращая всю свою жатву или на продажу хлѣба или на винокуреніе при первомъ же появленіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ остается безъ хлѣба, на жертву всеобщему голоду и всѣмъ бѣдственнымъ его послѣдствіямъ. Поэтому гр. Литта предлагалъ отправить въ Малороссію для общей ревизіи управленія сенатора; Комитетъ согласился въ принципѣ съ гр. Литта, но нашелъ неудобнымъ отправить сенатора въ губерніи, управляемыя военнымъ губернаторомъ, и предложилъ Государю отправить кого-либо другого. На это послѣдовало повелѣніе члену Государственнаго Совѣта гр. Головкину, находившемуся въ отпуску, въ Харьковѣ, собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, о которыхъ упомянуто въ мнѣніи предсѣдателя Департамента Экономіи [1]).

Всякія стѣснительныя мѣры по торговлѣ хлѣбомъ Комитетъ по прежнему считалъ совершенно излишними; поэтому предложеніе ревизовавшаго тогда Слободско-Украинскую губернію сенатора Мечникова о пріостановленіи на время винокуренія въ губерніи и предположенія и даже распоряженія мѣстныхъ властей о запрещеніи вывоза хлѣба изъ одной губерніи въ другую, или изъ южныхъ портовъ государства— были рѣшительно отклонены Комитетомъ. Напротивъ, Комитетъ разрѣшилъ ввозъ иностраннаго хлѣба и вывозъ хлѣба въ теченіе навигаціи 1833 и 1834 г.г. изъ однихъ русскихъ портовъ въ другіе на иностранныхъ корабляхъ; разрѣшенъ былъ также пропускъ чрезъ западную границу до 1835 г. хлѣба, провозимаго изъ-за границы помѣщиками, незаписанными въ гильдіи, для своихъ крестьянъ, не только чрезъ таможни, но также и чрезъ надзирательскіе посты, безъ соблюденія тамо-

---

1) 1833 г., № 1323.

женныхъ обрядовъ, по однимъ ихъ словеснымъ объявленіямъ.

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ мѣръ, къ которымъ всегда прибѣгали въ случаѣ неурожая: помѣщикамъ и другимъ сословіямъ пострадавшихъ губерній даны были льготы о невзысканіи съ нихъ пени за просрочку взносовъ податей до второй половины 1834 г.; министру финансовъ разрѣшено было не примѣнять усиленныхъ мѣръ ко взысканію съ тѣхъ же помѣщиковъ и другихъ всякаго рода платежей; отсрочены были на три года платежи по займамъ изъ опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія; мѣстами выводили войска изъ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностей; пріостановленъ былъ рекрутскій наборъ, затѣмъ отсрочена была народная перепись, ибо «ревизія, прикасаясь всѣхъ сословій, всегда болѣе имѣть можетъ послѣдствій вредныхъ, нежели полезныхъ».—Отстаивая такъ рѣшительно принципъ свободы хлѣбной торговли, Комитетъ не остановился на одномъ только запрещеніи принимать мѣры, стѣснительность которыхъ была общепризнана. По представленію Канкрина Комитетъ положилъ дозволить выкурку вина не изъ хлѣба только, какъ это было установлено, но и изъ картофеля и свекловицы. Мѣра эта, впрочемъ, была принята не въ интересахъ одного населенія, но также и откупщиковъ, которые оказывались, по ихъ словамъ, не въ состояніи дѣлать заводчикамъ прибавки, соотвѣтствующія возвышенію цѣнъ на вино. Не стѣсняя вывоза изъ Россіи хлѣба, Комитетъ разрѣшилъ безпошлинный ввозъ хлѣба въ Россію: сначала ввозъ допущенъ былъ къ портамъ Черноморскимъ, Дунайскимъ и Азовскимъ, затѣмъ къ Балтійскимъ и Бѣломорскимъ и, наконецъ, по сухопутной границѣ съ Пруссіей [1]).

Если нужно было помогать населенію, то признано было наилучшимъ помогать ему не даромъ, а за трудъ. Правительство наше давно уже держалось того взгляда, что даровая помощь только развращаетъ населеніе. Неурожай 1833 г. раскрылъ передъ Государемъ и правительствомъ такую потрясающую картину народнаго бѣдствія, что нельзя было и думать оставить населеніе безъ помощи, но въ то же время полагали

---

[1]) Къ ввозу разрѣшены были безпошлинно: рожь, пшеница, полба, горохъ, овесъ, ячмень, греча, просо, кукуруза, чечевица, бобы и крупа.

неправильнымъ оказать населенію даровую помощь: наиболѣе цѣлесообразнымъ казалось устроить общественныя работы, предпринять устройство общеполезныхъ сооруженій и дать народу возможность получать деньги, но не въ видѣ развращающей даровой помощи, а какъ плату за трудъ. Можно сказать, что за эту мысль въ нашихъ правительственныхъ кружкахъ ухватились съ жаромъ и съ полною вѣрою въ ея успѣхъ, что и вполнѣ понятно: если въ предыдущую эпоху едва ли не всѣ надежды правительства возлагались на свободную хлѣбную торговлю, то теперь выяснилось, что одного невмѣшательства со стороны правительства въ дѣло продовольствія еще мало; возвращаться на старый путь общихъ и частныхъ ограниченій и запрещеній было равносильно повторенію прежнихъ ошибокъ и неудачъ. Общественныя работы были новою мыслью въ трудномъ вопросѣ обезпеченія народнаго продовольствія на твердыхъ началахъ. Было выше указано, что мысль эта высказана была въ Комитетѣ въ 1822 г. при обсужденіи голода, постигнувшаго западныя губерніи; сторонникомъ этой мысли выступилъ адм. Н. С. Мордвиновъ, но мысль эта тогда рѣшительно была отвергнута Комитетомъ, высказавшимъ опасеніе, что отвлеченіе крестьянъ отъ земледѣльческаго труда и есть главная причина разстройства хозяйствъ названныхъ губерній. Рѣшительное и полное признаніе полезности и даже необходимости общественныхъ работъ было вмѣстѣ съ тѣмъ признаніемъ и того, что одинъ земледѣльческій трудъ не можетъ прокормить населеніе Россіи.

Мысль объ общественныхъ работахъ была мыслью новою въ этомъ вопросѣ и потому неудивительно, что трудность ихъ устройства, т. е. устройство того, чтобы въ нихъ находила себѣ работу значительная часть населенія, не вполнѣ опредѣленно сознавалась членами правительства, равно какъ и остальныя стороны этого дѣла. Онѣ сказались очень скоро. Уже въ 1834 г. Смоленское дворянство и мѣстный губернаторъ поняли общественныя работы, какъ принудительный нарядъ обывателей. Если бы, писалъ предводитель дворянства, работы эти открыты были въ прошломъ 1833 году, онѣ могли еще принести пользу населенію; теперь же по наступленіи поры полевыхъ работъ, онѣ не только безполезны, но и прямо невозможны: отвлекаютъ крестьянъ отъ дѣла и причиняютъ имъ всевозможныя потери; дворяне уклоняются отъ обязанно-

сти принять на себя выставку шоссейныхъ матеріаловъ, и конечно, прибавилъ предводитель, несовмѣстно было бы дворянину вступать въ такого рода обязательства, которыя онъ не въ состояніи выполнить. Это донесеніе очень важно въ томъ отношеніи, что оно разъясняетъ, какъ населеніе поняло мѣру, принятую исключительно въ его интересахъ; оно поняло ее, какъ новую тягостную повинность. Впрочемъ неудачу этого дѣла въ Смоленской губерніи Комитетъ приписалъ неудачнымъ и неумѣлымъ распоряженіямъ гражданскаго губернатора [1]). Затѣмъ въ Комитетъ вошелъ съ представленіемъ гр. Толь, главноуправляющій путями сообщенія, въ которомъ обстоятельно разъяснялъ, въ какой мѣрѣ постройка Динабургскаго шоссе оказала помощь населенію Витебской губерніи; на долю этой губерніи назначена была постройка 128 верстъ, на которыя приходилось разбить 14,000 куб. саж. камня; жителей въ губерніи считалось 950,000 душъ обоего пола; на земляныхъ работахъ занято было 3,000 душъ населенія и около 2,500 солдатъ, слѣдовательно всего 5—6,000 душъ, т. е., заключаетъ гр. Толь, едва ли оказано было «ощутительное» пособіе; еще менѣе дѣйствительно было пособіе для Могилевской губерніи, въ которой числилось до 2 м. душъ. Въ подтвержденіе своей мысли гр. Толь приводилъ и отзывъ генералъ-губернатора кн. Хованскаго о томъ, что въ Могилевской губерніи почти никто не воспользовался земляными работами, а отсюда гр. Толь дѣлалъ окончательный выводъ, что общественныя работы хороши и пригодны въ случаяхъ частныхъ несчастій, напр. града, пожара; въ тѣхъ же случаяхъ, когда несчастіе постигаетъ цѣлую губернію, не говоря уже о нѣсколькихъ, общественныя работы совершенно недостаточны, и скорое ихъ назначеніе и исполненіе будетъ всегда сопровождаться большими и напрасными потерями казны. Комитетъ, хотя и согласился въ общемъ съ гр. Толемъ, тѣмъ не менѣе положилъ продолжать начатыя работы, такъ какъ за ними остается одно достоинство: онѣ помогаютъ отдѣлить дѣйствительно нуждающихся отъ прихотливыхъ или лѣнивыхъ; поэтому рѣшено было Комитетомъ работы продолжать, отпустивъ на нихъ еще 1,5 мил. р., и даже ускорить начало такихъ работъ и по Смоленской губерніи; если нужно, то

1) 1834 г., № 1290.

открыть и новыя работы. Государемъ на журналѣ противъ положенія Комитета о необходимости продолжать работы на поляхъ страницы написано: «*можно даже употребить ихъ единственно вмѣсто войскъ, ежели гр. Толь и кн. Хованскій по личному соглашенію найдутъ сіе возможнымъ*». Гр. Толь предложилъ тогда, какъ дополненіе, слѣдующія правила для производства работъ: а) назначить для завѣдыванія работами комитеты подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей; б) комитетамъ этимъ назначать на работы, сообразуясь съ тѣмъ, кто изъ работающихъ изъ какой мѣстности; в) комитеты посылаютъ довѣренныхъ лицъ, которыя слѣдятъ за ходомъ работъ, удовлетвореніемъ рабочихъ пищею, обувью и т. п. При этомъ гр. Толь особенно настаивалъ на томъ, чтобы лица, назначаемыя какъ губернскими комитетами, такъ и генералъ-губернаторомъ для осмотра работы, не имѣли права отказываться отъ исполненія этого дѣла. Гр. Толь считалъ необходимымъ сдѣлать такое постановленіе въ виду бывшихъ примѣровъ, когда никто изъ Смоленскихъ дворянъ не соглашался принять на себя обязанности распоряжаться поставкою камня на Смоленское шоссе. Государемъ въ концѣ журнала написано: «*совершенно согласенъ съ добавленіями по мнѣнію гр. Толя*» [1]). Когда новыя работы были открыты въ четырехъ уѣздахъ Могилевской и Витебской губерній, то предводители дворянства просили за исполненіе ихъ— 407.000 р., а подрядчики брались сдѣлать тоже за 319.000 р.; кромѣ того, предводители домогались, чтобы рабочіе выставлялись на работу, и слѣдовательно и плата имъ производилась поденно, независимо отъ того, будутъ ли въ данный день производиться работы или нѣтъ; подрядчики назначали оптовую цѣну, давали залоги и принимали на себя обязательство, что рабочіе у нихъ будутъ исключительно изъ уроженцевъ означенныхъ двухъ губерній. Поэтому гр. Толь стоялъ рѣшительно на томъ, чтобы работы сданы были подрядчикамъ, но Блудовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, не отвергая сравнительной выгодности предложенія подрядчиковъ, возражалъ только съ той точки зрѣнія, что правительство, отвергнувъ просьбу предводителей дворянства, этимъ самымъ дастъ имъ право просить другихъ пособій, что будетъ совсѣмъ невы-

---

1) 1834 г., № 1647.

годно для казны. Но Комитетъ согласился съ мнѣніемъ гр. Толя, позволивъ включить въ условіе съ подрядчиками, чтобы рабочіе были и изъ помѣщичьихъ и изъ казенныхъ крестьянъ [1]). Это положеніе было утверждено. Въ Полтавской губерніи на общественныя работы явилось не болѣе 3,200 ч.; когда по уѣздамъ было объявлено о пособіяхъ, за которыя нужно будетъ отработать положенные уроки, то жители большею частью не соглашались принимать пособій [2]). Такъ медленно прививалась къ жизни новая мысль; помимо новизны дѣла много, конечно, зависѣло и отъ самой сложности его. Прошло нѣсколько лѣтъ и тогда объ открытіи работъ въ случаяхъ неурожая усиленно просили и мѣстныя власти и мѣстныя общества. По дѣламъ Комитета видно, что въ 1846 г. для оказанія помощи Псковской губерніи открыты были работы по шоссе Псковъ-Рига на протяженіи 225 верстъ; работа дала крестьянамъ заработка на 135.000 р. Въ 1850 г. послѣ повторныхъ неурожаевъ, постигнувшихъ Екатеринославскую губернію, министерство государственныхъ имуществъ просило объ устройствѣ такихъ работъ и по Екатеринославской губерніи. Гр. Клейнмихель указалъ на небольшой участокъ шоссе по линіи Валки-Николаевъ, который могъ быть сданъ населенію Екатеринославскаго уѣзда, для чего требовалось отпустить изъ казны 65.000 р.; Комитетъ охотно согласился на отпускъ денегъ, положивъ позаимствовать требуемые 65.000 р. изъ 8.364.000 р., назначенныхъ на разныя работы по смѣтѣ 1851 г., но гр. Клейнмихель заявилъ, что изъ упомянутыхъ денегъ онъ не можетъ теперь убавить ни одной статьи расхода; тогда Комитетъ положилъ представить Государю, не благоугодно ли будетъ Ему приказать занять 65.000 р. изъ кредитныхъ установленій [3]). Государь согласился. Въ 1851 г. для поддержанія помѣщичьихъ крестьянъ Витебской, Могилевской и Смоленской губерній назначены были работы по устройству шоссе Витебскъ-Динабургъ-Рига. Затѣмъ по письму на Высочайшее Имя помѣщика Вонлярлярскаго, просившаго предоставить населенію означенныхъ губерній поставку и разбивку камня, земляныя работы, просѣку и корчеванье пней для С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, послѣ-

1) 1836 г., № 427.
2) 1835 г., № 910.
3) 1850 г., № 1709.

довало Высочайшее повелѣніе: «*немедля разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Киселева, гр. Клейнмихеля, товарища министра финансовъ и положить окончательно, къ какимъ мѣрамъ приступить можно, призвавъ, если нужно, и самаго с. с. Лярскаго, какъ подрядившагося на часть сихъ работъ*» [1]). Выгоду своего предложенія Вонлярлярскій объяснилъ такъ: на продовольствіе въ теченіе 8 мѣсяцевъ около 3 м. нуждающихся нужно до 12 м. р., но и половины этой суммы будетъ достаточно, если теперь же начнутъ выдавать деньги и всѣ онѣ будутъ выданы не позже 1-го Мая. Между тѣмъ, разбивка камня стоитъ около 2 м. р., земляныя работы—приблизительно тоже, а устройство шоссе между Витебскомъ и Рославлемъ будетъ стоить около 2 же мил. рублей, т. е. по расчету Вонлярлярскаго получалась возможность теперь же выдать населенію трехъ губерній около 6 м. р. подъ тѣ работы, которыя оно будетъ производить частью зимою,—разбивку и поставку камня, частью лѣтомъ. Но предположеніе это не могло быть вполнѣ осуществлено: ген. Герстфельдъ, товарищъ гр. Клейнмихеля, представилъ Комитету, что нѣтъ возможности заготовленіе камня отдѣлять отъ земляныхъ работъ по Варшавской дорогѣ; на послѣднія работы требуется около 6,000 рабочихъ; подрядчики, взявшіеся за эти работы, приняли обязательство принимать къ себѣ по преимуществу крестьянъ Витебской губерніи и выдали имъ уже задатки по 20 рублей. Поэтому Комитетъ рѣшилъ принять другія мѣры для пособія крестьянамъ, именно позаимствовать изъ продовольственнаго капитала другихъ губерній 1 м. р. Государь положилъ резолюцію: «*согласенъ, считалъ бы весьма полезнымъ открыть, какъ предполагалось прежде, работы по шоссе отъ Рославля къ Орлу, обратя хотя часть изъ сего новаго милліона на плату за сію работу*». Но и относительно разбивки камня для шоссе Рославль-Орелъ гр. Клейнмихель представлялъ въ Комитетъ, что работы эти можно будетъ начать только съ весны, а теперь нельзя, потому что еще вся мѣстность покрыта снѣгомъ; министръ внутреннихъ дѣлъ возражалъ, что съ весны большая часть крестьянъ должна будетъ обратиться къ воздѣлыванію своихъ полей. Работы были открыты; изъ за расчета по нимъ воз-

---

1) 1851 г., №№ 1938 и 1982.

никло большое дѣло. Рабочіе-крестьяне, дѣлавшіе шоссе, подали жалобы на своего подрядчика Вонлярлярскаго; послѣдній, съ своей стороны, заявилъ, что онъ признаетъ справедливыми претензіи рабочихъ на 400.000 р., на уплату которыхъ вполнѣ достаточна та сумма, которая слѣдуетъ ему, Вонлярлярскому, отъ главнаго управленія путей сообщенія; Вонлярлярскій прибавлялъ, что не сомнѣвается въ справедливомъ рѣшеніи дѣла въ его пользу и, получивъ деньги, онъ разсчитается съ рабочими и заплатитъ имъ и за ожиданіе денегъ, тѣмъ болѣе, что долги эти произошли отъ довѣрія крестьянъ къ нему,—довѣрія, пріобрѣтеннаго многими годами, а съ его стороны долги допущены отъ увѣренности его въ святости контракта. На этомъ журналѣ Комитета Высочайшая замѣтка: «*объ этомъ производится особое дѣло, и я жду его окончанія, дабы рѣшить, справедливо ли нареканіе въ несвоевременной уплатѣ*» и Высочайшая резолюція: «*Г. Клейнмихелю теперь же отпустить 400.000 р. министру внутреннихъ дѣлъ для удовлетворенія претензій г. Лярскаго; самое же дѣло объ слѣдуемыхъ г. Лярскому по контракту деньгахъ, не доплаченныхъ ему, вести своимъ порядкомъ и кончить немедля,—все это исполнить не позже завтра*» [1]).

При журналѣ записка о томъ, что выписки изъ журнала сообщены 29-го же Февраля (въ это число слушалось дѣло); отъ 1-го Марта докладъ гр. Клейнмихеля о необходимости ассигновать 400.000 р. изъ министерства финансовъ, съ Высочайшею помѣтою на немъ: «*во избѣжаніе потери времени 400.000 р. требовать отъ М. Ф., но считая въ долгу на Управленіи П. С. доколѣ споръ между онымъ и с. с. Лярскимъ не будетъ рѣшенъ; имѣнія же сего послѣдняго считать обезпеченіемъ сей выдачи, ежели бы по окончаніи дѣла оказаться могло, что ему ничего отъ правленія болѣе не слѣдуетъ, въ чемъ я все еще сомнѣваюсь*».

Общественныя работы не удалось сразу организовать такъ, чтобы помощь, оказываемая правительствомъ населенію въ трудные годы, была дѣйствительно только платою за трудъ. Дѣло это требовало гораздо большей подготовки и расчета, чѣмъ тѣ, которыми располагало правительство, начиная работы: можно сказать, что работы эти при Императорѣ Николаѣ I были скорѣе опытомъ, чѣмъ настоящими работами.

Одновременно съ организаціей общественныхъ работъ,

---

1) 1852 г., № 237.

правительствомъ испытаны были и другія средства обезпечить народное продовольствіе. Оренбургскій военный губернаторъ ген. Перовскій подалъ мысль устроить общественныя запашки, на которыя указывалъ Комитету Министровъ еще В. С. Ланской, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; мысль эта очень понравилась Государю, который приказалъ Комитету разсмотрѣть предложеніе и сдѣлать въ немъ, если потребуется, нѣкоторыя измѣненія и дополненія.

Главный промыселъ въ Оренбургскомъ краѣ, писалъ военный губернаторъ,—скотоводство, не требующее отъ казака ни трудовъ, ни усилій и тѣмъ не менѣе дающее ему возможность вести жизнь полукочевую, лѣнивую; однако, выгоды отъ торговли хлѣбомъ въ Киргизскихъ степяхъ и собственная необходимость заставили казаковъ заняться и земледѣліемъ. Вообще хлѣбъ здѣсь, т. е. въ Оренбургскомъ краѣ, орудіе власти: такъ запрещеніе вывоза хлѣба въ степь всегда имѣетъ больше успѣха, чѣмъ военныя экспедиціи; въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія пахатныя земли въ 1823 г. обложены были особымъ налогомъ, но, по указаннымъ выше соображеніямъ о важности земледѣлія, генералъ-губернаторъ предлагалъ налогъ этотъ уничтожить, а взамѣнъ его ввести новый налогъ на скотоводство и, кромѣ того, завести общественныя запашки; главныя черты ихъ устройства должны быть слѣдующія:

1) каждый казакъ обязанъ на общественномъ полѣ ежегодно посѣять пудъ хлѣба, что черезъ два года составитъ уже болѣе половины годовой пропорціи;

2) постоянный урожай опредѣляется какъ самъ—$3^1/_2$, излишекъ же до составленія запасовъ (8 п. 10 ф. на человѣка) продается въ казну; по составленіи годоваго запаса отъ каждаго казака поступаетъ въ войсковой запасъ только по 1 пуду до образованія двухгодичнаго запаса;

3) запасы эти предполагалось образовать въ 12 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ опредѣлялась постоянная цѣна хлѣба по 6 р. $52^1/_2$ коп. за четверть;

4) хлѣбъ этотъ дозволялось начальству продавать и въ частныя руки и отправлять въ степь.

Для храненія хлѣба устраиваются особые склады подъ надзоромъ смотрителей, которые должны быть заинтересованы въ правильномъ веденіи дѣла назначеніемъ имъ про-

центнаго вознагражденія съ выручаемыхъ отъ продажи суммъ; далѣе предполагалось устройство мельницъ, на которыхъ общественный хлѣбъ перемалывали бы даромъ, а частный — по установленнымъ цѣнамъ, и, наконецъ, для наученія казаковъ улучшеннымъ пріемамъ земледѣлія заводилась въ краѣ образцовая ферма и назначались преміи за хлѣбопашество. Генералъ-губернаторъ считалъ введеніе этого порядка весьма выгоднымъ для казны, не говоря уже о благодѣтельномъ его вліяніи на край. Мысль г.-ад. Перовскаго была одобрена Комитетомъ, который положилъ ввести ее въ видѣ опыта [1]).

Но общественныя запашки не прививались въ Россіи. По крайней мѣрѣ въ 1846 г. Государь Николай Павловичъ рѣшилъ привести С.-Петербургскій и Царскосельскій уѣзды въ образцовое состояніе по всѣмъ предметамъ полицейскаго управленія и сельскаго благоустройства съ тѣмъ, чтобы порядки этихъ уѣздовъ были впослѣдствіи примѣромъ и для другихъ губерній и уѣздовъ. Съ этою цѣлью открытъ былъ главный комитетъ, въ которомъ приняли участіе: Его Высочество Цесаревичъ и министры двора, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ открытъ былъ и особый губернскій комитетъ.

Относительно устройства продовольствія крестьянъ поручено было уѣзднымъ предводителямъ дворянства объяснить дворянству и принадлежащимъ ему крестьянамъ всю пользу отъ введенія общественныхъ запашекъ и пригласить дворянъ этихъ двухъ уѣздовъ къ составленію приговоровъ о запашкахъ. Отвѣты дворянскихъ собраній на приглашеніе правительства весьма любопытны.

Собраніе дворянъ С.-Петербургскаго уѣзда рѣшило, что общественныя запашки могутъ быть однимъ изъ надежнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ для составленія запасовъ, но не для Петербургскаго уѣзда; онѣ вполнѣ пригодны въ мѣстахъ многоземельныхъ, плодородныхъ, не требующихъ удобренія, но именно этихъ то условій и нѣтъ въ Петербургскомъ уѣздѣ, крестьяне котораго довольствуются покупнымъ хлѣбомъ, такъ какъ главное ихъ занятіе промыслы, особенно извозъ, а не земледѣліе; а потому имъ выгоднѣе имѣть хлѣбные запасные магазины или продовольственный капиталъ. Со-

---

1) 1835 г., № 367.

браніе Царскосельскихъ дворянъ признало введеніе у себя общественныхъ запашекъ совершенно неудобнымъ: на запашки крестьяне должны будутъ свозить свой наземъ и, слѣдовательно, ихъ собственные участки останутся почти безъ удобренія, такъ какъ въ общемъ у нихъ очень мало скота, почему Царскосельское собраніе и рѣшило: для приведенія дѣла въ образцовое положеніе обязать крестьянъ вносить въ мірскіе магазины двойную пропорцію. Доводя объ этихъ приговорахъ до свѣдѣнія Комитета, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ, что нѣтъ надобности по состоянію хозяйствъ, т. е. весьма скудныхъ средствами большинства хозяйствъ, вводить двойное обложеніе, когда недоимка по уѣздамъ равняется $^1/_2$—$^1/_3$ оклада; Комитетъ остановился на денежномъ сборѣ, какъ наиболѣе пригодномъ для этихъ уѣздовъ [1]), что было утверждено Государемъ.

Другой генералъ-губернаторъ, Харьковскій, кн. Долгоруковъ обратилъ вниманіе правительства на чрезмѣрное колебаніе въ Россіи хлѣбныхъ цѣнъ, что крайне невыгодно отражалось на продовольственномъ дѣлѣ. Единственный почти источникъ малорусскаго дворянства—земледѣліе, писалъ кн. Долгоруковъ въ 1842 г. почти то же, что предшественникъ его кн. Репнинъ писалъ въ 1820—1821 гг.; при хорошихъ урожаяхъ и отсутствіи сбыта они продаютъ хлѣбъ за безцѣнокъ, употребляютъ его на винокуреніе; отсюда при неурожаѣ у помѣщиковъ нѣтъ ни хлѣбныхъ запасовъ, ни возможности производить платежи, отчего по тремъ управляемымъ кн. Долгоруковымъ губерніямъ (Харьковской, Черниговской и Полтавской) накопилось недоимокъ уже до $11^1/_2$ м. р. сер. Генералъ-губернаторъ предлагалъ дозволить помѣщикамъ уплатить часть недоимокъ хлѣбомъ и такимъ путемъ составить государственные запасы хлѣба и обезпечить народное продовольствіе; цѣну, по которой хлѣба должны были быть принимаемы отъ помѣщиковъ, проектъ опредѣлялъ нѣсколько меньшую противъ стоявшихъ тогда (вмѣсто 11 р. 53 к.—9 р.); хлѣбные запасы предполагалось хранить въ ямахъ и на первый годъ дозволялось хлѣбомъ вносить только четвертую часть недоимокъ. Кн. Долгоруковъ отстаивалъ свой проектъ, представляя, что онъ есть единственное средство спасти очень мно-

---

1) 1846 г., № 1567.

гихъ помѣщиковъ отъ разоренія. Комитетъ не могъ отнестись къ этому проекту съ сочувствіемъ, потому что замѣна денежныхъ повинностей натуральными не отвѣчала тогдашнему положенію вещей, но въ виду крайности, т. е. въ виду разоренія, угрожавшаго многимъ помѣщикамъ, Комитетъ рѣшилъ позволить эту мѣру, опять въ видѣ опыта, которую разрѣшить только тѣмъ помѣщикамъ, которые полностью заплатятъ подати за текущій годъ. Рѣшительно противъ этой мѣры былъ, какъ и слѣдовало ожидать, министръ финансовъ, который находилъ самую мысль неудачною, а ограниченіе, сдѣланное Комитетомъ, — преимуществомъ богатымъ помѣщикамъ или косвеннымъ поощреніемъ не платить податей въ слѣдующіе годы. Но резолюція Государя была такова: «*нахожу мысль кн. Долгорукова весьма полезною, составить правила для исполненія въ комитетѣ изъ министра финансовъ, министра внутреннихъ дѣлъ и г. ад. Киселева, Клейнмихеля и кн. Долгорукова и представить мнѣ на утвержденіе*» [1]).

Эту же цѣль преслѣдовалъ другой проектъ, энергично проводимый тогда принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ,— проектъ о выдачѣ помѣщикамъ ссудъ подъ залогъ хлѣба для обезпеченія народнаго продовольствія и удержанія хлѣбныхъ цѣнъ. Сначала этотъ проектъ былъ признанъ неудобнымъ, но въ 1844 г. извлеченія изъ него сообщены были принцемъ Ольденбургскимъ Комитету, который положилъ затребовать мнѣнія губернаторовъ и предводителей дворянства. На отчетѣ принца Ольденбургскаго о дѣятельности за 1845 г. Вольно-Экономическаго Общества о проектѣ этомъ Государемъ написано было: «*не помню, чѣмъ кончилось дѣло о семъ проектѣ, коего пользу вполнѣ признаю*». Тогда въ 1846 г. Комитетъ Министровъ нашелъ, что ссуды, конечно, помогутъ многимъ помѣщикамъ удержать свой хлѣбъ и не сбывать его по дешевымъ цѣнамъ; что на выдачу этихъ ссудъ есть капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія, но что въ такомъ важномъ дѣлѣ необходимо сначала произвести опытъ, и такъ какъ Пензенскій предводитель дворянства высказался безусловно за проектъ, какъ необходимый, а Тамбовскій, Воронежскій и Саратовскій предводители находили его полезнымъ, то Комитетъ Министровъ и полагалъ образовать въ этихъ четырехъ губерніяхъ комитеты для

[1]) 1842 г., № 714.

выработки: а) правилъ производства ссудъ, б) размѣра и в) обезпеченія ихъ. Принцъ Ольденбургскій возразилъ противъ такого постановленія, что опыты четырехъ губерній ничего не докажутъ: въ нихъ не окажется покупателей, а помѣщики будутъ просить огромныхъ ссудъ: если въ промышленныхъ губерніяхъ не установятся одновременно цѣны съ губерніями хлѣбородными, то и опытъ ничего не докажетъ. Комитетъ положилъ принять это мнѣніе во вниманіе тогда, когда будутъ разсматриваться правила, выработанныя 4-мя губерніями; для предварительнаго же разсмотрѣнія дѣла образованъ былъ уже въ Петербургѣ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, но Комитетъ Министровъ нашелъ необходимымъ учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго [1]). Особый комитетъ въ своемъ представленіи указывалъ прежде всего на то странное, но несомнѣнное явленіе, что для страны невыгодны были и неурожайные годы, и годы съ хорошимъ урожаемъ: въ первые годы страна терпѣла недостатокъ, во вторые—убытокъ. Цѣль проекта установить среднія цѣны и слѣдовательно составить запасы: отъ одного нравственнаго убѣжденія въ производителяхъ и купцахъ, что первые освобождены отъ разорительной необходимости продавать, а послѣдніе лишены возможности покупать хлѣбъ за безцѣнокъ,—слѣдуетъ ожидать самыхъ удовлетворительныхъ послѣдствій въ хлѣбной торговлѣ. Можно предполагать, что новая операція не потребуетъ особо значительныхъ капиталовъ; но правительство должно отдѣлить приблизительно 20 м. р. на это дѣло; опытъ особый комитетъ предполагалъ начать съ наиболѣе пострадавшихъ губерній—Псковской, Витебской и Могилевской. Министръ внутреннихъ дѣлъ высказался за проектъ съ тѣмъ, чтобы, какъ дополненіе къ нему, учреждены были дворянскіе банки, которые платили бы по вкладамъ 4%, а брали бы по 6%; министръ финансовъ нашелъ невозможнымъ отдѣлять 20 м. р. для этой операціи особенно послѣ манифеста 1840 г. Іюля 17-го (о неприкосновенномъ фондѣ до окончательнаго обмѣна ассигнацій), и такъ какъ принцъ Ольденбургскій заявилъ, что сохранныя казны могутъ опредѣлить на это дѣло 500.000 р., то Комитетъ призналъ, что на первый разъ этихъ

---

[1]) 1846 г., № 2166.

денегъ будетъ достаточно [1]). Положеніе это было утверждено.

Такимъ образомъ, такое важное дѣло начато было съ ничтожнымъ капиталомъ: между тѣмъ въ томъ же 1847 г. множество барокъ съ хлѣбомъ зазимовало на Волгѣ и Шекснѣ; огромные капиталы изъяты были, докладывалъ министръ финансовъ, временно изъ народнаго обращенія; рѣшено было выдать ссуды купечеству подъ хлѣбъ на баркахъ; затѣмъ составлены были правила и для выдачи ссудъ подъ хлѣбъ помѣщикамъ и положено было произвести опытъ все-таки въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, какъ-то: Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской и Курской [2]). Недостатокъ въ деньгахъ не позволилъ осуществить эту операцію, такъ какъ она была задумана составителями проекта, а потому она и не принесла той пользы, на которую разсчитывали. Гр. Киселевъ обратилъ вниманіе правительства на угрожающее положеніе, которое занялъ въ Россіи продовольственный вопросъ; такихъ издержекъ, по его словамъ, не имѣло никакое другое государство, а послѣдствіями жертвъ государства было только то, что народъ всѣ субсидіи свои обращалъ на пьянство. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне уже съ буйствомъ требовали хлѣба и денегъ, нисколько не заботясь объ улучшеніи собственнаго хозяйства, а земля, не получая удобренія, съ каждымъ годомъ выпахивалась и теряла свою производительную силу. Не касаясь того, что онъ считалъ главными причинами зла,—соблазнъ питейныхъ домовъ и неустройство путей сообщенія,—Киселевъ настаивалъ на прекращеніи даровой раздачи хлѣба; онъ указывалъ на успѣхъ мѣры, принятой въ Гдовскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне получали хлѣбъ только послѣ уплаты половины его цѣны и предлагалъ обобщить эту мѣру. Обсужденіе этого предмета не входило въ компетенцію Комитета, но совершенно ясно опредѣлилъ гр. Киселевъ опасность той политики, при которой ссуды играли первенствующую роль. Остальныя указанныя выше мѣропріятія имѣли значеніе второстепенное и даже третьестепенное.

Но это только отсрочивало грозящую бѣду; нужны были коренныя мѣры и только послѣ принятія ихъ можно было

---

1) 1847 г., № 543.
2) 1847 г., №№ 972, 1289 и 1790.

считать дѣло поправимымъ. Сознано это было сначала по отношенію къ западнымъ губерніямъ.

Тамъ трудное положеніе населенія съ особенною силою сказалось. Можно утверждать, что съ 1820 г., перваго значительнаго неурожая въ XIX столѣтіи, западныя губерніи,—Псковская, Витебская, Смоленская, Могилевская и Минская,—не переставали озабочивать правительство, но всѣ принимаемыя мѣры мало помогали и привели эти губерніи къ разстройству. Въ 1835 г. Комитетъ относительно Витебской губерніи призналъ, что она уже съ давняго времени находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и что поэтому Комитетъ считаетъ теперь полезнымъ обратить вниманіе на эту губернію всѣхъ министерствъ, которыя своими дѣйствіями могутъ способствовать поправленію состоянія губерніи. Такія постановленія Комитета не приносили помощи населенію; въ 1846 г. Комитетъ Министровъ снова въ виду затруднительнаго положенія этихъ губерній допустилъ нѣсколько мѣръ для облегченія населенія: 1) разсрочку слѣдуемыхъ за этотъ годъ платежей въ кредитныя установленія на остальное время займовъ; 2) безплатную выдачу паспортовъ по 1 Ноября 1846 г. податнымъ состояніямъ; 3) частные долги положено было не считать препятствіемъ къ правительственной ссудѣ; 4) выдачу ссудъ и такимъ помѣщикамъ, имѣнія которыхъ заложены были въ кредитныхъ установленіяхъ въ полномъ банковомъ размѣрѣ. Но этихъ льготъ оказывалось недостаточно. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Сенявинъ посланъ былъ осмотрѣть эти губерніи; первыя полученныя отъ него донесенія были сравнительно хороши; онъ писалъ о Ковенской губерніи, что нѣтъ особыхъ основаній опасаться за нее. Изъ Псковской губерніи сначала было получено донесеніе сен. Пещурова весьма тревожное. Сен. Пещуровъ доносилъ, что Псковскіе помѣщики своими средствами прокормили крестьянъ своихъ до 1 Января, правительственнаго пособія имъ хватитъ до 1 Апрѣля, а затѣмъ до 1 Августа нужно еще отпустить около 1 м. р., впрочемъ, писалъ Пещуровъ, въ дѣйствительности можно будетъ отпустить 800.000 р. въ расчетѣ, что не всѣ помѣщики потребуютъ новыхъ ссудъ. Въ Комитетѣ министръ финансовъ призналъ необходимымъ получить болѣе точныя свѣдѣнія; почему и по заключенію Комитета состоялось Высочайшее повелѣніе: «*сенаторъ Пещу-*

ровъ можетъ возвратиться. Т. м. в. д. Сенявину на обратномъ пути удостовѣриться, въ какой степени нужна еще помощь, а до того времени отпускомъ повременить» [1]). Но въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Комитетъ постоянно назначалъ значительныя суммы въ помощь пострадавшимъ губерніямъ: Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Виленской, Могилевской, Псковской, Минской.

Постановленіе, чтобы выдавать ссуды только по тѣмъ имѣніямъ, долги которыхъ не превышаютъ установленныхъ размѣровъ, не могло быть сохранено въ силѣ. Бар. Корфъ, владѣвшій казеннымъ старостномъ въ 5,998 рев. душъ (имѣніе это находилось въ арендѣ рода Корфовъ еще съ 1735 г.), просилъ оказать ему ссуду, заявляя, что онъ не въ состояніи выполнить той статьи контракта, по которой онъ обязанъ помогать крестьянамъ и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ въ случаяхъ неурожая, града, пожара и т. п. Гр. Киселевъ предложилъ Комитету назначить бар. Корфу ссуду въ 40.000 р. на 6 лѣтъ. Комитетъ разсуждалъ такъ, что разъ обязательства не исполнены, то слѣдовало бы взять имѣніе въ казну, но въ такомъ случаѣ правительству придется затратить на одно это староство значительныя деньги, возвратить которыя съ крестьянъ впослѣдствіи будетъ трудно; поэтому Комитетъ положилъ выдать Корфу ссуду. Статью эту Государь приказалъ «*представить особо*», но затѣмъ утвердилъ положеніе Комитета [2]). Это былъ, конечно, частный случай, но скоро обнаружилось, что, вслѣдствіе двухгодичныхъ неурожаевъ, владѣльцы лишены были всякихъ доходовъ; падежъ лошадей, скота, необходимость пріобрѣтать хлѣбъ и сѣмена по дорогой цѣнѣ—привели въ упадокъ даже благоустроенныя имѣнія. Повторилось то же явленіе, которое поставило въ затрудненіе Комитетъ въ 1822 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1846 г., какъ предшественникъ его въ 1822 г., докладывалъ Комитету, что учрежденіе опекъ надъ всѣми тѣми помѣщичьими имѣніями, по которымъ долги превышаютъ установленный размѣръ, можетъ затруднить губернскія начальства въ прінсканіи хорошихъ опекуновъ, а съ другой стороны, учрежденіе опекъ по тѣмъ имѣніямъ, по которымъ видно хорошее

1) 1846 г., № 117.
2) 1846 г., № 54.

управленіе самихъ владѣльцевъ, не можетъ принести пользы; поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету измѣнить нѣсколько означенное постановленіе, положивъ назначать опеки съ разборомъ по опредѣленіямъ коммисій народнаго продовольствія, съ утвержденія его, министра внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ согласился съ этимъ представленіемъ: по правиламъ 1834 г. Октября 25 положено брать въ опеку такія имѣнія, по которымъ недоимокъ накопилось болѣе годоваго платежа, и такія, въ которыхъ приходилось правительству принимать мѣры къ продовольствію крестьянъ; теперь, въ виду выяснившихся затрудненій, Комитетъ полагалъ пояснить эти правила слѣдующимъ образомъ:

1) надъ имѣніями помѣщиковъ, долги которыхъ по сдѣланнымъ имъ пособіямъ превышаютъ установленный для ссудъ размѣръ, учреждать опеки или администраціи въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда помѣщикъ окажется неисправнымъ въ возвратѣ по срокамъ выданныхъ ему заимообразно пособій, и на имѣніи его накопится въ недоимкѣ болѣе годоваго платежа и когда по неисправности владѣльцевъ правительство вынуждено продовольствовать его крестьянъ;

2) слѣдуетъ учреждать предпочтительно предъ опеками администраціи;

3) недоимки въ платежахъ владѣльцевъ считаются *исключительно* по ссудамъ, выданнымъ изъ кредитныхъ установленій или государственнаго казначейства, но *не* распространяются на ссуды изъ продовольственнаго капитала и другихъ мѣстныхъ капиталовъ [1]). Это положеніе было утверждено.

Задолженность владѣльцевъ имѣній росла настолько, что имъ уже трудно было платить въ неурожайные годы % по сдѣланнымъ займамъ, и какъ въ двадцатыхъ годахъ, такъ и въ сороковыхъ годахъ правительство избѣгало случаевъ учрежденія опекъ или администрацій надъ имѣніями дворянъ; правительство шло на значительныя уступки, лишь бы избѣжать печальной необходимости—учрежденія многихъ опекъ и администрацій.

Въ 1846 г. Государемъ отправленъ былъ въ Псковскую губернію фл.-ад. Опочининъ; рапортъ его былъ препрово-

1) 1846 г., № 396.

жденъ въ Комитетъ съ надписью Государя: «*Ужасный рапортъ, сообщить въ Комитетъ Министровъ*».

Опочининъ писалъ, что вообще народное продовольствіе Псковской губерніи можно считать обезпеченнымъ до новаго урожая, за исключеніемъ уѣздовъ Опочецкаго, Островскаго и Новоржевскаго и мелкопомѣстныхъ имѣній прочихъ уѣздовъ. Въ Опочецкомъ уѣздѣ Опочинина поразили: дурное качество земли, истощенной постоянными посѣвами льна, почти повальный падежъ скота и дороговизна хлѣба, отчего назначенный размѣръ ссудъ для этого уѣзда оказывался недостаточнымъ. Тѣмъ не менѣе народное здравіе въ этомъ уѣздѣ оказалось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ губерніи, такъ какъ нервныя горячки встрѣчались только спорадически, тогда какъ въ Псковскомъ и Холмскомъ горячки были повальныя, а въ Порховскомъ уѣздѣ былъ «тифусъ». Опочининъ указывалъ на недостатокъ во врачахъ и фельдшерахъ, указывалъ, что мѣстами учреждены временныя больницы, но онъ считаетъ ихъ скорѣе вредными, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ, въ бѣльѣ и т. п.; нѣкоторыя распоряженія мѣстныхъ властей Опочининъ называлъ «недоразумѣніями», какъ, напр., распоряженіе правительства о безплатной выдачѣ паспортовъ понято было въ губерніи превратно и выдавали паспорты старцамъ и малолѣтнимъ, неспособнымъ къ работѣ, чѣмъ только увеличилось число нищихъ. Жалобъ на злоупотребленія помѣщичьей власти Опочининъ принялъ много, но почти всѣ онѣ оказались, по его словамъ, вымысломъ крестьянъ, негодующихъ на то, что имъ даютъ лишь необходимое, а не избыточное; нѣтъ сомнѣнія, прибавлялъ Опочининъ, что не всѣ помѣщики всѣ полученныя деньги употребляютъ на продовольствіе крестьянъ, но положительно можно сказать, что таковые составляютъ рѣдкое исключеніе и губернское начальство съ своей стороны не щадитъ виновныхъ и недавно еще взято было въ опеку имѣніе Прибыткова, который не только не помогалъ своимъ крестьянамъ, но въ этотъ бѣдственный годъ со строгостью взыскивалъ съ нихъ оброкъ. Въ заключеніе же Опочининъ писалъ, что и при «благословеннѣйшемъ» урожаѣ губернія еще долго не выйдетъ изъ весьма бѣдственнаго состоянія, въ особенности потому, что нравственность крестьянъ какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ совершенно испорчена. Повторявшіеся неурожаи отбили, какъ они выра-

жаются, у нихъ охоту отъ сохи; пособія и льготы, оказываемыя имъ правительствомъ и помѣщиками, пріучили ихъ къ безпечности и даровому безтрудному хлѣбу, а безразборчивость, съ которою отпускали крестьянъ на мнимые заработки въ другія губерніи, познакомила ихъ съ нищенствомъ и тунеядствомъ [1]).

Выслушавъ этотъ любопытный рапортъ, Комитетъ распорядился передать его министрамъ, чтобы приняты были зависящія отъ нихъ мѣры. Тѣмъ временемъ, Ковенскій губернаторъ обратился къ правительству съ запросомъ по слѣдующему аналогичному дѣлу: Ковенская губернія скудна лугами, отчего жители не могутъ заводить скота, поля же—неплодородны, потому въ губерніи началъ развиваться посѣвъ льна и даже въ такой степени, что отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ полей, прежде отводимыхъ подъ яровые, теперь отводится подъ ленъ. Въ виду того, что ленъ истощаетъ сильно почву, и что, слѣдовательно, за временнымъ улучшеніемъ послѣдуетъ постепенное ухудшеніе условій хозяйства, губернаторъ просилъ установить правило: дозволять отводить подъ ленъ не болѣе $^1/_6$ части поля. Донесеніе Ковенскаго губернатора поступило въ Комитетъ съ Высочайшею резолюціею: «*сообразить, можно ли принять предлагаемую мѣру ограниченія посѣва льна*». Противъ предложенія губернатора высказался гр. Киселевъ: посѣвы льна, говорилъ онъ, истощаютъ почву, но ограниченіе свободы посѣвовъ едва ли можетъ быть полезно въ политико-экономическомъ отношеніи: установленіе закона будетъ имѣть слѣдствіемъ только—стѣсненія и злоупотребленія; для помѣщичьихъ имѣній оно имѣло бы даже видъ нарушенія правъ частной собственности, а въ казенныхъ—трудно наблюденіе за соблюденіемъ закона при душевомъ раздѣлѣ и неизвѣстности въ точности границъ владѣнія. Въ западно-европейскихъ государствахъ правительственныхъ мѣръ къ ограниченію посѣвовъ льна до сихъ поръ не принимается, только писатели-агрономы совѣтуютъ умѣрять эти посѣвы тамъ, гдѣ недостаточно унавожена земля. Предлагаемое ограниченіе, по мнѣнію гр. Киселева, послужитъ только къ выгодѣ иностранцевъ; въ подобныхъ случаяхъ полезнѣе дѣйствовать административными мѣрами для распространенія раціональнаго хозяйства. Съ министромъ государственныхъ иму-

1) 1846 г., № 1090.

ществъ совершенно согласился министръ внутреннихъ дѣлъ, признавая эту мѣру неудобною, особенно для помѣщичьихъ имѣній: нѣтъ у помѣщиковъ хлѣба, за то есть деньги. Мнѣніе это было принято и Комитетомъ и Государемъ [1]).

Неурожай не ограничился въ этихъ мѣстахъ 1846 г., онъ продолжался и въ 1847 г. Съ этого времени самою обычною мѣрою Комитета для облегченія населенія становится опредѣленіе: не употреблять принудительныхъ мѣръ при взысканіи податей, причемъ положеніе это запрещалось дѣлать гласнымъ, чтобы не подать повода и другимъ просить о томъ же; но мѣра эта принималась такъ часто, что едва ли секретъ ея сохранялся на дѣлѣ; по крайней мѣрѣ въ 1846—1847 г.г. она принята была Комитетомъ относительно Псковской губерніи, Витебской, Калужской, по нѣкоторымъ уѣздамъ Петербургской, Орловской, Новороссійскихъ и др. губерній. Витебская губернія опять была въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ: предводители дворянства просили выдавать въ ссуду по 8 р. на душу, исключить изъ ревизскихъ списковъ умершихъ съ 1 Января 1845 г. по 1 Января 1847 г.; взысканіе текущихъ податей пріостановить на 2 года, платежъ процентовъ уменьшить въ половину на 15 лѣтъ, всѣ пени сложить; недоимки тоже разсрочить на 15 лѣтъ; пополненіе запасныхъ магазиновъ разсрочить на 10 лѣтъ; возвратить въ три мѣсяца всѣхъ безпаспортныхъ; почтосодержателямъ прибавить на лошадь по 20 р., но не изъ земскихъ сборовъ, а изъ казны; уплату займовъ разсрочить на 52 года. Генералъ-губернаторъ значительно убавилъ эти требованія дворянства, найдя достаточнымъ отпустить на ссуды 500.000 р.; такого же мнѣнія былъ и Сенявинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, находившій достаточнымъ отпустить не всѣмъ помѣщикамъ, а большей ихъ части по 4—6 р. на душу, выдавая также безплатные паспорта жителямъ. Это мнѣніе и было принято [2]).

Результатъ всѣхъ этихъ разсрочекъ, отсрочекъ и т. п. мѣръ былъ вполнѣ естественный: въ 1851 г. Витебскій губернскій предводитель дворянства представилъ о бѣдственномъ положеніи помѣщиковъ губерніи: масса ежегодныхъ платежей давила ихъ, а въ этомъ году снова случился неурожай:

1) 1846 г., № 1406.
2) 1846 г., № 2355.

запасовъ хлѣба не было, средствъ не было и не было права брать новыя ссуды. Для облегченія положенія онъ просилъ отъ имени дворянства: податную недоимку за прошлые неурожайные годы сложить, взятыя въ казнѣ въ эти годы деньги разсрочить на 37 лѣтъ, дозволить позаимствованный хлѣбъ возвратить въ урожайные годы; взысканіе недоимокъ и ссудъ отложить до 1854 г. Витебская продовольственная коммисія съ своей стороны просила выдать 500.000 р. и 9,556 четв. хлѣба въ ссуду; генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ заявилъ, что сложеніе недоимокъ будетъ большимъ благодѣяніемъ для населенія, но при всемъ томъ всего этого будетъ недостаточно для того, чтобы прокормить населеніе до будущаго урожая. Комитетъ положилъ выслать въ Витебскъ деньги изъ продовольственныхъ капиталовъ другихъ губерній; податную недоимку съ убылыхъ душъ сложить; позволить возвратъ ссудъ сдѣлать хлѣбомъ и денежныя ссуды разсрочить на 20 лѣтъ [1]). Затѣмъ по этой губерніи, равно какъ Могилевской, Смоленской, Минской положено было не употреблять строгихъ мѣръ при взысканіи разнаго рода недоимокъ, отсрочены платежи процентовъ въ кредитныя установленія [2]); но по Витебской губерніи при раздачѣ денежныхъ ссудъ рѣшено было Комитетомъ держаться правила: выдавать только тѣмъ, за кѣмъ на имѣніи долга казеннаго не больше 125 р. на душу, а если нужно и тѣмъ, у кого долгъ выше этой нормы, имѣнія такихъ брать въ опекунское управленіе [3]). Государь утвердилъ эту статью словомъ: «*исполнить*». Министръ внутреннихъ дѣлъ послѣ этого спросилъ генералъ-губернатора, не нужно ли эту же мѣру распространить и на Смоленскую губернію, ибо правительство, по словамъ министра, никогда не отказывало въ ссудѣ всѣмъ нуждающимся, но оно никогда не принимало на себя обязательства удовлетворенія всѣхъ потребностей помѣщиковъ, которые обязаны по закону сами озаботиться о прокормленіи своихъ крестьянъ; при этомъ министръ объяснялъ, что брать ссуды деньгами всегда много охотниковъ, а хлѣбъ берутъ только въ случаѣ крайней необходимости, напр. въ Рославлѣ изъ заготовленнаго хлѣба донынѣ помѣщиками ничего не было требуемо, также и въ

[1]) 1851 г., № 1915.
[2]) 1852 г., №№ 313—314, 402—403.
[3]) 1852 г., № 308.

Торопцѣ всѣ отказывались отъ ссудъ хлѣбомъ [1]). Совершенно также Комитетъ разсуждалъ и въ 1853 г., когда начальство Могилевской губ. просило также большой ссуды; министръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ въ Комитетѣ, что всѣ льготы, оказываемыя правительствомъ, только увеличиваютъ сумму долговъ на губерніи, дошедшую уже до $17^1/_2$ милл. р., поэтому рѣшительно лучше выдавать ссуды не деньгами, а хлѣбомъ [2]).

Оффиціальную, полную безотрадныхъ фактовъ, картину положенія, въ которомъ находилось продовольственное дѣло въ Бѣлоруссіи, даетъ рапортъ ген.-ад. Павла Николаевича Игнатьева (впослѣдствіи графа). Рапортъ этотъ былъ внесенъ въ Комитетъ съ такою Высочайшею помѣтою: «*Въ Комитетъ Министровъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ г.г. министры прочли и убѣдились, въ какомъ страшномъ положеніи сіи губерніи находятся, и что однѣми законными мѣрами край сей не только никогда не подымется, но окончательно пропадетъ; нужны экстренныя и крутыя мѣры, которыя министру внутреннихъ дѣлъ обсудить и представить на разсмотрѣніе Комитета, не стѣсняясь законными формами*». Ген. Игнатьевъ писалъ: при проѣздѣ по Могилевской и Витебской губерніямъ онъ находилъ цѣлыя деревни, въ коихъ нельзя было отыскать куска хлѣба; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ему давали хлѣбъ, весьма похожій на торфъ, въ другихъ показывали тщательно завернутые ломти хлѣба, исключительно сохраняемые для дѣтей. По Витебской губерніи хлѣбъ еще рѣже составляетъ обычную пищу для жителей, которые кормятся грибами и разными сырыми веществами; эта нищета крестьянъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что въ самыхъ мелкопомѣстныхъ городахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ между обвалившимися постройками замѣчаются несомнѣнные слѣды прежней роскоши. Ген.-ад. Игнатьевъ предлагалъ: неисправныя имѣнія немедленно продавать, предоставивъ почетнымъ гражданамъ право покупать въ Бѣлоруссіи населенныя имѣнія; постановить правило, что никто не обязанъ платить корчмарю за вино, взятое въ долгъ; ввести инвентари и т. д. Ген. Бибиковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, представилъ въ Комитетъ нѣкоторыя возраженія на мнѣніе Игнатьева: онъ признавалъ пользу отъ введенія инвен-

1) 1852 г., № 355.
2) 1853 г., № 662.

тарей, но—только въ будущемъ. Что же дѣлать теперь? Всѣ неисправныя имѣнія взять въ опеку или продать? Но мѣра эта едва ли возможна: мѣстныхъ средствъ недостаточно и для производства описи имѣніямъ и для завѣдыванія имѣніями; назначить ихъ въ продажу—значитъ окончательно уронить ихъ цѣну, а покупщиковъ ожидать трудно. Поэтому, чтобы помочь этимъ губерніямъ, ген. Бибиковъ предложилъ:

1) Всѣ казенныя недоимки по податямъ, земскимъ и другимъ сборамъ отсрочить съ 1 Января на 10 лѣтъ, не распространяя этой мѣры на тѣхъ помѣщиковъ, за которыми болѣе 500 душъ крестьянъ.

2) Такъ же поступить относительно платежа процентовъ по ссудамъ изъ продовольственнаго капитала.

3) Объявить, что больше этихъ льготъ никакихъ не будетъ.

4) Съ 1 Января 1854 г. держаться правила: какъ только накопится недоимокъ до 86 к. на душу, и совокупность всѣхъ долговъ будетъ на 30% выше нормы, имѣніе немедленно отбирать въ казну.

Министръ финансовъ при этомъ сдѣлалъ добавленіе: такъ какъ поступавшіе съ Бѣлоруссіи годовые платежи въ общемъ числѣ съ давнихъ уже лѣтъ не равнялись и окладу текущихъ податей, то предполагаемую отсрочку платежей слѣдуетъ допускать только тѣмъ помѣщикамъ, которые будутъ исправно вносить текущій окладъ. Положеніе это было принято и утверждено [1]). Но и изъ этого правила пришлось дѣлать исключенія и назначить новыя льготы: въ 1854 г. опять жаловались изъ Могилевской губерніи, что безпрерывные дожди и градобитія уничтожили почти совсѣмъ урожай, который мѣстами былъ самъ $1^1/_2$—2, а мѣстами не собрано и сѣмянъ; пришлось разрѣшить выдачу ссудъ и тѣмъ, у которыхъ числилось болѣе 125 р. долгу на душу; впрочемъ, положено было въ такихъ случаяхъ выдавать ссуды уѣзднымъ предводителямъ, которые и должны имѣть наблюденіе за такими имѣніями [2]).

Послѣднія въ это царствованіе донесенія Витебскаго гражданскаго губернатора давали надежду, что печальное

---

1) 1853 г., № 1498.

2) 1854 г., № 1, ср. № 6 (по Виленской и Минской губерніямъ).

положеніе, въ которомъ такъ долго находилась Бѣлоруссія послѣ возсоединенія своего съ Россіей, исправляется, благодаря новымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ; губернаторъ доносилъ: родовой порокъ бѣлоруссовъ—пьянство значительно слабѣетъ въ нихъ съ введеніемъ акцизно-откупной системы и уменьшеніемъ винокурень и кабаковъ. Съ дальнѣйшимъ сравненіемъ Витебской губерніи въ системѣ продажи питей съ великорусскими губерніями, пьянство еще значительнѣе уменьшится. «*Давно пора было!*»—отмѣтка Государя. Окончательное введеніе въ нынѣшнемъ (1854) году по Высочайшему повелѣнію инвентарнаго управленія помѣщичьими имѣніями, къ исполненію чего уже приступлено въ Витебской губерніи, подаетъ надежду на коренное исцѣленіе крестьянъ. «*Этого то,* отмѣчено Государемъ, *и не хотятъ иные и ропщутъ, ибо лишаются способовъ къ вѣковымъ безчеловѣчнымъ обычаямъ*». Крестьянинъ, продолжаетъ губернаторъ, огражденный новымъ благодѣтельнымъ закономъ въ правахъ своей собственности, сознаетъ цѣну труда, отстанетъ отъ праздности и благословитъ судьбу свою, хотя на это нужно не годъ, и не два, а десятилѣтіе. Конечно, уменьшатся, особенно на первыхъ порахъ, доходы помѣщиковъ, но вновь дарованныя Его Величествомъ льготы въ уплатѣ недоимокъ ихъ не только вознаграждаютъ имъ эту временную потерю, и даже, можно сказать, спасаютъ ихъ отъ совершеннаго разоренія, къ которому они были уже такъ близки, ибо безъ этой милости болѣе двухъ третей помѣщичьихъ имѣній, непремѣнно и въ весьма непродолжительномъ времени, подверглись бы публичной продажѣ на покрытіе неоплатныхъ ихъ долговъ, чрезъ что многіе бы лишились послѣдняго своего достоянія (слова эти подчеркнуты Государемъ, поставившимъ на поляхъ знакъ «NB» [1]).

Такъ неурядицы въ продовольственномъ дѣлѣ привели къ сознанію необходимости коренной реформы въ положеніи того сословія, которому правительство постоянно должно было помогать.

---

1) 1854 г., № 225.

III.

Переселенія. Раздача земель иностраннымъ колонистамъ. Измѣненія въ нѣкоторыхъ правахъ колонистовъ, сдѣланныя Комитетомъ. Переселенія русскихъ крестьянъ на Кавказъ. Малороссійскіе казаки. Заволжье. Крестьянскіе побѣги на Уралъ, Кубань и въ Бессарабію; мѣры противъ побѣговъ.

Недостатокъ въ землѣ у многихъ крестьянскихъ обществъ и истощенность мѣстами почвы были сознаны еще въ предыдущее царствованіе, а потому въ настоящее царствованіе Комитетъ, конечно, не занимался вопросами о приглашеніи иностранцевъ-колонистовъ на остававшіяся еще свободными земли Россіи: постоянный притокъ иностранцевъ былъ прекращенъ раньше,— тѣмъ не менѣе и въ это царствованіе чрезъ Комитетъ проходили нѣкоторыя дѣла о водвореніи иностранныхъ колонистовъ въ Россіи; помимо частныхъ дозволеній особый интересъ, конечно, имѣютъ переселенія въ Россію иностранцевъ, обѣщавшихъ поднять или даже создать ту или другую отрасль земледѣльческой промышленности. Такъ, нѣкоторые жители Ангальтскаго герцогства просили объ отводѣ имъ 42,345 десятинъ въ Таврической губерніи, Днѣпровскомъ уѣздѣ, которыя тогда отдавались на оброкъ за 8.430 р. въ годъ, и еще тысячъ 6 десятинъ на берегу моря; они обѣщались завести черезъ пять лѣтъ стадо въ 100,000 гол. тонкорунныхъ овецъ, устроить заведенія для мытья и сортировки шерсти и усовершенствовать другія отрасли сельскаго хозяйства. Предложеніе это было признано выгоднымъ и осуществлено Комитетомъ [1]). Затѣмъ правительство селило сербовъ и другихъ выходцевъ изъ Турціи въ Бессарабской области на тѣхъ же правахъ, на которыхъ выходцы изъ Турціи же поселены были въ предыдущее царствованіе; впрочемъ, при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ Комитетъ Министровъ рѣшительно отказалъ сербамъ въ поселеніи ихъ въ Бессарабіи; причиной этому были обѣщанія, данныя нашимъ посланникомъ Вѣнскому двору; теперь сербовъ селили въ Бессарабіи на тѣхъ же правахъ, на которыхъ ихъ соотечественники были поселены раньше въ Херсонской губерніи. Въ 1830 г. въ Бессарабіи и Одесскихъ колоніяхъ предположено было поселить 4,000 семействъ Румелійскихъ выходцевъ: свободной и удоб-

1) 1828 г., № 161.

ной земли для нихъ могли найти 190,000 дес.; прежде поселенные въ этомъ краѣ болгары соглашались уступить въ пользу своихъ соотечественниковъ по 10 десятинъ изъ надѣла 60 десятинъ на семью; въ дѣйствительности прибыло почти 4,400 семействъ, у которыхъ было 94,000 головъ разнаго скота. Имъ предоставлены были обычныя льготы отъ податей и повинностей на десять лѣтъ; затѣмъ въ слѣдующія десять лѣтъ—они должны были платить по 15—20 к. за десятину, а по минованіи этого второго срока столько же, сколько платили казенные крестьяне. Комитетъ не нашелъ возможнымъ назначить имъ по 50 дес., а ограничилъ ихъ надѣлъ 30 дес. на семью [1]).

При Александрѣ I на Кавказѣ поселено было много шотландскихъ колонистовъ; Александръ Павловичъ разсчитывалъ, что благодаря ихъ миссіонерской дѣятельности горскіе народцы будутъ постепенно принимать христіанство; при Николаѣ I поднятъ былъ вопросъ, насколько это удобно въ политическомъ отношеніи и даже совмѣстимо съ достоинствомъ государства. Главнокомандующій въ Грузіи боялся даже, какъ бы подъ видомъ миссіонеровъ не пробирались къ горцамъ агенты кабинетовъ, неравнодушно смотрящихъ на пріобрѣтенія наши въ Азіи; поэтому ген. Ермоловъ предлагалъ не допускать къ горцамъ иностранныхъ миссіонеровъ, а образовать православное русское братство для проповѣди христіанства. Государь нашелъ эту мысль совершенно справедливою. Защитникомъ иностранныхъ миссіонеровъ въ Комитетѣ выступилъ кн. А. Н. Голицынъ, доказывавшій, что мысль Ермолова слишкомъ общая, что съ другой стороны иностранцы спокойно живутъ тамъ уже 25 лѣтъ. Комитетъ принялъ въ соображеніе это послѣднее мнѣніе и положилъ оставить шотландскія колоніи при ихъ правахъ, не запрещая имъ обращать горцевъ въ свое исповѣданіе. Государь утвердилъ это положеніе Комитета. Затѣмъ, въ 1835 г. между колонистами возникли большіе раздоры, и они жаловались правительству на своевольныя дѣйствія своего старшины Патерсона; ревизія, сдѣланная по предписанію главнокомандовавшаго бар. Розена, раскрыла слѣдующее положеніе вещей: въ колоніи Каррасъ (у горы Бештау) хозяйственная часть

---

1) 1830 г., № 1363.

оказалась въ обыкновенномъ положеніи, ни особыхъ ремеслъ, ни фабрикъ заведено не было, т. е. не было того, ради чего иностранцы и были прежде приглашаемы въ Россію на такихъ льготныхъ условіяхъ; за все время существованія этой колоніи обращено было въ христіанство всего 9 горцевъ; въ г. Шушѣ шотландцы не завели даже колоніи и не обратили въ христіанство ни одного горца, но «устремили виды» на армянское юношество, устроивъ въ Шушѣ училище, на что постоянно жалуется армянское духовенство; въ то же время, съ 1817 по 1832 г.г. православные грузинскіе миссіонеры успѣли окрестить до 70 т. горцевъ. На основаніи этихъ свѣдѣній министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ предложилъ: 1) для устройства дѣлъ колоніи Каррасъ удалить изъ нея Патерсона, даровавъ ему обѣщанныя 1.000 дес. земли; ввести въ колоніи самоуправленіе, отвести членамъ ея по 60 дес. на семью; шотландцамъ въ Шушѣ дозволить принимать въ свое училище армянъ - юношей, но запретить ихъ обращать въ свое вѣроисповѣданіе. Комитетъ нѣсколько иначе взглянулъ на это дѣло: въ виду ничтожныхъ успѣховъ западныхъ миссіонеровъ, очевидно, по мнѣнію Комитета, не было никакой надобности имѣть въ краѣ этомъ такихъ миссіонеровъ, а потому Комитетъ и полагаетъ: запретить въ Грузіи шотландцамъ какъ проповѣдь христіанства, такъ и пріемъ въ свои училища армянъ [1]). Совершенно такъ же рѣшено было Комитетомъ дѣло о западныхъ миссіонерахъ, поселившихся въ Сибири [2]). Оба положенія Комитета были утверждены.

Изъ этого дѣла видно, что никакого оживленія въ промышленность шотландскіе колонисты не вносили сравнительно съ русскими крестьянами; слѣдующее дѣло о Саратовскихъ колоніяхъ, однихъ изъ старѣйшихъ въ Россіи иностранныхъ поселеній, еще сильнѣе подтверждаетъ указанное наблюденіе. Въ 1826 г. Комитетъ разбиралъ вопросъ, распространяется ли дополнительное постановленіе о гильдіяхъ на торговлю хозяйственными произведеніями Саратовскихъ колонистовъ? Ланской, управлявшій тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, держался того мнѣнія, что означенныя постановленія не касаются до Саратовскихъ колонистовъ, потому что: 1) иначе

1) 1835 г., № 1108.
2) 1835 г., № 1109.

этимъ нарушаются данныя имъ привилегіи; 2) колонисты занимаются исключительно земледѣліемъ и не имѣютъ склонности ни къ чему другому, въ чемъ они отличаются отъ русскихъ крестьянъ, промышленность которыхъ превосходитъ купеческіе и мѣщанскіе обороты; 3) государство не много потеряетъ на пошлинахъ съ колонистовъ, а послѣдніе придутъ въ большой упадокъ. Канкринъ отстаивалъ противоположное мнѣніе, доказывая, что правительственная мѣра вызвана какъ желаніемъ поднять города, такъ и тѣмъ, чтобы крестьяне и сельскіе жители занимались исключительно земледѣліемъ. Съ Канкринымъ былъ согласенъ кн. Куракинъ; кн. А. Н. Голицынъ, къ мнѣнію котораго присоединилось большинство, возражалъ, что предварительно слѣдуетъ пересмотрѣть уставъ о гильдіяхъ 1824 г.; Канкринъ былъ противъ пересмотра, но Государь рѣшилъ: «*Я совершенно согласенъ съ большимъ числомъ членовъ о необходимости пересмотра сего положенія и полагаю дать срокъ по 1-ое Января 1828 г. для соображенія по сему предмету министру финансовъ съ тѣмъ, чтобы къ сему времени представилъ новый проектъ облегченій*» [1]. Три нѣмецкія колоніи, поселенныя съ 1766 г. въ Ямбургскомъ уѣздѣ, пришли въ полный упадокъ, который объясняли въ 1847 г. худымъ качествомъ отведенной имъ земли, и просили о разрѣшеніи переселиться на югъ, въ окрестности г. Маріуполя; Комитетомъ даны были ссуды и даже на первый годъ кормовыя деньги по $3^1/_2$ к. на душу въ сутки [2].

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, тотъ самый, дѣйствія котораго такъ рѣшительно были осуждены Комитетомъ, внесъ любопытный проектъ о переселеніи въ Енисейскую губернію 150 т. китайцевъ; ген. Рупертъ представилъ слѣдующія выгоды своего проекта: этимъ путемъ будутъ лучше обезпечены наши связи съ Китаемъ, возстановится въ Енисейской губерніи равновѣсіе между классомъ потребителей и классомъ производителей, устраненъ будетъ недостатокъ въ народномъ продовольствіи и увеличено число войскъ въ Нерчинскѣ. Но въ Комитетѣ противъ проекта возражали: Енисейская губернія отдѣлена отъ Китая Саянскими

---

1) 1826 г., № 1726.
2) 1847 г., № 22.

горами и не имѣетъ прямыхъ сношенiй съ Китаемъ, никакого развитiя промышленности въ губернiи этой незамѣтно, напротивъ того торговля съ каждымъ годомъ приходитъ въ бóльшiй упадокъ, переселенiе такой массы китайцевъ будетъ выгодно только однимъ золотопромышленникамъ, которые постоянно домогаются позволенiя переселить туда крестьянъ на правѣ обязанныхъ, но это постоянно же было отвергаемо правительствомъ, такъ какъ рѣшено не допускать въ Сибири образованiя крѣпостныхъ, а, сверхъ того, министръ финансовъ, зная о недостаткѣ земли у крестьянъ во внутреннихъ губернiяхъ, давно уже обратилъ вниманiе на удобныя свободныя земли въ Сибири. Мнѣнiе Комитета было принято Государемъ [1]).

Главный потокъ русскихъ переселенцевъ,—казенныхъ крестьянъ, однодворцевъ и малороссiйскихъ казаковъ, стремился въ это время на Кавказъ. Въ виду обнаружившагося недостатка въ землѣ, ихъ усиленно переселяли въ Грузiю, — конечно такiя переселенiя не обходились безъ затрудненiй и недоразумѣнiй, которыя приходилось разрѣшать Комитету. Изъ Малороссiи еще въ предыдущiе годы отправляли малороссiйскихъ казаковъ на Кавказъ. Въ 1831 г. положено было поселить въ Анапѣ и ея окрестностяхъ до 1,000 семей этихъ казаковъ; но затѣмъ ген.-ад. бар. Розенъ высказался противъ дальнѣйшихъ переселенiй малороссовъ въ Черноморье: по его мнѣнiю, безполезно и опасно было селить на Черноморскомъ берегу людей, совсѣмъ отвыкшихъ отъ военной службы, селить ихъ вокругъ Анапы, гдѣ почти каждая фуражировка оканчивается перестрѣлкою, гдѣ въ постоянной опасности сѣнокосы и посѣвы, гдѣ переселенцамъ надо выстроить отъ казны дома, гдѣ первоначальное обзаведенiе переселенцевъ обошлось казнѣ въ 3,7 милл. р. Бар. Розенъ просилъ остановить переселенiе въ Анапу малороссовъ, а селить вокругъ нея Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ, освобождая ихъ отъ службы на нѣсколько лѣтъ; а для привлеченiя туда же, на восточный берегъ Чернаго моря, торговцевъ — освобождать ихъ тамъ отъ платежа податей и исправленiя повинностей. По этому представленiю бар. Розена Комитету сообщено было, что по Высочайшему мнѣнiю слѣдуетъ всѣхъ казаковъ, кото-

---

1) 1847 г., № 894.

рые будутъ переселяться на восточный берегъ Чернаго моря, освободить навсегда; подобно тому, какъ разрѣшено уже въ отношеніи 1,000 семействъ малороссовъ, отъ военныхъ и другихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ; людей же прочихъ сословій—отъ податныхъ повинностей впредь до того времени, когда край этотъ будетъ приведенъ въ совершенное спокойствіе и безопасность отъ набѣговъ. Канкринъ къ этому присоединилъ, что заселеніе края пойдетъ успѣшнѣе, если дано будетъ позволеніе казеннымъ крестьянамъ водворяться тамъ, поступая въ казачьи полки, а особенно если до времени не будутъ дѣлать на Кавказѣ «розысканій» о паспортахъ. Комитетъ согласился съ этимъ «въ полной мѣрѣ», ибо единственное средство водворить на Кавказѣ русское населеніе безъ напрасныхъ тратъ со стороны правительства—это дозволеніе селиться тамъ желающимъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ податей и повинностей, а съ купцовъ—не требовать податей; впрочемъ, пунктъ о непроизводствѣ розысканій о паспортахъ пришельцевъ Комитетъ нашелъ опаснымъ оглашать [1]). Въ 1834 г. масса малороссійскихъ казаковъ съ семьями двинулась было на Кавказъ, но они были остановлены кн. Репнинымъ, который боялся, что имъ придется идти по неурожайнымъ мѣстамъ; Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, нашелъ еще неудобнѣе оставить ихъ въ неурожайной же мѣстности, когда они собрались въ путь; а скоро впрочемъ получено было донесеніе, что урожай 1834 г., какъ на Кавказѣ, такъ и по пути слѣдованія, хорошъ или мѣстами посредственный, а травы тамъ даже изобильны; поэтому Комитетомъ положено было: не дожидаясь согласія Кавказскаго начальства, двинуть тѣхъ, кто пожелаетъ [2]). Эти положенія были утверждены. Въ 1836 г. гр. Левашовымъ представлена была обстоятельная записка о положеніи этихъ казаковъ, давно уже, еще съ перваго десятилѣтія XIX вѣка, озабочивавшихъ правительство. Гр. Левашовъ подтверждалъ фактъ постояннаго умноженія безземельныхъ и бѣдныхъ казаковъ; главною причиною упадка сословія гр. Левашовъ считалъ неправильное распредѣленіе подушной подати, особенно обязанность обществъ пополнять недоимки, т. е. зажиточные, уплачивая за бѣдныхъ, разорялись

1) 1832 г., № 492.
2) 1834 г., №№ 1152 и 1654.

сами. Всѣхъ казаковъ считалось 176,484 семьи; изъ этого числа:

имѣли земли	95,890 семей.
имѣли только грунты (т. е. домашнюю осѣдлость)	45,413 семей.
занимались ремеслами.	7,594 семьи.
бѣдныхъ	27,587 семей.
всѣхъ сборовъ съ казаковъ въ 1835 г. поступило	3.805.018 р.
въ томъ числѣ состоятельные уплатили за неимущихъ	1.218.148 р.

Въ отечественную войну вооруженіе стоило казакамъ 40 мил. р., въ 1831 г.— 1/2 мил. р.; съ 1814 г. они лишились своего единственнаго промысла—соли, съ 1820 г. по 1831 г. они обложены были особою податью по 8 р. съ души. Къ этимъ основнымъ причинамъ упадка казаковъ гр. Левашовъ присоединялъ: ничтожныя цѣны на хлѣбъ въ урожайные годы, значительные падежи скота; неурожаи 1828 г., 1833—34 г.г., которые ввергли многихъ въ нищету. Наконецъ и переселенія, которыя дѣлались до этого (1835 г.) времени, не принесли краю существенной пользы, ибо дѣлались добровольно, на собственный счетъ и слѣдовательно ни одинъ изъ бѣдныхъ казаковъ не переселился, а переселялись средняго достатка казаки, такъ что всѣ недоимки за бѣдныхъ падали почти исключительно на богатыхъ казаковъ. Недоимки были слагаемы, но что было сложено? спрашивалъ гр. Левашовъ и отвѣчалъ: не только строгія, но даже жестокія мѣры употреблялись для взысканія недоимокъ съ казаковъ,—словомъ прощалось то, чего казна не могла получить; запрещено было продавать казацкія земли другимъ сословіямъ,—отъ этого только понизилась цѣна на землю и увеличилось число бѣдныхъ; хозяйственное управленіе, учрежденное надъ казаками, также не принесло пользы, ибо получилось смѣшеніе и спутанность вѣдомствъ этого управленія и земской полиціи, а отсюда—недоразумѣнія, ссоры и взаимныя распри. Переходя къ мѣрамъ, которыя могли вывести малороссійскихъ казаковъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, гр. Левашовъ предлагалъ: а) переселить всѣхъ бѣдныхъ казаковъ на правительственный счетъ, постановивъ, что къ переселенію казаки присуждаются мір-

скими приговорами,—именно всякій, растратившій свое имущество или неуплатившій уже двухгодовой податной окладъ, можетъ быть переселенъ по мірскому приговору; б) отмѣняется общественная порука, и в) измѣняется порядокъ сбора податей. Государь передалъ эту записку на разсмотрѣніе Комитета. Въ Комитетѣ гр. Канкринъ возражалъ: 1) при всякомъ обложеніи богатые будутъ платить больше бѣдныхъ, 2) возвышеніе акциза на соль вовсе не причина упадка благосостоянія казаковъ, потому что за то соль и продается теперь дороже, чѣмъ прежде. Главная причина обѣднѣнія казаковъ заключалась, по мнѣнію министра финансовъ, въ продажѣ казаками своихъ земель и въ дробной продажѣ въ краѣ вина; подати, говорилъ Канкринъ, конечно тягостны, но съ другой стороны—онѣ поощреніе къ дѣятельности и можно утверждать, что если бы казаки были освобождены отъ платежа всѣхъ вообще податей, то они, предавшись пьянству и лѣности, вскорѣ стали бы еще бѣднѣе; если переселенія казаковъ и не принесли, вслѣдствіе ошибокъ, той пользы, какой можно было отъ нихъ ожидать, то во всякомъ случаѣ земли у нихъ стало больше; принуждать къ переселеніямъ опасно, потому что богатые будутъ притѣснять бѣдныхъ, и слѣдуетъ помнить, что переселеніе одной семьи стоитъ казнѣ до тысячи рублей, а надежда быть переселеннымъ на чужой счетъ, спрашивалъ въ свою очередь Канкринъ, не будетъ ли служить поощреніемъ къ лѣности? Слѣдовательно должно не принуждать къ переселеніямъ, а поощрять только къ этому пособіями и льготами; издержки на переселеніе необходимо раздѣлить между казною и обществами,—послѣднія должны давать переселенцамъ: фуры, воловъ, лошадей, орудія, хлѣбъ и одежду; направлять переселенцевъ лучше, конечно, въ ближайшія къ нимъ мѣста, и Канкринъ указывалъ на Саратовскую губернію, въ которой еще оставалось до 100 т. дес. свободной земли, на Оренбургскій край, въ частности на Илецкій районъ, и наконецъ на Закавказье. Что касается до затронутаго Левашовымъ вопроса о хозяйственномъ управленіи надъ казаками, то Канкринъ предлагалъ улучшить его, но не уничтожать; а сверхъ того, заключалъ Канкринъ, слѣдуетъ всегда помнить, что доколѣ у казаковъ будетъ вольная продажа вина, не поправятся до тѣхъ поръ ни казаки, ни Малороссія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ былъ того мнѣнія, что

главная причина бѣдности малороссійскихъ казаковъ заключалась въ недостаткѣ земли, отчего слѣдуетъ всячески усилить переселенія ихъ изъ родины въ сосѣднія губерніи, гдѣ есть свободныя земли: въ Заволжье, Оренбургскій край, въ Херсонскую и Таврическую губерніи, также въ Екатеринославскую, въ которой свободна земля, предназначавшаяся для общества израильскихъ христіанъ, на Черноморье. Канкринъ еще замѣтилъ, что вообще казаки весьма неохотно переходятъ въ разрядъ казенныхъ крестьянъ. Комитетъ по существу сталъ на точку зрѣнія Блудова: изъ всего, что предложено было гр. Левашовымъ, онъ нашелъ необходимымъ только усилить переселенія малороссійскихъ казаковъ, дозволивъ переселяться всѣмъ изъ нихъ, кто захочетъ поступить въ казенные крестьяне; порядокъ сбора податей Комитетъ призналъ неудобнымъ, потому что онъ развивалъ беззаботливость въ плательщикахъ, но въ то же время Комитетъ призналъ это общимъ порядкомъ въ государствѣ [1]). Положеніе это было утверждено.

Нужда въ землѣ заставила обратить вниманіе на обширныя земли, занятыя кочевыми киргизами: изъ за этихъ земель вышли большія пререканія между двумя министерствами— военнымъ и финансовъ: первое утверждало, что все пространство, занятое Букеевскою ордою, представляетъ одно безпроточное и безводное пространство съ горько-солеными озерами и рѣчками, министръ же финансовъ, преимущественно со словъ Саратовскаго губернатора, выработалъ проектъ поселенія тамъ малоземельныхъ казенныхъ крестьянъ, особенно малороссійскихъ казаковъ.

Букеевская орда не имѣла прежде всего никакихъ опредѣленныхъ правъ на земли, ей только дозволено кочевать между Ураломъ и Волгою, а съ сѣверной стороны границы не проведено. Киргизы, не принося никакой пользы государству, владѣютъ теперь огромнымъ количествомъ земли, отъ 42—90 дес. земли на душу, между тѣмъ какъ, нисколько не стѣсняя киргизовъ, можно было нарѣзать 15-дес. участки 50 тыс. русскихъ крестьянъ или казаковъ, притомъ земли, на которой отлично родится пшеница. Комитетъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе вопроса, признавъ, что необходимо предвари-

1) 1836 г., № 1206.

тельно собрать болѣе точныя свѣдѣнія, что и поручено было сдѣлать особой коммисіи [1]).

Кромѣ юга, Кавказа и Заволжья казенные крестьяне тогда уже устремились и въ Сибирь: казеннымъ крестьянамъ дозволено было переселяться на свободныя и удобныя мѣста въ Сибири,— дозволеніе пришлось ограничить; съ требованіемъ ограниченія его вошелъ въ Комитетъ гр. Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ; приводя Комитету тотъ фактъ, что сравнительно много казенныхъ крестьянъ изъ Оренбургской губерніи шло въ Сибирь, гр. Киселевъ предложилъ запретить переселенія изъ многоземельныхъ губерній, потому что такія переселенія развиваютъ въ крестьянахъ только склонность къ бродяжничеству и желаніе воспользоваться на новомъ мѣстѣ льготами отъ податей; сообразно этому мнѣнію Комитетъ положилъ запретить переселенія изъ тѣхъ губерній, гдѣ у крестьянъ есть полная пропорція, что и было утверждено [2]).

Кромѣ колонизаціи правительственной шла колонизація частная,—о ней въ дѣлахъ Комитета сохранилось мало дѣлъ: это было дѣломъ частной предпріимчивости, вполнѣ уже урегулированной законами, составленными въ предыдущее царствованіе. Окраины государства—Финляндія, Бессарабія, Кавказъ, Закавказье и Сибирь—не знали крѣпостнаго права и правительство зорко смотрѣло, чтобы подъ видомъ переселенія не образовались тамъ, гдѣ такъ трудно было наблюдать, отношенія, подобныя крѣпостнымъ. Финляндцамъ строго запрещено было покупать и переводить русскихъ крестьянъ; когда въ Петербургѣ уличены были люди, торговавшіе финляндскими рекрутами, то негодованіе Императора Николая I выразилось въ резолюціи: «*хочу знать кто эти м.....цы?*» [3]). Въ 1838 г. главноуправляющій Грузіей, донося, что многія лица покупаютъ крестьянъ въ Россіи и привозятъ ихъ по одиночкѣ и семьями въ Закавказье, гдѣ извѣстно только одно право собственности надъ людьми, какъ надъ невольниками, увѣдомлялъ, что мѣстное начальство не можетъ ручаться, чтобы привезенные крестьяне не переходили во владѣніе дворянъ—мусульманъ и слѣдовательно не подверглись участи невольниковъ. Тогда Комите-

---

[1]) 1836 г., № 1824.
[2]) 1839 г., № 445.
[3]) 1832 г., № 753.

томъ положено было воспретить всѣмъ вообще перечисленія и переводъ крестьянъ въ Грузію. Положеніе Комитета было утверждено [1]).

Помимо колонизаціи дозволенной—законной—была колонизація тайная, недозволенная, преслѣдуемая законами. Указано было, почему Комитетъ считалъ неудобнымъ огласить распоряженіе, что на восточномъ берегу Чернаго моря не будутъ производить розысканій о паспортахъ. Съ самаго вступленія на престолъ Императора Николая I начались побѣги крестьянъ; между помѣщичьими крестьянами распространялись слухи о поселеніи всѣхъ ихъ на свободныхъ земляхъ по Уралу. Тогда поручено было кн. Горчакову изслѣдовать, гдѣ или въ чемъ источникъ этихъ слуховъ? Кн. Горчаковъ, командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса, отвѣчалъ, что указъ 1822 г. Мая 30 (о дозволеніи казеннымъ крестьянамъ переходить на свободныя земли въ Сибири) далъ основаніе толкамъ, будто законъ этотъ распространяется и на помѣщичьихъ крестьянъ и что будто предводители дворянства и исправники скрываютъ его отъ населенія; указъ 1823 г. Февраля 23 о ссылкѣ бродягъ, пойманныхъ внѣ губерніи ихъ жительства, въ Сибирь утвердилъ населеніе въ мнѣніи, что бѣглыхъ крестьянъ не будутъ возвращать помѣщикамъ. Кн. Горчаковъ предлагалъ непремѣнно возвращать всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ ихъ господамъ, запретивъ имъ называться «непомнящими родства», ибо невѣроятно, чтобы люди 40 и болѣе лѣтъ могли не знать или забыть мѣстность, гдѣ они воспитались и выросли. Комитетъ, получивъ это донесеніе, передалъ его на заключеніе министра юстиціи; Государь на меморіи приказалъ: «*окончаніемъ не замедлить*» [2]). Министръ юстиціи доложилъ Комитету, что со времени изданія упомянутыхъ указовъ не было волненій между крестьянами и онъ полагаетъ ненужнымъ дѣлать измѣненія въ нихъ, потому что на основаніи указовъ бродяги назначаются на работы въ портахъ и на казенныхъ заводахъ, а кто на это добровольно согласится? спрашивалъ министръ. Но посланный въ Воронежскую губернію, побѣги изъ которой были очень часты, сенаторъ кн. Долгоруковъ доносилъ, что именно эти указы, толкуемые злонамѣренными людьми, дали толчекъ къ

---

1) 1839 г., № 78.
2) 1826 г., № 245.

безразсудному движенію: бѣгутъ даже зажиточные, семейные и лучшіе въ селеніяхъ люди, оставляя свои дома и семейства, обольщенные ложными слухами, будто по берегамъ Урала устраивается новая линія, гдѣ они могутъ поступить въ число казенныхъ крестьянъ; при этомъ кн. Долгоруковъ писалъ, что губернаторы даже цѣлыя семейства бѣжавшихъ крестьянъ не возвращаютъ помѣщикамъ, а ссылаютъ; что губернаторы не принимаютъ никакихъ мѣръ къ удержанію крестьянъ при началѣ побѣговъ и на берегахъ Волги; что наказаніе за разглашеніе такихъ слуховъ слишкомъ легкое; что военное начальство уклоняется отъ помощи гражданскому; что уральскіе старшины дѣйствительно заманиваютъ крестьянъ. Для прекращенія побѣговъ кн. Долгоруковъ предлагалъ отмѣнить указъ 1823 г., земли по р. Уралу раздать казакамъ, ихъ чиновнымъ людямъ и старшинамъ, дозволивъ имъ пріобрѣтать покупкою на свозъ крестьянъ, а бѣглыхъ крестьянъ и тѣхъ, кто ихъ принимаетъ, наказывать по прежнимъ законамъ 1754 г. Мая 13 и 1797 г. Января 29. Предложенія кн. Долгорукова направлены были въ Государственный Совѣтъ [1]).

Для остановки бѣглецовъ частью устроены были новые кордоны (по рубежу Саратовской губерніи и земли Войска Донского), частью усилены старые (по рубежу земли Войска Донского и Пензенской губерніи); несмотря на эти кордоны побѣги крестьянъ, чаще всего на Кубань, продолжались; въ 1837 г. Воронежскіе помѣщики обратились съ формальной жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ; помѣщики жаловались, что водворившіеся въ Черноморьѣ бѣглые изъ крестьянъ приходятъ на родину, подговариваютъ къ побѣгамъ односельчанъ, вслѣдствіе чего побѣги снова усилились, и недавно у одного помѣщика сразу бѣжало 100 душъ, и что, кромѣ того, для облегченія бѣгства въ Павловскомъ уѣздѣ (Воронежской губерніи) ходитъ много фальшивыхъ паспортовъ. Министръ Блудовъ немедленно распорядился: 1) чрезъ губернатора объявить крестьянамъ, что пріемъ крестьянъ въ Анапѣ прекращенъ, 2) всѣхъ крестьянъ, возвращающихся на родину, наказать въ примѣръ другимъ, 3) розыскать поддѣлывателей паспортовъ, 4) вернуть 100 человѣкъ крестьянъ, бѣжавшихъ

1) 1826 г., № 435; такія же донесенія кн. Долгорукова о бѣгствѣ крестьянъ изъ Пензенской, Симбирской и Саратовской губерній—№ 1025.

сразу, 5) прекращеніе побѣговъ возложить на отвѣтственность губернатора и 6) просить военнаго министра увѣдомить о побѣгахъ наказнаго атамана Войска Донского, такъ какъ бѣгутъ не иначе, какъ чрезъ землю этого Войска. Обо всемъ этомъ объявлено было Воронежскимъ помѣщикамъ съ добавленіемъ, что всѣхъ этихъ мѣръ будетъ недостаточно, если и они съ своей стороны не озаботятся тѣмъ, чтобы крестьяне не стремились во что бы то ни стало бѣжать отъ нихъ. Комитету Блудовъ предложилъ пріостановить причисленіе къ казакамъ на Черноморьѣ и возвратить бѣжавшихъ. Комитетъ согласился съ тѣмъ, что необходимо принять рѣшительныя мѣры и что то, что уже было сдѣлано Блудовымъ, обѣщаетъ скорое прекращеніе; въ настоящее время нуженъ болѣе всего примѣръ возвращенія, а потому и слѣдуетъ выслать изъ Кубани всѣхъ тѣхъ, кто не успѣлъ еще тамъ водвориться; Киселевъ предложилъ, сверхъ того, объявить, что поселенія за Кубанью будутъ устроены на военномъ положеніи; мѣра эта и уменьшила бы побѣгъ крестьянъ туда и была бы полезна въ военномъ отношеніи: извѣстно, что регулярныя войска подвержены тамъ слишкомъ большой смертности и содержаніе ихъ стоитъ государству огромныхъ денегъ, и потому желательно было бы направить туда бывшую шляхту, однодворцевъ и малороссійскихъ казаковъ. Комитетъ согласился и съ этимъ добавленіемъ, а Государь написалъ: «*замѣчаніе г. а. Киселева весьма основательно; сообразить министру внутреннихъ дѣлъ сіи мѣры вмѣстѣ съ военнымъ министромъ и съ г. а. Киселевымъ*» [1]). Бѣжали также въ значительномъ комплектѣ крестьяне изъ западныхъ губерній,—бѣжали преимущественно въ Бессарабію; побѣги эти объясняются политическими причинами и будутъ разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ настоящаго труда. На побѣгъ крестьянъ въ Бессарабію жаловалось также Херсонское дворянство, утверждая, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ убыло до половины населенія, а въ Бессарабіи бѣглецы очень легко приписываются къ разнымъ обществамъ на мѣста умершихъ, а затѣмъ подговариваютъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и уводятъ ихъ съ собой; дворянство просило: возвратить ему бѣглыхъ; тѣхъ, кто выводитъ крестьянъ, предавать военному суду; съ крестьянъ - держателей

---

1) 1837 г., № 933.

брать штрафъ по 1 р. съ человѣка въ сутки; за перемѣну имени судить на мѣстѣ, откуда виновный бѣжалъ. Въ Комитетѣ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ помочь дворянству, но онъ сомнѣвался, чтобы тѣ мѣры, которыми были остановлены побѣги за Кубань, помогли и въ данномъ случаѣ,—тогда явленіе было случайное, внезапно охватившее крестьянъ, которое могло быть поэтому остановлено кордонами, а въ Херсонской губерніи—побѣги крестьянскіе постоянное явленіе; поэтому онъ предложилъ: подтвердить всѣмъ властямъ, чтобы задерживали бѣглыхъ; бѣглыхъ судить уголовнымъ судомъ безъ очереди и наказывать плетьми на мѣстѣ преступленія; составить именные списки бѣглыхъ; обнародовать выписку изъ законовъ о бѣглыхъ; внушить по обычаю помѣщикамъ, что эти мѣры не принесутъ пользы, если бдительнымъ и благоразумнымъ обращеніемъ они сами не будутъ предупреждать крестьянскіе побѣги. Положеніе было утверждено [1]).

---

1) 1839 г., № 971.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сословія.

I.

Дворянство.

Взглядъ Императора Николая Павловича на значеніе дворянства въ государствѣ. Затруднительное положеніе дворянскаго землевладѣнія. Вопросъ объ устройствѣ быта бѣдныхъ малоземельныхъ дворянъ. Переселеніе ихъ. Уклоненіе отъ государственной службы дворянства западныхъ губерній. Мѣстная служба дворянства; стремленіе его расширить свои права по мѣстному управленію; противоположные взгляды высшей администраціи. Столкновенія между дворянскими собраніями и губернаторами. Улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ по дворянскимъ выборамъ. Дворянскіе «благородные» пансіоны при гимназіяхъ. Институты благородныхъ дѣвицъ. Дворянскія складчины. Передача дворянскихъ родовыхъ имѣній въ пожизненное владѣніе супруговъ. Дворянскіе гербы. Дворянство прибалтійскихъ губерній. Столкновенія съ марк. Паулуччи. Домогательство устройства особаго высшаго суда для трехъ Остзейскихъ губерній. Вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ края и притязанія дворянства на завѣдываніе учебными заведеніями Дерптскаго округа.

Въ первомъ томѣ этого труда было отмѣчено, что привилегированное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе русскаго дворянства при Императрицѣ Екатеринѣ II начало нѣсколько колебаться въ первой четверти XIX вѣка; было указано, что причинами этого колебанія были: экономическій и юридическій ростъ другихъ сословій, война съ Франціей, тяжело отозвавшаяся на земледѣльческомъ сословіи, и нѣкоторыя правительственныя реформы центральныхъ учрежденій. Въ тридцатилѣтнее царствованіе Императора Николая Павловича положеніе дворянскаго сословія значительно улучшилось; возвышеніе другихъ сословій зависѣло отчасти отъ усиленія торговой и промышленной дѣятельности въ государствѣ—при Императорѣ Николаѣ I правительство не только не останавливало успѣховъ этой отрасли народнаго труда и хозяйства, напротивъ оно сдѣлало очень много для развитія ихъ, но оно пыталось бороться и остановить развитіе другихъ причинъ, вредно отзывавшихся на положеніи дворянства. Императоръ Николай Павловичъ чрезвычайно высоко ставилъ значеніе дворянства въ государствѣ: оно было однимъ

Князь И. Васильчиковъ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

изъ основныхъ камней въ Его системѣ управленія Россіей; дворяне по этой системѣ должны были быть прежде всего прирожденными слугами русскихъ государей, они должны были нести государственную службу и получать приличное и соотвѣтственное своему назначенію воспитаніе. Смотря на Себя, какъ на находящагося на службѣ государству,—«*мы всѣ*, писалъ Государь въ одной изъ своихъ резолюцій Комитету (слова «мы всѣ» подчеркнуты Государемъ), *на службѣ не за тѣмъ, чтобы гулять, а чтобы дѣло дѣлать*», Государь того же требовалъ отъ каждаго дворянина и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на тѣхъ изъ нихъ, которые и въ молодыхъ годахъ не состояли на службѣ. Разъ въ умѣ Государя понятія «дворянинъ» и «государственный слуга» были синонимами, то изъ этого вытекало стремленіе поддержать дворянство въ такомъ положеніи, чтобы оно могло исполнять свое назначеніе.

Въ общемъ дворянство весьма охотно несло на себѣ государственную службу: обычай и понятія времени требовали, чтобы каждый молодой дворянинъ поступалъ по окончаніи образованія на службу; по большей части, тогдашнее молодое дворянство предпочитало службу военную. Уклоненія отъ этого были, но въ губерніяхъ великорусскихъ не поступали на службу обѣднѣвшіе дворяне, которые по имущественному своему положенію приближались къ однодворцамъ. Иное дѣло—въ губерніяхъ западныхъ, въ которыхъ дворянство уклонялось отъ государственной службы по причинамъ совершенно другимъ, политическимъ.

Въ началѣ новаго царствованія дворянскія общества обратились къ верховной власти съ рядомъ ходатайствъ, свидѣтельствующихъ о значеніи этого сословія въ государствѣ, и при этомъ нѣкоторыя дворянскія общества указывали на стѣсненное матеріальное положеніе дворянъ губерніи: Минское дворянство все еще не было удовлетворено даже по претензіямъ за поставки войскамъ въ 1792—1796 г.г. [1]). Курляндское дворянство жаловалось на паденіе цѣнъ на всѣ сельскія произведенія, что угнетало помѣщиковъ края; дворянство проектировало устройство особаго кредита. Херсонскій предводитель отъ имени всего общества заявлялъ, что губернія находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи:

[1]) 1826 г., № 85.

засухи, неурожаи, саранча, падежи скота, устройство военныхъ поселеній,—при которыхъ земскія повинности падаютъ исключительно на помѣщичьихъ крестьянъ, — все это имѣло слѣдствіемъ накопленіе на губерніи недоимокъ до 2½ мил. р.; помѣщики оказывали всевозможныя облегченія крестьянамъ, разстроили свои состоянія и принуждены просить уравнять Херсонскую губернію съ другими губерніями въ платежѣ земскихъ и квартирныхъ сборовъ, а равно и сборовъ на содержаніе войскъ. По поводу этой просьбы управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было заявлено въ Комитетѣ, что войска въ этой губерніи стоятъ для содержанія кордона; министръ же финансовъ замѣтилъ, что онъ съ своей стороны противъ разсрочки платежей по этой губерніи, потому что ни гр. Воронцовъ, ни гр. Паленъ (временно заступавшій мѣсто Воронцова) не просили объ этомъ, а что, напротивъ, нѣкоторые помѣщики сами упорно, даже съ неприличнымъ упорствомъ, отказываются отъ платежа государственныхъ повинностей; поэтому мѣстныя власти признаютъ съ своей стороны желательнымъ усилить мѣры взысканія. Комитетъ отнесся, однако, снисходительно къ Херсонской губерніи, поручивъ министру финансовъ войти въ соглашеніе съ Херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ о томъ, какъ можно бы облегчить положеніе этой губерніи, въ виду постигшихъ ее разныхъ бѣдствій. Государемъ написано: «*министру финансовъ предварительно донести мнѣ о томъ, что узнаетъ отъ губернатора*» [1]. Гр. Воронцовъ съ своей стороны свидѣтельствовалъ о неудобствѣ закона, по которому помѣщичьи имѣнія за недоимки должны быть отдаваемы въ опеку: такъ какъ почти всѣ имѣнія болѣе или менѣе должны казнѣ или по податямъ или по земскимъ сборамъ, то и опекунскія управленія учреждать не изъ кого, если, конечно, не допускать того, чтобы должникъ былъ опекуномъ имѣнія подобнаго же себѣ должника. Гр. Воронцовъ предлагалъ установить новый порядокъ: продавать въ такихъ случаяхъ все движимое имущество помѣщика, особливо вещи, служащія къ роскоши. Мысль гр. Воронцова встрѣтила сочувствіе министра финансовъ. Но Комитетъ рѣшительно отвергъ эту мысль: гдѣ и по истеченіи какого срока продавать движимость,

---

[1] 1827 г., № 1031.

что считать — роскошью? все это, по мнѣнію Комитета, настолько неопредѣленно, что лучше остаться при старомъ порядкѣ [1]). Полтавская и Черниговская губерніи просили объ облегченіи въ платежахъ податей [2]). Могилевское и Витебское дворянства просили: о продолженіи силы указа 1823 г. Апрѣля 11, по которому съ этихъ губерній подати сбирались только въ половину, о разсрочкѣ 24-лѣтняго долга въ 48-лѣтній долгъ; Витебское дворянство къ этому прибавило просьбу, чтобы содержаніе Динабургской крѣпости сдѣлано было общегосударственною повинностью, а не возлагалось по прежнему на одну Витебскую губернію. Смоленское дворянство просило разсрочить долги по недоимкамъ и ссудамъ на 10 лѣтъ и возвысить ссуды съ 150 р. до 200 р. за ревизскую душу. Таврическое—просило о дозволеніи возвратить полученную въ ссуду соль натурою, хотя бы въ 1½ раза количествомъ больше противъ ссуды. Екатеринославское—облегчить правила винокуренія, уменьшить земскія повинности и не взыскивать недоимки за послѣдніе три года. Кіевское—дозволенія вносить нѣкоторую часть податей провіантомъ для войскъ по справочнымъ цѣнамъ, уменьшенія пошлины за винокуреніе съ 2 р. на 1 р. съ души. Кавказское—о предоставленіи земель и лѣсовъ въ неотъемлемую собственность дворянства на основаніи документовъ или десятилѣтней давности владѣнія. Вологодское—жаловалось на остановку въ денежныхъ оборотахъ, на распространившійся среди крестьянства духъ буйства и непокорности.

Въ виду просьбъ многихъ дворянскихъ обществъ объ уменьшеніи процентныхъ платежей по денежнымъ обязательствамъ, министръ финансовъ объяснилъ Комитету, что уменьшеніе % невозможно, такъ какъ банкъ платитъ вкладчикамъ по 5%, пониженіе же процента могло бы вызвать обратныя требованія капиталовъ, чего въ настоящее время слѣдуетъ избѣгать по недостатку въ деньгахъ; сверхъ того, пониженіе процентовъ Канкринъ считалъ несправедливымъ по отношенію къ капиталистамъ; возвышеніе ссудъ, даваемыхъ банками, съ 150 до 200 р. на душу, Канкринъ также признавалъ «мѣрою неблагонадежною»: по одной губерніи дозволить

1) 1827 г., № 353.
2) 1827 г., № 896.

этого нельзя,—запросятъ и остальныя, т. е. потребуется уже масса свободныхъ капиталовъ; да и вообще, заключалъ Канкринъ, непомѣрное облегченіе ссудъ отнюдь не есть способъ къ исправленію благосостоянія дворянства; позволенія уплатить за данную соль солью же министръ вовсе не допускалъ на томъ основаніи, что цѣна соли опредѣляется акцизомъ на нее, а вовсе не выволочкою ея, которая почти ничего не стоитъ; пониженіе пошлины за винокуреніе невозможно по указанному выше соображенію: оно стоило бы государству 5 мил. руб.; дозволеніе платить часть податей продуктами должно было вызвать, по мнѣнію министра, еще большее пониженіе цѣнъ на сельскія произведенія, а слѣдовательно не принесло бы никакой пользы; общія жалобы на затрудненія въ сбытѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній министръ призналъ вполнѣ и обѣщалъ пріискать мѣры, которыя облегчили бы вывозъ нашихъ произведеній за границу [1]).

Кромѣ этихъ просьбъ и жалобъ дворянства на затруднительное его положеніе, Комитетъ разбиралъ и другія ходатайства дворянскихъ обществъ, свидѣтельствующія о томъ же стѣсненномъ положеніи дворянскаго землевладѣнія. По нѣкоторымъ признакамъ замѣтно, что дворянское сословіе съ этого царствованія начинаетъ особенно дорожить землею,—оно старается удержать ее въ своихъ рукахъ, какъ бы предугадывая, что ненадолго останется въ его распоряженіи крѣпостной трудъ и что земля—главный источникъ положенія и значенія дворянства въ государствѣ. Рязанское дворянство чрезъ своего предводителя Муромцова просило разрѣшить однодворцамъ и казеннымъ крестьянамъ продавать всѣмъ состояніямъ свои земли участками менѣе 8 десятинъ, что по объясненію дворянства будетъ выгодно и для крестьянъ самихъ, такъ какъ люди ихъ состоянія обыкновенно не могутъ покупать земель по недостатку въ деньгахъ. Для выясненія дѣла Канкринъ представилъ Комитету слѣдующую справку: казенныхъ крестьянъ и однодворцевъ считалось въ Рязанской губерніи почти 113,000 душъ, а въ ихъ владѣніи было: 459,000 дес. удобной для пашни земли, а съ неудобною землею—всего 484,000 дес., т. е. приходилось съ небольшимъ по 4 дес. на душу; при такомъ положеніи дѣлъ Комитетомъ рѣшено было оста-

---

1) 1827 г., № 1038.

вить просьбу Рязанскаго дворянства «безъ уваженія», что и было утверждено Государемъ [1]).

Дворянство западныхъ губерній само уклонялось отъ службы; но во многихъ губерніяхъ великорусскихъ было сравнительно не мало дворянъ очень бѣдныхъ, малоземельныхъ, которые не могли давать своимъ дѣтямъ приличнаго образованія: такіе дворяне, конечно, не могли поступать на службу; по образу жизни своей и по понятіямъ они мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ и сами часто пахали землю; положеніе этой части русскаго дворянства вовсе не соотвѣтствовало тому взгляду на дворянство, который имѣлъ на это сословіе Императоръ Николай I.

Размноженіе этого класса среди дворянства грозило Россіи до нѣкоторой степени послѣдствіями, къ которымъ привела Польшу многочисленная бездомная шляхта. Само собою разумѣется, что правительство, потратившее много усилій на переустройство быта шляхты, не могло остаться равнодушнымъ къ тому, что въ центральныхъ, великорусскихъ губерніяхъ начали обнаруживаться признаки нарождавшагося дворянскаго пролетаріата. По обсужденіи этого вопроса въ 1843 г. было положено предоставить малоземельнымъ дворянамъ Смоленской, Рязанской и Симбирской губерній переселиться на свободныя казенныя земли въ Симбирской губерніи, гдѣ предполагалось отводить имъ участки земли по 60 дес. на семейство и въ Курганскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи—по 80 дес.; дѣтей же такихъ дворянъ правительство предполагало брать на свое содержаніе, отдавая малолѣтнихъ въ батальоны военныхъ кантонистовъ, а взрослыхъ—въ военную службу. Сверхъ того, Государь приказалъ: «*между тѣмъ собрать отъ всѣхъ губернаторовъ свѣдѣнія, сколько въ каждой губерніи помѣщиковъ, имѣющихъ 25 и менѣе душъ, и представить имъ списки по одинакой формѣ, съ означеніемъ какого уѣзда, сколько душъ, сколько земли и какое у помѣщика семейство, равномѣрно при дѣлежѣ по случаю смерти помѣщика подобныхъ имѣній доносить всегда Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ означеніемъ, какъ раздробится помѣстье*» [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что и раньше нѣкоторыя дворянскія

---

1) 1828 г., № 57.
2) 1843 г., № 772.

общества сами подавали просьбы о томъ, чтобы для дворянскихъ имѣній установленъ былъ minimum дѣлимости; такъ, Рязанское дворянство просило, чтобы имѣніе меньше 21 души уже не дѣлилось. Комитетъ Министровъ такія просьбы направлялъ въ Государственный Совѣтъ [1]).

Когда на основаніи положенія Комитета запрошены были дворянства нѣсколькихъ губерній (Смоленской, Рязанской, Симбирской, Калужской и Вологодской), то въ числѣ малоземельныхъ дворянъ, притомъ такихъ, которые не могли вести образа жизни, приличнаго лицамъ первенствующаго сословія, оказалось 9,287 человѣкъ обоего пола; изъ нихъ 380 семействъ изъявили желаніе быть поселенными въ Симбирской губерніи, 68—въ Тобольской; объ опредѣленіи дѣтей въ кантонисты поступило только одно ходатайство; въ Тульской губерніи считалось 207 сем. безземельныхъ дворянъ, о которыхъ губернаторъ далъ такой отзывъ: большая часть этихъ дворянъ, живя въ нищетѣ и невѣжествѣ, по образу жизни нисколько не отличается отъ крестьянскаго сословія; нѣкоторые изъ нихъ ведутъ развратную жизнь, заражены пороками и впадаютъ въ преступленія; изъ числа этихъ 207 семействъ согласны были переселиться въ Симбирскую губернію только 29 семействъ, а въ Тобольскую—1. Для побужденія такихъ дворянъ къ переселенію, а главное для того, чтобы они давали своимъ дѣтямъ приличное образованіе, — Комитетъ положилъ назначать переселяющимся ссуды и постановить въ дополненіе новое правило, чтобы въ случаѣ, если они не захотятъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ переселенія и дѣти ихъ не получатъ приличнаго дворянскому званію воспитанія, отдавать одного изъ сыновей такой семьи въ батальоны военныхъ кантонистовъ. Положеніе было утверждено [2]). Подобныя мѣры, конечно, не могли помочь дѣлу, ибо онѣ были слишкомъ принудительнаго характера: какъ будто наказывали дѣтей, отдаваемыхъ въ военные кантонисты, за безпечность и бѣдность ихъ родителей. Въ Могилевской и Витебской губерніяхъ такіе бѣдные дворяне назывались поземельными дворянами; по словамъ генералъ-губернатора, кн. Голицына, этотъ классъ происходилъ отъ древнихъ

---

1) 1828 г., № 1459.
2) 1846 г., № 393.

родовъ, но постепенно по образу жизни и познаніямъ своимъ поземельные дворяне совсѣмъ сблизились съ крестьянами; классъ этотъ кн. Голицынъ дѣлилъ на три разряда: а) дворяне, которые, не имѣя людей, имѣли землю и занимались хлѣбопашествомъ, б) дворяне, которые не имѣли ни людей, ни земли, но арендовали ея участки, и в) дворяне, которые занимали должности прикащиковъ, писарей и т. п. Всего такихъ дворянъ считалось по Витебской губерніи—8,096 чел., а по Могилевской—11,305 чел. Министръ внутреннихъ дѣлъ предполагалъ распространить на этихъ дворянъ вышеуказанныя правила, но послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «*дѣло сіе считать пріостановленнымъ, впредь до приказанія, нынѣ же министру внутреннихъ дѣлъ собрать подробныя свѣдѣнія, имѣютъ ли поземельные дворяне Витебской и Могилевской губерній документы на дворянство? буде имѣютъ, то передать на повѣрку въ учрежденные для сего комитеты; тѣхъ же, кои таковыхъ документовъ вовсе не имѣютъ, перечислить, какъ было со шляхтой, въ однодворцы. Собрать тоже свѣдѣнія, сколько числомъ въ каждой губерніи такихъ дворянъ, кои имѣютъ менѣе 10 душъ или вовсе таковыхъ не имѣютъ, занимаясь сами хлѣбопашествомъ, и были-ль на службѣ или не были, и за сколько поколѣній на службѣ не бывали?*» [1]).

Вопросъ рѣшался частными мѣрами по отношенію къ отдѣльнымъ губерніямъ. Въ 1849 г. Смоленскій губернаторъ кн. Херхеулидзевъ доносилъ въ своемъ отчетѣ объ управленіи губерніею о необразованности и безнравственности этого класса людей, которые въ нравственномъ отношеніи стояли ниже самихъ крестьянъ, бывшихъ во владѣніи ихъ. Кн. Херхеулидзевъ предлагалъ: у всѣхъ дворянъ, за которыми меньше 10 душъ, отобрать ихъ крестьянъ въ казну, выдавъ имъ соотвѣтственное вознагражденіе; самимъ дворянамъ предоставить право переселиться на свободныя казенныя земли; тѣхъ же, которые не переселились бы и оставались бы неслужилыми дворянами, оставить на мѣстѣ, но со втораго поколѣнія переселять въ Закавказье, гдѣ образовать изъ нихъ особыя станицы. Государь, считая предметъ очень важнымъ, не одобрилъ предположеній кн. Херхеулидзева, но приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ мини-

---

1) 1846 г., № 2226.

страми государственныхъ имуществъ и финансовъ,—составить положеніе объ этихъ дворянахъ и о принадлежащихъ имъ крестьянахъ, на основаніи принятыхъ въ послѣднее время мѣръ. При этомъ Государь высказалъ гр. Перовскому, что помянутыхъ дворянъ можно бы раздѣлить на четыре категоріи: 1) на тѣхъ, которые признаны дворянами, имѣютъ крестьянъ менѣе 10 душъ, но поселенныхъ на ихъ земляхъ, т. е. такихъ дворянъ, которые законно пользуются правомъ собственности и правомъ дворянства; 2) на тѣхъ, которые не утверждены въ дворянствѣ и слѣдовательно владѣютъ крестьянами неправильно; 3) на тѣхъ, которые не утверждены въ дворянствѣ, но владѣютъ одною поземельною собственностью, и 4) на тѣхъ, которые и не утверждены въ дворянствѣ и не имѣютъ ни крестьянъ, ни земли. Послѣднюю категорію Государь полагалъ причислить къ однодворцамъ и переселить ихъ туда, куда будетъ найдено нужнымъ, въ особенности, тѣхъ изъ нихъ, которые нѣсколько поколѣній не служили. Независимо отъ этого Государь, дозволяя допустить и другія подраздѣленія, если бы это могло понадобиться при ближайшемъ разборѣ правъ и положенія мелкопомѣстныхъ дворянъ, объявилъ Свою волю, чтобы дѣло непремѣнно къ 1 Января 1851 г. было внесено въ Комитетъ Министровъ.

Гр. Киселевъ въ своемъ мнѣніи предлагалъ неимущихъ дворянъ раздѣлить на три разряда: 1) доказавшихъ права на дворянство, 2) непризнанныхъ въ этомъ званіи и 3) тѣхъ, права которыхъ еще разсматриваются. Затѣмъ каждый изъ этихъ отдѣловъ слѣдуетъ раздѣлить на три категоріи: имѣющихъ крестьянъ, владѣющихъ одною землею и неимѣющихъ ни крестьянъ, ни земли. Дворяне, служившіе или служащіе, не подходятъ ни подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ они болѣе или менѣе обезпечены жалованьемъ или пенсіею. О дворянахъ 1-го разряда 1-ой категоріи (утвержденныхъ въ дворянствѣ и владѣвшихъ крестьянами) гр. Киселевъ замѣчалъ, что право владѣнія двумя или тремя душами, когда помѣщикъ живетъ вмѣстѣ съ крестьянами и ничѣмъ отъ нихъ не отличается, несообразно ни съ началами нравственности, ни съ государственною пользою. Тѣмъ не менѣе право это законно и оно не должно быть колеблемо административными мѣрами, и можетъ быть измѣнено лишь въ законодательномъ порядкѣ. Дворянъ 1-го разряда 2-ой категоріи,

владѣющихъ небольшими участками земли, гр. Киселевъ предложилъ поселить на свободныхъ казенныхъ земляхъ, назначая имъ пособія въ видѣ ссуды, а для побужденія ихъ къ этому— обращать по одному изъ сыновей ихъ въ батальоны военныхъ кантонистовъ, если они не согласятся перейти на новое поселеніе. Дворянъ 3-й категоріи этого разряда гр. Киселевъ предлагалъ немедленно устранить административнымъ порядкомъ, поселивъ ихъ въ отведенныхъ имъ мѣстностяхъ; съ нихъ, какъ съ людей, унизительнымъ своимъ положеніемъ обращающихъ на себя особое вниманіе, и слѣдуетъ начать переселеніе.

Дворяне 2-го разряда, т. е. не признанные дворянами, не должны были вызывать никакихъ новыхъ мѣръ, съ ними и ихъ собственностью должно быть поступлено по закону.

Относительно дворянъ 3-го разряда слѣдуетъ прежде всего ускорить разсмотрѣніе ихъ правъ на дворянство, а затѣмъ уже подводить ихъ подъ указанные разряды.

Гр. Вронченко, министръ финансовъ, указалъ Комитету на источникъ, изъ котораго могутъ быть покрыты расходы по пріобрѣтенію въ казну имѣній мелкопомѣстныхъ дворянъ Смоленской губерніи, именно на суммы изъ заемнаго банка; ссуду на переселеніе дворянъ гр. Вронченко опредѣлялъ въ размѣрѣ 100—140 р. на семью; ссуду эту заемщики должны были уплатить въ 12 лѣтъ, при томъ и уплата ея начиналась только чрезъ 8 лѣтъ послѣ водворенія ихъ на новомъ мѣстѣ; гр. Вронченко выразилъ желаніе, чтобы хотя приблизительно, но точно была опредѣлена та сумма, которая потребуется на приведеніе этой мѣры въ исполненіе.

Гр. Перовскій былъ противъ принудительныхъ мѣръ: дворяне 1-й категоріи законно пользуются своимъ правомъ; переселеніе дворянъ, владѣющихъ только землею, слѣдуетъ оставить на ихъ доброй волѣ, отмѣнивъ даже отдачу дѣтей въ кантонисты, такъ какъ эта мѣра только ослабитъ ихъ рабочія силы; наконецъ, изъ дворянъ 3-й категоріи, т. е. ничего не имѣющихъ, нѣкоторые, можетъ быть, занимаются искусствами и ремеслами; другіе проживаютъ у достаточныхъ помѣщиковъ, занимая разныя должности, по хозяйству, на фабрикахъ и т. п. Такія занятія, по мнѣнію Перовскаго, нельзя считать неприличными для бѣдныхъ дворянъ и отсылка такихъ лицъ въ губерніи Тобольскую или Симбирскую была бы для нихъ слишкомъ тяжелою мѣрою; слѣдовало бы пред-

варительно собрать свѣдѣнія о занятіяхъ бѣдныхъ дворянъ и тѣмъ изъ нихъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе работами у крестьянъ, внушать, что правительство, заботясь объ ихъ благосостояніи, открываетъ имъ средства къ улучшенію ихъ быта, переселяя ихъ на казенныя земли съ выдачею пособія. Переходя затѣмъ къ вопросу о переселеніяхъ дворянъ вообще, гр. Перовскій находилъ, что необходимо для успѣха дѣла дать переселенцамъ-дворянамъ болѣе выгодъ, чѣмъ это было оказываемо; желательно было бы, чтобы назначаемое имъ пособіе не только покрывало ихъ расходы по переселенію, но также, чтобы выгоды и удобства отъ переселенія въ большей степени превышали то, чѣмъ такіе дворяне пользуются въ настоящее время, ибо естественно, что, не имѣя въ виду значительнаго и вѣрнаго улучшенія своего быта, никто не рѣшится бросить родной край и удалиться отъ близкихъ людей.

Комитетъ призналъ прежде всего, что всѣ мѣры, принятыя по этому вопросу до настоящаго времени, не имѣли желаннаго успѣха; между тѣмъ число такихъ дворянъ весьма значительно и потому дѣйствительно необходимо озаботиться не только устройствомъ ихъ быта, но и уменьшеніемъ ихъ числа. Положеніе такихъ дворянъ не въ одной Смоленской губерніи, но и во многихъ другихъ самое бѣдственное, но положеніе принадлежащихъ имъ крестьянъ еще несчастнѣе. Обращаясь къ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Комитетъ не могъ не замѣтить, что она имѣетъ въ виду исключительно мелкопомѣстныхъ дворянъ Смоленской губерніи, между тѣмъ какъ относительно этихъ дворянъ слѣдуетъ принять мѣры не по одной Смоленской, но и по другимъ губерніямъ, гдѣ положеніе ихъ такое же, если не хуже. Въ виду разногласія между министрами, разсматривавшими вопросъ, Комитетъ признаетъ, что по важности настоящаго дѣла было бы полезно изыскать мѣры не только къ устройству быта мелкопомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ, но также и къ уменьшенію числа такихъ дворянъ на будущее время; по мнѣнію Комитета такая важная и обширная работа съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть сдѣлана только II Отдѣленіемъ Канцеляріи Его Величества; при этой работѣ необходимо обратить вниманіе: 1) на постоянно увеличивающееся число мелкопомѣстныхъ дворянъ, и 2) на дурное положеніе принадлежащихъ имъ крестьянъ, а министру внутреннихъ дѣлъ

слѣдуетъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о числѣ и положеніи мелкопомѣстныхъ дворянъ вообще [1]). Государь это положеніе утвердилъ. Затѣмъ на рапортѣ за 1852 г. военнаго губернатора г. Смоленска и Смоленскаго гражданскаго губернатора—Государь написалъ: «*дѣтей всѣхъ дворянъ, лично занимающихся хлѣбопашествомъ, отсылать въ батальоны кантонистовъ, ежели родители того пожелаютъ; тѣхъ же, кои дома достигнутъ 18 лѣтъ, опредѣлять на службу рядовыми. Всѣмъ дворянамъ хлѣбопашцамъ представить мнѣ списки*».

Изъ представленнаго списка оказалось, что въ Смоленской губерніи такихъ дворянъ было:

мужского пола	967	чел.
женскаго	1,024	—
у нихъ дѣтей мужского пола: а) служащихъ	192	—
б) въ учебныхъ заведеніяхъ	88	—
в) при родителяхъ	926	—
женскаго пола	1,113	—

Предсѣдатель Комитета, кн. Чернышевъ, которому Государь приказалъ представить свои соображенія по этому предмету, иначе сгруппировалъ эти свѣдѣнія:

Семействъ дворянскихъ, которыя лично занимались хлѣбопашествомъ,—927.

Въ нихъ лицъ мужского пола	2,184	чел.
изъ этого числа:		
а) состояло на службѣ	220	—
б) отставныхъ	116	—
в) неслужащихъ дворянъ и дѣтей ихъ	1,339	—
г) несовершеннолѣтнихъ	509	—
лицъ женскаго пола	2,237	—

Земельныя владѣнія этихъ дворянскихъ семействъ опредѣлялись такъ:

Ничего не имѣли	26	сем.
1/2 — 10 десятинъ	293	—
10 — 25 —	342	—
25 — 50 —	182	—
50 — 75 —	37	—

[1]) 1851 г., № 112.

75—100 десятинъ		16 сем.
100—200 —		21 —
200—300 —		9 —

Крестьянами при землѣ въ количествѣ 46 душъ владѣли всего 21 дворянинъ.

Кн. Чернышевъ считалъ, что лучше всего бы обратить этихъ дворянъ въ государственныхъ крестьянъ; но добавлялъ, что не признаетъ возможнымъ сдѣлать этого безъ подготовительныхъ мѣръ, ибо прямое обращеніе было бы слишкомъ крутою мѣрою, къ тому же направленною на людей, которые дошли до своего теперешняго состоянія не по своей винѣ, а единственно вслѣдствіе крайней бѣдности. Такими подготовительными мѣрами кн. Чернышевъ считалъ: объявить, что если три поколѣнія такихъ малоземельныхъ дворянъ не были на государственной службѣ, то: 1) они перечисляются въ разрядъ однодворцевъ; 2) дѣти ихъ записываются въ кантонисты; и 3) крестьяне послѣ этого отъ нихъ отбираются. Государемъ на представленіи кн. Чернышева написано: «*мнѣніе ваше совершенно согласно съ моимъ; предоставляю вамъ сіе исполнить чрезъ Комитетъ Министровъ*» [1]).

Въ 1848 г. Государь, разсмотрѣвъ списки дворянъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, которые въ возрастѣ 16—30 лѣтъ не служили, приказалъ Комитету Министровъ сообразить, какія мѣры должно предпринять къ отклоненію такого преступнаго направленія дворянства въ томъ краѣ? Первоначально спрошено было мнѣніе генералъ-губернатора г. ад. Бибикова. Ген. Бибиковъ далъ такой отзывъ о дворянствѣ Югозападнаго края:

Оно, по его словамъ, состояло изъ двухъ разрядовъ: 1) стариннаго, высшаго дворянства, которое пріобрѣло во время польскаго неустройства разныя права и не знало надъ собою никакихъ законовъ, и 2) дворянства низшаго, образовавшагося изъ родовъ, служившихъ не правительству, а магнатамъ. Точнѣе дворянство можетъ быть раздѣлено на: утвержденное герольдіей въ своемъ достоинствѣ и неутвержденное; неслужилыхъ дворянъ:

утвержденныхъ герольдіей..1,357 ч., неутвержденныхъ 6,732 ч.
изъ нихъ бывшихъ въ учебныхъ заведеніяхъ.......... 637 — — 571—

1) 1854 г., № 121.

небывшихъ........... 720 ч., неутвержденныхъ 6,161 ч.
въ томъ числѣ неграмотныхъ................ 267 — — 4,528—

Бибиковъ высказался противъ принудительныхъ мѣръ: во первыхъ, невыгодно и неудобно для правительства было бы большую часть должностей въ краѣ замѣстить лицами польскаго происхожденія; во вторыхъ, такія мѣры представились бы какъ нарушеніе дворянской грамоты, вызвали бы ропотъ и противодѣйствовали бы постепенному сближенію поляковъ съ русскими, между тѣмъ какъ бѣдные дворяне, роднясь съ простымъ русскимъ народомъ, мало по малу сливаются съ нимъ въ одну массу; богатыхъ же дворянъ полезно было бы, по мнѣнію Бибикова, назначать на службу въ великорусскія губерніи, въ противномъ случаѣ, т. е. при отказѣ съ ихъ стороны ѣхать на службу, облагать ихъ особымъ сборомъ по 3 четверти муки и овса съ ревизской души, не обращая, однако, сбора на крестьянъ. Въ Комитетѣ мѣры эти вызвали возраженіе со стороны товарища министра юстиціи, Илличевскаго, который говорилъ, что проектируемый ген. Бибиковымъ особый сборъ можетъ пасть на крестьянъ, а что цѣлесообразнѣе было бы неслужащимъ дворянамъ запретить участвовать въ выборахъ, быть избираемыми и получать заграничные паспорта; гр. Блудовъ также высказался противъ проекта: государство не терпѣло недостатка въ лицахъ, которыя желали бы служить, напротивъ, кандидатовъ было больше, чѣмъ должностей, почему II Отдѣленіе предлагало только поощрительныя и вспомогательныя мѣры: разрѣшить служить по выборамъ и неслужившимъ дворянамъ, увеличить число чиновниковъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, привлекать дворянъ въ военную службу. Комитетъ въ своемъ заключеніи обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что изъ 8,089 неслужащихъ дворянъ—такихъ, за родителями которыхъ есть крестьяне, считается всего 571 чел., остальные же принадлежатъ къ разряду мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дворянъ, и положилъ передать вопросъ также на заключеніе II Отдѣленія. Государемъ написано на статьѣ: «*отложить до времени*» [1]. Между тѣмъ въ 1852 г. состоялся именной указъ (1852 г. Апрѣля 21), которымъ предписывалось сыновей дворянъ-

[1]) 1851 г., № 1494.

помѣщиковъ неправославнаго исповѣданія Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской губерній, у которыхъ самихъ или за женами которыхъ не менѣе 100 душъ крестьянъ, опредѣлять по достиженіи ими 18 лѣтъ на службу подпрапорщиками или юнкерами, а въ случаѣ если не выдержатъ установленнаго экзамена, то и рядовыми на правахъ дворянъ. Исключеніе указъ дѣлалъ только для слабыхъ здоровьемъ и единственныхъ сыновей; затѣмъ, тѣ, кто сами раньше поступали на службу въ возрастѣ 16—18 лѣтъ, имѣли право выбирать полки, въ которые записывались; новый законъ дозволялъ поступать молодымъ дворянамъ на гражданскую службу, но непремѣнно въ великорусскія губерніи. Примѣненіе новаго закона вызвало на практикѣ нѣкоторыя недоумѣнія, которыя разрѣшены были Комитетомъ:

1) Должно ли высылать на службу сыновей дворянъ, воспитывающихся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также предназначающихъ себя для какой либо спеціальной въ будущемъ цѣли? Комитетъ положилъ: не высылать, но вмѣнить имъ въ обязанность по окончаніи курса поступить на службу, въ противномъ случаѣ они подлежатъ общимъ правиламъ. Государемъ написано: «*такъ*».

2) Высылать ли на службу неслужащихъ дворянъ, уже переступившихъ 18-ти-лѣтній возрастъ? По мнѣнію Комитета— не слѣдуетъ, но такъ какъ въ указѣ сказано, что освобожденныхъ отъ службы по слабости здоровья слѣдуетъ осматривать ежегодно до достиженія ими 25 лѣтъ, то возможно мнѣніе, что высылкѣ на службу подлежатъ всѣ дворяне, имѣющіе отъ 18 до 25 лѣтъ, а потому разрѣшеніе сомнѣнія этого зависитъ отъ Высочайшаго усмотрѣнія. Государемъ написано: «*обратнаго дѣйствія законъ имѣть не можетъ: высылкѣ подлежатъ тѣ, кои достигаютъ 18 лѣтъ, и повѣркѣ ежегодной они же до 25 лѣтъ*».

3) Высылать ли на службу тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые по смерти родителей или при жизни ихъ вступили въ управленіе отдѣленными имъ имѣніями и женились? Комитетъ положилъ: не высылать. Государь:—«*высылать на службу*».

4) Какимъ порядкомъ высылать молодыхъ дворянъ, которые захотятъ поступить въ гражданскую службу? Комитетъ, опасаясь, что въ ближайшія къ западнымъ губерніи будетъ

значительный приливъ уроженцевъ Западнаго края, желающихъ служить тамъ, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ составить проектъ правилъ опредѣленія такихъ дворянъ на службу. Государь приказалъ представить Ему правила объ опредѣленіи дворянъ западныхъ губерній въ военную службу и положилъ резолюцію: «*примѣнить къ поступающимъ въ гражданскую службу тѣ же правила; ежели имъ мѣста не будетъ, то обязать поступать въ военную службу, а неспособныхъ свидѣтельствовать, какъ велѣно*».

5) Наблюденіе за дворянами, чтобы они не уклонялись отъ службы, Комитетъ возложилъ на отвѣтственность губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства.

6) Высылку на службу и осмотръ дворянъ западныхъ губерній, проживавшихъ въ другихъ мѣстахъ, Комитетъ возложилъ на начальство западныхъ губерній.

7) Осмотры дворянъ—на генералъ-губернаторовъ.

8) Дворянъ, опредѣляемыхъ въ военную службу, положено было Комитетомъ высылать на ихъ собственный счетъ въ Сувалки (дворянъ Минской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерній) и въ Кременецъ (дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній).

9) Комитетъ положилъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ пререканій по этому дѣлу между генералъ-губернаторами, губернаторами и предводителями дворянства первые, т. е. генералъ-губернаторы, обращались въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Пункты эти, 5—9, были утверждены Государемъ [1]).

На такомъ же основаніи поступлено было съ сыновьями умершихъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ—личныхъ дворянъ; Комитетъ положилъ: если они до 18 лѣтъ не поступятъ въ учебныя заведенія или на службу, то отдавать ихъ въ учебныя войска [2]).

Кромѣ государственной службы дворянство должно было нести мѣстную службу. Дѣла, которыя по вопросамъ мѣстной службы разсматривалъ Комитетъ Министровъ, двойственнаго характера: съ одной стороны, нерѣдкія заявленія мѣстной администраціи объ уклоненіи дворянъ отъ службы, о томъ, что выборныя дворянствомъ лица или не знаютъ

---

1) 1852 г., № 875.
2) 1853 г., № 370.

*

службы, или не соблюдаютъ должнаго безпристрастія; а съ другой стороны, дворянство просило и о расширеніи своихъ правъ по мѣстной службѣ и объ огражденіи выборныхъ имъ лицъ отъ произвола губернскихъ властей. Законодательство Императора Николая I обнаружило по этому вопросу нѣкоторое колебаніе: съ одной стороны оно расширило права дворянства, предоставивъ ему въ 1831 г. избраніе предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго судовъ [1]), а съ другой стороны—въ 1837 г. издано было новое положеніе о земской полиціи: земскіе исправники оставлены были попрежнему по выбору дворянства, но уѣзды были раздѣлены на станы, завѣдуемые становыми приставами, которые назначались губернскими правленіями съ нѣкоторымъ участіемъ дворянства [2]). Колебанія законодательства сказались, конечно, и въ заключеніяхъ Комитета Министровъ, но въ общемъ высшее правительство того времени усваивало себѣ мысль, что интересы управленія выиграютъ, если полиція вся будетъ по назначенію, а не по выбору; но при этомъ правительство не желало отнимать у дворянства того, что составляло его право.

Попрежнему губернаторы продолжали жаловаться на уклоненія дворянства отъ службы: въ началѣ царствованія такія жалобы поступили изъ губерній Тверской, Новгородской и Псковской; Комитету пришлось разрѣшить опредѣленіе на три года на нѣкоторыя выборныя должности чиновниковъ по назначенію; при этомъ Ланской, отмѣтивъ, что чиновники весьма неохотно принимаютъ мѣста на три года, предлагалъ внести поправку или дополненіе въ законъ: опредѣленныхъ такимъ путемъ чиновниковъ дозволяется оставлять съ согласія дворянства въ ихъ должностяхъ и по истеченіи трехлѣтняго срока. Комитетъ утвердилъ это предложеніе, положивъ ускорить обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ представленія объ истинныхъ причинахъ уклоненія дворянства отъ службы. Поло-

---

1) По закону 1831 г. дворянства выбирали по два кандидата на должность предсѣдателя каждой палаты, о выбранныхъ лицахъ начальникъ губерніи представлялъ Сенату на Высочайшее усмотрѣніе; прежній порядокъ назначенія предсѣдателей отъ короны оставленъ былъ для губерній, возвращенныхъ отъ Польши, и для губерній Астраханской и Таврической, для Грузіи, Кавказа и Бессарабіи. См. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права, стр. 467.

2) Романовичъ-Славатинскій, op. cit., стр. 469.

женіе было утверждено [1]). Витебское и Могилевское дворянства объясняли этотъ недостатокъ тѣмъ, что весьма мало дворянъ имѣли право на выборы, и просили разрѣшенія допускать къ выборамъ и тѣхъ дворянъ, которые хотя и не имѣютъ чиновъ, но служили по выборамъ. Въ предыдущее царствованіе нѣсколько разъ, дѣйствительно, разрѣшалось это «нечиновнымъ» дворянамъ, но каждый разъ съ ограниченіями и объявлялось, что разрѣшеніе дается въ послѣдній разъ; въ 1827 г. въ виду отзыва Цесаревича Константина Павловича, что дворянство Бѣлорусскихъ губерній уклоняется отъ поступленія на коронную службу, Комитетъ отклонилъ просьбу объ этомъ дворянства и положеніе Комитета было утверждено [2]). Въ царствованіе Императора Николая I внесена была, какъ извѣстно, существенная поправка въ жалованную грамоту установленіемъ ценза, который давалъ право выбора въ дворянскихъ собраніяхъ. Законъ 1831 г. вызванъ былъ, очевидно, тѣми безпорядками, которые происходили на дворянскихъ собраніяхъ и примѣры которыхъ были приведены въ первомъ томѣ. Послѣ изданія новаго закона безпорядки уменьшились, но затрудненія въ выборахъ, конечно, усилились. Примѣненіе новаго закона вызывало недоумѣнія, и Государственный Совѣтъ въ 1832 г. дважды издавалъ дополнительныя статьи и только въ 1836 г. законъ былъ окончательно опредѣленъ и разъясненъ. Нѣкоторыя недоразумѣнія разъяснялъ и устранялъ Комитетъ Министровъ; такъ, уже въ 1832 г. просили изъятія изъ новаго закона для С.-Петербургской губерніи; Комитетъ призналъ неудобнымъ дозволять отступленія отъ закона, только что изданнаго [3]); но въ началѣ 1833 г. самъ министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ войти въ Комитетъ съ представленіемъ о недостаткѣ въ Петербургской губерніи дворянъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, владѣющихъ не менѣе, чѣмъ 100 душами или не менѣе 3,000 дес. земли; Комитетъ разрѣшилъ это недоумѣніе тѣмъ, что къ выборамъ поуѣзднымъ разрѣшилъ допускать всѣхъ, имѣющихъ вообще повсемѣстно не менѣе указаннаго ценза, а равно и дворянъ, имѣющихъ 2.000 р. годового дохода [4]). Въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи,

---

1) 1826 г., № 2233.
2) 1827 г., № 1029.
3) 1832 г., № 2049.
4) 1833 г., № 75.

не оказалось ни одного дворянина, который могъ бы быть избранъ по новому положенію; дворяне той же губерніи, но другихъ уѣздовъ, отказались отъ избранія; Боровское дворянство просило позволенія выбрать г. м. Баранова, не имѣвшаго въ уѣздѣ собственности, но участвовавшаго въ выборахъ по довѣренности матери его. Просьба была уважена Комитетомъ [1]). Эти объясненія и поправки Комитета къ новому закону были утверждены Государемъ.

Запрещеніе новаго закона избирать въ должности по выборамъ лицъ, которыя состояли на коронной службѣ, еще болѣе увеличило эти трудности. Неудивительно, что на невыгоду новаго положенія указано было прежде всего Псковскимъ губернаторомъ: въ этой губерніи губернаторы постоянно жаловались на трудность замѣщенія выборныхъ должностей: въ 1832 г. губернаторъ разрѣшилъ избраніе должностныхъ лицъ, руководствуясь соображеніемъ, что выбранныя лица согласны были оставить коронную службу, а на случай неутвержденія ихъ дворянствомъ выбраны были къ нимъ кандидаты изъ неслужащихъ дворянъ. Блудовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, видѣлъ въ рѣшеніи губернатора нарушеніе одного изъ пунктовъ (§ 83) вновь изданнаго закона и полагалъ поставить это обстоятельство на видъ губернатору, чтобы впредь онъ не осмѣливался такъ поступать. Государь приказалъ внести это дѣло въ Комитетъ съ замѣчаніемъ: «*губернаторъ совершенно виновенъ тѣмъ, что превзошелъ свою власть*». Комитетъ положилъ произвести новые выборы, а губернатору и губернскому предводителю объявить строгій выговоръ. Положеніе было утверждено [2]). Въ Таврической губерніи изъ двухъ выбранныхъ кандидатовъ одинъ отказался, а другой—въ то время состоялъ на коронной службѣ; на этотъ разъ министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ Государю о необходимости направить донесеніе объ этомъ губернатора или въ Государственный Совѣтъ или въ Комитетъ Министровъ. Государь велѣлъ передать въ Комитетъ, который нашелъ, что такъ какъ второй кандидатъ былъ уже уволенъ отъ службы, когда дѣло разсматривалось въ Комитетѣ, то можно его утвердить въ долж-

---

1) 1833 г., № 390.
2) 1832 г., № 997.

ности, подтвердивъ, однако, чтобы впредь на выборахъ соблюдался установленный порядокъ [1]).

Если нѣсколько разъ приходилось принимать мѣры противъ уклоненія дворянъ отъ службы по выборамъ, то съ другой стороны дворянство просило правительство о подтвержденіи и даже о расширеніи его правъ, въ томъ числѣ и права участія въ земскомъ управленіи. Просили объ этомъ дворянства Полтавской и Черниговской губерній, также дворянства Кіевской и Бѣлорусскихъ губерній. Рязанское дворянство просило, чтобы выборныхъ дворянъ не отрѣшали безъ суда отъ должностей; Таврическое дворянство просило о дозволеніи ему избирать изъ своей среды татарскихъ или русскихъ дворянъ въ члены уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ губерніи; Комитетъ дозволилъ это, но съ ограниченіемъ, чтобы выборные дворяне знали русскій языкъ (незнаніе многими лицами, занимавшими выборныя должности, русской грамоты—и было причиною, почему Таврическое дворянство было лишено этого права). Положеніе было утверждено [2]).

Псковское дворянство просило въ 1831 г., чтобы дворянству предоставлено было право выбирать предсѣдателей уголовной и гражданской палатъ; чтобы выборные дворяне были увольняемы отъ службы не иначе, какъ по сношенію съ губернскимъ предводителемъ, и чтобы выбранные въ должности въ третій разъ получали чины. Просьбы дворянскихъ обществъ о томъ, чтобы должности предсѣдателей палатъ были выборныя, были уважены правительствомъ, но за то положеніе 1837 г. установило назначеніе участковыхъ засѣдателей и становыхъ приставовъ отъ короны; нѣсколько дворянскихъ обществъ просило о возвращеніи къ старому порядку: по словамъ Полтавскаго дворянства, назначенные отъ короны засѣдатели и пристава не знаютъ обычаевъ края, дѣлаютъ ошибки; не завися отъ дворянства, они больше будутъ стараться о собственной, чѣмъ объ общей пользѣ; по словамъ Екатеринославскаго дворянства,—новые засѣдатели и пристава неопытны, большею частью изъ канцелярскихъ служителей или отставныхъ военныхъ, не имѣютъ собственности, не понимаютъ своихъ обязанностей; на то же жаловалось Рязан-

---

1) 1833 г., № 1132.
2) 1829 г., № 568.

ское дворянство. Но министръ внутреннихъ дѣлъ по этому поводу объяснилъ въ Комитетѣ, что новый порядокъ установленъ съ цѣлью доставить высшему мѣстному начальству больше вліянія на назначеніе должностныхъ лицъ; при этомъ положено назначать въ эти должности по преимуществу лицъ изъ мѣстныхъ дворянъ; ошибки со стороны губернаторовъ могутъ быть, но также могутъ ошибаться и дворянскія собранія; министръ прибавилъ, что по донесеніямъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ земское и полицейское управленія вообще идутъ успѣшнѣе, нежели прежде, и что, поэтому, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ результатовъ опыта. Комитетъ вполнѣ согласился съ министромъ и на положеніе Комитета послѣдовало согласіе Государя [1]). Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ все большую силу получало направленіе противоположное, т. е. убѣжденіе въ невыгодности оставлять уѣздное управленіе въ рукахъ дворянства. Въ томъ же 1839 г. Тверской губернаторъ предлагалъ измѣнить порядокъ назначенія уже исправниковъ: одно дворянство, писалъ онъ, избираетъ исправниковъ, при такомъ условіи весьма трудно ожидать безпристрастія отъ этого чиновника и, дѣйствительно, если исправникъ безпристрастно отправляетъ свою службу, то его обыкновенно забаллотировываютъ при новыхъ выборахъ; поэтому Тверской губернаторъ предлагалъ назначать ихъ отъ короны. Не въ первый разъ поднимается, говорилъ въ Комитетѣ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, этотъ вопросъ, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни; можетъ быть, было бы цѣлесообразнѣе назначать исправниковъ отъ короны, но съ другой стороны это есть право дворянства, отнимать которое отъ него нѣтъ основаній [2]). Ковенскій губернаторъ въ своемъ отчетѣ доносилъ: уѣздные суды вовсе не удовлетворяютъ ожиданіямъ правительства: въ нихъ дѣла рѣшаются, большею частью, произвольно, охраненіе правъ казны и вообще казенный интересъ, равно укрѣпленіе правъ частныхъ лицъ на имущество,—дѣло для нихъ почти «равнодушное»; въ нравственномъ отношеніи въ судахъ совершенно отсутствуетъ чувство строгаго безпристрастія, чинопочитанія и приличія по отношенію къ старшимъ,—

---

[1]) 1839 г., № 400.
[2]) 1839 г., № 990.

причина всему этому—безсиліе и неспособность предсѣдательствующихъ, въ которые обыкновенно избираются лица неопытныя, не ознакомленныя съ дѣлами. Противъ этого мѣста отчета Государемъ написано: «*что предполагается?*». Въ отвѣтъ Виленскій генералъ-губернаторъ предложилъ: не лишая дворянство права выбирать предсѣдателей, предоставить губернаторамъ право: въ случаѣ избранія неблагонадежныхъ и неспособныхъ замѣнять ихъ чиновниками отъ правительства. Комитетъ положилъ только: представить дѣло на Высочайшее усмотрѣніе, а Государь положилъ резолюцію: «*исполнить*» [1]).

Столкновенія между администраціею и дворянствомъ чаще всего происходили по поводу избранія губернскихъ предводителей. Наиболѣе сильныя столкновенія произошли между Черниговскимъ дворянствомъ и Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Репнинымъ. Сначала кн. Репнинъ уволилъ за два мѣсяца до срока Черниговскаго губернскаго маршала г. м. Ширая, когда послѣдній не пріѣхалъ на Высочайшій смотръ въ Козельскъ; на новыхъ выборахъ дворянство снова выбрало Ширая первымъ кандидатомъ, но кн. Репнинъ отправилъ ему письмо, въ которомъ спрашивалъ, позволитъ ли ему здоровье немедленно прибыть въ Черниговъ; когда же Ширай отказался отъ пріѣзда въ Черниговъ подъ предлогомъ нездоровья, то кн. Репнинъ отклонилъ его кандидатуру. Свой образъ дѣйствій Репнинъ объяснялъ тѣмъ, что Ширай мало занимался дѣлами, постоянно почти проживая въ 180 верстахъ отъ Чернигова; что Ширай постоянно оказывалъ ему противодѣйствіе; что Ширай часто не пріѣзжалъ въ городъ по приглашенію его, и часто же уѣзжалъ изъ города самовольно; что Ширай роздалъ безъ установленныхъ залоговъ до 70 т. р. дворянскихъ денегъ, и что въ заключеніе Ширай былъ весьма нескроменъ въ разговорахъ и несмотря на глубокую старость вмѣсто благонравія и порядка покровительствовалъ пороку. Комитетъ Министровъ призналъ, что генералъ-губернаторъ имѣлъ право не утвердить Ширая, но отставлять его до окончанія срока не имѣлъ права, что и надлежитъ поставить на видъ кн. Репнину. Положеніе это было утверждено Государемъ.

Вслѣдъ затѣмъ на кн. Репнина поступила жалоба д. с. с. Кочубея: Въ 1829 г. дворянство Глуховскаго повѣта (Черниг.

---

1) 1852 г., № 735.

губ.) избрало Кочубея повѣтовымъ маршаломъ, а затѣмъ дворянства другихъ повѣтовъ губерніи—губернскимъ маршаломъ. Кн. Репнинъ не утвердилъ этого выбора на томъ основаніи, что Кочубей въ собраніи дворянъ подалъ мнѣніе, противное распоряженію начальства, и, слѣдовательно, не можетъ пользоваться довѣріемъ его, кн. Репнина. Государь приказалъ ген. Бенкендорфу спросить кн. Репнина о причинахъ, по которымъ онъ такъ поступилъ съ Кочубеемъ. Кн. Репнинъ представилъ дѣло въ такомъ свѣтѣ: въ 1829 г. одинъ корчемникъ въ Черниговской губ. застрѣлилъ своего товарища; тогда Его Величествомъ было приказано, дабы приняты были строгія мѣры къ прекращенію подобныхъ безпорядковъ; генералъ-губернаторъ немедленно распорядился закрыть на 30-верстномъ разстояніи отъ великорусскихъ губерній всѣ шинки, на которые не дано было законнаго разрѣшенія; сверхъ того генералъ-губернаторъ сдѣлалъ особое внушеніе Глуховскому дворянству, объявивъ ему, что если оно само не приметъ мѣръ для открытія и преслѣдованія корчемниковъ и корчемство не прекратится, то онъ, кн. Репнинъ, будетъ просить Его Величество о лишеніи Глуховскаго дворянства права свободной продажи и куренія вина. Тогда Глуховское дворянство составило въ общемъ собраніи опредѣленіе о средствахъ для скорѣйшаго прекращенія корчемства, но Кочубей подалъ особое мнѣніе, въ которомъ писалъ: «какъ бы то ни было мы живемъ въ вѣкъ необыкновенныхъ событій: поступки нѣсколькихъ лицъ могутъ быть представляемы въ видѣ общихъ злоупотребленій и пагубныя слѣдствія, кои должны бы постигать однихъ виновныхъ, могутъ сдѣлаться неизбѣжными для всѣхъ». Кн. Репнинъ за внесеніе въ журналъ такого мнѣнія сдѣлалъ выговоръ Глуховскому маршалу, приказавъ ему объявить слѣдующія слова изъ Высочайшаго рескрипта по поводу безпорядковъ, происшедшихъ при дворянскихъ выборахъ: «скромное и строгое наблюденіе правилъ, закономъ предписанныхъ, есть священный долгъ сословія, коему преимущественно ввѣряется защита престола и отечества», и распорядился вынуть изъ дѣла особое мнѣніе Кочубея. Затѣмъ кн. Репнинымъ отправленъ былъ чиновникъ, который отбиралъ у Глуховскихъ помѣщиковъ подписки въ томъ, что въ ихъ шинкахъ вино будетъ продаваться только для питья, а не на выносъ; Кочубей не далъ такой подписки. Кн. Репнинъ добавилъ, что онъ давно

знакомъ съ Кочубеемъ, который двадцать лѣтъ пользовался его расположеніемъ, между тѣмъ онъ не только не объяснился съ нимъ и не загладилъ скромностью свое поведеніе, но предъ выборами 1829 г. вступилъ въ неприличные разговоры съ людьми, обратившими на себя невыгодное замѣчаніе со стороны начальства, уговоривъ избрать въ кандидаты Ширая и его, Кочубея.

Кочубей въ своей жалобѣ объяснилъ, что въ Глуховскомъ повѣтѣ 455 разныхъ владѣній; если бы, вопреки всякому вѣроятію, даже $^1/_{10}$ изъ нихъ были причастны корчемству, такъ и то ужасно было бы помыслить, чтобы прочіе «въ толикомъ числѣ» лишены были правъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ существованіе; дворянство готово «извергнуть» изъ своего состава всѣхъ виновныхъ въ этомъ лицъ; лично же онъ, Кочубей, оскорбленъ отзывомъ кн. Репнина: если онъ двадцать лѣтъ пользовался его расположеніемъ, то не могъ онъ вдругъ сдѣлаться крамольникомъ и интриганомъ. Кн. Репнинъ употребилъ противъ него средство клеветы, но онъ увѣренъ, что дворянство губерніи и высшее общество столицы будутъ порукою ему въ противность тому, что кн. Репнинъ не устыдился написать о немъ; онъ, Кочубей, дѣйствительно не далъ требуемой подписки, но потому, что она есть совершенное нарушеніе правъ Малороссійскаго дворянства.

Министръ внутреннихъ дѣлъ спросилъ кн. Репнина, что это были за люди, съ которыми разговаривалъ Кочубей и какіе именно разговоры онъ велъ съ ними? Кн. Репнинъ отвѣчалъ, что для пользы службы и сохраненія общаго порядка въ губерніи онъ считаетъ своею обязанностью употреблять тайное разслѣдованіе чрезъ людей, имена которыхъ должны оставаться въ непроницаемой тайнѣ. Послѣ такого отвѣта министръ внутреннихъ дѣлъ далъ заключеніе: 1) Кочубей употребилъ въ своемъ отзывѣ выраженія о главномъ начальникѣ края, которыя не могутъ быть дозволены никакому частному лицу; 2) Кочубей долженъ былъ дать подписку, а потомъ имѣлъ право жаловаться; 3) кн. Репнинъ, по мнѣнію министра, позволилъ себѣ неправильныя дѣйствія и уклонился отъ сообщенія свѣдѣній, потребованныхъ отъ него по Высочайшему повелѣнію. Комитетъ нашелъ, что угроза кн. Репнина не могла не произвести непріятнаго впечатлѣнія, будто за преступленія виновныхъ должны подвергаться наказанію и

невиновные, угроза была совершенно неприлична; неосторожность Кочубея въ выраженіяхъ заслуживаетъ замѣчанія; неутвержденіе Кочубея маршаломъ повѣта сдѣлано было также вопреки закона, который запрещаетъ избирать только людей, въ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ бывшихъ, а также безчестныхъ и зазорнаго поведенія; отвѣтъ кн. Репнина министру о тайныхъ разговорахъ Кочубея Комитетъ также находилъ недостаточнымъ, поэтому Комитетъ полагалъ: поставить всѣ эти обстоятельства на видъ кн. Репнину, а Кочубею сдѣлать замѣчаніе, не лишая его права участвовать на выборахъ и быть избираемымъ. Государь положилъ резолюцію: «*хотя я считаю мнѣніе сіе основательнымъ, но до утвержденія онаго спросить кн. Репнина, имѣетъ ли что возразить на оное въ свое оправданіе*».

Кн. Репнинъ представилъ обширное оправданіе своихъ дѣйствій. Высказавъ, прежде всего, благодарность за возможность принести свои оправданія, кн. Репнинъ писалъ: къ нему постоянно поступали жалобы губернаторовъ: Смоленскаго, Орловскаго и Курскаго на корчемство въ Черниговской губерніи; въ 1824 г. онъ принужденъ былъ обратиться по этому дѣлу за содѣйствіемъ къ дворянству губерніи; и онъ въ дворянствѣ всѣхъ пограничныхъ повѣтовъ, кромѣ Глуховскаго, встрѣтилъ полное сочувствіе, но въ Глуховскомъ повѣтѣ корчемство, усиливаясь каждый годъ, обратилось въ постыдный промыселъ: изъ сосѣднихъ губерній пріѣзжаютъ туда справлять свадьбы, именины и крестины; въ шинкахъ снабжаютъ крестьянъ посудою для вывоза вина и средствами для обороны. Не нѣсколько помѣщиковъ, а почти всѣ помѣщики повѣта, если не лично, то чрезъ своихъ прикащиковъ, принимаютъ участіе въ этомъ недозволенномъ промыслѣ, за исключеніемъ трехъ, четырехъ почтенныхъ помѣщиковъ. Обвиненія его въ превышеніи власти онъ, кн. Репнинъ, не понимаетъ, ибо какимъ образомъ слова безъ дѣйствія можно считать за превышеніе власти? но если бы его угроза не повліяла на Глуховскихъ помѣщиковъ, онъ сдержалъ бы свое слово и ходатайствовалъ бы о лишеніи этого дворянства права винокуренія; неутвержденіемъ Кочубея онъ исполнилъ долгъ присяги: ни уваженіе его къ почтеннѣйшей матери Кочубея, ни связи его родства и пріязни съ знаменитымъ дядею Кочубея, ни знакомство съ нимъ самимъ и братьями его не удержали кн. Репнина отъ рѣшенія, хотя онъ и могъ

предвидѣть непріятныя послѣдствія дѣла. Отечество наше, заключалъ кн. Репнинъ, не избѣгло, къ несчастію, развращенной наклонности быть всегда недовольнымъ своимъ положеніемъ и потому, стремясь къ мнимому лучшему, жертвовать древнимъ и настоящимъ благоденствіемъ; пагубная эта наклонность заставляетъ правительство имѣть дѣятельный надзоръ за подобными мечтателями; надзоръ такой можетъ быть только тайный; счастливъ тотъ начальникъ, который можетъ отвратить противозаконное дѣйствіе, не погубивъ никого и не обременяя высшаго правительства огорчительными слѣдствіями; и въ отвѣтѣ министру внутреннихъ дѣлъ и теперь кн. Репнинъ взываетъ къ чувству чести Кочубея; Кочубей навѣрное сознается, что безпрестанно осуждалъ дѣйствія начальниковъ Черниговской губерніи, а сіе истинно благородному и скромному дворянину неприлично. Оправдываться въ томъ, что онъ, кн. Репнинъ, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ личными чувствами, онъ не станетъ: на шестомъ десяткѣ лѣтъ жизни, послѣ сорокалѣтней почти службы, достигши высшихъ степеней въ государствѣ, ему горько быть подозрѣваемымъ въ подобной подлости. Комитетъ не усмотрѣлъ, однако, въ этомъ объясненіи ничего такого, что могло бы служить оправданіемъ кн. Репнина; объясненіе это, по мнѣнію Комитета, скорѣе изъявленіе личнаго негодованія кн. Репнина. Государь далъ повелѣніе: «*дѣло сіе считать оконченнымъ*» [1]).

Въ 1830 г. Уфимскимъ дворянствомъ выбраны были въ уѣздные предводители: первымъ кандидатомъ Левашовъ, вторымъ — Пальчиковъ. Оренбургскій гражданскій губернаторъ утвердилъ перваго кандидата, но военнымъ губернаторомъ впослѣдствіи оказался утвержденнымъ второй кандидатъ. Комитетъ такой образъ дѣйствій призналъ несоотвѣтствующимъ законному порядку потому, во первыхъ, что дѣйствія гражданскаго губернатора были окончательны, а во вторыхъ, потому, что неясна причина неутвержденія Левашова; хотя военный губернаторъ и объяснялъ, что Левашовъ прикосновененъ съ давняго времени къ дѣламъ, которыя подлежатъ судебному разбирательству, и что до него дошли невыгодные отзывы насчетъ его характера и дѣйствій, но Комитетъ нашелъ, что все это не приведено въ ясность; почему Комитетъ считалъ съ

---

1) 1831 г., № 269.

своей стороны за лучшее дать дѣлу законный ходъ чрезъ Сенатъ. Положеніе было утверждено. Черезъ два года Сенатъ далъ опредѣленіе: ни одно изъ судебныхъ дѣлъ не заключаетъ въ себѣ ни личной подсудности Левашова, ни доказательствъ его виновности, и всѣ дѣла рѣшены уже безъ какихъ-либо обвиненій Левашова; тѣмъ не менѣе Сенатъ находитъ, что въ концѣ 1832 г. производить новые выборы было бы неудобно, поэтому Сенатъ и полагаетъ: оставить Пальчикова въ должности, предоставивъ Левашову на будущее время участвовать въ выборахъ и баллотироваться въ губернскіе предводители. Министръ юстиціи Дашковъ находилъ такое опредѣленіе Сената тѣмъ болѣе правильнымъ, что не слѣдовало вообще въ такомъ отдаленномъ краѣ ослаблять власти главнаго начальника; Комитетъ прибавилъ еще свои соображенія въ пользу такого же заключенія: дѣла, къ которымъ прикосновененъ былъ Левашовъ, могли кончиться и не такъ, какъ они кончились, а вообще большое число дѣлъ никогда не располагаетъ въ пользу лица, къ нимъ причастнаго; военный губернаторъ имѣлъ право не утвердить перваго кандидата, ему не слѣдовало только въ такомъ случаѣ предоставлять утвержденіе гражданскому губернатору—это послѣднее обстоятельство слѣдуетъ, по мнѣнію Комитета, замѣтить военному губернатору, но безъ всякой огласки. Государь утвердилъ это положеніе [1]). Еще до выборовъ въ Курской губерніи до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошли сообщенія, что званія губернскаго предводителя снова домогается губернскій предводитель Григорьевъ, тогда какъ дворяне этого не желаютъ въ виду того, что Григорьевъ содержалъ откупъ въ Курскѣ. Производившій ревизію Харьковской губерніи сенаторъ Мечниковъ далъ отзывъ о Григорьевѣ, какъ о человѣкѣ расторопномъ, смѣтливомъ, но запутавшемся въ долгахъ, надъ которымъ тяготѣло обвиненіе въ подчисткѣ документа по одной частной сдѣлкѣ; бывшій же Курскій губернаторъ вполнѣ одобрительно отзывался о Григорьевѣ; 11 предводителей и 238 дворянъ губерніи доставили въ министерство актъ о признательности своей Григорьеву съ просьбою напечатать объ этомъ въ газетахъ; затѣмъ министерство узнало, сначала частнымъ образомъ, а потомъ и оффиціально, что первымъ кандидатомъ выбранъ былъ

[1]) 1830 г., № 1442, и 1832 г., № 2125.

Григорьевъ, а вторымъ нѣкто Д—въ, человѣкъ, по отзыву мѣстной власти, честолюбивый, жестокій съ крестьянами и безнравственный. Григорьевъ получилъ 264 избирательныхъ голоса противъ 71, а Д—въ 186 противъ 149; дворянство на выборахъ выразило желаніе отправить въ Петербургъ депутацію изъ трехъ лицъ, въ томъ числѣ и Григорьева. Губернскій прокуроръ подалъ въ министерство свой протестъ противъ выборовъ на томъ основаніи, что на нихъ происходилъ шумъ и участвовали нѣкоторые дворяне, не имѣвшіе на то права; нѣкоторыя изъ выбранныхъ лицъ, однако, были уже утверждены губернаторомъ, положившимся на свидѣтельство Григорьева, что выборы прошли въ полномъ порядкѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ предложилъ Комитету, отклонивъ по обычаю присылку дворянской депутаціи, назначить новые выборы [1]). Кромѣ назначенія новыхъ выборовъ дворянству Курской губерніи сдѣлано было строгое внушеніе Самимъ Государемъ при проѣздѣ Его чрезъ Курскъ; въ 1837 г. Курскимъ дворянствомъ избранъ былъ въ губернскіе предводители одинъ депутатъ Сонцевъ большинствомъ 201 противъ 47 голосовъ; изъ другихъ же лицъ никто не получилъ столько голосовъ, чтобы могъ считаться кандидатомъ. Законъ требовалъ, чтобы дворянство выбирало двухъ кандидатовъ, а, съ другой стороны, законъ же дозволялъ дворянамъ отказываться отъ всякой должности по выборамъ, и никто изъ Курскихъ дворянъ не соглашался болѣе баллотироваться въ кандидаты на должность губернскаго предводителя. На этотъ разъ губернаторъ свидѣтельствовалъ, что не было никакихъ партій, что выборы прошли въ полной тишинѣ: губернаторъ считалъ своимъ долгомъ донести объ истинно благородномъ стремленіи Курскаго дворянства и о чудесномъ переворотѣ, произведенномъ въ дворянствѣ отеческимъ назиданіемъ Его Величества, почему губернаторъ просилъ разрѣшить дворянству отправленіе депутаціи, чѣмъ дворянство вполнѣ было бы успокоено отъ нареканій на него, происшедшихъ отъ личностей между нѣкоторыми дворянами. Министръ внутреннихъ дѣлъ доложилъ Комитету, что собственно по закону слѣдовало бы назначить вторичные выборы, такъ какъ выбранъ только одинъ кандидатъ, который къ тому же раньше не служилъ по выборамъ; но въ виду того, что при

---

1) 1834 г., № 880.

выборахъ порядокъ не былъ нарушенъ, Блудовъ находилъ возможнымъ утвердить Сонцева. Комитетъ принялъ это мнѣніе, добавивъ, что вопросъ о депутаціи долженъ быть переданъ на усмотрѣніе Государя, а возникшее затрудненіе, т. е. вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается невозможнымъ избирать двухъ кандидатовъ на должность губернскаго предводителя, должно разрѣшить законодательнымъ порядкомъ чрезъ Государственный Совѣтъ. Государь положилъ такую резолюцію: «*г. Сонцева утвердить, но впредь держаться строго закона; присылку депутатовъ отклонить по обыкновенному*» [1]). Поэтому, когда въ 1853 г. въ Тулѣ выбранъ былъ одинъ кандидатъ, то Комитетъ поставилъ это на видъ губернатору, который не долженъ былъ распускать собраніе, пока не будутъ выбраны два кандидата, а Государь приказалъ: «*строго замѣтить губернатору*» [2]). Костромское губернское дворянское собраніе назначило дополнительный сборъ на перестройку зданія гимназіи съ пансіономъ, но самое собраніе прошло неспокойно. Комитетъ предложилъ выразить дворянству за это постановленіе Монаршее благоволеніе. Государь далъ слѣдующую резолюцію, вполнѣ выясняющую Его взглядъ на дѣло: «*не могу объявить дворянству благоволеніе, когда оно допустило себя до безпорядковъ на выборахъ, которые ни съ чѣмъ не сообразны, и которые Комитету Министровъ должны быть извѣстны, ежели отчетъ губернаторскій уже былъ читанъ*» [3]). Смоленскій гражданскій губернаторъ не утвердилъ въ должности одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, который по отношенію къ нему выказалъ не только «невѣжливость, но и непокорность», а именно, неоднократно пріѣзжая по дѣламъ службы въ теченіе шести лѣтъ въ Смоленскъ, не вмѣнилъ себѣ въ обязанность явиться къ нему, а, встрѣчаясь съ нимъ, не удостоивалъ его, губернатора, никогда поклономъ. Смоленское дворянство протестовало противъ такого распоряженія губернатора, указывая, что неутвержденный кандидатъ четыре трехлѣтія былъ депутатомъ, что всѣмъ дворянамъ извѣстна его благородная жизнь и т. п. Губернаторъ возражалъ на это: означенное лицо ему извѣстно за человѣка

---

1) 1837 г., № 564.
2) 1853 г., № 43.
3) 1843 г., № 603.

либеральнаго образа мыслей и если подобныхъ дворянъ утверждать предводителями, притомъ въ такихъ уѣздахъ, какъ Рославльскій, гдѣ квартируютъ войска, то нельзя ручаться, чтобы онъ не воспользовался случаемъ распространить кругъ знакомства и внушать вредныя мнѣнія. Кн. Хованскій, генералъ-губернаторъ, указалъ въ своемъ отзывѣ, что положеніе дѣла становится тѣмъ труднѣе, такъ какъ въ 1832 г. самъ губернаторъ призналъ это лицо достойнымъ ордена св. Владиміра 4-ой ст., а съ другой стороны разъ это лицо замѣчено въ либеральномъ образѣ мыслей, писалъ кн. Хованскій, то не слѣдуетъ утверждать его въ должности. Блудовъ въ своемъ представленіи Комитету объяснилъ, что губернаторъ имѣлъ право не утверждать кандидата, но что выставленная имъ причина совершенно недостаточна, тѣмъ болѣе, что она нисколько не подтверждается свѣдѣніями гр. Бенкендорфа; по этимъ соображеніямъ Блудовъ считалъ удобнѣе утвердить выбраннаго кандидата въ должности, внушивъ ему, чтобы онъ избѣгалъ всего, что могло бы показаться недостаткомъ его уваженія къ начальнику губерніи. Комитетъ принялъ это мнѣніе, поставивъ губернатору на видъ его дѣйствія. Положеніе Комитета было утверждено [1]).

Разумѣется, если установленъ былъ такой контроль надъ лицами, выбираемыми дворянствомъ въ предводители, онъ распространялся и на всѣхъ другихъ лицъ, выбираемыхъ въ должности дворянствомъ, и надъ самими дворянскими собраніями: указъ 1829 г. Декабря 30 подтвердилъ дворянству, что губернскіе прокуроры должны по обязанности присутствовать при выборахъ и наблюдать за сохраненіемъ порядка. Въ 1832 г. Московское дворянское собраніе предположило произвести повѣрку отчетовъ о суммахъ на земскія повинности со всѣми документами; дворянство просило продлить для этого засѣданія собранія и дать предписаніе казенной палатѣ доставить всѣ свѣдѣнія и документы; дворянство просило еще печатать впредь смѣты земскихъ повинностей, дабы всѣ помѣщики знали о предстоящихъ сборахъ. Военный губернаторъ по этому поводу нашелъ, что дворянство имѣетъ право только повѣрять предметы, на которые производится сборъ, но не имѣетъ права ревизовать и учитывать губернское начальство; равнымъ образомъ воен-

1) 1835 г., № 969.

ный губернаторъ совѣтывалъ отказать дворянству въ просьбѣ печатать смѣты. Въ Комитетѣ министръ финансовъ высказалъ мнѣніе, что разъ назначеніе земскихъ повинностей дѣлается высшимъ правительствомъ, то дворянству уже не принадлежитъ дальнѣйшее разсмотрѣніе; перечневые отчеты министръ согласенъ былъ передавать на разсмотрѣніе дворянства; разсматривать же подробные контрактные отчеты у дворянства нѣтъ ни времени, ни возможности; если дозволить это дворянству, то оно сдѣлается какъ бы судьею начальства; министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ министромъ финансовъ. Мнѣніе это было принято и Комитетомъ, положившимъ, что на провѣрку дворянства должно представлять только перечневые отчеты, въ которыхъ, однако, каждый предметъ долженъ показываться отдѣльно; особо показываются предметы, въ смѣту не вошедшіе, показываются цѣны матеріаламъ и дѣлаются ссылки на оправдательные документы; въ случаѣ неудовлетворительности такихъ отчетовъ дворянство можетъ требовать представленія дальнѣйшихъ свѣдѣній; помѣщикамъ слѣдуетъ разсылать лишь свѣдѣнія, сколько требуется съ нихъ денегъ на земскія повинности, а предводителямъ—и списки предметовъ, на которые требуются деньги. Такое положеніе не вполнѣ удовлетворило Государя, написавшаго на журналѣ: «*министру финансовъ мнѣ лично доложить сіе дѣло*» [1]). Минское дворянство избрало предсѣдателемъ гражданской палаты дворянина Прушинскаго большинствомъ 231 голоса противъ 106; второй же кандидатъ получилъ только 161 избирательный голосъ противъ 153 неизбирательныхъ; мѣстный губернаторъ далъ о Прушинскомъ отзывъ, какъ о масонѣ, патріотѣ, находящемся въ родствѣ со многими мятежниками; бывшій же военный губернаторъ, гр. Строгановъ, отозвался, что имъ Прушинскій ни въ чемъ не былъ замѣченъ. Комитетъ положилъ утвердить въ должности Прушинскаго, потому что неутвержденіе его было бы огорченіемъ дворянству, да и оставаться въ праздности вреднѣе для западныхъ дворянъ, чѣмъ служить [2]). Саратовскому дворянству поставлено было на видъ, какъ неприлично было съ его стороны выбрать въ кандидаты на должность предсѣдателя палаты лицо, которое, по

1) 1832 г., № 1767.
2) 1833 г., № 628.

отзыву двухъ начальниковъ губерніи, служило при выборахъ забавою всему дворянству. Оба положенія Комитета были утверждены Государемъ [1]). Въ Симбирскѣ въ кандидаты на должности предсѣдателей палатъ были выбраны три лица— Араповъ, Фатьяновъ и Зимнинскій. Бывшій губернаторъ далъ отзывъ, что при прежнихъ предсѣдателяхъ, Поповѣ и Соболевѣ, дѣла шли вполнѣ удовлетворительно; вновь выбранныя лица до такой степени слабы и столь мало соотвѣтствуютъ пользамъ службы, что при нихъ можно ожидать лишь возобновленія недавнихъ безпорядковъ. Сенатъ, однако, опредѣлилъ утвердить выборы, такъ какъ всѣ выбранные, кромѣ Фатьянова, удовлетворяли условіямъ закона. Занимавшій раньше должность предсѣдателя одной изъ палатъ Поповъ служилъ не по выбору, а по назначенію министерства, въ должность эту онъ вступилъ не съ начала трехлѣтія, а въ теченіе его; въ такихъ случаяхъ обыкновенно назначенныя лица оставались въ должности до вторыхъ, т. е. до слѣдующихъ общихъ выборовъ. Государь велѣлъ это дѣло внести въ Комитетъ; въ Комитетѣ гр. Панинъ указалъ, что по дѣлу открылись новыя обстоятельства: первый кандидатъ уволенъ отъ службы по прошенію, третій же—безъ прошенія; объ аттестаціи ихъ нѣтъ свѣдѣнія, какъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, не состоятъ ли они подъ судомъ, штрафомъ или слѣдствіемъ; поэтому гр. Панинъ предложилъ собранію отмѣнить опредѣленіе Сената и предоставить Симбирскому дворянскому собранію произвести новые выборы. Комитетъ, принявъ это предложеніе, положилъ сообщить эти замѣчанія губернатору, дабы дворянство имѣло ихъ въ виду. Государь утвердилъ сіе мнѣніе [2]).

Многими дворянскими обществами не разъ было выражаемо желаніе лучше обставить матеріальное положеніе лицъ, служившихъ по дворянскимъ выборамъ: такъ Псковское дворянство рѣшило увеличить сборъ на жалованье этимъ лицамъ; земскимъ исправникамъ и засѣдателямъ положены были пенсіоны наравнѣ съ тѣми изъ нихъ, которымъ въ другихъ губерніяхъ назначались пенсіи отъ казны [3]). Калужское дворянство увеличило содержаніе канцеляристамъ,

---

1) 1839 г., № 757.
2) 1853 г., № 51.
3) 1832 г., № 762.

служившимъ въ дворянской опекѣ [1]). Казанское дворянство положило вознаградить труды членовъ коммисіи, ревизовавшей дѣйствія депутатскаго собранія, и назначило на содержаніе канцеляріи губернскаго предводителя по 1.000 р. въ годъ, а уѣздныхъ предводителей—по 500—600 р. Второй пунктъ этого постановленія былъ утвержденъ Комитетомъ безъ ограниченія, а первый—съ тѣмъ, что онъ обязателенъ только для согласившихся [2]). Тульское дворянство для обезпеченія служащихъ въ дворянскихъ канцеляріяхъ рѣшило образовать особый капиталъ, на составленіе котораго положило собирать по 2 к. съ души [3]).

Иногда дворянство назначало пенсіи лицамъ, которымъ по закону не полагалось пенсій; Костромское дворянство назначило пенсію губернскому предводителю за 18-ти-лѣтнюю службу по 5 т. р. въ годъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ затруднился утвердить это постановленіе, такъ какъ законъ позволялъ назначать пенсіи только секретарямъ и канцелярскимъ служителямъ; въ другой редакціи такое постановленіе могло быть пропущено: дворянство имѣло право, по мнѣнію Блудова, назначить предводителю ежегодное пособіе въ томъ же размѣрѣ, съ тѣмъ, конечно, чтобы платили только согласившіеся на это положеніе. Но Комитетъ и такую постановку вопроса нашелъ неудобною: законъ не позволяетъ назначать такихъ пенсій; кромѣ того, современемъ число лицъ, согласившихся на пособіе, сократится, — по этимъ соображеніямъ Комитетъ считалъ удобнѣе отказать въ утвержденіи просьбы Костромскаго дворянства, дозволивъ, если дворяне хотятъ помочь своему предводителю, назначить ему или единовременное пособіе или пособіе за время его службы. Государь одобрилъ заключеніе Комитета [4]).

Въ другихъ мѣстахъ дворянство напротивъ стѣснялось назначить добавочное содержаніе своимъ выборнымъ изъ собственныхъ своихъ средствъ; въ 1837 г. повелѣно было увеличить содержаніе предсѣдателей судебныхъ палатъ, о чемъ дворянству предоставлено было сдѣлать соображенія: Харьковское дворянство положило прибавить 4.000 р.

1) 1836 г., № 583.
2) 1836 г., № 758.
3) 1847 г., № 659.
4) 1836 г., № 534.

изъ земскаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній, а Вологодское дворянство—$1^1/_2$ т. р. изъ земскаго же сбора, но со всѣхъ сословій. Министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Комитету за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія: во первыхъ, въ указѣ не было сказано, что увеличеніе жалованья должно быть сдѣлано со всѣхъ сословій, и во вторыхъ обсужденіе прибавокъ предоставлено было дворянству, слѣдовательно должно заключить, что дополнительный сборъ предполагался лишь съ дворянскихъ имѣній. Комитетъ иначе взглянулъ на дѣло: предсѣдатели, сказано въ его положеніи, занимаются дѣлами не однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ, но и всѣхъ прочихъ состояній въ губерніи, почему и можно допустить установленіе добавочнаго сбора со всѣхъ сословій; впрочемъ Комитетъ считалъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе передать вопросъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Мнѣніе это было принято Государемъ [1]).

Чаще всего дворянства назначали «складки» на устройство учебныхъ заведеній, почти исключительно—для дѣтей дворянскаго сословія. Напр. Пензенское дворянство постановило устроить пансіонъ на 50 бѣдныхъ воспитанниковъ-дворянъ: изъ этого числа 20 человѣкъ предполагалось воспитывать согласно проекту, безденежно, а 30—за самую умѣренную плату по 15 к. въ день съ человѣка; въ собраніи, принявшемъ это постановленіе, было сравнительно немного дворянъ, но губернаторъ удостовѣрялъ, что впослѣдствіи ни отъ кого не было получено заявленія о несогласіи съ этимъ постановленіемъ; министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлялъ его взглядъ. Комитетъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: неурожай 1834 г. поставилъ дворянство въ тяжелое положеніе; на упомянутомъ собраніи было только 16 дворянъ, не служащихъ по выборамъ, слѣдовательно правильнѣе, по мнѣнію Комитета, отложить рѣшеніе дѣла до обыкновеннаго губернскаго собранія. Съ этимъ положеніемъ Комитета не былъ согласенъ Уваровъ: разъ не было нарушенія закона со стороны собранія, то онъ и не видитъ причины откладывать дѣло,—отложить значитъ потерять время. Большинство членовъ возразило, что постановленіе законно, но рождается вопросъ, слѣдовало ли созывать чрезвычайное собраніе для такого дѣла, которое не составляетъ предмета

1) 1838 г., № 280, ср. того же года, № 688.

постоянной и нетерпящей отлагательства нужды и которое сверхъ того было уже обсуждаемо въ обыкновенномъ губернскомъ собранiи?—такъ какъ созванiе чрезвычайнаго собранiя опредѣляется свойствомъ и настоятельностью нужды, то большинство членовъ Комитета полагало, что возбужденный вопросъ долженъ быть обсужденъ Государственнымъ Совѣтомъ. Блудовъ присоединился къ мнѣнiю большинства, а Уваровъ остался при своемъ мнѣнiи. «*Быть по мнѣнiю Комитета*»—рѣшенiе Государя [1]). Въ первомъ томѣ настоящаго Обзора [2]) приведено было постановленiе Тверскаго дворянства объ открытiи въ Твери кадетскаго корпуса, но къ сбору денегъ дворянство не приступило вслѣдствiе неурожая 1822 г. Комитетомъ рѣшено было предложить Тверскому дворянству, не признаетъ ли оно болѣе удобнымъ для себя устроить въ Твери благородный пансiонъ? Запросъ былъ сдѣланъ въ 1833 г.; губернскiй предводитель отвѣчалъ, что созывать чрезвычайное собранiе въ неурожайный годъ неудобно; тогда Комитетъ положилъ привести дѣло къ окончанiю на чрезвычайныхъ уѣздныхъ собранiяхъ; результатъ опроса дворянъ былъ слѣдующiй: 389 чел. согласились вносить ежегодно по 15 к. съ души, 61 чел. просили отсрочки въ рѣшенiи, а 138 чел. отказались отъ всякихъ взносовъ. Пансiонъ предполагалось устроить на 50 чел., изъ которыхъ 40 вакансiй предназначалось для бѣдныхъ сиротъ; содержанiе 50 воспитанниковъ должно было обойтись въ 20.000 р. въ годъ, а сборъ долженъ былъ давать свыше 53.000 р.; предполагалось поэтому по 25.000 р. въ годъ вносить въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнiя для образованiя основнаго капитала пансiона. Кромѣ мнѣнiя большинства доложено было Комитету мнѣнiе Шварца, Весьегонскаго уѣзднаго предводителя,—указывавшаго на тяжелое положенiе дворянъ уѣзда и откровенно объяснявшаго, что изъ числа согласившихся многимъ трудно будетъ вносить деньги и что они дали свое согласiе, не желая отказываться отъ прежняго рѣшенiя; Шварцъ указывалъ также на неправильность въ расчетахъ, во что обойдется содержанiе каждаго воспитанника, и просилъ, чтобы, въ случаѣ утвержденiя проекта пансiона, опредѣленiе

---

1) 1835 г., № 830.

2) См. т. I, стр. 274.

дѣтей въ пансіонъ предоставлено было самому дворянству, а то, писалъ онъ, бываютъ примѣры, что дѣти владѣльцевъ 400 душъ воспитываются на общественный счетъ. Рѣшеніе Комитета по этому дѣлу было такое же, какъ и по предыдущему: предоставить губернскому собранію разрѣшить вопросъ [1]). Постановленія губернскихъ собраній о сборахъ на устройство пансіоновъ проходили чрезъ Комитетъ на общихъ основаніяхъ, причемъ размѣръ сбора устанавливался самими собраніями: Рязанское, напр., собраніе постановило собирать по 4 к. съ души на пансіонъ въ 36 воспитанниковъ [2]). Но министерство народнаго просвѣщенія жаловалось, что суммы, обѣщанныя на эти пансіоны, поступаютъ иногда съ большими недоимками; послѣднее обстоятельство, конечно, вредно отзывалось на дѣлѣ; министерство приписывало причину недоимокъ тому, что сборы эти взимались уѣздными предводителями дворянства; министръ внутреннихъ дѣлъ, подтвердивъ, съ своей стороны, это явленіе, объяснилъ, что пожертвованія на пансіоны должны вноситься въ смѣту и уплачиваться вмѣстѣ съ казенными податями изъ доходовъ самихъ помѣщиковъ, за чѣмъ обязаны наблюдать уѣздные предводители. Въ такой редакціи постановленіе было принято Комитетомъ и утверждено Государемъ [3]). Иногда дворянства постановляли особые сборы на введеніе въ гимназіяхъ новыхъ предметовъ или усиленіе преподаванія старыхъ. Такъ Путивльское собраніе положило назначить сборъ въ 4 к. съ души для устройства при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ дополнительнаго курса иностранныхъ языковъ. Блудовъ считалъ это положеніе незаконнымъ; такія положенія могли дѣлать только губернскія собранія и то не какъ общеобязательныя, а лишь путемъ добровольныхъ приношеній образовывать сумму, достаточную на жалованье учителю предмета не менѣе, чѣмъ на 10 лѣтъ. Комитетъ согласился съ этимъ заключеніемъ, а равно и съ дополненіемъ, предложеннымъ Уваровымъ, что такіе, т. е. особо приглашаемые, учителя не должны имѣть правъ государственной службы [4]); въ другой губерніи дополнительные сборы назначены были на учрежденіе каѳедры практическаго правовѣдѣнія [5]).

---

1) 1835 г., № 1054.
2) 1836 г., № 582.
3) 1836 г., № 700 и положеніе Комитета отъ 1834 г. Дек. 11.
4) 1836 г., № 692.
5) 1838 г., № 780.

Кромѣ устройства особыхъ благородныхъ пансіоновъ дворянскія собранія продолжали назначать новые сборы на учрежденіе стипендій въ кадетскихъ корпусахъ для дѣтей дворянъ. Московское дворянство назначило въ 1846 г. дополнительный сборъ по 1½ к. съ души на своихъ воспитанниковъ во 2-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; дворянство Подольской губерніи—по 5 к. на кадетскій корпусъ въ Кіевѣ; Карачевское (Орловской губ.) — по 3¾ к. на пансіонеровъ своихъ въ Орловскомъ Бахтина корпусѣ; въ пользу же этого корпуса Рязанское дворянство пожертвовало 8.000 р., а Кіевское дворянство на корпусъ въ Кіевѣ пожертвовало 150.000 р. единовременно и установило ежегодный сборъ по 5 к. съ души; Черниговское дворянство дало Полтавскому Петровскому корпусу на устройство помѣщеній почти 14.000 р.; Оренбургское дворянство положило воспитывать въ Неплюевскомъ корпусѣ 5 своихъ стипендіатовъ. За такія постановленія дворянскимъ обществамъ Государь приказывалъ объявлять Свое благоволеніе. Для ознаменованія 25-ти-лѣтія царствованія Николая Павловича Московское дворянство приговоромъ предводителей и депутатовъ постановило образовать въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ стипендіи по числу уѣздовъ Московской губерніи, на что положено собирать по 4 к. съ души. На донесеніи о такомъ постановленіи Государемъ было написано: «*съ благодарностью принимаю*». Въ Комитетѣ министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ, что слѣдовало бы это постановленіе провести чрезъ губернское собраніе, но разъ оно уже принято Государемъ, должно его утвердить, предложивъ дворянству производить сборъ не по душамъ, а съ земельныхъ угодій [1]).

Относительно благородныхъ пансіоновъ скоро возникъ вопросъ, допускать ли въ нихъ дѣтей другихъ сословій? Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число дворянъ-воспитанниковъ оказывалось не достаточнымъ для содержанія пансіоновъ, несмотря на поддержку, получаемую пансіонами отъ дворянства. Такой вопросъ поднятъ былъ первоначально объ Астраханскомъ, затѣмъ Екатеринославскомъ пансіонахъ; вслѣдствіе небольшаго числа дворянъ этихъ губерній возникло ходатайство о дозволеніи принимать въ благородные пансіоны также дѣтей купцовъ 1-ой и 2-ой

---

1) 1853 г., № 102.

гильдій и дѣтей почетныхъ гражданъ. Комитетъ не далъ дозволенія на это въ видѣ общей мѣры, положивъ, чтобы на каждый такой случай испрашивалось мѣстнымъ начальствомъ согласіе высшаго начальства. Государь согласился на это [1]). Таврическое дворянство просило объ устройствѣ въ Симферополѣ пансіона, въ которомъ могли бы жить дѣти-ученики; на устройство пансіона дворянство назначило полпроцента съ своихъ доходовъ въ теченіе шести лѣтъ; гр. Воронцовъ считалъ такое предложеніе не только полезнымъ, но даже необходимымъ; но при этомъ предложено было допустить и пріемъ дѣтей купцовъ, если дворянство не возьметъ пансіона на полное свое содержаніе. Комитетъ опять призналъ неудобнымъ въ принципіальномъ отношеніи такое смѣшеніе сословій, но въ виду допущенныхъ уже изъятій, а также и того, что въ Таврической губерніи было сравнительно немного дворянъ, Комитетъ рѣшилъ дозволить пріемъ въ новый пансіонъ купеческихъ дѣтей, на что также послѣдовало согласіе Государя [2]). Курское дворянство на выборахъ 1846 г. согласилось дозволить принимать своекоштными воспитанниками въ благородный пансіонъ при гимназіи дѣтей потомственныхъ почетныхъ гражданъ, впрочемъ только при недостаткѣ воспитанниковъ дворянъ съ тѣмъ, чтобы за каждаго недворянина - воспитанника было вносимо въ дворянскую казну по 70 р. въ годъ. Постановленіе это было одобрено и министромъ народнаго просвѣщенія и Комитетомъ, но Государь не утвердилъ его [3]).Слѣдуетъ думать, что Императору Николаю Павловичу не понравились тѣ условія, на которыхъ Курское дворянство согласилось принимать въ пансіоны дѣтей потомственныхъ почетныхъ гражданъ.

Въ 1849 г. въ Комитетѣ разсматривалось ходатайство начальства Одесскаго учебнаго округа о томъ же, т. е. о пріемѣ въ благородный пансіонъ при гимназіи Ришельевскаго лицея дѣтей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-ой и 2-ой гильдій, причемъ мотивами этой мѣры было выставлено то, что городъ отпускалъ большія суммы на гимназію, а значительнѣйшую часть населенія города составляли его торговые классы; Комитетъ положилъ дозволить это въ виду того, что

---

1) 1846 г., № 1979.
2) 1848 г., № 2082.
3) 1847 г., № 1800.

раньше такое же дозволенiе дано было по нѣкоторымъ городамъ; и это положенiе Комитета было утверждено [1]).

Многiя дочери дворянъ воспитывались въ институтахъ, именно институтахъ благородныхъ дѣвицъ. Заведенiя этого рода, также какъ благородные пансiоны, были тогда любимыми заведенiями дворянства и дворянскiя собранiя повсемѣстно и охотно жертвовали деньги на устройство этихъ учебныхъ заведенiй; напр. Могилевское губернское собранiе назначило сборъ по 2 к. съ души на постройку зданiя для института [2]). Саратовское—назначило дополнительный сборъ на Марiинскiй институтъ по $7\frac{1}{2}$ к. съ души; Смоленское—60.000 р. на постройку новаго зданiя института; Полтавское—на усиленiе средствъ института по 2 к. съ души; на этотъ же институтъ столько же дало и Черниговское дворянство; Оренбургское дворянство положило 5-копѣечнымъ сборомъ составить капиталъ мѣстнаго института благородныхъ дѣвицъ; Костромское—рѣшило на сборы по 7 к. въ теченiе 12 лѣтъ устроить въ Костромѣ такой же институтъ. Всѣ институты эти состояли (со времени смерти Императрицы Марiи Θеодоровны) въ управленiи Императрицы Александры Θеодоровны. Саратовское дворянство, устроившее институтъ въ ознаменованiе дня бракосочетанiя Вел. Кн. Марiи Николаевны, положило вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать, чтобы институтъ этотъ былъ въ завѣдыванiи Великой Княгини. Государь написалъ на журналѣ: «*согласенъ, но подчинивъ главному начальству моей жены, оставя непосредственное завѣдыванiе Марiи Николаевнѣ. Правила же принять тѣ же, кои утверждены для прочихъ губернскихъ институтовъ; что и передать ст. секр. Вилламову*» [3]). Совершенно такой же отвѣтъ данъ былъ Нижегородскому дворянству, основавшему институтъ въ память посѣщенiя Нижняго Новгорода Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и просившему о принятiи заведенiя подъ покровительство Цесаревны: «*согласенъ съ тѣмъ, чтобы заведенiе сiе подчинено было вѣдомству IV Отдѣленiя моей канцелярiи и главному начальству моей жены, состоя въ непосредственномъ завѣдыванiи Цесаревны*» [4]).

---

1) 1849 г., № 102.
2) 1846 г., № 1805.
3) 1840 г., № 1343.
4) 1844 г., № 2084

Тамбовское дворянство предположило устроить губернскую публичную библіотеку; расходы на устройство опредѣлены были въ 50.000 р., которые разсчитывали собрать выпускомъ 500 акцій, цѣною 100 р. каждая; причемъ, говорилось въ ходатайствѣ дворянства, многіе любители наукъ обѣщались немедленно доставить значительное число полезныхъ книгъ съ тѣмъ, чтобы за нихъ было имъ уплочено акціями. Комитетъ одобрилъ это предложеніе; Государь написалъ на журналѣ: «*каталоги сіи разсматривать въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ наблюденіемъ коего библіотекамъ и состоять*» [1]). Херсонское дворянство положило жертвовать по $^1/_4$ к. съ десятины на устройство въ Херсонѣ дѣтскаго пріюта [2]). Владимірское дворянство установило сборъ по $9^1/_2$ к. съ души на постройку зданія для служителей при ботикѣ Петра I [3]). Орловское дворянство давно, еще въ 1798 г., положило выстроить въ г. Орлѣ соборъ св. Павла; но денегъ на соборъ поступило только 127.000 р., и соборъ оставался отдѣланнымъ вчернѣ; въ 1834 г. дворянство испрашивало разрѣшеніе взять на это дѣло заимообразно деньги изъ суммъ на земскія повинности. На этомъ ходатайствѣ Государемъ было написано: «*не вижу никакого препятствія, тѣмъ болѣе, что докончаніе собора необходимо, ибо нынѣшній соборъ хуже всякой приходской тѣсной церкви*». Тогда Орловское дворянство постановило собрать на окончаніе собора 140.000 р., по 37 к. съ души, распространивъ этотъ сборъ на всѣхъ дворянъ губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ указалъ въ своемъ представленіи, что этотъ актъ не согласенъ съ закономъ, но разъ столь долго ожидаемая постройка собора не могла состояться безъ такого постановленія, то онъ полагаетъ возможнымъ допустить это постановленіе. Комитетъ сталъ на ту же точку зрѣнія: такъ какъ Высочайшей волей, сказано въ его положеніи, окончаніе собора признано необходимымъ, а оно не можетъ состояться безъ участія всѣхъ дворянъ, то и сдѣлать этотъ сборъ обязательнымъ для всѣхъ. Положеніе Комитета было утверждено [4]). Рѣшеніе этого дѣла важно въ томъ отношеніи, что въ немъ Комитетъ отступилъ отъ обычныхъ

---

1) 1834 г., № 952.
2) 1851 г., № 794.
3) 1836 г., № 1953.
4) 1836 г., № 535.

своихъ правилъ: нѣсколько разъ рѣшительно Комитетомъ напоминалось, что всѣ подобные сборы должны распространяться исключительно на согласившихся ихъ платить.

Нижегородское дворянство постановило: въ теченіе 10 лѣтъ собирать по 50 к. съ души на составленіе капитала для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ, уволенныхъ въ запасъ и безсрочный отпускъ; для управленія этимъ капиталомъ устроить дворянскій банкъ, который назвать въ память посѣщенія Наслѣдника Цесаревича Александровскимъ. Кромѣ первоначальнаго капитала банкъ долженъ былъ принимать вклады, выдавать ссуды подъ залогъ населенныхъ имѣній и переводить, по желанію, займы изъ опекунскаго совѣта. Комитетъ, въ виду того, что такая просьба была принесена впервые, положилъ передать ее на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. «*Согласенъ; мысль эта полезна и заслуживаетъ подробнаго соображенія*» [1])—резолюція Государя.

Сравнительно часто Комитетъ разсматривалъ просьбы нѣкоторыхъ чиновныхъ дворянъ о дозволеніи имъ оставить родовое имѣніе въ пожизненномъ владѣніи супруги и наоборотъ. Въ 1846 г. супруга генералъ-адъютанта Сухозанета обратилась со всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи ей, въ случаѣ смерти, оставить свое недвижимое имущество въ пожизненномъ владѣніи мужа: у просительницы была тогда уже замужняя дочь и 18-ти-лѣтній сынъ; такимъ завѣщаніемъ просительница не только хотѣла сохранить дольше въ цѣлости свои имѣнія, но и желала дать дѣтямъ доказательство своей привязанности и довѣренности къ ихъ отцу и тѣмъ упрочить необходимыя для семейнаго счастія отношенія дѣтей къ главѣ семейства. Государь приказалъ въ уваженіе долговременной и отлично-усердной службы генерала Сухозанета разсмотрѣть это прошеніе въ Комитетѣ. Комитетъ затруднился сначала, какъ бы утвержденіемъ этой просьбы не стѣснить правъ дочери генерала Сухозанета, но когда изъ отзывовъ супруги генерала Сухозанета выяснилось, что судьба ея дочери вполнѣ обезпечена данными ей деньгами, а самъ генералъ Сухозанетъ заявилъ, что прошеніе подано женою даже безъ его вѣдома, тогда Комитетъ положилъ утвердить желаніе просительницы, на что послѣдовало согласіе Государя [2]). Въ 1849 г. разсматривалась такая же просьба

[1]) 1839 г., № 753.
[2]) 1846 г., № 1736.

жены генералъ-лейтенанта Муравьева: просительница для упроченія необходимыхъ семейныхъ отношеній къ главѣ семейства желала бы, чтобы имѣнія ея возможно дольше оставались въ управленіи ея мужа, почему и ходатайствовала о передачѣ послѣ смерти ея родоваго имѣнія въ пожизненное владѣніе мужа, и эта просьба была уважена, потому что неудобно было отказать въ такомъ домогательствѣ, разъ подобная милость была оказана многимъ другимъ [1]). Подобныя же просьбы были отъ гр. Закревской, кн. А. Голицына, Полторацкихъ, кн. Кочубея и др.

Чрезъ Комитетъ же представлялись Государю на утвержденіе дипломы дворянскіе, графскіе и княжескіе. Какъ извѣстно, Императоръ Николай Павловичъ цѣнилъ живопись и рисованіе и всегда обращалъ вниманіе и на художественную сторону дѣла. О дипломѣ гр. А. Ѳ. Орлову на графское достоинство Государь написалъ: «*рисовано весьма дурно и безъ всякой правильности и безъ вкуса; стыдно, что у насъ въ герольдіи не могутъ порядочно рисовать, тогда какъ рисунки подобные въ Варшавѣ и Финляндіи отличаются красотою и чистотою отдѣлки. Передѣлать и взять упомянутые въ образецъ*» [2]).

Домогательства дворянства Прибалтійскихъ губерній и въ это царствованіе рѣзко отличаются отъ просьбъ другихъ дворянскихъ обществъ. Въ первомъ томѣ настоящаго Обзора была уже отмѣчена настойчивая и энергичная борьба, которую вело это дворянство, особенно Лифляндское, съ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ марк. Паулуччи. Борьба эта продолжалась и въ новое царствованіе; мало того она получаетъ въ это время новое освѣщеніе и значеніе. Время Императора Николая I было своего рода критическимъ временемъ для дворянства Остзейскаго края. Вслѣдъ за составленіемъ Свода Законовъ предпринято было составленіе частныхъ сводовъ въ томъ числѣ и Свода узаконеній Остзейскихъ губерній, т. е. приблизилось время, когда правительство пожелало привести въ ясность довольно запутанныя основанія отношеній, образовавшихся въ этомъ краѣ. Въ своихъ домогательствахъ и пререканіяхъ съ генералъ-губернаторами дворянства

1) 1849 г., № 57.
2) 1842 г., № 1023.

трехъ названныхъ губерній нерѣдко ссылались на старинные акты XVI—XVIII в., на привилегіи королей польскихъ, на законы королей шведскихъ и на капитуляціи съ гр. Шереметевымъ 1710 г. Сводъ долженъ былъ положить конецъ этой неопредѣленности отношеній: со времени изданія Свода только то, что было тамъ помѣщено, сохраняло силу узаконенія. Какъ бы предугадывая и опасаясь непріятныхъ для себя послѣдствій, дворянство края въ самомъ началѣ царствованія обратилось къ Императору съ просьбою о подтвержденіи нѣкоторыхъ и дарованіи новыхъ привилегій краю, вытекавшихъ будто бы изъ старинныхъ законовъ и обѣщаній Русскихъ Государей. Главнымъ, основнымъ домогательствомъ было домогательство дворянства объ устройствѣ для трехъ губерній особаго верховнаго учрежденія по судебнымъ дѣламъ, которое имѣло бы для трехъ губерній то же значеніе, что для остальной Имперіи — Правительствующій Сенатъ; притомъ дѣлопроизводство въ такомъ учрежденіи должно было совершаться на нѣмецкомъ языкѣ. Домогаться этого дворянство начало съ 1827 г., когда былъ учрежденъ особый комитетъ для разбора привилегій края; вопросъ былъ рѣшенъ Комитетомъ Министровъ только въ 1840 г.; при такихъ условіяхъ, конечно, дворянство считало нужнымъ указывать правительству на живучесть старинныхъ правовыхъ отношеній въ краѣ и на необходимость полнаго возврата къ нимъ.

Генералъ-губернаторскій постъ въ Ригѣ послѣдовательно занимали въ это царствованіе: марк. Паулуччи, бар. Паленъ, ген. Головинъ и кн. Суворовъ. Первый изъ нихъ находился въ непрестанной, можно сказать, борьбѣ съ дворянствомъ края. Съ перваго взгляда могло показаться, что борьба эта шла изъ за пустяковъ или изъ за излишней притязательности марк. Паулуччи, но на дѣлѣ было не то.

Генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи требовалъ отъ дворянства, чтобы оно доносило и сообщало ему обо всѣхъ рѣшительно опредѣленіяхъ ландтаговъ; чтобы оно при выборахъ ландмаршаловъ представляло на утвержденіе обязательно двухъ кандидатовъ, а не одного, и чтобы въ случаѣ отъѣзда изъ губерніи ландмаршалъ испрашивалъ всякій разъ на это разрѣшеніе генералъ-губернатора; дворянство жаловалось, съ своей стороны, на своевольное распоряженіе генералъ-губернатора, приказавшаго покрыть корчмы и почтовые дома чере-

пицей, обмундировать почталіоновъ, снабдить ихъ рожками и т. п. Пререканія, прекратившіяся было послѣ удовлетворенія, которое будто бы дано было дворянству, скоро возобновились: дворянство жаловалось, что генералъ-губернаторъ не исполнилъ своихъ обязанностей, а марк. Паулуччи писалъ, что никакого соглашенія не было, что это лишь клевета. Дворянство отвѣчало, что оно, Лифляндское дворянство, дѣйствительно, безъ вѣдома генералъ-губернатора, сносилось съ дворянскими обществами Курляндской и Эстляндской губерній по просьбѣ о пониженіи процентовъ по займамъ съ 6% на 5%, что видѣть въ этомъ нарушеніе порядка есть обольстительное покушеніе, намѣреніе стращать начальство и овладѣть насильственно правомъ. Комитетъ, не входя на этотъ разъ въ разрѣшеніе частныхъ вопросовъ, о которыхъ имъ было уже высказано свое мнѣніе въ журналѣ 3 Мая 1824 г., который остался неразрѣшеннымъ Императоромъ Александромъ I, далъ въ общемъ такое заключеніе: что касается до частыхъ неудовольствій между генералъ-губернаторомъ и Лифляндскимъ дворянствомъ, то Комитетъ не можетъ не отнести ихъ ни къ чему другому, какъ къ тому, что генералъ-губернаторъ допускалъ въ своихъ распоряженіяхъ нерѣдко произвольныя дѣйствія и возбудилъ этимъ справедливыя жалобы на себя; особенно же неудовольствія происходятъ оттого, что генералъ-губернаторъ дозволяетъ себѣ весьма часто въ оффиціальныхъ своихъ представленіяхъ такія выраженія, которыя для дворянскаго сословія не могутъ не быть оскорбительными. «*Согласенъ на разрѣшеніе мнѣнія 3 Мая 1824 г.—Касательно же упрековъ марк. Паулуччи я ихъ нахожу справедливыми, но дворянство не менѣе виновно своими происками, а потому замѣчанія генералъ-губернатору не дѣлать, ибо оно ему уже словесно объявлено*»—резолюція Государя [1]).

Несогласія продолжались: Лифляндское дворянство жаловалось, что его заставляютъ перестраивать одну почтовую станцію, тогда какъ доставка матеріаловъ и работа должна лежать на крестьянахъ приписныхъ къ станціи мызъ; Курляндское—жаловалось на марк. Паулуччи и губернатора Гана: оно неоднократно просило въ виду своего стѣсненнаго положенія ссуды въ 4 м. р. съ платежемъ 2%; для этого дѣла учреждена была особая коммисія, причемъ губернаторъ позволилъ налитографиро-

---

1) 1827 г., № 241.

вать мнѣніе двухъ членовъ этой коммисіи; мнѣніе это сочтено было за желаніе всего дворянства; дворянство жаловалось такъ: оно съ прискорбіемъ усмотрѣло, что мѣстное начальство, согласуясь съ видами, въ литографическихъ листкахъ изложенными, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ недостаточномъ попеченіи о выгодахъ дворянства. На это гр. Медему, Курляндскому ландмаршалу, марк. Паулуччи писалъ: «если искаженныя представленія, кѣмъ-либо отъ своего имени и подъ собственною отвѣтственностью дѣлаемыя, презрительны, то кольми паче таковыми должны представляться жалобы по частнымъ видамъ, отъ имени цѣлаго сословія приносимыя». Совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что дѣлу этому могъ быть приданъ болѣе правильный ходъ; что губернаторъ не имѣлъ основанія приказывать литографировать мнѣніе нѣсколькихъ лицъ; что дворянство не должно было позволять себѣ тѣхъ выраженій, которыя оно употребило; что, наконецъ, и выраженія, употребленныя генералъ-губернаторомъ, должны обратить на себя вниманіе высшаго правительства. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, доложивъ дѣло Комитету, предложилъ направить его въ Сенатъ. Комитетъ рѣшилъ споръ такъ: 1) Курляндскому дворянскому комитету за неисполненіе предписаній генералъ-губернатора и за неприличное выраженіе сдѣлать выговоръ; 2) Курляндскому гражданскому губернатору бар. Гану за дозволеніе литографировать мнѣнія членовъ дворянскаго комитета для общаго свѣдѣнія сдѣлать также выговоръ, и 3) генералъ-губернатору марк. Паулуччи поставить на видъ, что онъ, какъ главный начальникъ губерніи, во всѣхъ сношеніяхъ по службѣ обязанъ подавать подчиненнымъ примѣръ сохраненія пристойности и не позволять себѣ оскорбительныхъ выраженій. Государь положилъ такую резолюцію: «*справедливо; но бар. Гану, какъ отличному губернатору, довольствоваться замѣчаніемъ, что поступилъ весьма неосновательно, а марк. Паулуччи замѣтить, чтобы впредь писалъ выраженіями болѣе умѣренными, а когда имѣетъ справедливыя причины неудовольствія, или къ дурному мнѣнію о лицахъ, то излагалъ бы оныя, какъ есть* (два эти слова подчеркнуты Государемъ), *безъ прибавленій выраженій, кои болѣе вредятъ службѣ, чѣмъ пользы приносятъ, и несовмѣстны съ достоинствомъ лица, имъ представляемаго*». Между тѣмъ марк. Паулуччи подалъ очень сильныя обвиненія на

гр. Медема. По словамъ генералъ - губернатора, гр. Медемъ, отказавшись отъ должности и поручивъ ее уѣздному предводителю, уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ дѣйствовать тамъ отъ имени дворянства; выработанный планъ кредитныхъ установленій для Курляндской губерніи Паулуччи называлъ безразсуднымъ; Паулуччи напоминалъ правительству о поведеніи гр. Медема въ 1812 г., когда Курляндія была занята французскими войсками, и о томъ, что гр. Медемъ приходился шуриномъ послѣднему герцогу Курляндскому; Паулуччи просилъ, чтобы Медема не только не признавали въ Петербургѣ за уполномоченнаго дворянствомъ, но даже домогался, чтобы Медемъ былъ высланъ изъ Петербурга, что было бы очень важно «особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда многіе, подобно Медему, пользуются для частныхъ видовъ низкими средствами и другими непозволительными путями для оклеветанія мѣстнаго начальства и для ослабленія довѣрія къ нему». Комитетъ не согласился на предложеніе направить дѣло въ Сенатъ; Комитетъ принялъ сторону гр. Медема. Дѣло о гр. Медемѣ, полагалъ Комитетъ, не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго: событія 1812 г. извѣстны были покойному Императору Александру Павловичу, и правительство никогда не дѣлало гр. Медему столь чувствительныхъ упрековъ; оскорбивъ представителя дворянства, генералъ-губернаторъ нанесъ обиду цѣлому сословію. Вообще представленія генералъ-губернатора обнаруживаютъ одну только его личность, несовмѣстную съ порядкомъ службы, поэтому Комитетъ Министровъ, имѣя въ виду и много другихъ дѣлъ по Остзейскимъ губерніямъ, полагаетъ, что при такомъ расположеніи генералъ-губернатора къ дворянству нельзя ожидать, чтобы въ губерніи могъ водвориться порядокъ, для благоустройства необходимый. Государь приказалъ: «*выпустивъ заключеніе мнѣнія Комитета, сообщить прочее марк. Паулуччи, требуя свѣдѣній, имѣетъ ли что еще прибавить*» [1]).

Тѣмъ временемъ исправлявшій должность уполномоченнаго Курляндскаго дворянства Фитингофъ внесъ въ журналъ Курляндскаго комитета о земскихъ повинностяхъ слѣдующее объявленіе: дабы оградить обязанности дворянскаго уполно-

[1]) 1827 г., №№ 243 и 244.

моченнаго отъ неправильныхъ истолкованій, а его самого отъ отвѣтственности, онъ, Фитингофъ, будетъ руководствоваться правилами, опредѣленными въ Высочайшихъ указахъ, вслѣдствіе чего онъ проситъ гражданскаго губернатора приглашать его впредь къ сужденію по такимъ только предметамъ, по которымъ въ силу указовъ предписано участвовать дворянскому представителю. Марк. Паулуччи нашелъ это заявленіе составленнымъ въ выраженіяхъ неприличныхъ и наполненнымъ заключеніями, которыя не только нарушали должное уваженіе къ губернатору, но и «открывали столь неблагородныя намѣренія, какія предполагать можно только въ человѣкѣ съ самымъ низкимъ образомъ мыслей»; поэтому марк. Паулуччи распорядился такъ: губернское начальство не будетъ признавать Фитингофа членомъ депутатскаго собранія, не будетъ допускать Фитингофа въ приказъ общественнаго призрѣнія и не будетъ принимать отъ него никакихъ бумагъ. Управляющій министерствомъ опять нашелъ, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ не было надобности; въ распоряженіи генералъ-губернатора было вполнѣ достаточно средствъ, т. е. Фитингофа онъ могъ предать суду; сдѣланныя же имъ предписанія незаконны и слѣдуетъ немедленно ихъ отмѣнить. Комитетъ согласился вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, признавъ дѣйствія марк. Паулуччи совершенно произвольными и самовластными; распоряженіе маркиза Комитетъ положилъ отмѣнить, поставивъ это обстоятельство ему на видъ, а Фитингофу сдѣлать замѣчаніе. Государь однако приказалъ: «*требовать отъ маркиза, что имѣетъ еще прибавить*» [1]). Курляндское дворянство, положивъ пожертвовать 10.000 р. въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія, оповѣщенія объ этомъ отлитографировало и разослало по городамъ и мѣстамъ; генералъ-губернаторъ, такъ какъ это сдѣлано было безъ его вѣдома, нашелъ поступокъ этотъ незаконнымъ; дворянство ссылалось на актъ 1793 г., по которому Курляндская придворная типографія имѣла право принимать и печатать акты безъ цензуры. Управляющій министерствомъ, а съ нимъ и Комитетъ опять находили дѣйствія марк. Паулуччи неправильными, притомъ полагали, что если генералъ-губернаторъ и опасался злоупотребленій литографіи, то случай избранъ имъ во всякомъ случаѣ безъ долж-

---

1) 1827 г., № 245.

ной осмотрительности, ибо несчастіе столицы возбудило въ жителяхъ государства чувство состраданія и нельзя за это подвергать населеніе какой либо укоризнѣ. Государь рѣшилъ такъ: «*справедливо, но литографію имѣть на сей предметъ не дозволено, а довольствоваться обыкновенною типографіею*» [1]).

По новымъ жалобамъ фамиліи гр. Медемовъ на Паулуччи въ Комитетѣ большинство высказалось за отозваніе марк. Паулуччи изъ Риги, пять членовъ полагали подождать результатовъ ревизіи, а министръ юстиціи предложилъ отозвать марк. Паулуччи на время. По Высочайшему повелѣнію статья эта была оставлена безъ исполненія [2]).

Между тѣмъ Сенатъ рѣшилъ дѣло о Фитингофѣ;—на основаніи сенатскаго опредѣленія Комитетъ полагалъ: 1) генералъ-губернатору поставить на видъ, что, удаливъ Фитингофа, онъ поступилъ противъ порядка: «безъ суда да не накажетъ никого, а преступниковъ законовъ и должностей да отсылаетъ, куда по узаконеніямъ слѣдуетъ для суда»; поставить на видъ генералъ-губернатору и то, что заключеніе его о Фитингофѣ также противно закону, который запрещаетъ употреблять укоризненныя выраженія въ дѣловой перепискѣ; 2) губернскому правленію предписать дѣйствовать на точномъ основаніи законовъ; 3) Фитингофа, сдѣлавъ ему строгое замѣчаніе, удалить отъ должности. Государемъ написано на журналѣ: «*дѣло считать оконченнымъ*». Скоро послѣ этого Комитету было сообщено, что Фитингофа Государь Императоръ разрѣшилъ допустить снова къ должности въ виду полученнаго имъ отзыва отъ марк. Паулуччи, что удаленіе Фитингофа отъ должности послужило ему достаточнымъ предостереженіемъ. Въ 1829 г., Лифляндскій гофгерихтъ приносилъ жалобы на марк. Паулуччи, но скоро послѣ этого марк. Паулуччи былъ отозванъ съ поста, который онъ занималъ съ 1812 г. Преемнику его, бар. Палену, Комитетъ также долженъ былъ поставить одно обстоятельство на видъ, но по прямо противоположнымъ основаніямъ. Было упомянуто, что указомъ 1829 г. Декабря 30 губернскимъ прокурорамъ вмѣнено было въ обязанность непремѣнно присутствовать на дворянскихъ выборахъ для наблюденія за сохраненіемъ порядка. Лифляндское и Эстляндское дворян-

---

[1]) 1827 г., № 246.
[2]) 1827 г., № 248.

ства отозвались, будто это постановленіе не согласно съ ихъ привилегіями; но отзывъ этотъ былъ оставленъ Сенатомъ безъ уваженія, такъ какъ въ указѣ не было упомянуто ни о какихъ изъятіяхъ. Тогда генералъ-губернаторъ бар. Паленъ и Лифляндское и Эстляндское дворянства подали всеподданнѣйшее прошеніе о томъ, чтобы новый законъ не распространялся на эти губерніи. Комитетъ, разсмотрѣвъ дѣло, положилъ передать его на заключеніе II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, не могъ оставить безъ замѣчанія неосторожнаго сужденія генералъ-губернатора бар. Палена, именно, что надзоръ долженъ быть унизителенъ и чувствителенъ для дворянъ, которые постоянно стремились быть примѣромъ вѣрности и преданности Престолу, подвергаясь во всѣхъ отношеніяхъ предписаніямъ закона. Такія выраженія министръ юстиціи нашелъ неумѣстными: то, что не унизительно для дворянства Великороссійскихъ губерній, нельзя считать унизительнымъ для дворянства Остзейскихъ. Въ 1840 г. Лифляндское дворянство чрезъ своего ландмаршала бар. Бруннинга обратилось съ просьбою объ учрежденіи для Остзейскихъ губерній высшаго ревизіоннаго суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; въ подтвержденіе своей просьбы дворянство ссылалось на старинные акты: 1) на привилегіи короля Сигизмунда Августа 1561 г., на капитуляціи 1710 г., на резолюцію Петра Великаго, написавшаго на подобной просьбѣ: «Его Величество не отказываетъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, но понеже сіе нѣчто новое и нынѣшнія времена не допускаютъ большія издержки, нежели прежде сего чинилось, того ради отлагается до болѣе способнаго времени»; другая резолюція Петра I гласила: «объявляется, что можетъ то при поданіи отъ Бога мирнаго времени Царскаго Величества тогда слѣдующимъ милостивѣйшимъ соизволеніемъ предвоспріято и совершено будетъ». Шагъ къ осуществленію обѣщаннаго дворянство видѣло въ установленной Петромъ Великимъ въ 1719 г. въ Петербургѣ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ; коллегія эта разсматривала и разбирала въ послѣдней инстанціи дѣла согласно провинціальнымъ привилегіямъ на нѣмецкомъ языкѣ; но затѣмъ, по словамъ дворянства, эта коллегія, будто бы непримѣтно, потеряла значеніе судебнаго мѣста высшей инстанціи и подчинена была Правительствую-

щему Сенату, вмѣсто того, чтобы для дѣлъ эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ сохранить характеръ равнаго Сенату судилища. Вслѣдствіе этого до сихъ поръ продолжаются неясности и запутанность въ судопроизводствѣ по означеннымъ губерніямъ: во первыхъ, при переносѣ дѣлъ по апелляціямъ въ Сенатъ должно переводить дѣла на русскій языкъ, а переводы такіе часто бываютъ невѣрны или недостаточно вразумительны; во вторыхъ, Сенату извѣстнѣе общіе законы, нежели мѣстные, большею частью заимствованные изъ римскаго права. Императоръ Павелъ I, отмѣнивъ, говорило въ своей просьбѣ дворянство, въ Остзейскихъ губерніяхъ дѣйствіе Учрежденія о губерніяхъ, приказалъ вносить дѣла изъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій не въ вышеупомянутую юстицъ-коллегію, а во 2-ое отдѣленіе III Департамента Сената, чѣмъ окончательно была разорвана связь Остзейскихъ губернскихъ судебныхъ мѣстъ съ учрежденною для нихъ юстицъ-коллегіею, которая послѣ этого стала лишь апелляціонною инстанціею надъ магистратами Риги и Ревеля и высшимъ духовнымъ правительствомъ надъ провинціальными консисторіями; впослѣдствіи же кругъ ея дѣйствій совсѣмъ сократился, такъ какъ учреждена была генеральная консисторія, которой и были подчинены провинціальныя консисторіи; магистраты же Риги и Ревеля по всѣмъ ревизіоннымъ дѣламъ поступили также въ вѣдомство III Департамента Сената, т. е., заключало дворянство, Лифляндія и прочія Остзейскія губерніи совершенно лишены были Всемилостивѣйше обѣщаннаго рыцарству верховнаго ревизіоннаго суда, который въ послѣдней инстанціи разсматривалъ бы дѣла ихъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, по нѣмецкому порядку судопроизводства и на основаніи провинціальныхъ законовъ, не смѣшивая ихъ съ общими узаконеніями. Объ этомъ дворянство просило еще въ 1827 г., т. е. просило, чтобы на основаніи капитуляціи и Высочайшихъ резолюцій 1710 г. Всемилостивѣйше возстановлено было въ Петербургѣ для Остзейскихъ губерній особое ревизіонное судилище, ибо Остзейскія губерніи при особомъ ихъ земскомъ устройствѣ и законодательствѣ, имѣя особый языкъ, отличныя отъ прочихъ областей свойства ихъ населенія, всегда желали облегчить свое судопроизводство и сохранить его отличительныя свойства. Рыцарство просило тогда дозволенія представить эту просьбу чрезъ особую депу-

тацію, на что послѣдовала Высочайшая резолюція: «*присылку таковой депутаціи отложить до окончанія повелѣннаго разсмотрѣнія привилегіи Лифляндскаго рыцарства*». Такъ какъ нынѣ, т. е. въ 1840 г., кончено составленіе Свода привилегій и мѣстныхъ законовъ Остзейскихъ губерній и въ непродолжительномъ времени Сводъ будетъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе, то Лифляндское рыцарство возобновляетъ свою просьбу объ установленіи для Лифляндіи и вообще для Остзейскихъ губерній особаго ревизіоннаго судилища, какъ послѣдней инстанціи по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ этихъ губерній. Это прошеніе дворянства было передано на заключеніе генералъ-губернатора бар. Палена, который высказался за исполненіе ходатайства, чѣмъ, по словамъ Палена, устранено будетъ много неудобствъ, связанныхъ съ теперешнимъ порядкомъ, т. е. съ пересмотромъ дѣлъ въ Сенатѣ; бар. Паленъ предлагалъ даже разрѣшить ему созвать въ Ригѣ депутатовъ дворянства и городовъ Остзейскихъ губерній для того, чтобы выяснить дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и выработать проектъ желательныхъ постановленій по этому предмету.

Съ такимъ отзывомъ генералъ-губернатора дѣло поступило въ Комитетъ, который передалъ его на заключеніе министра юстиціи, гр. Панина. Гр. Панинъ представилъ такое мнѣніе: 1) приводимыя дворянствомъ резолюціи Петра I не имѣютъ характера безусловнаго обѣщанія,—Петръ I отложилъ дѣло до «способнаго» времени, однако, ни Онъ Самъ, ни преемники Его не возбуждали этого вопроса; 2) ссылка дворянства на то, что въ Сенатѣ дѣлопроизводство совершается исключительно на русскомъ языкѣ, также не имѣетъ силы послѣ той заботливости, которую обнаружило наше правительство въ дѣлѣ распространенія знанія русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ; тѣмъ скорѣе усилія правительства въ этомъ отношеніи увѣнчаются успѣхомъ, чѣмъ больше будетъ причинъ, побуждающихъ населеніе изучать русскій языкъ; слѣдовательно, удовлетвореніе ходатайства дворянства было бы не согласно съ общею политикою государства по отношенію къ этимъ губерніямъ: допускать тамъ дѣйствіе мѣстныхъ законовъ лишь по сколько они не противорѣчатъ общимъ государственнымъ постановленіямъ. Коренныя же учрежденія Имперіи основаны на единствѣ управленія посредствомъ Сената, представляю-

щаго высшее ревизіонное мѣсто для всей Имперіи, не исключая даже привилегированныхъ губерній и областей. Къ этимъ доводамъ гр. Панинъ прибавилъ еще одинъ: во время шведскаго управленія въ краѣ этомъ вовсе не было высшаго ревизіоннаго суда, а всѣ дѣла поступали на разсмотрѣніе въ королевскую (общую для всѣхъ шведскихъ провинцій) ревизію, гдѣ производство дѣлъ велось на *шведскомъ*, а *не на нѣмецкомъ* языкѣ; послѣ изданія Свода узаконеній Остзейскихъ губерній устранятся всякія неудобства, которыя могутъ происходить отъ несовершеннаго знанія мѣстныхъ законовъ.

Заключеніе гр. Панина было принято Комитетомъ, признавшимъ, что было бы неудобно дать ходъ просьбѣ дворянства. Положеніе Комитета одобрено было Государемъ: «*совершенно справедливо и тѣмъ болѣе, что Сводъ Остзейскихъ законовъ конченъ и скоро будетъ изданъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ*» [1]).

Когда, за годъ до этой просьбы, министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ приняты были нѣкоторыя мѣры для усиленія знанія русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ, то дворянствами Курляндской и Лифляндской губерній немедленно принесены были жалобы на это распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія.

Курляндское дворянство жаловалось, что перемѣны въ устройствѣ Митавской губерніи сдѣланы были безъ участія дворянства вопреки 16 статьи акта соглашенія между герцогомъ Петромъ и рыцарствомъ,—акта, обезпеченнаго ручательствомъ Екатерины II. Перемѣны касались того, что усилены были требованія отъ поступающихъ въ гимназію по знанію русскаго языка, учитель этого предмета, бывшій на младшемъ окладѣ, получалъ старшій окладъ; оклады учителей вообще были нѣсколько увеличены; въ гимназію опредѣленъ былъ инспекторъ и православный законоучитель. Дворянство, кромѣ нарушенія своихъ правъ, жаловалось на трудность выполнить требованіе новой программы: какимъ образомъ дворянскимъ дѣтямъ знать русскій языкъ, когда въ Митавѣ всего три учителя этого языка, а въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ большая часть жителей даже не разумѣетъ по русски? Курляндское дворянство прибавляло, что оно,

---

1) 1840 г., № 178.

большею частью, принуждено было взять своихъ дѣтей изъ гимназіи.

Изъ объясненій Уварова оказалось, что Курляндское дворянство домогалось прежде, чтобы Митавская гимназія получила права высшаго учебнаго заведенія; но домогательство это было рѣшительно отклонено; далѣе Уваровъ отрицалъ всякое обязательство для русскаго правительства, которое могло бы вытекать изъ акта соглашенія между герцогскою властью и рыцарствомъ; актъ упразднился самъ собой съ исчезновеніемъ Курляндскаго герцогства, ибо Императрица Екатерина II вовсе не обязывалась дѣйствовать при новомъ порядкѣ вещей въ стѣсненныхъ границахъ герцогской власти, а тѣмъ менѣе признать случайный актъ за государственный законъ.

Тогда же поступила въ Комитетъ просьба—жалоба отъ Лифляндскаго дворянства; чрезъ своего ландмаршала бар. Брюннинга оно просило объ увеличеніи въ губерніи числа способныхъ учителей русскаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство просило о сохраненіи безъ измѣненій первоначальныхъ постановленій о Дерптскомъ университетѣ и подчиненныхъ ему заведеніяхъ, въ подтвержденіе же своей просьбы дворянство опять ссылалось на «аккордные» пункты 1710 г. между шляхетствомъ и земскими чинами Лифляндіи съ одной стороны и генералъ-фельдмаршаломъ Шереметевымъ съ другой, въ которыхъ Шереметевъ обѣщалъ Именемъ Государя сохранить выгоды и привилегіи *Перновскаго* университета, если во время приступа къ городу онъ не будетъ противиться русскимъ войскамъ. Дворянство, толкуя дѣло такъ, что будто бы Дерптскій университетъ есть прямое продолженіе Перновскаго университета, просило предоставить ему права по управленію экономическими суммами университета и по назначенію профессоровъ.

Комитетъ Министровъ въ этихъ просьбахъ и жалобахъ дворянскихъ обществъ увидѣлъ два предмета, которые подлежали его разрѣшенію: 1) притязаніе дворянства на участіе въ завѣдываніи Дерптскимъ университетомъ и другими учебными заведеніями, и 2) объясненія о неудобствахъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время по Дерптскому учебному округу. Комитетъ нашелъ для себя неудобнымъ и преждевременнымъ разбирать значеніе старинныхъ актовъ, на которые ссылалось дворянство, въ виду того, что

тогда составляли уже Сводъ узаконеній Остзейскихъ губерній; тѣмъ не менѣе Комитетъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Уварова, что актъ соглашенія между герцогомъ и рыцарствомъ вовсе не можетъ быть обязателенъ для русскаго правительства, и что Дерптскій университетъ не имѣетъ никакого отношенія къ Перновскому университету: первый возникъ и содержится на средства государственнаго казначейства. Самыя мѣры объ усиленіи требованій по русскому языку Комитетъ также призналъ согласными съ неоднократно выраженнымъ желаніемъ какъ правительства, такъ и самого дворянства; тѣмъ не менѣе Комитетъ нашелъ, что требовать знанія языка при отсутствіи въ губерніи учителей трудно и что такія требованія могутъ поставить родителей въ большія затрудненія: въ замѣнъ изданныхъ мѣръ Комитетъ предложилъ слѣдующія: 1) отмѣнить до времени требованіе первоначальнаго знанія русскаго языка отъ поступающихъ въ гимназіи и уѣздныя училища; 2) опредѣлить учителей русскаго языка въ тѣ начальныя училища, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и 3) съ 1847 г., черезъ пять лѣтъ съ окончанія назначеннаго нынѣ срока, не принимать въ студенты университета безъ знанія русскаго языка, а также не удостаивать ученыхъ степеней. Резолюція Государя: «*согласенъ, но назначенный срокъ продлить только двумя годами, т. е. съ изданія указа не на пять, а на семь лѣтъ*» [1]. Полнѣе Свой взглядъ на дѣло Императоръ Николай I высказалъ въ резолюціи, когда Уваровъ во исполненіе этого утвержденнаго положенія вошелъ въ Комитетъ съ измѣненнымъ по указаніямъ проектомъ мѣръ для усиленія преподаванія русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ. На эту статью журнала Комитета Государь положилъ слѣдующую резолюцію: «*раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, нахожу предлагаемыя имъ мѣры ближайшими къ достиженію желаемой цѣли. Но при семъ дозволяю продлить во всѣхъ инстанціяхъ учебныхъ срокъ требуемаго изученія или предварительнаго знанія русскаго языка на два года. Вмѣняю равномѣрно въ обязанность министра народнаго просвѣщенія представить мнѣ неукоснительно списокъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи съ означеніемъ именъ русскихъ учителей, при нихъ находящихся.*

1) 1839 г., № 853.

Удивляюсь, что Комитетъ Министровъ не обратилъ при семъ вниманія на одно весьма важное обстоятельство, и которое разительно доказываетъ, что не вездѣ взираютъ равно на принятыя правительствомъ мѣры. Прошенія поданы дворянскими предводителями Лифляндскимъ и Курляндскимъ; отъ Эстляндскаго же дворянства, совершенно въ одномъ положеніи находящагося, ни жалобъ, ни даже виду оныхъ никогда не было. Не доказываетъ ли сіе обстоятельство, во первыхъ, тотъ духъ усердія, ревности благородной и вѣрности, которая, можно сказать, идетъ на встрѣчу всѣмъ благимъ намѣреніямъ правительства, всегда Эстляндское дворянство отличающаго, съ другой, что жалобы двухъ другихъ губерній весьма преувеличены, чему впрочемъ имѣю неоспоримыя доказательства. Докладъ, переправивъ сходно моему указанію, прислать на утвержденіе».

На передѣланномъ по указанію докладѣ Государемъ написано: «*быть по сему; я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды Дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступить въ учители русскаго языка въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ*» [1]). Надеждамъ Императора Николая I не суждено было исполниться; эта резолюція дана въ 1839 г., а было уже приведено, что въ 1849 и 1850 г.г. Комитетъ Министровъ снова обсуждалъ этотъ вопросъ по представленіямъ кн. Суворова и долженъ былъ назначить новые, болѣе отдаленные сроки для введенія русскаго языка, отложивъ дѣло до того времени, когда въ краѣ будетъ достаточно чиновниковъ, знающихъ русскій языкъ.

Начала Русской государственности, воодушевлявшія Императора Николая I, получили осуществленіе лишь полъ-вѣка спустя, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, проведенныхъ чрезъ Комитетъ Министровъ по почину и по настояніямъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III и благодаря Его неуклонной волѣ.

---

1) 1839 г., №№ 2069 и 2456.

Графъ Левашовъ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

II.

Города.

Бѣдность и незначительность городовъ. Представленіе городскихъ плановъ на Высочайшее утвержденіе. Отступленія отъ плановъ, допускаемыя Комитетомъ Министровъ. Правительственный надзоръ за постройками. Мостовыя городовъ. Полицейская и пожарная часть; установленіе сбора со страховыхъ обществъ. Постойная повинность. Уступка городамъ части таможеннаго и питейнаго доходовъ. Мелкіе сборы въ городахъ. Привилегіи и льготы, данныя нѣкоторымъ городамъ. Мѣры противъ развитія пролетаріата въ столицахъ. Вопросы городского управленія: контроль надъ городскими расходами; городскіе выборы. Ходатайства нѣкоторыхъ городовъ, разсмотрѣнныя Комитетомъ.

Бѣдность городовъ, отмѣченная выше, давала себя чувствовать и въ новое царствованіе и продолжала быть серьезнымъ препятствіемъ къ поднятію городской жизни. Въ Комитетъ Министровъ продолжали поступать непреложныя свидѣтельства о печальномъ состояніи многихъ, особливо уѣздныхъ городовъ. Шенкурскъ, напр., былъ въ такомъ положеніи, что властями поставлена была дилемма: или уничтожить городъ или присоединить къ нему нѣсколько окологородныхъ селъ; промышленности въ городѣ не было, взрослыхъ гражданъ было всего 24 человѣка и всѣ они занимали общественныя должности; остальные горожане были или малолѣтніе или старики, а чиновники, церковно-служители и крестьяне, жившіе въ городѣ, не несли городского тягла. Комитетъ, согласно съ представленіемъ Архангельскаго военнаго губернатора, положилъ: назначить городу пособіе изъ земскаго сбора и уничтожить нѣкоторыя выборныя должности [1]); скоро такой же порядокъ, т. е. сокращеніе общественнаго управленія, былъ распространенъ и на сосѣдніе съ Шенкурскомъ города: Холмогоры, Колу, Кемь, Онегу и Пинегу. Комитетъ Министровъ продолжалъ назначать небольшія сравнительно деньги въ пособіе городамъ, которые не могли на свой счетъ нести мало-мальски значительнаго расхода: губернскій городъ Псковъ не могъ починить моста чрезъ рѣку Пскову, Комитетъ назначилъ ему въ пособіе 8.698 р. [2]); Елисаветполю—4 т. р. на содержаніе полиціи; въ городахъ Саратовской губерніи—Сердобскѣ, Петровскѣ и Аткарскѣ почти вовсе не было приличныхъ квартиръ, пришлось на удовлетвореніе этой повинности

---

1) 1828 г., № 201.
2) 1828 г., № 203.

назначить остатки изъ земскаго сбора [1]). Губернскому Могилеву дано было почти 7 т. р. на постройку гауптвахты и казармъ [2]); Бѣлозерску—на мостъ 1.406 р. [3]); Смоленскъ продолжалъ оставаться, по словамъ губернаторскаго отчета, «въ примѣрномъ неустройствѣ»: всѣ площади и нѣкоторыя улицы были не вымощены и поросли травою; обгорѣлыя стѣны казенныхъ и обывательскихъ домовъ не только безобразно выглядѣли, но и представляли серьезную опасность для обывателей. Комитетъ намѣтилъ рядъ мѣръ, которыя передалъ на предварительное соображеніе двухъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, именно: принять на содержаніе казны полицію, простить нѣкоторыя недоимки, назначить ссуды на постройки зданій; ввести въ городъ войска, освободивъ городъ отъ постоя и назначивъ военнослужащимъ квартирныя деньги [4]). Рапортъ Саратовскаго губернатора былъ направленъ Государемъ въ Комитетъ Министровъ съ надписью Государя: «*обратить особое вниманіе на положеніе г. Вольска и изложить мнѣніе, какъ ему помочь?*». Саратовскій губернаторъ предложилъ было доходы всѣхъ городовъ губерніи обратить въ одинъ общественный капиталъ, который расходовать соотвѣтственно нуждамъ каждаго города, но Комитетъ нашелъ это неудобнымъ: всякому городу принадлежатъ его средства. Казанскій губернаторъ писалъ въ своемъ отчетѣ: всѣ уѣздные города губерніи, кромѣ Чистополя и Чебоксаръ, въ крайне бѣдномъ состояніи; дома—попросту ветхія, малыя избы; упадокъ торговли и промышленности, чрезмѣрное пониженіе цѣнъ на всѣ жизненныя потребности дѣлаютъ напрасными всѣ усилія поднять города; выстроенныя общественныя зданія—тюрьма и городская больница—до сихъ поръ не снабжены ни бѣльемъ, ни посудою; полиція въ городахъ весьма ненадежна: полицейскіе служители нанимаются городами изъ мѣстныхъ жителей, притомъ обыкновенно изъ неимѣющихъ осѣдлости бобылей, людей весьма сомнительной нравственности; такіе полицейскіе служатъ по своей охотѣ и, при первомъ же взысканіи съ нихъ за неисправность, оставляютъ службу; пожар-

---

1) 1828 г., № 232.
2) 1828 г., № 284.
3) 1828 г., № 998.
4) 1829 г., № 1778.

ные также наемные, можно сказать, только портятъ инструменты [1]).

Пермскій губернаторъ съ своей стороны писалъ въ отчетѣ: «Оса—совершенно бѣдный городъ, не имѣющій никакихъ доходовъ; въ Соликамскѣ—тюрьма помѣщена была въ нижнемъ этажѣ, а присутственныя мѣста въ подземельѣ,—воздухъ и внѣшній видъ былъ «ужасъ наводящій»; на улицахъ—непроходимая грязь и стоячая вода, вредная для здоровья; гостинаго двора не было, торговля производилась въ ничтожныхъ и грязныхъ лавочкахъ. Въ Чердыни такъ прямо нѣкоторые городскіе кварталы засѣяны были хлѣбомъ; городъ имѣлъ дохода 250 р. въ годъ» [2]). Совсѣмъ въ другомъ краю—въ Бѣлостокской области, по словамъ оффиціальнаго донесенія, въ заштатныхъ городахъ жители занимались исключительно земледѣліемъ, не имѣли почти никакого образованія, а изъ нихъ выбирались городскіе головы: чуждые порядку дѣлопроизводства, не зная русскаго языка, малосвѣдущіе въ языкѣ польскомъ, не получая жалованья,—такіе головы только и дѣлали, что безпорядки, запущенія и медленность; выборные же судьи были таковы, что никто изъ жителей къ нимъ и не обращался [3]).

Кромѣ всевозможныхъ пособій льготами, деньгами и строительными матеріалами, Комитетъ Министровъ въ виду бѣдности городовъ часто полагалъ возможнымъ разрѣшать отступленія отъ тѣхъ или другихъ требованій утвержденнаго плана. Въ уѣздныхъ городахъ Новгородской губерніи Комитетъ разрѣшилъ на боковыхъ улицахъ въ отдаленныхъ кварталахъ строить деревянные дома на деревянныхъ стульяхъ, забравъ ихъ потомъ досками, съ условіемъ впрочемъ красить по фасаду такъ, чтобы фундаментъ имѣлъ видъ каменнаго. Льготу эту Комитетъ дозволялъ распространить и на другія губерніи, напр. на Вологодскую, всякій разъ, конечно, съ утвержденія Государя [4]).

Въ другихъ городахъ (въ Сергачѣ, Лукояновѣ) Комитетъ разрѣшалъ крыть дома соломою [5]); то же самое разрѣшено

---

1) 1829 г., № 1780.
2) 1829 г., № 2309.
3) 1832 г., № 1740.
4) 1829 г., №№ 28 и 482.
5) 1829 г., № 1324.

было нѣкоторымъ городамъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній, но съ тѣмъ, чтобы солому смѣшивали съ растворомъ глины или навоза. Въ 1835 г. гр. Воронцовъ писалъ, что онъ убѣдился въ непрочности крышъ изъ черепицы, въ замѣнъ которыхъ онъ предлагаетъ дѣлать крыши изъ цинка. Комитетъ отвергъ это предложеніе, потому что цинкъ скоро окисляется и опасенъ при пожарахъ, такъ какъ плавится; къ тому же, по мнѣнію Комитета, нѣтъ надобности обращаться къ иностранному матеріалу при изобиліи у насъ желѣза [1]).

Чрезъ Комитетъ Министровъ продолжали поступать на Высочайшее утвержденіе планы разныхъ городовъ.

Иногда составленные планы оказывались такъ неудобны, что Комитетъ Министровъ долженъ былъ допускать отступленія отъ плана; разрѣшено это было жителямъ с. Верхняго Услона (Казанской губерніи) [2]). Жители Новгородъ-Сѣверска жаловались, что приходится по плану строить дома по глубокимъ рвамъ, крутизнамъ и ручьямъ. Комитетъ, конечно, положилъ составить новый планъ [3]). Неудобнымъ оказались планы Стародуба, Керчи, гдѣ улицы шли по такимъ крутизнамъ, по которымъ и пѣшему едва можно было входить, а нѣкоторые кварталы назначены были на самомъ руслѣ ручьевъ. Комитетъ всегда въ такихъ случаяхъ опредѣлялъ составлять новые планы. Въ 1834 г. Государь Самъ замѣтилъ: «*съ нѣкоторыхъ поръ представляются планы на утвержденіе весьма дурно черченные; держаться того образца, который соблюдался при покойномъ архитекторѣ Гесте*» [4]). Императоръ Николай Павловичъ также внимательно относился къ составляемымъ планамъ городовъ и отдѣльныхъ зданій, какъ и Его предшественникъ. Къ журналамъ Комитета прилагались планы городовъ и зданій, которые Государь разсматривалъ и на которыхъ Онъ очень часто дѣлалъ Свои помѣты. Такъ на представленномъ Ему планѣ г. Енотаевска Государемъ написано: «*по плану Енотаевска много лишняго и совершенно неосновательнаго; валъ есть, зачѣмъ дѣлать новый? стоитъ обдѣлать*

[1]) 1835 г., № 1521.
[2]) 1830 г., № 1532.
[3]) 1831 г., № 1491.
[4]) 1834 г., № 2377.

его, а городъ такъ незначителенъ, что и нынѣ много пустого мѣста; предполагается же не только срыть старый валъ, но и городъ распространить почти вдвое безъ всякаго основанія. Я прошу впредь этого избѣгать; планы дѣлать не для одной красы чертежа, а для пользы и сообразно съ нуждами» [1]). Городъ Оханскъ (Пермской губ.) рѣшено было Комитетомъ перемѣстить на другое мѣсто: состоялъ городъ изъ ветхихъ строеній, которыя стояли на крутомъ берегу—обрывѣ р. Камы, и имъ грозило паденіе: выбрано было другое мѣсто на правомъ берегу Камы, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ прежняго [2]). Составленъ былъ новый планъ Тифлиса, но пришлось отказаться отъ него: по словамъ мѣстныхъ властей покатость, на которой расположенъ былъ Тифлисъ, а главное жаркій климатъ дѣлали невыполнимыми исполненіе плана: Закавказскіе и Крымскіе города оттого имѣли тѣсныя улицы, что въ послѣднихъ было болѣе прохлады; это обстоятельство и придавало городамъ Крыма и Закавказья своеобразный отпечатокъ: Комитетомъ положено было не распространять правилъ новой планировки на эти города [3]). Владѣтель Мингреліи просилъ позволенія производить постройку въ принадлежащемъ ему г. Григоріополѣ сообразно обычаямъ и способамъ его жителей. Государь написалъ: *«видѣлъ сіе мѣсто и сомнѣваюсь, чтобы когда-либо тутъ могъ быть городъ, ибо среди мховъ и на болотѣ можно въ угожденіе владѣтеля Мингреліи назвать сіе мѣсто Григоріополемъ, но званіе города дать только тогда, когда городъ будетъ»*. На планѣ г. Сорокъ (Бессарабск. губ.) Государь отмѣтилъ: *«планъ неправильно и неудобно разбитъ, передѣлать въ правильные кварталы, избѣгая овраговъ, и не располагать ни одного спиною къ рѣкѣ»* [4]).

Недовѣріе къ тому, что городъ и мѣстныя власти могутъ строить зданія и украшать города, какъ слѣдуетъ со вкусомъ, вело къ тому, что городскія управленія должны были испрашивать разрѣшенія и на мелкія постройки или передѣлки; въ Комитетъ поступали дѣла о перестройкѣ лавокъ и новой крыши на гостиномъ дворѣ въ г. Ковровѣ, объ устройствѣ желѣзной

---

1) 1826 г., № 821.
2) 1837 г., № 1333.
3) 1838 г., № 275.
4) 1845 г., № 11 и 1846 г., № 162.

рѣшетки вокругъ общественнаго сада въ Ростовѣ [1]); о постройкѣ гостинаго двора въ г. Сердобскѣ; объ оставленіи на старомъ мѣстѣ въ г. Кролевцѣ мясныхъ и рыбныхъ лавокъ; объ отпускѣ изъ доходовъ г. Одессы 2.000 р. слишкомъ на постройку особаго зданія при Одесскомъ карантинѣ [2]); далѣе Комитетъ разсматривалъ дѣла о постройкѣ моста черезъ р. Цну въ Тамбовѣ, объ устройствѣ въ Таганрогѣ спуска къ морскому берегу, о перемѣнѣ мѣста для двухъ корпусовъ лавокъ въ Красномъ Холму, о надстройкѣ въ Астрахани втораго этажа въ гостиномъ дворѣ, о постройкѣ мелочныхъ лавокъ въ Раненбургѣ [3]).

И такія мелкія дѣла не ускользали отъ вниманія Императора Николая I: Комитетъ разрѣшилъ устройство въ гостиномъ дворѣ въ Петербургѣ духовыхъ печей, — Государь пишетъ: «*съ строжайшею отвѣтственностью за совершенную безопасность при устройствѣ; ибо хотя лавки со сводами, но осторожность нужна въ проводахъ трубъ чрезъ кровлю*». Комитетъ разрѣшилъ перестройки на Петербургскомъ Щукиномъ дворѣ,—Государь пишетъ: «*никакихъ деревянныхъ строеній вновь возводить не дозволяю*». Представленъ былъ въ Комитетъ планъ постройки въ Мозырѣ гауптвахты и починки четырехъ будокъ. Государь написалъ: «*плацформа показана фальшиво, ибо таковыя строятся только тамъ, гдѣ караулъ со знаменемъ, чего быть не можетъ въ Мозырѣ; должно держаться образцовыхъ чертежей и строить плацформы по величинѣ карауловъ*» [4]). На бронзовыя украшенія къ Александровской колоннѣ назначено было по смѣтѣ 625 т. р., но Комитету пришлось представить на утвержденіе Государя контрактъ на отливку этихъ украшеній заводчикомъ Бердомъ за 688.500 р.; Государь написалъ: «*согласенъ, но объявить г. Берду, что я нахожу сію цѣну чрезмѣрною*» [5]). На проектѣ новыхъ каменныхъ лавокъ въ Харьковѣ—«*фасадъ дуренъ и неправиленъ, передѣлать и впредь строительному комитету не зѣвать*» [6]).

Сооруженія сколько нибудь значительныя всегда произ-

---

1) 1836 г., №№ 805 и 895.
2) 1846 г., №№ 9, 10 и 11.
3) 1836 г., №№ 945, 1007, 1009, 1010, 1012
4) 1833 г., № 50.
5) 1832 г., № 575.
6) 1834 г., № 2057.

водились подъ особымъ надзоромъ и контролемъ правительства. Кн. Гагаринъ пожертвовалъ 500.000 р. на постройку въ Москвѣ чугуннаго моста чрезъ Москву рѣку. Проекты сооруженія были представлены въ Комитетъ и чрезъ Комитетъ Государю, который написалъ: «*Я проекты видѣлъ и считаю, что лучшій судья удобоисполнительности ихъ будетъ главный начальникъ корпуса путей сообщенія, которому и поручить разсмотрѣніе и рѣшеніе выбора цѣпнаго или чугуннаго. Приношеніе кн. Гагарина принять съ означенными кондиціями и по полученіи денегъ мнѣ донести и тогда я рѣшу, что ему прилично дать въ вознагражденіе*» [1]). Въ 1837 г. Московскій военный губернаторъ кн. Голицынъ просилъ разрѣшенія городу позаимствовать 1.000.000 р. изъ опекунскаго совѣта на перестройку мостовъ, которые всѣ уже въ Москвѣ были ветхи; кромѣ того кн. Голицынъ просилъ, чтобы отпущено было отъ Высочайшихъ щедротъ 3.000.000 р. городу на устройство набережной по р. Москвѣ до устья р. Яузы и работы произведены главнымъ управленіемъ путей сообщенія; при представленіи приложена справка, изъ которой видно, что доходовъ у города было 3.086.010 р., а расходовъ—3.369.000 р., долговъ свыше 3.000.000 р. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ въ Комитетѣ отпустить городу заимообразно 600.000 р. на мосты, а дѣло о набережныхъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе. Комитетъ, однако, не нашелъ возможнымъ разрѣшить городу новый заемъ, а требованіе на устройство набережныхъ призналъ слишкомъ огромнымъ [2]).

Нижнему-Новгороду также не хватало денегъ на тѣ постройки, которыя ему были необходимы. Военный губернаторъ обратился съ просьбою, чтобы казна уступила городу часть своихъ доходовъ, которые она получала съ гостинаго двора въ Нижнемъ, въ зачетъ ея издержекъ на постройку двора. Военный губернаторъ доказывалъ, что казна даже нравственно обязана была понизить свою часть съ доходовъ гостинаго двора съ 160.000 р. на 91.000 р., такъ какъ въ теченіе 29 лѣтъ существованія ярмарки получила уже этого сбора 3.937.680 р., между тѣмъ какъ, считая по 4%, на употребленный ею капиталъ приходится за это время только 3.480.000 р.

[1]) 1826 г., № 1479.
[2]) 1837 г., № 980.

(гостиный дворъ стоилъ 3.000.000 р.). Вопросъ этотъ Нижегородскій военный губернаторъ нѣсколько разъ затрогивалъ въ своихъ отчетахъ; Государь сдѣлалъ такія помѣты противъ этого пункта: «*необходимо приступить, сообразить на какой источникъ*», и наконецъ: «*что рѣшено?*».

Въ Комитетѣ Брокъ, управляющій министерствомъ финансовъ, подалъ мнѣніе, что онъ находится въ затрудненіи относительно уступки дохода въ пользу города; уступить— то же, что принять постройку на счетъ казны, а еще въ 1846 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: всячески стараться о томъ, чтобы не допускать ущерба въ доходахъ казны; въ 1851 г. Департаментъ Экономіи призналъ, что назначеніе на расходы суммъ въ неопредѣленномъ количествѣ дастъ только поводъ къ новому обремененію казны и ведетъ къ напраснымъ издержкамъ, которыя могли бы быть отсрочены безъ всякаго вреда до болѣе удобнаго времени; но если всетаки будетъ признано необходимымъ произвести работы эти, то онъ проситъ слѣдуемыя на нихъ деньги вносить въ смѣту частями. На основаніи этого отзыва товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ предложилъ отклонить пока производство этихъ работъ на казенный счетъ.

Государь рѣшилъ такъ: «*Похвалинскій спускъ и набережную отдѣлывать департаменту путей сообщенія, испрашивая по смѣтѣ и по годамъ назначенія суммы*» [1]).

Въ Петербургѣ по просьбѣ купцовъ, торговавшихъ въ гостиномъ дворѣ, устроены были лавки по вновь проложенной улицѣ отъ Невскаго проспекта до Чернышева переулка. Особыя пренія вызвалъ вопросъ о переселеніи жителей теперешней Гавани, тогдашняго Галернаго селенія, съ ихъ постоянно затопляемаго мѣста. Скоро послѣ большого наводненія Петербурга въ 1824 г. рѣшено было жителей этого селенія переселить на Смоленское поле, но изъ 449 обывателей, имѣвшихъ тамъ строенія, согласились переселиться только 27; главною причиною несогласія остальныхъ была бѣдность, неувѣренность, что на новомъ мѣстѣ они будутъ имѣть воду, рынокъ и бани; опасеніе, что Смоленское поле также часто будетъ заливаемо водою, что на новомъ мѣстѣ улицы будутъ не мощены, безъ канавъ. Ген. Эссенъ, тогдашній военный губернаторъ Петербурга, просилъ назначить переселяющимся

---

1) 1852 г., № 903.

100.000 р. безпроцентной ссуды, устранить неудобства, которыхъ они опасались на новыхъ мѣстахъ, а пока позволять на старомъ мѣстѣ только самыя нужныя починки въ домахъ. Е. Ф. Канкринъ высказался противъ назначенія ссуды: 100.000 р. на это дѣло мало, надо дать больше, а большую ссуду изъ заемнаго банка нельзя назначить, слѣдовательно нужно назначить ее изъ государственнаго казначейства, для котораго это будетъ новымъ обремененіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ: позволить переселяться и въ другія части города, а не на одно Смоленское поле, давая переселяющимся незначительное пособіе отъ казны; выстроеннымъ на новыхъ мѣстахъ домамъ дать льготы на 5 лѣтъ, освободивъ отъ городскихъ повинностей и платежа поземельныхъ податей; а тѣмъ временемъ запретить въ Галерной Гавани постройку новыхъ зданій и исправленіе ветхихъ. Комитетъ принялъ въ основу своего заключенія мнѣніе Канкрина, положивъ: переселеніе на Смоленское поле отмѣнить, запретить постройку новыхъ домовъ въ Гавани, но разрѣшить ремонтъ старыхъ. Государь приказалъ: «*велѣть всѣ дома осмотрѣть и опредѣлить, какой срокъ могутъ еще выстоять. Засимъ кромѣ мелочныхъ исправленій никакихъ капитальныхъ не дозволять, равно какъ и вновь строиться, предоставивъ жителямъ переселяться въ другія части города*» [1]).

Но населеніе Галерной Гавани неохотно разставалось съ своимъ мѣстомъ; невыгоды отъ наводненія, очевидно, вознаграждаются другими выгодами, говорило новое представленіе въ Комитетъ Министровъ, предлагавшее дозволить даже строить въ Гавани новые дома, но непремѣнно на каменныхъ фундаментахъ, безъ подваловъ и на горизонтѣ обыкновенныхъ наводненій [2]); въ 1842 г. позволено было оставить жителей на прежнемъ мѣстѣ [3]).

Въ Тамбовѣ по представленію губернатора для снабженія города чистою водою устроили плотину и мельницу,—первоначальная смѣта составлена была на 51.000 р., издержано на дѣлѣ было 137.000 р., на постройку деньги были взяты изъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія въ предположеніи,

---

1) 1833 г., № 705.
2) 1836 г., № 257.
3) 1842 г., № 383.

что мельница будетъ давать до 30.000 р. дохода ежегодно, но дохода вовсе не было, такъ какъ никто не бралъ этой мельницы на оброкъ. Сначала Комитетъ рѣшилъ было отнести всѣ произведенные расходы на счетъ города, но затѣмъ послѣ ходатайства генералъ-губернатора Балашова о томъ, что такой расходъ будетъ крайне отяготителенъ для Тамбова, Комитетъ положилъ: мельницу уничтожить, платежъ съ города отмѣнить, а приказу общественнаго призрѣнія оказать Монаршую милость. Председатель Департамента Экономіи подалъ отдѣльное мнѣніе: затраченный капиталъ раздѣлить на двое; то, что потрачено на мельницу, принять на счетъ казны, а то, что на плотину,—на счетъ города, который извлекаетъ значительныя выгоды изъ устройства плотины; министръ финансовъ соглашался съ заключеніемъ Комитета, но непремѣнно съ тѣмъ, чтобы мельница была взята въ казну. Государь далъ резолюцію: «*согласенъ съ симъ*» [1]).

При разрѣшеніи подобныхъ передѣлокъ Государь Николай Павловичъ всегда заботился о томъ, чтобы старинные памятники были сохраняемы. На планѣ новыхъ торговыхъ рядовъ въ Тулѣ написано Государемъ: «*устроить ряды внутри Кремля нахожу гораздо приличнѣе, чѣмъ безобразить наружность древняго прекраснаго памятника: воротъ достаточно, дабы въ случаѣ несчастія возможно было доставлять помощь; но и опасность будетъ менѣе, когда ряды отдѣлятся отъ жилыхъ строеній Кремлевской стѣною. Представить проектъ фасадовъ и планы*» [2]). На проектѣ перестройки Екатеринбургской Вознесенской церкви—«*проектъ нехорошъ и не походитъ на церковное зданіе; характеръ сей тѣмъ нужнѣе сохранить, что церковь сія въ самой средѣ раскольниковъ; велѣть передѣлать въ старинномъ россійскомъ вкусѣ*» [3]). Комитетъ Министровъ разрѣшилъ сломать въ г. Вязьмѣ старинную башню, но Государь приказалъ: «*отнюдь не трогать, но можно исправивъ отдать монастырю*» [4]).

Комитетъ назначилъ 121.000 р. на исправленіе стѣнъ и башенъ Казанскаго Кремля, поврежденнаго въ пожаръ 1825 г.; при этомъ Комитетъ положилъ внести эту сумму

---

1) 1827 г., № 119.
2) 1835 г., № 880.
3) 1836 г., № 384.
4) 1836 г., № 944.

въ будущую смѣту военнаго министерства; Государь объяснилъ дѣйствительныя основанія отпуска этого кредита: «*ни въ какомъ случаѣ не должно относить на счетъ военной смѣты, ибо не составляетъ военной издержки, а сохраненіе предмета отечественной исторіи*» [1]).

Особое вниманіе Государь удѣлилъ также заведеніямъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ началѣ своего царствованія Николай Павловичъ по дѣлу о потеряхъ, которыя терпѣлъ Петербургскій приказъ общественнаго призрѣнія со времени введенія казенной продажи вина, далъ Комитету резолюцію, показывающую, какъ близко Онъ принималъ интересы этихъ заведеній: «*согласенъ. Симъ дѣломъ я прошу ускорить, ибо, обозрѣвъ нынѣ часть сихъ заведеній, я убѣдился въ необходимости совершеннаго ихъ преобразованія. Статья столь важна, что я считаю нужнымъ для сего особаго вниманія Комитета, а дѣло мнѣ представить особымъ журналомъ*» [2]).

Дозволеніе на устройство въ городахъ заводовъ и фабрикъ, заражающихъ воду и воздухъ, вызвало въ Комитетѣ оживленныя пренія. Въ Петербургѣ стоялъ химическій заводъ де-Мельяна; чиновники медицинскаго совѣта находили, что заводъ этотъ не можетъ быть терпимъ, не говоря уже о той опасности, которую представляетъ худое устройство печей и ветхое зданіе само по себѣ. Разслѣдованіе, произведенное чинами министерства финансовъ, привело совершенно къ другимъ выводамъ; заключеніе этихъ чиновъ основано было на томъ, что всѣ рабочіе завода совершенно здоровы, что здоровье сосѣднихъ съ заводомъ жителей вполнѣ нормально, что зелень въ окружающихъ заводъ садахъ нисколько не пострадала. Комитетъ согласился съ послѣднимъ заключеніемъ: такъ какъ заведеніе безъ вреда для окружающихъ существуетъ уже второй годъ, то дозволить остаться ему и на будущее время, но съ тѣмъ, чтобы зданіе было переустроено болѣе прочно; сверхъ того Комитетъ положилъ сдѣлать замѣчаніе чинамъ медицинскаго совѣта и физиката. Государь остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ: «*если Комитетъ нашелъ, такъ, какъ и я нахожу, что слѣдствіе сдѣлано дурно съ явнымъ противорѣчіемъ и заслуживаетъ замѣчанія, то я не могу понять,*

---

1) 1832 г., № 483.
2) 1826 г., № 2148.

на чемъ основываетъ свое рѣшеніе противъ существованія завода? а потому нарядить вновь слѣдствіе отъ обоихъ Министерствъ совокупно и при Оберъ-полиціймейстерѣ и донести» [1]).

При новомъ слѣдствіи чиновники-медики настаивали на томъ, что испаренія, выходящія съ завода, чрезвычайно вредны для окружающихъ, особенно для помѣщающихся въ сосѣдствѣ воспитанниковъ военно-сиротскаго отдѣленія, ибо на заводѣ обработываются сѣрная и соляная кислоты, купоросъ, различныя окиси и сулема; въ пожарномъ отношеніи заводъ, безъ сомнѣнія, представляетъ значительную опасность тѣмъ болѣе, что возможенъ и внезапный взрывъ котла; медики замѣтили въ сосѣдствѣ съ заводомъ развитіе рахитическихъ болѣзней. Чиновники министерства финансовъ остались при своемъ взглядѣ, что вреда никакого и никому отъ завода нѣтъ, но что зданіе ветхое и требуетъ исправленія. Комитетъ и на этотъ разъ почти повторилъ прежнее свое заключеніе: онъ не усмотрѣлъ никакихъ достаточныхъ доказательствъ на счетъ вредности здоровья отъ завода, кромѣ однихъ предположеній медицинскихъ чиновниковъ, на одной теоріи основанныхъ; поэтому Комитетъ положилъ: дозволить де-Мельяну оставить заводъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ исправилъ самое зданіе. Государь далъ такое повелѣніе: «*министру финансовъ призвать де-Мельяна и согласить его снести заводъ свой за городъ на новое мѣсто, гдѣ для устройства можно ему сдѣлать будетъ ссуду. Покуда же работу на ономъ прекратить*» [2]). Въ 1830 г. Комитетъ разрѣшилъ строить въ Каретной части Петербурга близъ кладбища скотобойни, а на Гутуевскомъ островѣ сальные, кожевенные и другіе сего рода заводы. Государь нѣсколько измѣнилъ это положеніе резолюціею: «*я на сіе не согласенъ; бойни строить на Гутуевскомъ островѣ, гдѣ довольно простору, какъ для нихъ, такъ и для предполагаемыхъ заводовъ*» [3]).

Мостовыя городовъ и тѣ были предметомъ разсужденій и иногда довольно продолжительныхъ Комитета. Многіе города прежде всего испытывали неудобство отъ недостатка матеріала для устройства каменныхъ мостовыхъ. Старинный указъ Петра Великаго 1714 г. Окт. 14 о мощеніи столицы все еще сохра-

---

1) 1827 г., № 6.
2) 1827 г., № 1057.
3) 1830 г., № 879.

нялъ свою силу: по указу этому каждое судно, приходившее въ столицу чрезъ Ладожское озеро, должно было привозить отъ 30 до 10 камней, а возы по 3 камня. Порядокъ этотъ примѣнялся и къ другимъ городамъ, хотя неудобства такого порядка уже сознавались многими: 27 губернаторовъ высказались за отмѣну этого сбора [1]), и потому въ 1832 г. онъ былъ отмѣненъ; немедленно же повѣренный отъ г. Таганрога просилъ, чтобы для этого города было сдѣлано изъятіе и сборъ былъ возстановленъ, и Комитетъ долженъ былъ допустить просимое изъятіе [2]).

Тогда же Комитетъ положилъ, чтобы городскія думы ежегодно назначали опредѣленную сумму на замощеніе улицъ и площадей, а поддержаніе мостовыхъ въ порядкѣ лежало бы всецѣло на обывателяхъ. Ссылаясь на это положеніе, въ Воронежѣ одинъ состоятельный домовладѣлецъ отказался мостить улицу предъ своимъ домомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ дѣло въ Комитетѣ, что указаннымъ порядкомъ имѣлось въ виду оказать пособіе бѣднѣйшимъ обывателямъ, а безъ содѣйствія обывателей вообще нельзя и думать о приведеніи городовъ въ порядокъ. Комитетъ тогда положилъ: составить въ городахъ временные комитеты, дабы сами городскіе жители изыскали средства для замощенія городовъ [3]).

Въ Одессѣ гр. Воронцовъ рѣшилъ устроить мостовую по системѣ Макъ-Адама; но мостовую соорудили такую, что чрезъ три года она потребовала капитальнѣйшаго ремонта, притомъ весною и лѣтомъ на ней была неимовѣрная пыль, а зимою она была покрыта водою и грязью. Генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ и градоначальникъ гр. Гурьевъ представили въ Комитетъ свои объясненія: эти мостовыя гр. Воронцовъ видѣлъ во всей Англіи и даже въ Лондонѣ, а одесскіе инженеры не слушались его указаній и употребили не тотъ матеріалъ. Комитетъ причину худого устройства отнесъ на счетъ неисправности инженеровъ [4]). Всѣ эти три положенія Комитета были утверждены Государемъ.

Въ Москвѣ почти на всѣхъ еще улицахъ были тротуары

---

[1]) 1832 г., № 113.
[2]) 1834 г., № 2064.
[3]) 1834 г., № 2424.
[4]) 1828 г., № 19.

изъ кирпича, имѣвшіе весьма безобразный видъ. Московскій военный губернаторъ распорядился, чтобы на главной улицѣ, Тверской, сооружены были тротуары, какъ въ Петербургѣ, изъ плиты или изъ гранита и чтобы сломаны были крыльца и галлереи, выходящія на тротуаръ. Домовладѣльцы Тверской улицы, большею частью, охотно согласились содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства; только двое изъ нихъ, губернскій предводитель дворянства гр. Гудовичъ и Олсуфьевъ отказались вовсе подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ не было объявлено на это Высочайшее повелѣніе, а Гудовичъ добавилъ еще, что предыдущій (1838) годъ былъ тяжелымъ для дворянства, страдающаго теперь отъ безденежья. Поэтому Московскій военный губернаторъ испрашивалъ Высочайшее повелѣніе на устройство тротуаровъ по большимъ улицамъ столицы. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ, что данное Высочайшее повелѣніе относится къ С.-Петербургу, но при томъ вниманіи, которое Государь постоянно оказываетъ Москвѣ, было бы желательно сдѣлать тоже и для Москвы. Комитетъ изслѣдовалъ, что стоятъ тротуары изъ дикаго камня, не дешевле ли ихъ обойдутся асфальтовые, и положилъ, что распоряженіе кн. Голицына необходимо, вовсе не обременительно, избавитъ домовладѣльцевъ отъ ремонта и что должно заставить и этихъ двухъ домовладѣльцевъ исполнить предписаніе. Государь написалъ: «*вообще же удобнѣе отложить до возвращенія кн. Голицына изъ за границы*».

Устройство мостовыхъ и подземныхъ трубъ въ Петербургѣ также было предметомъ сужденія Комитета; въ Архангельскѣ на дворахъ почти повсемѣстно были деревянныя мостовыя; положено было передѣлать ихъ въ виду вреда для здоровья жителей и опасности въ пожарномъ отношеніи; тамъ же Комитетъ положилъ устроить на улицахъ мостовыя, тротуары и продольные каналы. Въ Херсонѣ, по распоряженію, утвержденному Комитетомъ, приступлено было къ засыпкѣ болотъ [1]).

Для предохраненіи городовъ отъ пожаровъ Комитетъ не мало занимался устройствомъ пожарной части. Во первыхъ

1) 1836 г., №№ 704, 1208 и 1435.

положено было устроить въ столицахъ пожарныя депо [1]); на улучшеніе пожарной части Комитетъ увеличивалъ оцѣночный сборъ съ обывательскихъ домовъ [2]); для Архангельска Комитетъ разрѣшилъ въ видѣ опыта безпошлинный привозъ кирпича и черепицы, перваго—на одну навигацію 1849 г., а второй—на двѣ—1848 и 1849 г.г. [3]).

Послѣ учрежденія нѣсколькихъ страховыхъ обществъ въ Россіи приняты были болѣе рѣшительныя и важныя мѣры: въ 1847 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ пользу городскихъ полицій взимаемо было по 75 р. съ 1.000 р. страховой оцѣнки, и затѣмъ въ 1850 г. повелѣно было распредѣлить этотъ сборъ по городамъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности ихъ въ улучшеніи полиціи и пожарной части; повелѣно было начать съ губернскихъ и торговыхъ городовъ, представляя росписаніе расхода новаго сбора чрезъ Комитетъ Министровъ на Высочайшее воззрѣніе. Въ 1852 г. министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ слѣдующимъ любопытнымъ докладомъ, обрисовывающимъ точно положеніе городовъ, ихъ средствъ и полицейскихъ и пожарныхъ силъ въ Имперіи.

Новаго сбора съ 1847 г. по 1852 г. поступило 837 т. р., изъ нихъ, впрочемъ, 19 т. р. было уже истрачено.

Въ 545 городахъ государства (безъ столицъ) числилось:

полиціи	3,313 чел.
пожарныхъ.	12,974 —

сверхъ того, въ 236 городахъ было отъ военнаго вѣдомства въ помощь полиціи 7,768 чел. нижнихъ чиновъ.

При этомъ, во многихъ городахъ вовсе не было особыхъ полицейскихъ командъ, или же онѣ составлялись изъ вольнонаемныхъ служителей, обыкновенно не долго остававшихся на службѣ; въ другихъ городахъ—тушеніе пожаровъ составляло еще натуральную повинность, весьма неисправно отбываемую; пожарныхъ инструментовъ было мало, да и тѣ, что были,—большею частью худы и ветхи; въ 9 лѣтъ съ 1842 г. по 1850 г. по оффиціальной статистикѣ произошло 8,634 пожара, причи-

---

1) 1827 г., № 517.
2) 1828 г., № 1117 (г. Уфа).
3) 1847 г., № 1483.

нившихъ убытковъ на 13,5 м. р., или на 1,5 м. р. ежегодно.

Главною причиною такого печальнаго положенія былъ, конечно, недостатокъ въ городскихъ доходахъ; города Имперіи получали всего дохода въ годъ—8½ м. р., которые распредѣлялись такъ: 5 м. приходилось на долю 7 городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Одессы, Риги, Астрахани, Казани и Нижняго-Новгорода; на всѣ остальные города—3½ м. р. или въ среднемъ 5.666 р. на городъ, при томъ:

отъ 1 т. р.—3. т. р.	получало . . .	230	городовъ.
менѣе 1 т. р.	» . . .	96	»

При такихъ условіяхъ помѣщеніе полиціи и пожарной части оставляло желать, конечно, многаго: онѣ размѣщены были, по большей части, въ наемныхъ домахъ, которые вовсе не были приспособлены къ ихъ нуждамъ и потому были совершенно неудобны.

Внесенное министромъ внутреннихъ дѣлъ росписаніе употребленія означенныхъ суммъ вызвало сильное возраженіе гр. Орлова: министръ назначилъ 199.000 р. на усиленіе содержанія полиціи и пожарной части, 280.000 р. на постройку и меблировку помѣщеній и 66.000 р. на покупку и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ и лошадей,—между тѣмъ, писалъ гр. Орловъ, по силѣ Высочайшаго повелѣнія 1850 г., главное употребленіе этихъ денегъ должно быть сдѣлано на устройство пожарныхъ командъ и огнегасительныхъ инструментовъ, тѣмъ болѣе, что деньги собраны со страховыхъ обществъ; если же большую часть денегъ употребить на усиленіе полиціи въ городахъ, то пожары, а вмѣстѣ и убытки обществъ, не будутъ предупреждаемы. Неправильно, по мнѣнію гр. Орлова, деньги распредѣлены были на 210 городовъ, тогда какъ повелѣно было начать съ губернскихъ и торговыхъ городовъ; неправильно, далѣе, на нѣкоторые города назначено только по 500—300 р., а на иные даже по 70, 50 и 30 р.; очевидно, писалъ гр. Орловъ, на такія деньги нельзя нисколько улучшить ни полиціи, ни пожарныхъ командъ, а между тѣмъ огромный капиталъ, раздробляясь на множество мелкихъ частицъ, почти уничтожается, и та же сумма, что при распредѣленіи на немногіе города помогла бы имъ довести пожарную часть до превосходнаго со-

стоянія, распредѣленная между 210 городами, не принесетъ никакой пользы; въ заключеніе гр. Орловъ предлагалъ назначенные къ расходу 590.000 р. распредѣлить между немногими городами. Заявленіе гр. Орлова слушалось въ Комитетѣ въ отсутствіе его изъ Петербурга; Комитетъ тѣмъ не менѣе согласился вполнѣ съ его замѣчаніями и положилъ: деньги эти отпускать на улучшеніе пожарной части, начиная отпускъ съ губернскихъ и торговыхъ городовъ, въ которыхъ частныя страхованія въ наибольшемъ сравнительно числѣ, а на улучшеніе полиціи назначать только остатки отъ этихъ суммъ. Государемъ сначала написано на журналѣ: «*оставить до возвращенія гр. Орлова*», а потомъ—«*исполнить по мнѣнію Комитета*» [1]).

Въ 1853 г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ устроить пожарную часть въ 51 городѣ, изъ нихъ только 16 городовъ (Нижній-Новгородъ, Курскъ, Таганрогъ, Елецъ, Тамбовъ, Кременчугъ, Каменецъ-Подольскъ, Брестъ-Литовскъ, Архангельскъ, Кострома, Томскъ, Оренбургъ, Динабургъ, Сумы, Вышній-Волочекъ и Рыбинскъ) имѣли свои значительные остатки и могли это исполнить безъ пособія изъ означеннаго капитала, въ 24 городахъ—остатки были незначительны, а въ 11—смѣты сводились съ дефицитомъ [2]).

Однимъ изъ средствъ для поощренія строительства въ городахъ было предоставленіе нѣкоторымъ изъ уѣздныхъ городовъ права представлять въ залоги по казеннымъ поставкамъ и подрядамъ каменные дома. Законъ не дозволялъ этого, потому что каменныя зданія въ уѣздныхъ городахъ не имѣли цѣнности, такъ какъ на нихъ обыкновенно не находилось покупателей, но въ видахъ поощренія Комитетъ Министровъ предоставлялъ нѣкоторымъ городамъ такое право; напр. въ Краснослободскѣ (Пензенской губ.) было 13 каменныхъ домовъ; среди обывателей (3,798 душъ мужск. пола) было: 1 купецъ—1-й гильдіи, 2—2-й и 708 мѣщанъ и цеховыхъ; нѣкоторые изъ жителей вели значительную хлѣбную торговлю, а прочіе, равно и крестьяне, занимались хлѣбопашествомъ; Комитетъ разрѣшилъ помянутую льготу Краснослободску;

---

1) 1852 г., № 1065.
2) 1853 г., № 251.

тоже предоставлено было Бѣлозерску (Новгородской губ.) послѣ открытія канала, г. Павловску (Воронежской губ.), Оршѣ, Чебоксарамъ и многимъ другимъ [1]).

Постойная повинность продолжала тяготѣть надъ городами, особенно надъ тѣми изъ нихъ, въ которыхъ сосредоточено было довольно много войскъ. Въ самомъ началѣ царствованія марк. Паулуччи поднялъ вопросъ объ обременительности квартирной повинности въ Ревелѣ; Комитетъ по этому поводу предложилъ учредить особый комитетъ, который занялся бы этимъ дѣломъ относительно всѣхъ вообще городовъ. Предположеніе это было осуществлено. Нѣкоторые города имѣли возможность идти на встрѣчу желаніямъ правительства и постановили сами выстроить на свой счетъ казармы; такія постановленія обыкновенно одобрялись Комитетомъ Министровъ и утверждались Государемъ; въ Саратовѣ рѣшено было выстроить на счетъ города казармы, чтобы освободить населеніе отъ постоя [2]).

Зато въ другихъ городахъ повинность эта чувствовалась особенно тяжело.

Населеніе Уральска само согласилось для уравненія квартирной повинности составить денежныя складки по числу покоевъ въ каждомъ домѣ. Предложеніе это вполнѣ одобрено было Комитетомъ [3]). Ревель просилъ въ пособіе для этого отъ правительства 60.000 р., но Комитетъ положилъ учредить тамъ особый сборъ по 15 к. съ души для постройки казармъ, а на освѣщеніе и отопленіе выстроенныхъ зданій отпускать деньги изъ казны [4]). Въ Гольдингенѣ на квартиры инженерамъ путей сообщенія положено было отпускать деньги изъ земскаго сбора, а отопленіе и освѣщеніе производить отъ города [5]). Въ Таврической губерніи Симферополь до такой степени былъ обремененъ постойною повинностью, что многіе жители предпочитали ютиться въ лавкахъ, чѣмъ строить дома, почему тамъ, а равно и въ Евпаторіи, Карасубазарѣ, Бахчисараѣ оставались: старое, безпорядочное расположеніе улицъ и дома татарскаго типа, что особенно

1) 1850 г., №№ 1471, 1577 и 1701; 1851 г., № 988.
2) 1828 г., № 1293.
3) 1828 г., № 199.
4) 1828 г., № 340.
5) 1828 г., № 959.

бросалось въ глаза по сравненію съ городами, отстроенными по планамъ: Севастополемъ, Ѳеодосіею и Керчью. При обсужденіи дѣла предсѣдатель Комитета, кн. Кочубей, замѣтилъ, что дѣйствительно въ Крымскихъ городахъ постойная повинность особенно тяжела и даже несправедлива, такъ какъ отъ нея освобождены татары; поэтому онъ и предложилъ принять для Крымскихъ городовъ ту же мѣру, которая была принята для г. Оренбурга, т. е. давать служащимъ квартирныя деньги. Комитетъ вполнѣ согласился съ этимъ и поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ составить и внести въ Государственный Совѣтъ соотвѣтственный проектъ [1]).

Болѣе состоятельные и болѣе значительные города просили для себя разныхъ привилегій и ссудъ, иногда довольно значительныхъ по размѣру. Въ 1828 г. Кіевъ просилъ 1.000.000 р. на постройку казармъ; Комитетъ сначала нашелъ неудобнымъ время просьбы: теперь въ военное время (война съ Турціей 1828—1829 г.г.) обыватели мало будутъ облегчены въ квартирной повинности, въ то же время можетъ быть по плану обороны въ Кіевѣ будетъ выстроена крѣпость, но уже не на счетъ, конечно, города [2]). Кіевскій гарнизонъ состоялъ изъ 516 офицеровъ и 7,512 нижнихъ чиновъ, а квартирную повинность несли 3,593 дома; особый комитетъ для благоустройства Кіева проектировалъ постройку для части войскъ казармъ на счетъ города, а для остальныхъ войскъ—на счетъ казны. Комитетомъ положено было сдѣлать для постройки казармъ заемъ въ 1,5 м. р., причемъ половина падала на городъ [3]).

На улучшеніе городовъ Комитетъ Министровъ попрежнему назначалъ иногда въ пользу города извѣстную часть изъ таможеннаго, питейнаго или другого дохода. Таганрогу пожаловано было 10% съ таможеннаго дохода; для Керчи гр. Воронцовъ просилъ не только того же, т. е. уступки извѣстной части таможеннаго, но также части акциза на соль и питейнаго дохода. Городу Ревелю Комитетъ предоставилъ взимать въ свою пользу 10% таможеннаго дохода; 1% съ питейнаго дохода уступленъ былъ городамъ, какъ общее

1) 1832 г., № 688.
2) 1828 г., № 1376.
3) 1832 г., № 971.

правило, но подъ условіемъ, что въ случаѣ накопленія недоимокъ пополненіе производится между прочимъ прекращеніемъ отпуска указаннаго процента; нѣкоторые города, и притомъ губернскіе, напр. Витебскъ и Могилевъ, задолжали по столько казнѣ, что помянутымъ способомъ могли пополнить недоимку лишь въ 19—30 лѣтъ, а между тѣмъ сами пришли въ полное разстройство до того, что полиція и другія учрежденія не получали содержанія. Комитетъ разрѣшилъ выдачу имъ 1% съ питейнаго дохода, что и было утверждено Государемъ [1]). Въ 1843 г. положено было выдавать городамъ заимообразно треть чистаго дохода приказовъ общественнаго призрѣнія въ видахъ улучшенія благотворительныхъ заведеній, охраненія зданій отъ огня, устройства полиціи и пожарной части, и въ 1843 г. этихъ денегъ отпущено было почти 180.000 р., но, конечно, нужды городовъ не были удовлетворены и заимообразный отпускъ этихъ денегъ былъ разрѣшенъ и на послѣдующіе годы [2]).

Однимъ изъ источниковъ городскихъ доходовъ были частные сборы; законодательство давно уже стремилось къ тому, чтобы сборы эти повсемѣстно уничтожить; тѣмъ не менѣе они не только еще оставались сравнительно во многихъ мѣстахъ, но и продолжали поступать ходатайства объ установленіи новыхъ сборовъ. Въ началѣ царствованія Комитетъ разрѣшилъ установить сборъ въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Чистополѣ (Казанской губерніи), по 5 к. съ воза или по ½ к. съ пуда товара; затѣмъ, однако, Комитетъ обыкновенно направлялъ ходатайства объ этомъ городовъ въ Государственный Совѣтъ: такъ поступлено было съ ходатайствомъ г. Оренбурга объ установленіи тамъ новыхъ сборовъ, съ проектомъ объ устройствѣ полиціи въ г. Судиславлѣ (Костромской губерніи), такъ какъ на содержаніе полиціи предполагалось увеличить старые сборы и ввести новые [3]).

Обстоятельно вопросъ этотъ былъ обсуждаемъ Комитетомъ въ 1836 г.

Мелкихъ сборовъ было чрезвычайно много. Слѣдующее дѣло даетъ понятіе о томъ, какіе и гдѣ были сборы.

---

[1]) 1846 г., № 623.
[2]) 1847 г., № 10.
[3]) 1828 г., № 958 (Оренбургъ) и № 1297 (Судиславль).

Городъ Тюмень просилъ для увеличенія своихъ доходовъ установить сборъ съ приходящихъ возовъ съ купеческою кладью. На меморіи объ этомъ Государственнаго Совѣта Государь написалъ: «*прежде утвержденія сей статьи желаю знать, какіе есть города, въ коихъ сборъ съ приходящихъ возовъ существуетъ?*». Свѣдѣнія велѣно было представить въ Комитетъ Министровъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній обсудилъ, не удобнѣе ли будетъ уравнять эту повинность повсемѣстно или постановить одинакія и постоянныя правила? Комитетъ принципіально отвѣтилъ отрицательно: установленіе единообразія заключало бы въ себѣ большую неравномѣрность; такъ какъ, однако, сборы эти по существу своему есть внутренняя пошлина, увеличивающая цѣну товаровъ, слѣдовательно падающая на потребителей, то полезно было бы ихъ вовсе уничтожить; но отмѣна сборовъ лишила бы города, при недостаткѣ въ доходахъ и множествѣ расходовъ, значительныхъ средствъ. Больше всего сборовъ такихъ было въ Сибирскихъ городахъ, Перми, Прибалтійскихъ и чрезвычайно много—въ городахъ Западнаго края; такъ, въ Перми брали съ воза, въ Тобольскѣ—съ судовъ,—съ дощаниковъ, каюковъ, лодокъ, плотовъ и съ возовъ съ кладью, причемъ различали товары горожанъ и товары иногородцевъ; въ Иркутскѣ—брали съ воза Кяхтинской торговли, въ Митавѣ—вѣсовыя деньги; въ Западномъ краѣ были сборы: пропинаціонный, консумпціонный, вѣсовой, померной, т. наз. питейная подать, пляцовый (съ мѣста подъ шатромъ), поземельный, брамовый (съ воза хлѣба), бруковый (съ лошади въ возу), гноевый, локтевый, карбонный (эти три на чистку улицъ), лопатковый, мостовой, скуровый (съ кожи), полѣнковый (съ воза дровъ) и др.

Въ Комитетѣ министръ финансовъ, Канкринъ, объяснилъ, что по принятой государственной системѣ всѣ такіе сборы должны быть признаны болѣе или менѣе отяготительными. Сборы взимаются и городами и частными лицами. Относительно первыхъ министръ думаетъ, что вообще они могутъ быть допускаемы съ разрѣшенія правительства. Во владѣльческихъ же мѣстахъ они неудобны, но удобно ли съ другой стороны лишить владѣльцевъ сборовъ, основанныхъ на старинѣ? Онъ, министръ, полагаетъ поступить такъ: объявить, что всякіе сборы, не согласные съ государственными постановленіями, должны быть уничтожены, но не принимать ника-

кой на этотъ разъ общей исполнительной мѣры, предоставляя каждое дѣло о сборахъ судебному разбирательству. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, предложилъ нѣсколько иное мнѣніе: въ Перми и Митавѣ утвердить сборы, установивъ на нихъ таксу; по Сибирскимъ городамъ и городамъ Западнаго края открыть комитеты, которые должны «всемѣрно» стараться объ уничтоженіи и замѣнѣ сборовъ; о сборахъ же на помѣщичьихъ земляхъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія. Комитетъ въ своемъ заключеніи сталъ на точку зрѣнія Канкрина: сборы раздѣлены были Комитетомъ на два разряда: къ первому—отнесены были сборы въ Перми, Сибири и Курляндіи, ко второму—въ Западномъ краѣ; первые—Комитетъ полагалъ возможнымъ оставить и даже вводить новые, каждый разъ съ разрѣшенія генералъ-губернаторовъ; вторые—должны бы быть отмѣнены, но Комитетъ вполнѣ соглашался съ министромъ финансовъ, что они основаны на древнихъ постановленіяхъ; на этихъ основаніяхъ заключено много контрактовъ, и что, слѣдовательно, всякая общая мѣра вызоветъ безпокойство; поэтому Комитетъ полагалъ: предоставить кому слѣдуетъ при разсмотрѣніи смѣтъ опредѣлять съ точностью, какіе сборы могутъ быть уничтожены и чѣмъ они должны быть замѣнены; а уничтоженіе ихъ дѣлать по судебнымъ приговорамъ. Положеніе это было утверждено [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Комитетъ слушалъ представленіе объ учрежденіи въ Казани сбора съ привозимыхъ товаровъ въ пользу города:

	съ горожанъ	съ иногородцевъ
съ пуда хлѣба...........	$\frac{1}{2}$ к.	1 к.
— оцѣночнаго рубля.....	$\frac{1}{4}$ —	$\frac{1}{2}$ —
— воза транспорта по....	50 —	» —

Главноуправляющій путями сообщенія гр. Толь рѣшительно протестовалъ противъ того, чтобы сборъ этотъ распространялся на товары, привозимые и провозимые мимо Казани на судахъ, потому, во первыхъ, что товары эти уже оплачиваются пошлиною въ Нижнемъ-Новгородѣ, а во вторыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ всѣ приволжскіе города станутъ домогаться того же права; Канкринъ также былъ противъ сбора, объясняя, что налогъ долженъ пасть на городскихъ

1) 1836 г., № 1852.

жителей, а вовсе не на потребителей; впрочемъ онъ допускалъ установленіе сбора за складку хлѣба и то въ томъ случаѣ, если нѣтъ другихъ источниковъ. Блудовъ подалъ мнѣніе также противъ установленія сбора: по его мнѣнію, установленіе было бы началомъ учрежденія въ Россіи сборовъ, столь препятствующихъ промышленности. Комитетъ рѣшилъ дозволить сборъ только съ возовъ, что и было утверждено [1]).

Дѣло о сборахъ въ Западномъ краѣ не особенно подвигалось впередъ, потому въ 1845 г. Государь, прочитавъ въ отчетѣ Ковенскаго губернатора донесеніе объ упадкѣ торговли и объясненіе упадка обложеніемъ торговцевъ многочисленными сборами въ пользу владѣльцевъ, отмѣтилъ: «*справедливо, сообразить*». Комитету представлена была справка изъ его прежняго положенія, которымъ еще въ 1836 г. постановлено было объявить владѣльцамъ, что всѣ сборы, не согласные съ государственными узаконеніями, или не основанные на несомнѣнныхъ привилегіяхъ, должны быть признаны незаконными. Генералъ-губернаторъ Мирковичъ съ своей стороны просилъ: а) разрѣшить губернскимъ правленіямъ уничтожать такіе сборы во всѣхъ частныхъ владѣніяхъ, если владѣльцами не будетъ представлено никакихъ доказательствъ своихъ правъ на сборы; б) въ случаяхъ же представленія владѣльцами какихъ-либо доказательствъ, назначать имъ сроки для предъявленія документовъ въ суды; в) въ мѣстечкахъ, принадлежащихъ казнѣ, передать это дѣло на рѣшеніе министерства государственныхъ имуществъ. Гр. Киселевъ заявилъ, что въ казенныхъ имѣніяхъ Ковенской губерніи сборы эти слѣдуетъ уничтожить лишь по окончаніи контрактныхъ сроковъ, на которые имѣнія сданы въ аренду. Вронченко предложилъ Комитету принять мнѣнія Мирковича и гр. Киселева; Комитетъ принялъ эти мнѣнія, и положеніе Комитета утверждено было Государемъ [2]).

Нѣкоторые города по разнымъ причинамъ желали получить отъ правительства довольно значительныя привилегіи и выгоды. По большей части, это дѣлалось тогда, когда признавалось необходимымъ создать новый торговый пунктъ, или тогда, когда очевидно было, что городъ приходилъ въ упа-

---

1) 1836 г., № 1853.
2) 1846 г., № 1583.

докъ не по своей винѣ, а въ силу какихъ - либо тяжелыхъ условій, напр. Смоленскъ, который все еще не могъ оправиться отъ послѣдствій 1812 г. Привилегіями и льготами вызваны были къ жизни нѣкоторые города, теперь весьма значительные; въ царствованіе Императора Николая I многіе помнили еще быстрый ростъ благосостоянія и торговли Одессы и Таганрога, которые всецѣло своимъ благополучіемъ обязаны были правительственной опекѣ. Добиться привилегій было завѣтнымъ желаніемъ многихъ городовъ, но правительство не могло быть особо щедрымъ въ раздачѣ ихъ въ виду того простого соображенія, не говоря уже о другихъ, что привилегія, данная городу, способствовала его развитію не только въ ущербъ сосѣднимъ городамъ, но даже насчетъ ихъ; неудивительно, что на этой почвѣ развилось своеобразное соперничество городовъ, которое приходилось разрѣшать Комитету Министровъ.

Кременчугу (Полтавской губерніи) даны были льготы; Кіевскій военный губернаторъ гр. Левашовъ вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ высказывалъ свои опасенія, какъ бы по этой причинѣ не остановился ростъ Кіева; онъ даже боялся, какъ бы жители Кіева не стали переселяться въ Кременчугъ; поэтому онъ просилъ даровать Кіевскому купечеству тѣ же льготы, которыя дарованы были Кременчугскому, т. е. льготы по платежу гильдейскихъ повинностей (новымъ обывателямъ на 5 лѣтъ полное освобожденіе отъ платежа, слѣдующія 5 лѣтъ— половина платежей, а устроившіе фабрику освобождались отъ этихъ платежей на десять лѣтъ). Канкринъ объявилъ въ Комитетѣ слѣдующее: по этому представленію гр. Левашова онъ докладывалъ Государю, что считаетъ неосновательными опасенія военнаго губернатора о переселеніяхъ изъ Кіева, ибо послѣдній самъ, какъ важный пунктъ внутренняго потребленія, всегда будетъ привлекать къ себѣ купцовъ; льготы, данныя Кіеву, принесутъ убытокъ казнѣ и сосѣднимъ городамъ, а сверхъ того послужатъ многимъ примѣромъ домогаться того же; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ согласиться на предоставленіе Кіеву только половинныхъ противъ Кременчуга льготъ. Комитетъ призналъ «весьма уважительными» причины, выставленныя министромъ финансовъ; вообще слѣдуетъ, по мнѣнію Комитета, привлекать населеніе въ города единственно собственными ихъ выгодами, а не разными

льготами. Но такъ какъ теперь въ видахъ правительства усилить городъ Кіевъ, то Комитетъ и прилагаетъ къ своему журналу проектъ указа сообразно представленію министра финансовъ. Дарованіе Кіеву льготъ поставлено было въ зависимость отъ политическихъ видовъ правительства, поднимавшаго этотъ важный старинный русскій городъ послѣ польскаго возстанія 1830—1831 г.г., и окончательное опредѣленіе того, чѣмъ должно пожертвовать изъ за политическихъ расчетовъ, Комитетъ не бралъ на свою отвѣтственность, а полагалъ на волю Государя. Проектъ представленнаго указа былъ подписанъ Государемъ [1]).

Купцы и мѣщане Кишинева просили, чтобы имъ даны были тѣ же льготы, что пожалованы были Измаилу. Гр. Воронцовъ поддерживалъ ходатайство жителей Кишинева, объясняя его упадокъ отчасти временными причинами: послѣдствіями войны, чумы, холеры и неурожая,—отъ этихъ временныхъ причинъ особенно пострадалъ Кишиневъ, изъ котораго часть жителей даже переселилась на новыя мѣста; кромѣ того угнетала Кишиневъ, какъ и многіе города, квартирная повинность, а ставила его въ невыгодное сравнительно съ другими сосѣдними городами положеніе отдаленность отъ моря. Гр. Воронцовъ испрашивалъ для всѣхъ владѣльцевъ домовъ въ Кишиневѣ льготы на 25 лѣтъ: имъ должны быть предоставлены льготы по платежу гильдейскихъ повинностей и по торговлѣ во всей Новороссіи. Блудовъ былъ того мнѣнія, что льготы Кишиневу можно было дать, но только такія же, которыя даны Измаилу, т. е. на 8 лѣтъ и притомъ не всѣмъ имѣющимъ дома или заведенія, а только имѣющимъ то или другое опредѣленныхъ размѣровъ. Канкринъ былъ противъ льготъ, объясняя, что въ противномъ случаѣ того же запросятъ и другіе города. Комитетъ сталъ на точку зрѣнія министра финансовъ; если, сказано въ положеніи Комитета, быть не разборчивымъ въ пожалованіи льготъ, то скоро не будетъ города, который не сталъ бы домогаться равныхъ себѣ исключеній, что противно самой сущности льготъ; поэтому слѣдуетъ держаться правила, что только или временное несчастье или обращеніе города въ портъ, который обѣщаетъ развитіе промышленности, даютъ право на льготы; такихъ причинъ

1) 1835 г., № 434.

нѣтъ у Кишинева, да и самый его упадокъ весьма относительный: недавно сравнительно это была слобода, которая быстро процвѣла отъ пребыванія тамъ нашихъ войскъ. Поэтому Комитетъ полагалъ отказать Кишиневу въ его домогательствѣ, но министръ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдатель Департамента Экономіи подали особое мнѣніе. Государь приказалъ: «*оставить до пріѣзда гр. Воронцова и тогда вновь пересмотрѣть при немъ*». Гр. Воронцовъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, объяснилъ въ Комитетѣ, какъ невыгодно отозвалось на Кишиневѣ недавнее перенесеніе таможенной линіи послѣ 1829 г. съ Днѣстра на Дунай и Прутъ, особенно при условіи, что Галацъ и Браиловъ стали порто-франко, куда и перешла почти вся торговля съ Македоніею и Валахіею. Послѣ такого объясненія было положено дать льготы Кишиневу на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы этою льготою пользовались тѣ изъ лицъ торгующаго класса, которыя устроютъ или пріобрѣтутъ въ теченіе льготнаго времени зданія опредѣленной цѣнности; льгота эта распространялась и на тѣхъ, которыя устроили такія заведенія въ послѣдніе годы, считая съ 1 Января 1836 г. [1]). По представленію же гр. Воронцова продлены были на 10 лѣтъ льготы Таганрогу,—въ 1829 г. Таганрогу пожаловано было: освобожденіе купцовъ и мѣщанъ отъ платежа всѣхъ податей съ 1829 г. по 1837 г.; въ 1837 г. Таганрогу дозволено было платить половину оклада; льгота эта дана была на 5 лѣтъ, но въ 1842 г. она была снова продолжена на 5 лѣтъ, по 1847 г. Гр. Воронцовъ въ 1847 г. снова настаивалъ на томъ, что продленіе льготы необходимо для Таганрога, такъ какъ въ послѣдніе два года жители пострадали отъ откупщиковъ, оказавшихся неисправными: многіе граждане потеряли свои лучшіе дома и имущество, отданное въ залогъ откупщикамъ. Комитетъ согласился съ этимъ представленіемъ и льготы Таганрогу были продолжены [2]). Градоначальникъ Керчь-Еникале, старой соперницы Таганрога, кн. Херхеулидзевъ вошелъ съ важнымъ проектомъ о поднятіи этого города въ связи съ усиленіемъ русскаго мореходства на югѣ. Онъ предлагалъ устроить въ Керчи порто-франко, что полезно въ высшей степени и въ дѣлѣ огражденія Россіи отъ чумы; затѣмъ онъ предлагалъ: съ иностранныхъ кораблей возвысить корабельный сборъ до

1) 1839 г., № 1476.
2) 1847 г., № 1167.

1 р. 40 к. съ ласта, а русскому флагу предоставить соразмѣрную таможенную уступку; воспретить или затруднить по крайней мѣрѣ приходъ иностранныхъ судовъ въ порты Азовскаго моря; позволить иностранцамъ, живущимъ постоянно въ Россіи, имѣть суда подъ русскимъ флагомъ и строить ихъ по произвольнымъ чертежамъ и, наконецъ, раздѣлить русскихъ шкиперовъ на три разряда: дальняго плаванія, большого и малаго каботажа, причемъ первымъ жаловать почетное гражданство за 15-ти-лѣтнее плаваніе или за 3 рейса въ Средиземное море. Предположеніе кн. Херхеулидзева о томъ, что учрежденіе порто-франко въ Керчи обезопаситъ Россію отъ чумы, оспаривалось министромъ внутреннихъ дѣлъ, а противъ остальныхъ пунктовъ высказался въ Комитетѣ министръ финансовъ: по его словамъ, принятіе этого предложенія было бы противно заключеннымъ трактатамъ, возвышеніе корабельнаго сбора затруднило бы ввозную и внѣшнюю торговли, а еще болѣе стѣснило бы русское мореходство дозволеніе иностранцамъ имѣть корабли подъ русскимъ флагомъ. Поэтому предложеніе это было отклонено [1]). Военный губернаторъ портовъ, Севастополя и Николаева, ходатайствовалъ о предоставленіи населенію этихъ городовъ льготы по платежу гильдейскихъ и мѣщанскихъ податей, именно: освободить Николаевъ отъ платежа на 15 лѣтъ, а Севастополь на 21 годъ; населеніе послѣдняго онъ просилъ освободить еще и отъ рекрутской повинности. Мотивами ходатайства было выставлено: Николаевъ получилъ льготу на 10 лѣтъ въ 1795 г. наравнѣ съ прочими Новороссійскими городами; льготы затѣмъ продолжены были всѣмъ городамъ, кромѣ Николаева, отчего послѣдній естественно и пришелъ въ упадокъ: изъ 34 т. населенія въ немъ было въ 1837 г. только 54 купца и 2,747 мѣщанъ, которые совсѣмъ обѣднѣли послѣ неурожая 1833 и 1834 г.г. Въ Севастополѣ же при 30 т. жителей, при условіи, что онъ былъ центромъ управленія Черноморскаго флота, насчитывалось едва 500 чел. купцовъ и мѣщанъ. Доходы города были недостаточны, жизненные припасы дороги, постойная повинность падала и на чиновъ морскаго вѣдомства. При обсужденіи дѣла въ Комитетѣ Канкринъ говорилъ, что льготы имѣютъ смыслъ только тогда, когда есть

1) 1846 г., № 1455.

виды на развитіе промышленности, иначе льготы не льготы; но въ Севастополѣ и Николаевѣ живетъ много подрядчиковъ и служащихъ и людей промышленныхъ, слѣдовательно нѣтъ причины лишать казну доходовъ, пользы все равно не будетъ, а убытокъ казнѣ отъ льготъ въ такомъ размѣрѣ несомнѣнный; наконецъ, это создастъ опасный прецедентъ и для другихъ городовъ. Блудовъ былъ другаго мнѣнія: Николаевъ былъ дѣйствительно нѣсколько обойденъ, къ тому же изъ него недавно выселили евреевъ, а русскіе купцы безъ привлеченія ихъ льготами не переселятся въ Николаевъ; Севастополь также городъ, въ которомъ живутъ по преимуществу служащіе, и потому нужно что нибудь сдѣлать для привлеченія туда купцовъ и ремесленниковъ; поэтому онъ предлагалъ со всѣхъ вновь записывающихся туда купцовъ, если они построятъ тамъ дома, не взимать податей—три года, а затѣмъ до 10 лѣтъ взимать половину оклада, но съ условіемъ, что купецъ 3-й гильдіи долженъ выстроить домъ не ниже 8 т. р. по оцѣнкѣ, 2-й гильдіи—не ниже 20 т. р. и 1-й гильдіи—50 т. р.; устроившихъ фабрики и подобныя имъ заведенія освобождать отъ платежа на 10 лѣтъ, и такое же облегченіе дать ремесленникамъ въ личныхъ и денежныхъ повинностяхъ; о квартирной повинности онъ бралъ на себя войти въ соглашеніе съ адм. Лазаревымъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Ходатайство за эти города поддержано было въ Комитетѣ кн. Меньшиковымъ, и Комитетъ согласился, что два эти порта лишены многаго сравнительно съ другими портами Чернаго моря, что оттуда высланы евреи по административнымъ видамъ, что офицеры стѣснены тамъ въ образѣ жизни, что города страдаютъ отъ недостатка ремесленниковъ, что потому предложенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ льготы слѣдуетъ распространить и на живущихъ тамъ, дабы они не ушли. На основаніи этихъ соображеній Комитетомъ къ журналу приложенъ былъ проектъ указа, составленный по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Указъ былъ подписанъ Государемъ [1]).

Государь обратилъ вниманіе на постепенное паденіе губернскаго города Владиміра и велѣлъ Комитету обсудить вопросъ, какъ поднять этотъ городъ? Причины такого печаль-

[1]) 1837 г., № 2105.

наго явленія, кромѣ военнаго постоя—причины общей по всѣмъ почти городамъ,—были слѣдующія: дворянство избѣгало жить во Владимірѣ, предпочитая проводить зиму въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что во Владимірѣ не было женскаго учебнаго заведенія; затѣмъ—незначительность торговли и промышленности, небольшое число купцовъ, для которыхъ очень тяжела была выборная служба, недостатокъ въ городскихъ доходахъ и отсутствіе выгона. Для устраненія этихъ причинъ предположено было: выстроить во Владимірѣ казармы, основать институтъ благородныхъ дѣвицъ, дать льготы желающимъ строиться, дозволить избирать въ выборныя должности по городскому управленію всѣхъ купцовъ губерніи, увеличить городской выгонъ на счетъ земли, принадлежащей коннозаводству, принять на счетъ казны содержаніе части полиціи и пожарныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ излишнимъ прирѣзку городу земли; министръ финансовъ соглашался принять содержаніе полиціи на счетъ казны, отпустить нѣкоторую сумму городу, но онъ вообще считалъ не важнымъ дѣломъ для правительства заботиться самому о поднятіи города, столь близкаго къ Москвѣ; иное дѣло, говорилъ Канкринъ, дать льготы для устройства тамъ фабрикъ и заводовъ, тогда раскроются внутреннія силы города, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ ссуды и другія правительственныя мѣры будутъ безполезны. Блудовъ къ этому прибавилъ, что положеніе Владиміра между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ слишкомъ невыгодно для него, чтобы можно было разсчитывать поднять городъ съ небольшими пожертвованіями отъ казны. Военный министръ при обсужденіи дѣла заявилъ, что Государь Императоръ уже приказалъ перемѣстить войска изъ Владиміра, а статсъ-секретарь Лонгиновъ, управлявшій IV Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи,—что вѣдомство это согласно и можетъ открыть во Владимірѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ концѣ Комитетъ остановился на томъ, чтобы отпустить городу 35 т. р., дать тѣ же льготы на постройку фабрикъ и заводовъ, которыя даны Нижнему-Новгороду, и построить казармы. Государь для рѣшенія вопроса, также, какъ прежде относительно городовъ Нижняго-Новгорода и Калуги, приказалъ учредить особый комитетъ, подчинивъ его департаменту военныхъ поселеній [1]).

---

[1]) 1837 г., № 1017.

Въ случаѣ пожаровъ или другихъ бѣдствій городамъ оказывалось значительное пособіе. Казани, послѣ большаго пожара, ее постигшаго, Государь далъ 50 т. р.; кромѣ того послѣ въ Комитетѣ Министровъ обсуждали вопросъ о томъ, какъ помочь жителямъ города: министръ финансовъ предложилъ отпустить городу изъ государственнаго казначейства 10 т. р., затѣмъ предложено было открыть сборъ пожертвованій, устроить комитетъ для оказанія помощи погорѣльцамъ; гр. Киселевъ заявилъ о согласіи отпустить безденежно лѣсъ бѣднымъ жителямъ города, но Государь все это нашелъ слишкомъ незначительнымъ: «*этого полагаю мало; а министру финансовъ сообразить, не полезно-ли будетъ открыть городу заемъ на 37-лѣтнихъ правилахъ до 1 м. р. сер. для скорѣйшаго возстановленія общественныхъ и частныхъ зданій*» [1]).

Для соблюденія порядка въ городахъ Комитетъ неоднократно опредѣлялъ взысканія штрафовъ съ горожанъ, уклонявшихся отъ исполненія требованій полиціи. Такъ, жители многихъ городовъ не давали знать полиціи о пріѣзжавшихъ къ нимъ; Комитетомъ положено было взыскивать штрафъ въ 60 к. за каждый просроченный день [2]). Въ 1848 г. размѣръ штрафа для уѣздныхъ городовъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній увеличенъ былъ до 25 р., потому что будто бы такимъ путемъ легко укрывались лица, подозрѣваемыя въ политическихъ дѣлахъ и другихъ важныхъ преступленіяхъ [3]). Въ другихъ городахъ домохозяевъ штрафовали, по положенію Комитета, за то, что они пускали бродить свой скотъ по улицамъ; штрафъ взыскивался въ размѣрѣ 10 к. съ головы крупнаго скота и 2 к.—мелкаго [4]).

Въ 1849 г. Московскій генералъ-губернаторъ поднялъ вопросъ объ освобожденіи большихъ городовъ отъ празднаго пролетаріата; гр. Закревскій издалъ обязательное постановленіе, дабы Московское градское общество не иначе принимало въ свой составъ новыхъ членовъ, какъ удостовѣрившись, что желающіе члены имѣютъ вѣрныя средства для содержанія себя и своихъ семействъ; распоряженіе это было Высочайше одобрено, но чрезъ нѣсколько времени гр. Закревскій вошелъ съ

---

1) 1842 г., № 1631.
2) 1846 г., № 177; 1847 г., № 791.
3) 1848 г., № 2088.
4) 1849 г., № 501 (для Уфы и Оренбурга).

новымъ представленіемъ о томъ, что приведенная мѣра не можетъ имѣть полнаго успѣха, если она не будетъ распространена на всѣ города и посады Московской губерніи, ибо непринятые Московскимъ обществомъ станутъ приписываться къ уѣзднымъ городамъ и посадамъ Московской губерніи, безъ согласія тамошнихъ обществъ, дабы жительствовать въ Москвѣ. На рапортѣ гр. Закревскаго Государь написалъ: «*считаю весьма дѣльнымъ; разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ и, въ случаѣ ежели мѣра сія будетъ принята, распространить ее справедливо и на С.-Петербургскую губернію*». Министръ юстиціи отозвался въ Комитетѣ, что онъ не видитъ съ своей стороны никакихъ препятствій для принятія этой мѣры. Но министръ финансовъ, Вронченко, заявилъ: раздѣляя вполнѣ мнѣніе Московскаго военнаго губернатора, онъ тѣмъ не менѣе находитъ, что усиливающаяся вообще приписка къ городамъ въ мѣщане есть слѣдствіе принятыхъ правительствомъ мѣръ къ освобожденію людей, особенно дворовыхъ изъ крѣпостного состоянія. Люди эти едва ли въ состояніи будутъ представлять требуемыя новымъ закономъ свидѣтельства, и въ такомъ случаѣ придется ихъ высылать изъ Московской губерніи туда, гдѣ они приписаны, но такая мѣра приведетъ ихъ въ полное разстройство, сдѣлаетъ людьми вредными для общества; кромѣ того означенная мѣра легко можетъ повредить успѣхамъ фабричной промышленности; на этомъ основаніи министръ финансовъ просилъ сдѣлать два изъятія изъ предположеннаго закона: 1) для записанныхъ уже по Московской губерніи по ревизіи и для проживающихъ тамъ не менѣе 5 лѣтъ, и 2) для фабричныхъ рабочихъ. Такія же изъятія Вронченко считалъ необходимыми и для Петербургской губерніи. Главноуправляющій II Отдѣленіемъ Блудовъ представилъ слѣдующія соображенія: новая мѣра имѣетъ цѣлью оградить Москву отъ накопленія безполезныхъ и даже вредныхъ людей и избавить города и посады губерніи отъ неблагонадежныхъ элементовъ; мѣра эта едва ли достигнетъ предполагаемой цѣли,—она не оградитъ столицу отъ прилива дурныхъ людей: мѣщане и крестьяне, получивъ паспорта, могутъ приходить отовсюду въ Москву, большее или меньшее разстояніе едва ли можетъ имѣть значеніе для такихъ переходовъ,—нѣкоторые города сосѣднихъ губерній,—Боровскъ, Малоярославецъ, Покровъ, ближе къ Москвѣ иныхъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи; съ

другой стороны, лица неблагонадежныя могутъ быть, по приговору обществъ, отдаваемы въ солдаты, въ арестантскія роты, ссылаемы въ Сибирь; правительство, само побуждая избирать родъ жизни, будетъ въ то же время ставить для этого препятствія. Если въ устройствѣ городскихъ обществъ у насъ и есть много неудобствъ, то едва ли мѣры, подобныя предлагаемой, помогутъ устранить эти неудобства, — для послѣдняго нужны коренныя измѣненія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ возражалъ Блудову, что существующими узаконеніями положено уже начало необходимому ограниченію безусловной приписки къ городскимъ обществамъ людей разнаго званія, слѣдовательно предположенія Московскаго военнаго губернатора соотвѣтствуютъ направленію нашего законодательства; если пока и не было положено препятствія къ наполненію столицы, то это слѣдуетъ приписать разнымъ препятствіямъ, которыя встрѣчало правительство на этомъ пути; поэтому и теперь, при полномъ убѣжденіи въ пользѣ предполагаемыхъ гр. Закревскимъ мѣръ, нельзя не поставить себѣ вопроса: не встрѣтятся ли въ исполненіи тѣ же препятствія, что и раньше, т. е., что дѣлать съ людьми, которые будутъ отвергнуты городскими обществами? въ городахъ менѣе значительныхъ больше средствъ и содержать себя, и наблюдать за обывателями. По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ вопросъ этотъ стоитъ въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ цеховъ, гдѣ каждый отвѣчаетъ за себя. Первый опытъ новаго цеховаго устройства предположено сдѣлать въ С.-Петербургѣ,—поэтому предложить Московскому военному губернатору распространить эти правила и на Московскую губернію.

Комитетъ не могъ не согласиться съ доводами Блудова и министра внутреннихъ дѣлъ: мѣра, предложенная гр. Закревскимъ, едва ли уменьшитъ число праздныхъ людей въ столицѣ, но въ то же время города сосѣднихъ губерній наполнятся праздными и вредными людьми; послѣднее будетъ несправедливо относительно этихъ городовъ, какъ несправедлива эта мѣра и относительно дворовыхъ людей, отпускаемыхъ на волю. Признавая, однако, мѣру гр. Закревскаго неудобною, слѣдуетъ изыскать другія средства для уменьшенія числа праздныхъ и безполезныхъ людей въ Москвѣ и во всѣхъ

городахъ Имперіи [1]). Въ 1852 г. на разсмотрѣніе Комитета поступилъ проектъ гр. Орлова, начальника III Отдѣленія Канцеляріи Его Величества,—проектъ объ уменьшеніи нищенства въ столицахъ. Гр. Орловъ предлагалъ: строго подтвердивъ о соблюденіи прежнихъ правилъ, запретить выдавать паспорты для слѣдованія въ столицы престарѣлымъ и увѣчнымъ крестьянамъ (безъ взрослыхъ сыновей), малолѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ, солдатскимъ и рекрутскимъ женамъ; вольноотпущенныхъ дворовыхъ, которые по старости и дряхлости не въ состояніи содержать себя своими трудами, приписывать къ обществамъ не въ столицахъ, но въ другихъ, преимущественно, хлѣбородныхъ губерніяхъ. Этотъ проектъ былъ признанъ Комитетомъ вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли и такимъ, который можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ всякихъ затрудненій; Комитетъ предложилъ одно дополненіе къ проекту—распространить эти правила на старыхъ и увѣчныхъ крестьянскихъ женъ и дочерей—и одно ограниченіе, чтобы только тѣмъ солдаткамъ не выдавали паспортовъ, которыя не способны къ работѣ. Положеніе это было утверждено Государемъ [2]).

Въ городскихъ обществахъ попрежнему происходила борьба между купцами съ одной стороны, мѣщанами, посадскими и ремесленниками съ другой. Въ 1826 г. посадскіе Петербурга просили позволенія образовать артель, которой предоставлено бы было занимать должности десятниковъ при льняныхъ и пеньковыхъ буянахъ; просьбу свою они объясняли трудностью семейнымъ мѣщанамъ находить себѣ занятіе: въ прикащики семейныхъ купцы брали неохотно, заниматься мелочнымъ торгомъ было трудно въ виду большой конкурренціи. Петербургскій военный губернаторъ гр. Милорадовичъ согласенъ былъ исполнить просьбу, но купцы не согласились на это, не желая поступиться своимъ правомъ, и министръ финансовъ защищалъ въ Комитетѣ ихъ права; тогда Милорадовичъ вошелъ съ новымъ представленіемъ въ Комитетъ, что: 1) за бракомъ льна и пеньки наблюдаетъ городская дума и 2) нельзя допускать, чтобы иногородное купечество, торгующее льномъ и пенькою, могло имѣть своихъ десятниковъ безъ

---

1) 1849 г., № 1311.
2) 1852 г., № 1007.

записки ихъ въ здѣшнее общество. Канкринъ возражалъ, что браковка товаровъ находится въ вѣдѣніи не думы, а департамента внѣшней торговли. Комитетъ разъяснилъ дѣло: указомъ 1802 г. Февраля 12 браковка товаровъ оставлена была въ вѣдомствѣ градскихъ думъ, а Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 9 Іюня 1825 г.—передана департаменту внѣшней торговли [1]). Въ Ригѣ марк. Паулуччи закрылъ всѣ лавки, принадлежавшія мѣщанамъ; министръ финансовъ немедленно испросилъ Высочайшее повелѣніе—открыть лавки; повелѣніе было исполнено, но марк. Паулуччи вошелъ по этому поводу съ представленіемъ, въ которомъ писалъ, что этимъ нарушаются привилегіи Риги и слѣдствіями такого распоряженія будутъ—упадокъ малыхъ городовъ, скопленіе въ Ригѣ множества людей, отвлекающихъ себя отъ другихъ болѣе приличныхъ имъ занятій, уничтоженіе выгодъ Рижскаго купечества и даже привлеченіе мѣщанства въ Ригу изъ внутреннихъ губерній. Тогда министръ финансовъ предложилъ образовать для разбора особую коммисію, а гр. Кочубей—передать дѣло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Послѣднее предложеніе и было принято Комитетомъ съ тѣмъ, чтобы пока мѣщане могли производить торгъ въ Ригѣ; Государь положилъ такую резолюцію: «*согласенъ, но не терять изъ виду, что если которому городу даны привилегіи, нарушать ихъ не должно безъ важныхъ и уважительныхъ причинъ*» [2]).

По дѣлу объ уволенномъ въ свободные хлѣбопашцы крестьянинѣ Максимовѣ, просившемся о запискѣ его въ казенные крестьяне, Комитетъ высказалъ пожеланіе, чтобы свободнымъ хлѣбопашцамъ облегченъ былъ переходъ въ другія податныя состоянія и до истеченія срока ихъ обязательствъ съ прежними помѣщиками; Комитетъ полагалъ, что полезно было бы давать такія разрѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда на это согласно общество и когда оно беретъ на себя исполненіе повинностей увольняемаго; но вопросъ этотъ, какъ заключающій въ себѣ дополненіе къ существующимъ узаконеніямъ, долженъ быть, по мнѣнію Комитета, разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ [3]).

---

1) 1826 г., № 977.
2) 1828 г., № 7.
3) 1831 г., № 212.

Ревельская казенная палата дозволила двумъ иностранцамъ заниматься въ Ревелѣ мѣщанскою промышленностью, съ платежемъ за это по 20 р. въ годъ. Городовой магистратъ опротестовалъ такое дозволеніе и протестъ его былъ поддержанъ генералъ-губернаторомъ бар. Паленомъ, находившимъ такое разрѣшеніе и безполезнымъ для городовъ, въ которыхъ и безъ того много ремесленниковъ, и нарушающимъ привилегіи Остзейскихъ городовъ. Министръ финансовъ защищалъ въ Комитетѣ распоряженіе казенной палаты, говоря, что гдѣ много ремесленниковъ, туда и безъ запрещенія новые не пойдутъ. Комитетъ отклонилъ отъ себя разрѣшеніе принципіальнаго вопроса, которымъ тогда былъ занятъ Государственный Совѣтъ, но двумъ упомянутымъ иностранцамъ разрѣшилъ остаться, въ виду того, что они поселились въ городѣ съ разрѣшенія, успѣли уже обзавестись хозяйствомъ и никого стѣснить не могутъ. Но Государь иначе посмотрѣлъ на дѣло: «*съ этимъ не согласенъ, потому что казенная палата не имѣла права нарушать городскихъ привилегій, потому иностранцевъ сихъ исключить должно, вознаградивъ на счетъ членовъ казенной палаты; общій же вопросъ въ свое время разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ*» [1]).

Изъ той широкой помощи, которую правительство оказывало городамъ, естественно вытекало право контроля надъ городскими доходами и расходами, о чемъ вопросъ былъ поднятъ еще въ предыдущее царствованіе. Когда Государственный Совѣтъ предположилъ учредить при думахъ особыя строительныя отдѣленія, которымъ и ввѣрить порядокъ расходованія городскихъ суммъ по строительной части, то Государь на меморіи Совѣта далъ такую резолюцію: «*никакихъ новыхъ строительныхъ коммисій или тому подобнаго не затѣвать, ибо изложеннаго здѣсь порядка достаточно. Настоящіе хозяева по столицамъ суть военные губернаторы, которые объ нуждахъ столицы должны непосредственно относиться ко мнѣ и по моему разрѣшенію уже относиться къ подлежащимъ Министерствамъ: такъ учреждено было и впредь быть должно, а г.г. министрамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ хозяйство столицъ помимо генералъ-губернаторовъ, такъ какъ и симъ послѣднимъ не должно*

---

1) 1832 г., № 1335.

входить къ министрамъ съ подобными представленіями безъ моего предварительнаго разрѣшенія». Вслѣдствіе этой резолюціи вышло недоразумѣніе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ ген. ад. Храповицкимъ; министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій полагалъ, что по самому смыслу резолюціи производство текущихъ дѣлъ остается прежнее; военный же губернаторъ увеличивалъ разныя статьи расходовъ по городскому управленію, испрашивая на это Высочайшее разрѣшеніе. Комитетъ положилъ, что движеніе дѣлъ текущихъ остается прежнее, и для ясности счелъ необходимымъ принять опредѣленіе «текущихъ дѣлъ» и порядокъ ихъ производства, какъ это было сдѣлано Перовскимъ, а именно:

1) Изданіе городскихъ росписей: онѣ составляются думою и послѣдовательно чрезъ губернское начальство и министерство внутреннихъ дѣлъ поступаютъ въ Государственный Совѣтъ и представляются на Высочайшее утвержденіе.

2) Изданіе дополнительныхъ росписей идетъ тѣмъ же порядкомъ, но министерствомъ вносится не въ Совѣтъ, а въ Комитетъ Министровъ.

3) Утвержденіе контрактовъ: на сумму до 7.500 р. принадлежитъ генералъ-губернатору, до 15.000 р.—министру внутреннихъ дѣлъ, выше 15.000 р.—Сенату.

4) Утвержденіе таксъ принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ.

5) Сложеніе недоимокъ до 3.000 р.—министру внутреннихъ дѣлъ, выше—Сенату.

6) Контроль и счеты по произведеннымъ расходамъ поступаютъ въ министерство и передаются въ государственный контроль. Положеніе это было утверждено [1]).

Комитетъ Министровъ одобрилъ «обрядъ» городскихъ выборовъ въ Петербургѣ: въ 1846 г. введено было новое положеніе объ общественномъ управленіи С.-Петербурга, число лицъ,

---

1) 1846 г., № 1765.

которыя имѣли право голоса по новому положенію, было 6.170 чел., лица эти по состояніямъ раздѣлялись на:

потомственныхъ дворянъ	1,490
личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ	425
купцовъ	2,218
мѣщанъ	1,410
ремесленниковъ	627

Комитетъ предоставилъ военному губернатору произвести обрядъ выборовъ, которые впервые происходили въ столицѣ [1]).

Въ 1847 г. С.-Петербургское купечество выбрало въ предсѣдатели коммерческаго суда бар. Корфа, Лонгинова и Люби; представляя этихъ трехъ кандидатовъ, купечество просило о дозволеніи избирать предсѣдателей на 6 лѣтъ. Министръ юстиціи объявилъ, что просьбу эту онъ приметъ въ соображеніе, когда въ скоромъ времени войдетъ въ Государственный Совѣтъ съ проектомъ преобразованія коммерческихъ судовъ. Утвержденіе въ должности перваго кандидата бар. Корфа сначала встрѣтило было нѣкоторыя препятствія въ Комитетѣ, въ виду того, что онъ въ 1844 г. былъ уволенъ вовсе отъ службы и исключенъ изъ придворныхъ списковъ, право поступить вновь на службу ему было разрѣшено впослѣдствіи. Комитетъ спрашивалъ заключеніе шефа жандармовъ, гр. Орлова, но такъ какъ никакихъ компрометирующихъ лично Корфа свѣдѣній не оказалось ни въ III Отдѣленіи, ни въ главномъ управленіи путей сообщенія, ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то Комитетъ положилъ утвердить въ должности предсѣдателя бар. Корфа [2]).

Калужскій губернаторъ увѣдомилъ, что въ Калугѣ выбранъ былъ въ головы человѣкъ, извѣстный своею глупостью, невѣжествомъ и упорствомъ, а въ гласные выбраны люди, вовсе недостойные засѣданія въ думѣ. Государь на рапортѣ губернатора написалъ: «*обратить на сіе вниманіе; полагаю, что подобнаго не слѣдовало допускать*». По этому

---

1) 1846 г., № 1717.

2) 1847 г., № 1254.

случаю министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ въ Комитетѣ, что губернаторъ можетъ не утверждать въ должности гласныхъ, только въ случаѣ явнаго порока ихъ; конечно, губернатору слѣдовало бы употребить при выборахъ свое нравственное вліяніе и сдѣлать надлежащее внушеніе; теперь остается одно: пусть губернаторъ преслѣдуетъ каждое незаконное дѣйствіе думы и отъ него будетъ зависѣть при первомъ же случаѣ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи ихъ. Причиной такихъ нежелательныхъ выборовъ министръ считалъ участіе въ выборахъ мѣщанъ, подающихъ всегда голоса по указаніямъ купцовъ, отъ которыхъ они находятся въ денежной зависимости [1]).

Въ 1852 г. произошло слѣдующее важное столкновеніе между Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Кокошкинымъ и Харьковскимъ городскимъ головою. По донесенію ген. ад. Кокошкина городской голова Рудаковъ, недовольный распоряженіемъ мѣстнаго начальства, дозволившаго оптовымъ торговцамъ, пріѣзжающимъ на ярмарки въ г. Харьковъ, помѣщаться въ частномъ гостиномъ дворѣ, очень удобномъ и безопасномъ, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, какъ главный монополистъ, собиралъ тайно купцовъ и требовалъ отъ нихъ подписи жалобы на приведенное распоряженіе, угощалъ ихъ виномъ и въ то же время стращалъ исключеніемъ изъ общества въ случаѣ отказа. Ген. ад. Кокошкинъ, узнавъ обо всемъ этомъ, уволилъ Рудакова отъ должности въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 1850 г. Ноября 7. Рудаковъ принесъ жалобу Сенату, который нашелъ, что означенное Высочайшее повелѣніе относится только къ чиновникамъ и не касается вовсе лицъ, служащихъ по выборамъ; поэтому Сенатъ опредѣлилъ: распоряженіе генералъ-губернатора отмѣнить, предоставивъ ему поступить по закону. Рудаковъ тогда на основаніи сенатскаго указа потребовалъ, чтобы ему дозволено было снова вступить въ должность головы. Ген. ад. Кокошкинъ обратился къ Государю съ ходатайствомъ: для поддержанія вліянія главнаго начальника края, весьма ослабленнаго указомъ Сената, онъ просилъ оставить его распоряженіе въ силѣ, а Рудакова выслать изъ Харькова. На представленіи Кокошкина Государь написалъ: «*Въ Комитетъ Министровъ для разсмотрѣ-*

1) 1848 г., № 875.

нія, правильно ли судилъ Сенатъ, за дерзкій же поступокъ Рудакова—выслать его въ примѣръ другимъ на жительство въ Уфу на два года». Комитетъ передалъ дѣло министру юстиціи. Гр. Панинъ защищалъ въ Комитетѣ опредѣленіе Сената: 1) съ опредѣленіемъ Сената былъ согласенъ и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскій; 2) единогласно въ Сенатѣ было признано, что помянутое повелѣніе 1850 г. не относится до лицъ, занимающихъ выборныя должности; поэтому удаленіе отъ должности Рудакова не могло быть основано на этомъ повелѣніи и не могло быть допущено безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія; но гр. Панинъ соглашался, что оставить въ силѣ опредѣленіе Сената и на будущее время неудобно; поэтому онъ полагалъ: слѣдовало бы генералъ - губернаторамъ предоставить право удалять лицъ, избранныхъ городскими обществами, тѣмъ болѣе, что извѣстно, какъ часто выборы эти не достигаютъ своей цѣли, не распространяя впрочемъ этого права на дворянскіе выборы; министръ указалъ, что предлагаемая имъ мѣра есть дополненіе къ существующимъ узаконеніямъ. Заключеніе гр. Панина было принято Комитетомъ: Комитетъ нашелъ, что Сенатъ судилъ въ настоящемъ случаѣ по точному и буквальному смыслу закона; при этомъ Комитетъ не могъ не замѣтить, что распоряженіе генералъ-губернатора нельзя признать совершенно правильнымъ: генералъ-губернатору слѣдовало бы, временно удаливъ Рудакова отъ должности, испросить потомъ разрѣшеніе дѣла установленнымъ порядкомъ. Съ другой стороны Комитетъ признаетъ, что отмѣна генералъ-губернаторскаго распоряженія не могла не поставить главнаго начальника края въ затруднительное положеніе, а подобные случаи могутъ встрѣчаться и впослѣдствіи, поэтому Комитетъ Министровъ находитъ желательнымъ предоставить Государственному Совѣту обсудить, какимъ порядкомъ должно увольнять отъ должностей лицъ, служащихъ по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица окажутся совершенно неспособными, но когда послѣдняго нельзя доказать фактами. На это положеніе Комитета послѣдовало согласіе Государя [1]).

Затѣмъ не мало поступало въ Комитетъ разныхъ заявле-

---

1) 1852 г., № 1531 и 1818.

ній и отъ городскихъ обществъ и отъ представителей власти объ измѣненіи тѣхъ или другихъ сторонъ юридическаго положенія городскихъ состояній. По самому существу большая часть такихъ представленій была отклоняема отъ себя Комитетомъ и передаваема на обсужденіе Государственнаго Совѣта; но нѣкоторыя—Комитетъ находилъ возможнымъ удовлетворить вполнѣ или частью. Обитатели Каменецъ-Подольска просили въ 1829 г. о возстановленіи ихъ древнихъ правъ и привилегій: въ просьбѣ этой были пункты и о шляхетствѣ, и о доходахъ съ сосѣднихъ мельницъ, и о военномъ постоѣ, и о выселеніи евреевъ въ особую часть города; эти пункты были отклонены Комитетомъ отъ себя, а пункты объ устройствѣ въ городѣ главной таможни и о возвратѣ городу питейнаго дохода Комитетъ передалъ на предварительное заключеніе министра финансовъ [1]).

Въ 1832 г. гор. Вильно обратился съ просьбою объ утвержденіи за нимъ привилегій, пожалованныхъ ему бывшими польскими королями, великими князьями литовскими и россійскими монархами, а именно: возстановить въ Вильнѣ Магдебургское право, освободить градское общество отъ подчиненія начальству, предоставить гражданамъ право торговли безъ платежа таможенныхъ пошлинъ и право посылать депутатовъ на сеймы. Комитетъ положилъ: не обращать никакого вниманія на эту просьбу [2]).

Въ 1828 г. Малороссійскіе города, которые имѣли Магдебургское право, обратились съ просьбой—прислать имъ экземпляры этого права на русскомъ языкѣ. Оригинальная эта просьба вполнѣ подтверждаетъ давно высказанное мнѣніе, что русскія городскія общества, получая отъ великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ привилегіи на Магдебургское право, очень мало интересовались узнать сущность этого права, и, конечно, это было одной изъ причинъ, почему эти города никогда не умѣли отстоять своихъ правъ. Въ Петербургѣ въ архивѣ Сената нашелся одинъ, и то не полный, экземпляръ перевода съ польскаго, неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланный. Министръ юстиціи предложилъ поручить коллегіи иностранныхъ дѣлъ сдѣлать переводъ съ оригинала и

---

1) 1829 г., № 331.
2) 1832 г., № 379.

отпечатать этотъ переводъ въ 600 экземплярахъ, но оказалось, что во II Отдѣленіи Канцеляріи Его Величества есть полный переводъ, сдѣланный въ 1732—1735 г.г. Комитетъ положилъ отпечатать этотъ послѣдній переводъ, но Государемъ дѣло передано было Сперанскому, съ тѣмъ, чтобы онъ собралъ обстоятельныя свѣдѣнія и переговорилъ съ министромъ юстиціи о переводѣ этого изданія, если только изданіе будетъ признано необходимымъ [1]).

Петербургское купечество просило наградить купца Кусова за исправленіе имъ должности директора коммерческаго банка. Комитетъ положилъ передать и это дѣло въ Государственный Совѣтъ [2]). Купечество 3-й гильдіи города Лебедина ходатайствовало: жены ихъ, дѣти и внуки даютъ, находясь въ болѣзненномъ положеніи, обѣщанія поклониться святымъ, но удерживаетъ ихъ на мѣстѣ цѣна паспортовъ, которые для купца 3-й гильдіи стоятъ 25 р. въ годъ; купечество просило, чтобы для указанной цѣли были выдаваемы мѣсячные и двухмѣсячные билеты. Министръ финансовъ нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу и постановить общее правило о выдачѣ въ такихъ случаяхъ купеческимъ женамъ съ ихъ дѣтьми плакатныхъ паспортовъ съ платежемъ установленныхъ пошлинъ. Заключеніе министра было принято Комитетомъ и одобрено Государемъ [3]). Купцамъ 2-й и 3-й гильдій Оренбургской губерніи и Западной Сибири Комитетъ положилъ дозволить вести торгъ съ азіатскими народами наравнѣ съ купцами 1-й гильдіи. Купцы заштатнаго г. Луха жаловались, что имъ неудобно получать купеческія и прикащичьи свидѣтельства изъ уѣзднаго казначейства г. Юрьевца; Комитетъ по прежде бывшимъ примѣрамъ разрѣшилъ полученіе имъ свидѣтельствъ изъ мѣстной ратуши [4]). Магистраты и ратуши завѣдывали въ городахъ судебными дѣлами, составляя первую инстанцію; въ 1837 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ предложилъ присоединить ихъ дѣла къ дѣламъ уѣздныхъ судовъ; Государь велѣлъ спросить купеческія и мѣщанскія общества, желаютъ ли они такой перемѣны? Только 95 городовъ и мѣстечекъ изъявили на это согласіе и къ 1849 г.

1) 1828 г., № 259 и № 669.
2) 1826 г., № 2183.
3) 1829 г., № 1768.
4) 1849 г., № 469.

*

составлены были Государственнымъ Совѣтомъ правила этой реформы; Государь дозволилъ ввести ее въ видѣ опыта въ одномъ городѣ; такъ какъ первымъ изъявившимъ свое согласіе былъ Житоміръ, то Комитетъ и положилъ: упразднить въ Житомірѣ городовой магистратъ [1]).

III.

Крестьяне.

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ царствованіе Императора Николая Павловича. Волненія и побѣги крестьянъ въ началѣ царствованія. Установленіе военнаго суда надъ крестьянами, выходившими изъ повиновенія. Приговоры военно-судныхъ коммисій. Увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: участіе Комитета въ утвержденіи и измѣненіи условій обязанныхъ крестьянъ. Предложенія нѣкоторыхъ дворянъ объ улучшеніи быта и освобожденіи крестьянъ. Права помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьяне западныхъ губерній. Польское возстаніе 1830—1831 г.г. и дѣла о крестьянахъ, доносившихъ о мятежныхъ дѣйствіяхъ и замыслахъ своихъ господъ. Вопросъ о вольныхъ крестьянахъ, проживавшихъ на помѣщичьихъ земляхъ. Возбужденное состояніе крестьянскихъ умовъ въ Бѣлоруссіи. Предложенія Витебскаго и Динабургскаго дворянскихъ обществъ объ освобожденіи крестьянъ. Вопросы, вызванные введеніемъ инвентарей въ Западномъ краѣ; дѣятельность ген.-ад. Бибикова. Заводскіе и казенные крестьяне.

Время Императора Николая Павловича есть время самаго оживленнаго обсужденія въ правительственныхъ сферахъ крестьянскаго вопроса. Николай Павловичъ унаслѣдовалъ отъ Своего предшественника желаніе освободить крестьянъ отъ помѣщичьей власти: въ теченіе Своего царствованія Императоръ Николай I собралъ десять особыхъ комитетовъ, секретныхъ и тайныхъ, которые послѣдовательно обсуждали этотъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Освобожденіе крестьянъ не было, однако, непосредственнымъ слѣдствіемъ столь внимательнаго и усиленнаго обсужденія вопроса; учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, инвентарныя положенія—вотъ главнѣйшіе законодательные акты по крестьянскому дѣлу, непосредственно вышедшіе изъ совѣщаній особыхъ комитетовъ. Важнѣе были другія косвенныя слѣдствія столь усиленнаго

---

1) 1849 г., № 1422.

Князь А. Чернышевъ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

обсужденія вопроса: сознаніе необходимости произвести коренную реформу,—сознаніе, укрѣпившееся не только въ правительствѣ, но и проникавшее все сильнѣе въ умы дворянства; при внимательномъ изученіи дѣла отъ правительства не ускользнула государственная сторона реформы,—тѣсная связь крестьянскаго вопроса съ другими сторонами государственной и общественной жизни; опасность безземельнаго освобожденія была сознана вполнѣ и вполнѣ выяснились основанія будущей реформы.

Обсужденіе крестьянской реформы принадлежало особымъ комитетамъ, частью Государственному Совѣту, въ которомъ Государь Николай Павловичъ сказалъ Свою памятную рѣчь по крестьянскому дѣлу, вполнѣ выясняющую Его точку зрѣнія на вопросъ. На долю Комитета Министровъ выпала другая часть работы по дѣлу: попрежнему, т. е. также какъ въ предшествовавшее царствованіе, въ Комитетъ продолжало поступать довольно много дѣлъ по крестьянскому вопросу. Комитетъ разбиралъ и всеподданнѣйшія жалобы крестьянъ, помѣщичьихъ и казенныхъ, разбиралъ слѣдствія и судебные приговоры о крестьянахъ, выходившихъ изъ послушанія; разсматривалъ Комитетъ нѣкоторыя маловажныя измѣненія въ узаконеніяхъ о крестьянахъ, въ условіяхъ ихъ отпуска на волю и, наконецъ, иногда Комитетъ долженъ былъ высказывать свое мнѣніе по вопросамъ законодательнаго характера, по которымъ Государь требовалъ этого отъ Комитета. Дѣятельность Комитета Министровъ вполнѣ отражаетъ на себѣ все то, что доходило до свѣдѣнія высшаго правительства и Государя по крестьянскому дѣлу; данныя архива Комитета поясняютъ, почему въ это царствованіе такъ много вниманія было обращено на крестьянское дѣло. Резолюціи Государя и сужденія Комитета указываютъ на тотъ образъ дѣйствій, которому слѣдовало правительство въ этомъ дѣлѣ.

Двѣ первыя на меморіяхъ Комитета резолюціи Государя Николая Павловича даны по крестьянскимъ дѣламъ: на меморіяхъ 1825 г. Августа 4 и 11,—эти меморіи по времени относятся еще къ царствованію Императора Александра Павловича, но онѣ не были имъ разсмотрѣны и были утверждены уже Его Преемникомъ. Казенные крестьяне Тверской губерніи Нестеровской волости жаловались на Старицкаго исправника въ притѣсненіяхъ и лихоимствѣ. Комитетъ поло-

жилъ: дальнѣйшаго слѣдствія по жалобамъ крестьянъ не производить, но такъ какъ исправника нельзя считать оправдавшимся въ обвиненіяхъ и такъ какъ онъ уже удаленъ отъ службы, то на этомъ и кончить дѣло. Рѣшеніе Комитета, конечно, было не вполнѣ послѣдовательное; Государь далъ понять это Комитету Своею первою резолюціею: «*нахожу сіе рѣшеніе несправедливымъ; онъ виноватъ или невиноватъ; въ подозрѣніи же человѣка оставлять есть несправедливость; а потому приказать употребить его на службу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ближе будетъ къ присмотру бдительнаго начальства*» [1]. По жалобѣ крестьянъ Тамбовской помѣщицы К—ой на притѣсненія Комитетъ положилъ: случай смерти одного крестьянскаго мальчика предоставить судебному слѣдствію, помѣщиковъ К—ихъ обязать подпискою, чтобы работы распредѣляли между крестьянами точно по указу о трехдневной барщинѣ, поручивъ уѣздному предводителю дворянства имѣть за этимъ строгій надзоръ. Государь утвердилъ это положеніе резолюціею: «*согласенъ; но при томъ бывшему въ то время уѣзднымъ предводителемъ замѣтить, что подобныя происшествія могутъ быть только тогда, когда онъ свой долгъ неисправно выполнилъ*» [2].

На первыхъ порахъ Государю пришлось разбирать довольно много дѣлъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ; извѣстно, что въ началѣ каждаго царствованія крестьяне особенно волновались.

Крестьяне и дворовые помѣщика С—ва жаловались на его жестокое съ ними обращеніе, а крестьяне его же имѣнія въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи—на управляющаго имѣніемъ. Слѣдствіе, произведенное по приказу Московскаго военнаго губернатора, обнаружило, что помѣщики С—вы извѣстны своимъ дурнымъ обращеніемъ съ крестьянами, отчего много крестьянъ отъ нихъ бѣжало, а другіе просились въ военную службу; на основаніи этого слѣдствія Московскій военный губернаторъ распорядился взять имѣніе С—ва въ опеку; но С—въ принесъ на это распоряженіе жалобу въ Сенатъ. Сенатъ согласно съ мнѣніемъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что слѣдствіе было про-

---

1) 1825 г., № 1462.
2) 1825 г., № 1537.

изведено не вполнѣ точно и результаты его, не совсѣмъ доказательные, не давали права военному губернатору наложить опеку на имѣніе С—ва. Но военный губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ возражалъ, что онъ и не обязанъ былъ производить формальнаго изслѣдованія: разъ онъ узналъ, что крестьяне эти платили по 150 р. оброка, питались мірскимъ подаяніемъ, видъ дворовыхъ былъ изнуренный,—онъ имѣлъ право наложить опеку на имѣніе. Споръ разрѣшенъ былъ Комитетомъ, который призналъ, что военный губернаторъ имѣлъ право наложить опеку при данныхъ условіяхъ, только онъ обязанъ былъ донести объ этомъ Сенату; Сенатъ же не имѣлъ права требовать новаго слѣдствія; правило это Комитетъ положилъ сдѣлать общимъ по всѣмъ губерніямъ. Въ данномъ дѣлѣ былъ еще одинъ вопросъ: у С—ва было нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ, какъ же должно было поступить съ остальными, т. е. должно ли было и ихъ взять въ опеку или не брать? Комитетъ распорядился узнать о состояніи другихъ имѣній помѣщика. Отвѣты даны были такіе: изъ Костромской губерніи,—имѣніе управляется хорошо и крестьяне вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; изъ Олонецкой и Калужской,—что имѣніе С—ва въ посредственномъ положеніи, но жалобъ со стороны крестьянъ нѣтъ. На основаніи этихъ представленій Комитетъ положилъ, что нѣтъ необходимости учреждать опекунское управленіе надъ имѣніями С—ва, находящимися въ трехъ помянутыхъ губерніяхъ. Государь далъ резолюцію: «*согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы возложено было на дворянскихъ предводителей смотрѣть за порядкомъ*» [1]).

Жалоба крестьянъ на помѣщика М—на П—на (Костромской губерніи) признана была Комитетомъ неосновательною, но Государь пожелалъ узнать, чѣмъ кончилось волненіе крестьянъ. Костромской губернаторъ донесъ, что все волненіе въ этой вотчинѣ успокоилось и что крестьяне принесли своему владѣльцу *присягу* въ томъ, что будутъ исполнять повинности. Комитетъ положилъ довести «до свѣдѣнія» Государя этотъ рапортъ губернатора; при этомъ приложено было особое мнѣніе предсѣдателя Департамента Законовъ,—Пашкова: нѣтъ закона, писалъ Пашковъ, которымъ дозволялось бы приводить

1) 1826 г., № 22.

крестьянъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ исполнять свои повинности; можетъ случиться, что это самое селеніе впослѣдствіи опять выйдетъ изъ повиновенія своему владѣльцу, и тогда безграмотное крестьянское общество окажется виновнымъ и въ клятвопреступленіи. Поэтому Пашковъ предлагалъ: запретить приводъ крестьянъ въ такихъ случаяхъ къ присягѣ. Къ мнѣнію Пашкова присоединились: предсѣдатель Комитета, предсѣдатели Департаментовъ Экономіи и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и кн. Голицынъ, и Государь написалъ: «*совершенно справедливо и принять за правило*» [1]).

Значительныя крестьянскія волненія и побѣги происходили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ; было упомянуто, что въ губерніяхъ Пензенской, Саратовской, Тамбовской и другихъ крестьяне бѣжали за Волгу и на Кавказъ вслѣдствіе распространившихся между ними ложныхъ слуховъ. Въ Псковской губерніи крестьяне нѣсколькихъ помѣщиковъ вышли изъ повиновенія и употребляли насильственныя мѣры; по словамъ губернатора крестьяне эти не имѣли никакихъ поводовъ жаловаться, а волновались оттого, что у прежнихъ владѣльцевъ были на оброкѣ и вели жизнь праздную и своевольную; теперь же между ними ходитъ слухъ, что помѣщики ихъ сосланы въ Сибирь и имъ обѣщана вольность. Комитетъ принялъ къ свѣдѣнію мнѣніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, полагавшаго предписать губернатору усугубить попеченіе о возстановленіи порядка между непокорными, а при дальнѣйшемъ упорствѣ крестьянъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Положеніе это утверждено было Государемъ [2]). Крестьяне Гр—ва (Костромской губерніи) покинули свою деревню предъ воинской командой, отправленной привести ихъ въ повиновеніе, но столпились на большомъ трактѣ, не пропуская проѣзжающихъ; губернаторъ долженъ былъ прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію, ибо по его словамъ волненіе готово было распространиться на Ветлужскій и Варнавинскій уѣзды [3]). Вологодскій губернаторъ доносилъ, что между помѣщичьими крестьянами идутъ толки, будто они будутъ взяты въ казну, а потому и не слѣдуетъ имъ платить оброковъ помѣщикамъ [4]).

---

1) 1826 г., № 235.
2) 1826 г., №№ 556 и 735.
3) 1826 г., № 678.
4) 1826 г., № 679.

Въ Ярославской губерніи устройство въ имѣніи кн. Г—на бумажной фабрики вызвало сильное возмущеніе крестьянъ, пытавшихся сопротивляться воинской командѣ. Губернаторъ, лично усмирявшій это неповиновеніе, доносилъ Комитету, что положеніе крестьянъ этой вотчины цвѣтущее, но что онъ опасается распространенія волненій, такъ какъ въ народѣ, неизвѣстно откуда, распространились слухи о вольности, которая будетъ дана къ веснѣ; губернаторъ указывалъ на недостаточность внутренней стражи, которою онъ можетъ распоряжаться, всего 455 чел., изъ которыхъ большая часть должна нести караулы. Было положено, что такія буйства требуютъ скорѣйшаго ихъ окончанія и Государемъ утверждено было рѣшеніе, которымъ главные виновники, числомъ менѣе девяти, послѣ примѣрнаго ихъ наказанія на мѣстѣ, сосланы были въ Сибирь на поселеніе, а прочимъ крестьянамъ объявлено было всемилостивѣйшее прощеніе [1]); и въ другой большой вотчинѣ той же губерніи крестьяне твердили, что въ Маѣ текущаго года дана будетъ вольность; губернаторъ просилъ дать ему два эскадрона войска, что и было ему разрѣшено [2]); но зато въ третьей большой вотчинѣ губерніи гр. Д—ва М—ва исправникъ донесъ о сильномъ бунтѣ крестьянъ, котораго вовсе не было, а оказалось, что крестьяне по случаю ярмарки были въ нетрезвомъ состояніи и начали бить въ набатъ при въѣздѣ исправника въ село [3]). Подобные случаи неповиновеній крестьянскихъ, которыя приходилось усмирять военною силою, происходили и въ другихъ губерніяхъ; они вызвали рескриптъ 19 Іюля 1826 г., копія съ котораго сообщена была Комитету: въ рескриптѣ предписывалось помѣщикамъ содѣйствовать къ возстановленію между крестьянами спокойствія ограниченіемъ правъ своихъ въ предѣлахъ, въ законѣ предписанныхъ. Но и въ слѣдующемъ 1827 г. въ Комитетъ поступило нѣсколько донесеній о насильственной смерти нѣкоторыхъ помѣщиковъ.

Со времени учрежденія III Отдѣленія Канцеляріи Его Величества открылся новый путь, которымъ высшее правительство узнавало иногда о жестокомъ обращеніи владѣльцевъ съ ихъ людьми; въ 1827 г. Владимірскій губернаторъ гр. Апраксинъ получилъ

---

1) 1826 г., № 738.
2) 1826 г., № 813.
3) 1826 г., № 787.

запросъ отъ ген. ад. Бенкендорфа объ обращеніи помѣщика П—ва и его жены съ ихъ людьми и крестьянами. Губернаторъ отвѣчалъ, что обращеніе П—ва съ людьми самое жестокое и что былъ случай смерти крестьянина вскорѣ послѣ наказанія, при этомъ губернаторъ въ оправданіе свое добавилъ, что раньше онъ не получалъ никакихъ донесеній насчетъ этого ни отъ земской полиціи, ни отъ уѣзднаго предводителя дворянства. Комитетъ положилъ: произвести по дѣлу формальное изслѣдованіе, и если донесеніе губернатора подтвердится, то отдать имѣніе въ опеку, губернатору сдѣлать замѣчаніе, а уѣздному предводителю—строгій выговоръ. Государемъ написано: «*согласенъ, гр. Толстому сообщить, чтобъ послалъ флигель-адъютанта для присутствованія при слѣдствіи*» [1]. Ген.-ад. Бенкендорфъ довелъ до свѣдѣнія Государя, что крестьяне, отправленные ген.-маіор. М—мъ изъ Рязанской губерніи на его заводъ въ Оренбургскую губернію, прибыли въ Нижній-Новгородъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи: изъ 180 чел. — 10 умерло, а 40—оказались больными вслѣдствіе тѣсноты барки, въ которой ихъ везли въ позднее время года, и вслѣдствіе недостатка въ здоровой пищѣ и теплой одеждѣ. Государь приказалъ: «*внести въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы приняты были противъ г. М—ва мѣры, кои по закону слѣдуютъ*»; сверхъ того Государь повелѣлъ принять въ строгое соображеніе рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе на безпечность губернскаго предводителя дворянства, допустившаго такія дѣйствія ген.-маіор. М—ва. По справкамъ дѣло представилось въ такомъ свѣтѣ: помѣщикъ М—въ поручилъ своему управляющему отправить этихъ крестьянъ; тотъ отправилъ ихъ позднею осенью, увѣривъ помѣщика, что они снабжены всѣмъ необходимымъ; М—въ, узнавъ объ этомъ, отдалъ было приказъ, чтобы крестьяне эти были остановлены на зимовку въ его имѣніи въ Горбатовскомъ уѣздѣ; но полиція не позволяла баркѣ, на которой они плыли, приставать къ берегу подъ предлогомъ, будто на баркѣ были холерные больные, отчего, конечно, люди были доведены до полнаго изнуренія. М—въ отправилъ Нижегородскому губернатору 1.500 р. денегъ съ просьбою перевезти его крестьянъ въ Горбатовское имѣніе на зимовку, но губернаторъ отослалъ барку въ Рязанскую губер-

[1] 1827 г., № 441.

нію. Губернаторъ съ своей стороны оправдывался тѣмъ, что на баркѣ были смертельные случаи отъ холеры, а барка тайно ушла къ Нижнему-Новгороду, гдѣ и была остановлена и отправлена обратно въ Рязанскую губернію, въ имѣніе М—ва. Изъ дальнѣйшихъ справокъ оказалось, что эти крестьяне были вовсе не изъ Рязанской губерніи, а изъ имѣній М—ва въ Тульской, Псковской и Витебской губерніяхъ, о чемъ начальники этихъ губерній не имѣли никакихъ свѣдѣній; 180 чел. было отправлено на баркѣ 12 саж. длины, 8 арш. ширины; умерло всего изъ 180 чел.—31 чел. Тогда взяты были свѣдѣнія, въ какомъ положеніи были остальные крестьяне М—ва; отвѣты были такіе: изъ Рязанской губерніи: повинности платятъ безнедоимочно, въ продовольствіи нужды не имѣютъ, но живутъ не земледѣліемъ, а работою на чугунно-плавильномъ заводѣ и другими мастерствами; при заводѣ нѣтъ ни больницы, ни медиковъ; жалобъ со стороны крестьянъ не было; изъ Витебской и Псковской губерній,—что крестьяне М—ва обременены излишними поборами. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету: управляющаго имѣніемъ подвергнуть законной отвѣтственности, а М—ву внушить, чтобы онъ имѣлъ наблюденіе за своими крестьянами, возложивъ наблюденіе за этимъ на уѣздныхъ предводителей дворянства. Комитетъ согласился съ этимъ, но и положилъ еще объявить М—ву чрезъ Московскаго военнаго губернатора: если впредь будетъ замѣчено такое нерадѣніе о крестьянахъ, то на имѣніе наложена будетъ опека, а онъ самъ будетъ подвергнутъ отвѣтственности. Государь написалъ: *«совершенно справедливо и сверхъ того поручить губернаторамъ донести, въ какомъ положеніи находятся помѣстья г. М—ва»* [1]).

Крестьяне помѣщика Т—ва (Московской губерніи) жаловались на противозаконные поступки съ ними помѣщика; слѣдствіе подтвердило порочность поступковъ помѣщика, не приличныхъ дворянину; но Московскій военный губернаторъ добавилъ, что самъ Т—въ сознался порочность своего поведенія и оставилъ прежній образъ жизни; тѣмъ не менѣе слѣдовало бы учредить надъ нимъ опеку, но въ настоящее время онъ выѣхалъ изъ Московской губерніи и проживаетъ во Владимірской. Государь направилъ это доне-

---

1) 1832 г., № 573.

сеніе: «*въ Комитетъ Министровъ, чтобы поступлено было по закону*». Комитетъ положилъ: предать Т—ва суду, имѣя за нимъ особенный надзоръ, дабы при первомъ же нарушеніи имъ закона удалить отъ управленія имѣніемъ. Государь рѣшилъ дѣло иначе: «*имѣнія взять въ опеку, вездѣ гдѣ есть*» [1]).

Большое дѣло о тульскомъ помѣщикѣ И—вѣ, начатое еще въ прошлое царствованіе, продолжалось и въ это; въ Комитетъ оно было внесено начальникомъ главнаго штаба Его Величества: до свѣдѣнія Государя дошло, что совѣтникъ Тульскаго губернскаго правленія, производившій слѣдствіе, на самомъ дѣлѣ составлялъ для И—ва отвѣты и что послѣдній успѣлъ скрыть слѣды многихъ своихъ дѣйствій; до свѣдѣнія Государя дошли сообщенія о другихъ дѣйствіяхъ и даже намѣреніяхъ И—ва, рѣшившаго будто бы по окончаніи слѣдствія срыть до основанія жилища своихъ дворовыхъ людей и сослать ихъ на поселеніе. Слѣдствіе, произведенное Тульскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, подтвердило большую часть дошедшихъ до Государя свѣдѣній о возмутительныхъ и безнравственныхъ поступкахъ И—ва; управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ: передать это слѣдствіе судебному разбору, не учреждая надъ имѣніемъ опеки, такъ какъ все обвиненіе построено на показаніяхъ дворовыхъ, почему достаточно ограничиться установленіемъ надзора за имѣніемъ и запрещеніемъ И — ву наказывать своихъ крестьянъ и людей. Но Комитетъ принялъ болѣе строгія мѣры, рѣшивъ: самое дѣло разбирать въ Рязани, а не въ Тулѣ, какъ бы слѣдовало по мѣсту жительства помѣщика; запретить помѣщику до окончанія суда жить въ своихъ деревняхъ; надъ имѣніемъ немедленно учредить опеку, предоставивъ однако всѣ доходы въ полное распоряженіе И — ва; обвиняемаго совѣтника губернскаго правленія судить также въ Рязани, а не въ Тулѣ. Предсѣдатели Департаментовъ Военныхъ Дѣлъ и Законовъ отказались по родству съ И—вымъ отъ сужденія по дѣлу. «*Управляющему министерствомъ юстиціи за ходомъ дѣла сего имѣть строгій надзоръ, а управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ строго наблюдать, чтобы взяты были всѣ нужныя мѣры къ сохраненію покорности и тишины въ имѣніи г. И—ва*»,—резолюція [2]).

1) 1827 г., № 674.
2) 1828 г., № 193.

Многочисленные сравнительно случаи волненія крестьянъ и необходимость прибѣгать къ военной силѣ для водворенія тишины заставили правительство измѣнить порядокъ подсудности по такого рода дѣламъ: судъ поручаемъ былъ особо учреждаемымъ на каждый разъ коммисіямъ военнаго суда. Приговоры этихъ коммисій съ заключеніями мѣстныхъ властей представлялись на утвержденіе Государя чрезъ Комитетъ Министровъ, причемъ Комитетъ очень часто излагалъ свое мнѣніе о степени наказанія.

Крестьяне Ярославской вотчины помѣщицы Ш—вой хотя бунта и не произвели, но упорно отказывались платить оброкъ и высказали неуваженіе начальству, даже самому гражданскому губернатору. Коммисія приговорила: 5 человѣкъ главныхъ виновныхъ наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь на поселеніе, одного, имѣющаго болѣе 70 лѣтъ, сослать же, не наказывая кнутомъ; остальныхъ 89 наказать плетьми и батогами и оставить въ вотчинѣ, причемъ, какъ только крестьяне при производствѣ наказанія изъявятъ раскаяніе, то наказаніе пріостановить и объявить крестьянамъ всемилостивѣйшее прощеніе; всего въ вотчинѣ была 441 душа мужскаго пола. Комитетъ замѣнилъ наказаніе кнутомъ главнымъ пяти виновникамъ, опредѣливъ прогнать ихъ два раза сквозь строй чрезъ 1,000 чел. Положеніе Комитета было утверждено [1]). Крестьяне Гродненскихъ помѣщиковъ Ю—въ за неповиновеніе приговорены были коммисіей: главные виновники къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, менѣе виновные—къ наказанію плетьми; Комитетъ положилъ замѣнить наказаніе плетьми прогнаніемъ сквозь строй чрезъ 500 человѣкъ по одному разу, что и было утверждено [2]). Въ другой разъ коммисія приговорила 10 крестьянъ Ярославской вотчины З—ва лишить живота; губернаторъ смягчилъ приговоръ, опредѣливъ троихъ болѣе виновныхъ наказать 30—40 ударами кнута и сослать въ Сибирь, а остальныхъ наказать плетьми и оставить въ вотчинѣ. Комитетъ не только согласился съ приговоромъ губернатора, но и положилъ сдѣлать строгій выговоръ членамъ коммисіи за ея приговоръ. Положеніе Комитета было утверждено. Въ

---

1) 1828 г., № 1113.
2) 1828 г., № 1707.

1845 г. крестьяне наслѣдниковъ Д—ва (Подольской губерніи), недовольные управленіемъ иностранца Шмидта, которому была ввѣрена вотчина, послѣ ночныхъ совѣщаній въ домѣ священника, не только оказали неповиновеніе, но и не позволяли работать тѣмъ крестьянамъ, которые не участвовали въ ихъ заговорѣ. Потребовалось вмѣшательство войскъ, крестьянъ въ вотчинѣ числилось 2,700 душъ, и только послѣ наказанія 32 выдававшихся бунтарей населеніе успокоилось. При слѣдствіи нѣкоторые крестьяне оговаривали священника, будто онъ склонялъ ихъ домогаться установленія двухдневной барщины, но слѣдствіе обнаружило также и то, что экономія вотчины требовала съ крестьянъ работы сверхъ узаконенной трехдневной барщины. Коммисія военнаго суда приговорила: 1 крестьянина къ наказанію 30 ударами плетьми, клейменію и каторжнымъ работамъ на 4 года; 14 крестьянъ—къ наказанію 80 ударами розогъ и арестантскимъ ротамъ на 4 года; 29 человѣкъ—къ наказанію 50 ударами розогъ; мѣстнаго священника коммисія оставила въ сильномъ подозрѣніи, а управителя вотчины оштрафовала; одинъ членъ военно-судной коммисіи подалъ отдѣльное мнѣніе: по его мнѣнію, «возмущенія» не было ни до пріѣзда исправника, ни послѣ его прибытія; между тѣмъ 37 крестьянъ было захвачено и посажено въ тюрьму, и изъ нихъ 18 чел. умерло въ острогѣ; губернаторъ на послѣднее замѣчаніе объяснилъ, что столь значительная смертность произошла оттого, что престарѣлые крестьяне въ изнурительномъ состояніи подверглись вдругъ перемѣнѣ воздуха и лишены были всякаго движенія. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ далъ такое заключеніе: волненіе между крестьянами было; они, внѣ сомнѣнія, обнаружили непозволительную дерзость, но во первыхъ покорились власти скоро, а во вторыхъ самое волненіе между ними возникло оттого, что они терпѣли несправедливости, о которыхъ хотѣли спокойно объяснить сыну умершаго ихъ владѣльца, но послѣднему неугодно было выслушать ихъ, тогда крестьяне искали защиты у постороннихъ, поэтому участь ихъ заслуживаетъ облегченія. На основаніи такого заключенія министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету назначить такія наказанія крестьянамъ: одного главнаго виновнаго подвергнуть 80 ударамъ розогъ и сослать на поселеніе въ Сибирь, остальныхъ, наказавъ розгами, оставить на мѣстѣ въ вотчинѣ; Коми-

тетъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ, положивъ еще священника, подозрѣваемаго въ соучастіи съ крестьянами, перевести на другое мѣсто. Положеніе Комитета утверждено было Государемъ [1]). Помѣщикъ Симбирской губерніи Гл—въ наказалъ крестьянина розгами; наказанный бѣжалъ изъ заключенія къ отцу, у котораго и умеръ на шестой день послѣ наказанія, по увѣренію помѣщика, отъ холеры. Помѣщикъ оправдывался тѣмъ, что распоряженіе о наказаніи сдѣлано было имъ въ самомъ разстроенномъ душевномъ состояніи отъ грубости крестьянина. Три сосѣднихъ помѣщика заявили, что они ничего кромѣ хорошаго о Гл—вѣ сказать не могутъ, что онъ одинъ изъ попечительнѣйшихъ и заботливыхъ владѣльцевъ; собраніе предводителей и депутатовъ дворянства рѣшило: такъ какъ Гл—въ никогда жестоко съ своими крестьянами не обходился, то имѣніе его, согласно закону, не можетъ быть взято въ опеку, а слѣдуетъ ему сдѣлать замѣчаніе. Губернаторъ призналъ такое опредѣленіе слабымъ въ виду того, что наказанный находился въ заключеніи цѣлую недѣлю. Сенатъ согласился съ губернаторомъ: поступокъ помѣщика, по его опредѣленію, подлежитъ уголовному суду, а начальству губерніи слѣдуетъ удостовѣриться въ положеніи крестьянъ. Опредѣленіе Сената было принято Комитетомъ и утверждено Государемъ [2]). Крестьянки имѣнія Д—каго (Тамбовской губерніи) убили управляющаго и изуродовали его трупъ. Не отрицая факта, крестьяне показывали, что покойный управляющій необыкновенно жестоко наказывалъ ихъ, особенно женщинъ; слѣдствіе подтвердило показаніе крестьянъ; оказалось, что крестьяне и раньше жаловались и обращались съ просьбами о защитѣ, но за это были наказываемы: управляющій не отпускалъ ихъ даже къ исповѣди безъ того, чтобы отлучающіеся не представили вмѣсто себя другаго работника. Сенатъ, постановивъ приговоръ, опредѣлилъ ходатайствовать о смягченіи участи преступницъ; Комитетъ положилъ: зачинщицу преступленія, наказавъ плетьми, сослать на каторгу на 18 лѣтъ, девять крестьянокъ—подвергнуть наказанію плетьми и сослать на каторгу отъ 6 до 12 лѣтъ и 11 чел. наказать розгами. Кромѣ того положено было Комитетомъ, что подле-

---

1) 1847 г., № 318.
2) 1852 г., № 330.

жатъ строгому взысканію—уѣздный предводитель дворянства, земская полиція и помѣщикъ Д—ой, державшій такого управляющаго. Государь написалъ: «*исполнить, но кромѣ первой, прочихъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, отослать на поселеніе*» [1]). Одинъ Псковскій помѣщикъ Н. и его жена изобличены были въ крайне жестокомъ обращеніи съ крестьянами и отягощеніи ихъ работами. Сенатъ при разборѣ дѣла потребовалъ отзыва отъ предводителя дворянства, но тотъ отозвался, что онъ не получалъ ни отъ кого жалобъ на этого помѣщика; Комитетъ положилъ: сдѣлать предводителю выговоръ, а помѣщика и жену его предать суду. Резолюція: «*справедливо, а ихъ судить арестованными*» [2]).

Крестьяне отставнаго ротмистра П — скаго принесли жалобу на владѣльца въ томъ, что онъ будто бы неправильно владѣетъ ими, такъ какъ онъ вовсе не племянникъ покойной ихъ владѣлицы Самариной, а сынъ кучера Дмитріева; крестьяне прибавили, что они терпятъ большія притѣсненія и что крестьянинъ Никифоровъ, обнаружившій это самозванство, былъ лишенъ жизни. Потребованы были свѣдѣнія. Рязанскій губернаторъ Кожинъ отвѣчалъ, что онъ не могъ узнать ничего, что подтверждало бы жалобу крестьянъ; мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ, напротивъ того, донесъ, что ходятъ слухи, будто крестьянинъ Никифоровъ долго содержался подъ арестомъ на скотномъ дворѣ и тамъ былъ отравленъ дворовымъ человѣкомъ Петровымъ и его женою. Тогда губернаторъ назначилъ формальное слѣдствіе, командировавъ въ вотчину чиновниковъ; крестьяне заволновались и отказали владѣльцу въ повиновеніи. Слѣдствіе обнаружило, что П—скій владѣетъ крестьянами не по праву наслѣдства, а по купчимъ 1840 и 1841 г.г., что до сихъ поръ имъ были довольны всѣ крестьяне; что смерть Никифорова отъ яда вовсе не подтверждается; хотя Никифоровъ и долго содержался на скотномъ дворѣ подъ арестомъ, но посаженъ онъ былъ еще покойною владѣлицею Самариною за побѣгъ. О личности П—скаго слѣдствіе обнаружило слѣдующее: онъ былъ воспитанъ въ домѣ помѣщика Самарина, какъ сынъ дворянина П—скаго, поступилъ потомъ на военную службу въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ,

---

[1]) 1852 г., № 1568.
[2]) 1854 г., № 1092.

и въ 1829 г. за болѣзнью уволенъ въ отставку, причемъ прописанъ: «изъ орловскихъ дворянъ», но въ родословныхъ книгахъ губерніи Ипполитъ П—скій не значится. По свѣдѣніямъ отъ духовнаго начальства открылось только то, что у Дмитріева, двороваго человѣка помѣщика Самарина, записанъ сынъ Ипполитъ. Волненіе крестьянъ продолжалось и даже замѣтны были опасные признаки въ окружающихъ вотчинахъ; поэтому управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ прекратить всякія разслѣдованія, такъ какъ П—скій имѣетъ полное право на владѣніе крестьянами и слѣдовательно розысканія не должны имѣть мѣста. Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Государь сначала приказалъ дѣло «*представить особо*», а потомъ министру государственныхъ имуществъ повелѣно было поступить съ имѣніемъ П—скаго, какъ въ 1845 г. поступлено было съ имѣніемъ подполковника Татищева, купленнымъ двумя братьями Чулковыми. Случай этотъ былъ слѣдующій:

Дѣти Чулкова, двороваго человѣка Татищева, получили дворянство и купили впослѣдствіи имѣніе Татищева, гдѣ нѣкогда отецъ ихъ былъ дворовымъ, и поселились въ немъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Крестьяне, опасаясь, какъ бы этотъ самый Чулковъ не сталъ ихъ фактическимъ владѣльцемъ, жаловались, и Государь разрѣшилъ дѣло такъ: «*Чулкова отца выслать изъ имѣнія, кое взять въ опеку, запретивъ и дворянамъ Чулковымъ жить впредь до рѣшенія дѣла. Все сіе, а равно и записку о дѣлѣ передать въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы имѣніе сіе было немедленно оцѣнено и пріобрѣтено въ казну, о чемъ заготовить указъ*».

Во избѣжаніе огласки, имѣніе Чулковыхъ было куплено на имя т. с. Небольсина [1]).

Оба эти случая показываютъ, какъ строго Императоръ Николай Павловичъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы населенными имѣніями владѣли исключительно дворяне, притомъ настоящіе дворяне, а не такія лица, которыя пріобрѣтали это достоинство сомнительными и не совсѣмъ ясными путями.

Чрезъ Комитетъ Министровъ продолжали поступать всѣ представленія объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Значеніе Комитета въ этихъ дѣлахъ осталось прежнее: Комитетъ представлялъ акты объ увольненіи на Высочайшее

1) 1851 г., № 1495.

утвержденіе, а въ тѣхъ случаяхъ, когда акты были составлены не совсѣмъ сообразно съ закономъ 1803 г., Комитетъ разсуждалъ, можно ли допустить такой актъ и какія измѣненія въ немъ должно сдѣлать.

Ген. Демидовъ уволилъ въ свободные хлѣбопашцы за выговоренную плату одну свою вотчину въ 5,113 душъ крестьянъ; въ заключенномъ съ крестьянами актѣ было два условія, не согласныя съ постановленіями 1803 г.: Демидовъ обязалъ крестьянъ по кончинѣ его вносить недоплаченный капиталъ тѣмъ лицамъ, которымъ это предоставлено будетъ по его духовному завѣщанію, и въ случаѣ неуплаты денегъ лица эти имѣли право просить учрежденія опеки надъ крестьянами. При разсмотрѣніи этого акта въ Комитетѣ было высказано, что разрѣшеніе его, какъ заключающаго въ себѣ разъясненіе закона о родовыхъ имуществахъ, и важное отступленіе отъ закона 1803 г., должно быть предоставлено Государственному Совѣту; сверхъ того, министръ юстиціи Дашковъ заявилъ: зная по своему близкому сосѣдству съ имѣніемъ ген. Демидова положеніе тамошнихъ крестьянъ, онъ сомнѣвается, чтобы крестьяне эти были въ состояніи платить, особенно въ первые годы, тяжелый выкупъ, налагаемый на нихъ обязательствомъ: богатые должны будутъ платить за бѣдныхъ и слѣдовательно современемъ образуется нѣсколько тысячъ вѣчныхъ батраковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, возражалъ, что онъ внесъ это дѣло въ Комитетъ на томъ основаніи, что оно вовсе не заключаетъ въ себѣ распоряженія родовымъ имѣніемъ, а лишь происходящими отъ него денежными капиталами, о которыхъ запрещено принимать споры, будто они родовые (мнѣніе Гос. Сов. 1827 г. Февр. 3). Комитетъ отклонилъ отъ себя на основаніи указанныхъ выше соображеній обсужденіе дѣла, но Государь далъ резолюцію: «*я не могу съ симъ согласиться: всякій имѣетъ право дѣлать распоряженіе имѣніемъ своимъ по смыслу существующихъ законовъ; все, что противно онымъ или превосходитъ власть завѣщателя, допустимо быть не можетъ, иначе всякій въ правѣ будетъ просить собственно для себя изъятія и законъ лишится силы и дѣйствія; объявить о томъ г. а. Демидову*» [1]).

---

[1]) 1832 г., № 498.

Дѣло, помимо общаго интереса, имѣетъ и частный: обыкновенно, члены Комитета не входили въ разборъ, поскольку тяжелы или нѣтъ обязанности, принимаемыя на себя крестьянами,—Комитетъ полагался въ такихъ случаяхъ на представленія мѣстныхъ властей и на заключеніе иногда министра финансовъ, а въ этомъ дѣлѣ министръ юстиціи указалъ Комитету на тяжесть условій, ссылаясь на свое сосѣдство съ имѣніемъ г. Демидова. Такіе случаи, когда члены Комитета выходили изъ предѣловъ своихъ вѣдомствъ, сравнительно очень рѣдки.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что когда г. а. Демидову объявлена была Высочайшая воля, онъ заявилъ согласіе свое на заключеніе условія съ крестьянами во всемъ согласно закону 1803 г.

Другія отступленія, допускаемыя Комитетомъ, отъ этого закона были незначительны: крестьяне въ условіяхъ часто брали на себя обязательство платить денежные сборы на устройство и содержаніе дворянскихъ учебныхъ заведеній; также, обыкновенно, они должны были платить проценты и погашеніе по сдѣланнымъ помѣщиками займамъ: Тверской помѣщикъ Кузьминъ уволилъ 246 душъ, во вниманіе къ вѣрной и усердной службѣ ихъ во время слѣпоты его, не требуя съ нихъ никакихъ денежныхъ вознагражденій, но съ тѣмъ, чтобы до конца его жизни они оставались въ полномъ его послушаніи и распоряженіи, а по его смерти собственный его участокъ поступилъ въ пользу сельскаго запаснаго магазина. Условіе это было утверждено [1]). Казанская помѣщица Чичагова уволила 23 души съ 232 десятинами земли за 2.088 р., съ тѣмъ, чтобы они производили ей до смерти приличное содержаніе. Тульскій помѣщикъ Куломзинъ уволилъ 47 душъ съ 195 десятинами съ условіемъ платить ему до смерти его по 570 р. въ годъ, а по его кончинѣ племянницѣ—по 428 р. въ годъ [2]). Ярославская помѣщица Раевская обязала своихъ крестьянъ, кромѣ обычныхъ платежей на учебныя заведенія и по долговымъ ея обязательствамъ, давать въ церковь по 4 р. 28 к. на поминовеніе ея и ея предковъ [3]).

---

1) 1846 г., № 1759.
2) 1846 г., №№ 1796 и 1872.
3) 1847 г., № 707.

*

Было уже указано, что законъ 1803 г. объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы не имѣлъ тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывалъ законодатель. Крестьяне увольнялись по этому закону, но число увольняемыхъ было сравнительно ничтожно, такъ что общее число крѣпостныхъ нисколько не уменьшалось. Императоръ Николай Павловичъ обратилъ Свое вниманіе на это дѣло; особый комитетъ выяснилъ причину, какъ полагали тогда, вѣрную этого неуспѣха: законъ 1803 г. предоставлялъ помѣщикамъ увольнять на свободу своихъ крестьянъ, надѣляя ихъ достаточнымъ количествомъ земли; такимъ образомъ помѣщики, увольнявшіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, отказывались навсегда и отъ крестьянъ, и отъ земли. Между тѣмъ по вторую четверть XIX вѣка наше дворянство, постепенно свыкаясь съ мыслью, что рано или поздно оно должно будетъ отказаться отъ своихъ правъ на крестьянскій трудъ, начинаетъ все болѣе цѣнить землю, какъ источникъ будущаго значенія сословія въ государствѣ; отсюда и заключали: оттого дворянство сравнительно рѣдко прибѣгаетъ къ закону 1803 г., что оно не желаетъ упустить изъ своихъ рукъ землю. Поэтому въ видѣ поправки къ закону 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ выработанъ былъ особымъ комитетомъ извѣстный законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ; законъ этотъ обсуждаемъ былъ въ Государственномъ Совѣтѣ; во время обсужденія закона Государь Самъ посѣтилъ засѣданіе Совѣта и произнесъ тамъ извѣстную Свою рѣчь о крестьянскомъ дѣлѣ [1]). Новый законъ существенно отличался отъ прежняго тѣмъ, что пахотная земля оставалась во владѣніи помѣщиковъ; крестьянамъ она отдавалась въ продолжительное пользованіе на строго опредѣленныхъ условіяхъ. Законъ этотъ возбудилъ большія надежды въ однихъ и большія опасенія въ другихъ; то и другое оказалось совершенно преждевременнымъ, такъ какъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ гораздо менѣе приложенія, чѣмъ законъ 1803 г. Немногочисленные случаи примѣненія этого закона прошли чрезъ Комитетъ Министровъ.

Первый, кто рѣшился воспользоваться этимъ закономъ, былъ

---

[1]) 30 Марта 1842 г., рѣчь Государя, какъ она записана въ журналѣ Государственнаго Совѣта, напечатана въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго «Гр. П. Д. Киселевъ и его время», т. II, стр. 254—258.

гр. (впосл. кн.) М. С. Воронцовъ: онъ положилъ уволить въ обязанные своихъ крестьянъ Муринской вотчины (С.-Петербургской губерніи) [1]); условіе, заключенное гр. Воронцовымъ съ крестьянами, было разсмотрѣно Комитетомъ Министровъ въ особомъ засѣданіи; Комитетъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ этомъ актѣ, положивъ исключить изъ него вотчинную роспись и найдя неудобнымъ допускать въ немъ какія-либо условія о власти помѣщиковъ. Положеніе Комитета и самый актъ были утверждены Государемъ, приказавшимъ кромѣ того: «*впредь представлять вѣдомость обязаннымъ наравнѣ съ вольными хлѣбопашцами. Гр. Воронцову заготовить рескриптъ съ изъявленіемъ особаго удовольствія и благоволенія за сей первый благодѣтельный примѣръ*» [2]).

Но долго никто не рѣшался послѣдовать примѣру гр. Воронцова; въ 1846 г. въ Комитетъ внесено было представленіе министра внутреннихъ дѣлъ съ проектомъ новыхъ правилъ объ обезпеченіи помѣщиковъ въ случаѣ, если крестьяне не станутъ исполнять условій договора, такъ какъ неудача закона приписывалась именно этому обстоятельству. Вопросъ о причинахъ неуспѣха былъ раньше на разсмотрѣніи Совѣта; но изъ представленныхъ Совѣту причинъ онъ нашелъ, что вопросъ о правѣ наказывать обязанныхъ крестьянъ рѣшенъ уже Сенатомъ при разсмотрѣніи дѣла о власти помѣщиковъ наказывать своихъ крѣпостныхъ людей, а прочее составляетъ предметъ гражданскаго права; по этимъ соображеніямъ и Комитетъ, когда дѣло поступило на его обсужденіе, полагалъ выждать, пока сами событія не укажутъ, какія изъ правилъ дѣйствительно необходимы и въ примѣненіи незатруднительны; но за всѣмъ тѣмъ остался одинъ вопросъ, какъ лучше обезпечить помѣщиковъ въ точномъ исполненіи крестьянами договора? Комитетъ, разсуждая объ этомъ дѣлѣ, обратилъ вниманіе на то, что недавно представленъ былъ проектъ увольненія въ обязанные Курскимъ помѣщикомъ Векротомъ, составленный отчетливо и удовлетворительно, и который тѣмъ не менѣе крестьяне не могли понять, отчасти и потому, что крестьянамъ хорошо жилось у владѣльца; послѣдній не стѣснялъ ихъ работами, а напротивъ помогалъ имъ въ несчастныхъ случаяхъ,

---

1) Тамъ же, стр. 226 и слѣд.

2) 1843 г., № 128, резолюція 15 Іюня 1843 г.

но, въ виду важности и желательности увольненія крестьянъ въ обязанные, Комитетъ положилъ внушить крестьянамъ Векрота чрезъ губернатора, что со смертью владѣльца положеніе ихъ можетъ измѣниться, а при договорѣ—выгоды ихъ обезпечены. Государь, утвердивъ это положеніе, прибавилъ: «*полезно бы было спросить губернаторовъ, отказались ли совершенно отъ намѣренія своего прочія лица, представившія неодобрительные проекты? или готовятъ новыя предложенія?*» [1]).

Въ отвѣтъ на это Курскій губернаторъ скоро донесъ, что крестьяне Векрота, будучи совершенно довольны своимъ положеніемъ, не желаютъ мѣнять его на новое, имъ неизвѣстное, тѣмъ болѣе, что не видятъ примѣровъ; *секретно* губернаторъ доносилъ, что условія увольненія крѣпостного въ обязанные, составленныя Векротомъ, нѣсколько отяготительны, а крестьяне надѣются на хорошее управленіе Векрота, а потомъ его жены и дочери. Тульскій губернаторъ отвѣчалъ слѣдующее: помѣщики—гр. Татищевъ, гр. Бобринскій, Муравьевъ, Болотовъ, Вельяминовъ, Ошанинъ, Мясновъ и Раевскій—заявили ему, что мысль объ отмѣнѣ крѣпостного права никогда не оставляла ихъ, и что они просятъ позволенія составить въ губерніи комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернатора; предполагаемый губернскій комитетъ пригласитъ къ участію въ своихъ работахъ извѣстныхъ хозяевъ и предложитъ правительству нѣсколько проектовъ, направленныхъ «къ безвредному исходу изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся нынѣ владѣльцы земель съ работающимъ классомъ крѣпостного состоянія». Херсонскій губернаторъ донесъ, что помѣщикъ Чеповскій готовъ представить проектъ, но на его имѣнія даны ссуды и есть недоимки; имѣніе Харьковскаго помѣщика Карпова, хотѣвшаго уволить своихъ крестьянъ, было въ опекѣ; помѣщики Ушаковъ, Семеновъ и Ключаревъ отказались представить новые проекты. Министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ Комитетѣ, что дальнѣйшіе шаги правительства въ этомъ направленіи онъ находитъ неудобными, относительно же просьбы Тульскихъ помѣщиковъ думаетъ, что разъ разрѣшено Динабургскимъ помѣщикамъ образовать изъ себя комитетъ по этому вопросу, то онъ полагаетъ дозволить на такомъ же основаніи и комитетъ въ Тулѣ; Комитетъ Министровъ на послѣднее не

---

[1]) 1846 г., № 1762.

согласился: въ Динабургскомъ уѣздѣ объ открытіи комитета просили всѣ помѣщики, а въ Тулѣ—только восемь человѣкъ, между тѣмъ какъ дѣло можетъ получить нежелательную огласку, почему Комитетъ и положилъ: объявить Тульскимъ помѣщикамъ, что предложеніе ихъ признано неудобнымъ, но что отъ нихъ самихъ зависитъ совѣщаться объ этомъ дѣлѣ, пригласивъ для наблюденія начальника губерніи. Положеніе Комитета было утверждено [1]).

Только въ 1848 г. Комитетъ разсмотрѣлъ и представилъ на утвержденіе Государя второй случай примѣненія закона 1842 г.: кн. Витгенштейнъ заключилъ условіе съ крестьянами своей Царскосельской вотчины, въ числѣ 662 душъ. Государь, утверждая это постановленіе, написалъ: «*полагаю, что полезно было публиковать о семъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, дабы примѣръ условій могъ служить руководствомъ желающимъ приступить къ подобной же мѣрѣ, но не умѣющимъ къ оному приступить безъ руководства; сообразить и донести*» [2]). Комитетъ представилъ Государю свое мнѣніе: договоръ этотъ слѣдуетъ напечатать въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, но не упоминая о томъ, что онъ печатается для руководства, такъ какъ по закону условія увольненія опредѣляются взаимнымъ договоромъ [3]).

Тульскіе помѣщики, о предложеніи которыхъ было упомянуто, выработали затѣмъ такой проектъ увольненія крестьянъ: крестьянинъ получаетъ на душу 1 дес. земли, строенія, движимость; помѣщики отказываются отъ крестьянскаго труда, а крестьяне должны платить по 3 р. въ годъ съ десятины, независимо отъ подушной подати; сборъ этотъ назначался для уплаты лежавшихъ на имѣніяхъ долговъ; а затѣмъ онъ поступалъ въ государственный доходъ въ счетъ податей [4]); кромѣ того проектъ предполагалъ 10-ти-лѣтнюю льготу помѣщикамъ для уплаты долга въ кредитныя установленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій указалъ прежде всего на неясность въ проектѣ: назначеніе сбора въ 3 р. для уплаты долга и въ то же время предположеніе о льготѣ на 10 лѣтъ для уплаты того же долга; затѣмъ министръ указывалъ, что нѣтъ согласія крестьянъ на эту сдѣлку, и въ третьихъ, что проектъ

1) 1847 г., № 308.
2) 1848 г., № 96.
3) 1848 г., № 281.
4) См. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 238.

противорѣчитъ закону 1842 г., по основному положенію котораго помѣщики остаются полными владѣльцами вотчинныхъ земель. Въ 1844 г. Государь приказалъ объявить помѣщикамъ этимъ, что въ такомъ видѣ дѣлу нельзя дать дальнѣйшій ходъ. Въ 1848 г. тѣ же лица подали новыя предложенія; въ запискѣ своей они доказывали, что неудобство крѣпостного состоянія заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ большинство видитъ: зло вовсе не въ произволѣ владѣльцевъ, отъ которыхъ законъ не ограждаетъ личность крестьянина, нѣтъ, напротивъ, зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, при теперешнемъ образованіи большинства послѣднихъ, для множества крѣпостныхъ имѣетъ выгодную сторону: у добрыхъ помѣщиковъ крестьяне спокойно и большею частью лѣниво проживаютъ безбѣдно подъ патріархальнымъ покровомъ. Истинное государственное несчастіе крѣпостного состоянія заключается въ томъ, что эти милліоны крѣпостныхъ людей не могутъ богатѣть и слѣдовательно умножать государственныхъ богатствъ; поэтому эти дворяне желали бы освободить своихъ крестьянъ, надѣливъ ихъ 1 дес. на душу въ личную ихъ собственность, при этомъ они желали бы получить вознагражденіе за потерю безплатнаго труда и отчужденіе отъ нихъ земли. Комитетъ, однако, рѣшилъ отклонить это предложеніе, что и было утверждено Государемъ [1]).

Бывали случаи, что крестьяне, уволенные въ свободные хлѣбопашцы, возвращаемы были въ прежнее, крѣпостное состояніе: правительство всегда старалось избѣжать этой непріятной мѣры, но иногда оно должно было соглашаться на нее. Происходило это въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне брали на себя обязательства, которыхъ затѣмъ не могли выполнить. Нижегородская помѣщица Зубатая уволила своихъ крестьянъ, въ числѣ 154 душъ, на извѣстныхъ условіяхъ въ свободные хлѣбопашцы; чрезъ нѣсколько времени на этомъ крестьянскомъ обществѣ образовалась недоимка въ 11 т. р.; Зубатая просила возвратить ей въ виду этого крестьянъ; мѣстный судъ и губернаторъ нашли такое требованіе вполнѣ справедливымъ; министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ губернатору постараться кончить какъ нибудь дѣло миролюбиво, но всѣ старанія ни къ чему не привели: помѣщица объявила,

1) 1848 г., № 673.

что руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ вовсе не желаніемъ отомстить крестьянамъ за невыполненіе условій, а что она хочетъ имѣть небольшой, но вѣрный доходъ; губернаторъ донесъ, что крестьяне находятся въ такомъ бѣдственномъ состояніи, при которомъ они не въ состояніи выполнять принятыя на себя обязательства: нетрезвая жизнь, нерадѣніе, тяжбы—съ одной стороны, упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ и неурожай—съ другой довели ихъ до теперешняго состоянія. Комитетъ положилъ возвратить крестьянъ помѣщицѣ; положеніе было утверждено [1]). Крестьяне Псковскаго помѣщика Львова условились съ господиномъ объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы по 300 р. за душу; крестьяне немедленно внесли 65 т. р., остальныхъ денегъ у нихъ не было, они просили ссуды, но не получили; тогда, конечно, положено было возвратить крестьянамъ 65 т. р., внесенные ими въ опекунскій совѣтъ, а условіе считать недѣйствительнымъ; но встрѣтилось препятствіе въ исполненіи дѣла тамъ, гдѣ его не ожидали: крестьяне не брали денегъ изъ опекунскаго совѣта, который по своимъ постановленіямъ не могъ никому другому выдать этихъ денегъ; подъ предлогомъ неполученія денегъ крестьяне не слушались помѣщика. Комитетомъ положено было деньги возвратить крестьянамъ, обязавъ ихъ повиноваться помѣщику. Государемъ написано: «*согласенъ, но строго смотрѣть, чтобы при возвращеніи денегъ не вышло плутни, и чтобы отъ помѣщика отъ мщенія не вышло притѣсненій*» [2]).

Счастливѣе были тѣ крестьяне, которые получали отъ казны пособія для расчетовъ своихъ съ помѣщиками. Сравнительно, и они часто не исполняли своихъ обязательствъ предъ казною; одно крестьянское общество, уволенное въ свободные хлѣбопашцы въ 1821 г., получило для уплаты помѣщику въ 1823 г. 10 т. р., но платить проценты и погашеніе по этой ссудѣ оно не могло: мѣстный, Вологодскій, губернаторъ предлагалъ было удерживать половину ихъ хлѣба и льна для расплаты съ казною, но Канкринъ предложилъ Комитету обратить этихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ казенныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они платили удвоенный противъ обычнаго оброкъ, т. е. не по 10 р. съ души въ годъ, а по

---

1) 1826 г., № 744.
2) 1826 г., № 1088.

20 р.; основаніемъ такой мѣры было то, что иначе крестьянамъ для уплаты казенной ссуды пришлось бы платить по 47 р. 70 к. съ души, чего они, конечно, не могли дѣлать. Мнѣніе Канкрина было принято Комитетомъ и утверждено Государемъ [1]). Яснѣе воззрѣнія Комитета на такія пособія казны высказаны были по слѣдующему случаю:

Крестьяне Скачковыхъ (С.-Петербургской губерніи) въ числѣ 141 души назначены были въ продажу, такъ какъ Скачковы были не дворяне и слѣдовательно не имѣли права владѣть крестьянами; послѣдняя цѣна на торгахъ заявлена была въ 70.600 р.; крестьяне просили выдать имъ ссуду, чтобы, внеся указанные 70.600 р., они могли выкупиться. Сосѣдній помѣщикъ Паскевичъ просилъ не допускать этого, а продать ихъ ему: часть имѣнія Скачковыхъ была уже имъ куплена, въ противномъ случаѣ образуется большая чрезполосица и кромѣ того, зная образъ мыслей своихъ крестьянъ, онъ боится волненій, если крестьяне Скачковыхъ станутъ свободными. Канкринъ представилъ Комитету такой расчетъ: на торгахъ заявлена цѣна по 500 р. за душу; чтобы выплатить эту сумму по правиламъ 24-хъ-лѣтнихъ ссудъ, крестьяне должны платить на погашеніе ея по 40 р. съ души, тогда какъ и теперь они одного оброка платятъ уже по 25 р. съ души; и вообще, замѣтилъ Канкринъ, по такимъ ссудамъ казна только или теряетъ свои деньги или перелагаетъ платежи съ года на годъ. Комитетъ положилъ отклонить просьбу крестьянъ; чрезъ нѣсколько времени на разсмотрѣніе Комитета поступило новое ходатайство тѣхъ же крестьянъ съ увѣреніями въ томъ, что они, имѣя земли по 30 дес. на душу и занимаясь промыслами, въ состояніи будутъ уплатить деньги. Но Комитетъ опять не нашелъ никакихъ уважительныхъ причинъ для отмѣны прежняго своего заключенія; сверхъ того, Комитетъ согласился, что для казны нѣтъ ни малѣйшей выгоды допускать вообще денежныя ссуды на выкупъ крестьянъ изъ помѣщичьяго владѣнія, ибо они почти никогда не выплачиваютъ исправно выдаваемыхъ имъ въ займы денегъ, а, обременяя себя большимъ долгомъ, только разстраиваютъ свое состояніе. Это положеніе Комитета было утверждено Государемъ [2]).

---

[1]) 1826 г., № 940.
[2]) 1826 г., № 1089.

Комитетомъ разсмотрѣно было нѣсколько дѣлъ о правахъ помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьянинъ Трофимовъ сосланъ былъ своимъ помѣщикомъ за дурное поведеніе въ Сибирь; но въ острогѣ крестьянинъ этотъ просилъ, чтобы съ нимъ отправлена была его жена, которая согласна была слѣдовать за мужемъ. Комитетъ нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу; хотя, сказано въ положеніи Комитета, люди этого рода и почитаются политически мертвыми, но этимъ не прерывается та тѣсная и естественная связь, которая существуетъ между мужемъ и женою. Государь написалъ: «*совершенно справедливо и поручить мѣстному начальству оградить ее отъ притѣсненій помѣщика до отправленія*» [1]).

О правѣ собственности крестьянъ важны слѣдующія два дѣла:

Въ 1836 г. кн. Варшавскій указалъ на то, что на работахъ по сооруженію Александровской цитадели въ Варшавѣ находились крестьяне, отданные въ работу подрядчикамъ четырьмя помѣщиками Могилевской губерніи; что не всѣ изъ этихъ крестьянъ были исправно одѣты и обуты, многихъ изъ нихъ военное вѣдомство принуждено было снабдить одеждою и обувью на свой счетъ; по замѣчанію кн. Варшавскаго крестьяне эти на работахъ не улучшили своего благосостоянія, а крестьяне двухъ помѣщиковъ на обратномъ пути даже кормились милостынею. Изъ этого представленія возникъ вопросъ, какъ быть съ заработанными крестьянами деньгами? Всѣ ли онѣ должны принадлежать крестьянамъ или часть—имѣнію? Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, мнѣніе котораго было спрошено, предложилъ поступить по закону о трехдневной барщинѣ, т. е. дѣлить деньги пополамъ между крестьянами и имѣніемъ, а удовлетворять крестьянъ смотря по имѣнію: гдѣ деньгами, гдѣ хлѣбомъ, а гдѣ зачетомъ работы. Предложеніе это было принято и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и Комитетомъ; Государь положилъ резолюцію: «*мнѣніе ген.-ад. Дьякова совершенно справедливо и принять впредь оное за правило*» [2]).

Крестьяне бывшіе гр. Самойловой были проданы Азанчевскому и Залевскому; ихъ хотѣли раньше купить въ

---

1) 1826 г., № 2255.
2) 1836 г., № 1908.

казенное вѣдомство, но цѣна была предложена слишкомъ высокая и, какъ потомъ оказалось, оттого, что къ имуществу помѣщиковъ присоединена была земля, купленная крестьянами на свой счетъ. Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ это обстоятельство, призналъ, что оно вытекаетъ изъ статьи 1047 Свода Законовъ о состояніяхъ (по изд. 1842 г.), на основаніи которой крѣпостные не могутъ пріобрѣтать въ собственность никакого недвижимаго имущества и земли, состоящія подъ помѣщичьими селеніями, и крестьянскіе дома на этихъ земляхъ принадлежатъ помѣщику. Хотя изъ дѣла и видно, что крестьяне бывшіе гр. Самойловой и понынѣ владѣютъ пріобрѣтенными ими землями въ тѣхъ самыхъ семьяхъ, за которыми земли эти числились, и едва ли есть примѣръ, чтобы помѣщикъ, пользуясь предоставленнымъ правомъ, присвоилъ себѣ крестьянскія земли, однако же нельзя не замѣтить, что все зависитъ совершенно отъ произвола помѣщика, а крестьяне, лишенные права собственности, не имѣютъ противъ такихъ произвольныхъ дѣйствій никакой защиты, въ особенности при переходѣ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія; по этимъ соображеніямъ Комитетъ рѣшается предложить: не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть законы о собственности крѣпостныхъ людей сообразить въ министерствѣ юстиціи и во II Отдѣленіи, не окажется ли возможнымъ даровать и симъ людямъ право на собственность, и затѣмъ разсмотрѣть проектъ въ Государственномъ Совѣтѣ: «*Совершенно согласенъ; заняться немедля и представить къ 1 Декабря*» [1]).

Законъ 1847 г. Ноября 8 далъ крестьянамъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣнія съ аукціона. Такіе крестьяне назывались безоброчными; скоро, однако, безоброчнымъ и свободнымъ хлѣбопашцамъ дано было одно общее наименованіе. Въ Іюлѣ 1847 г., когда законъ 1847 г. Ноября 8 еще обсуждался, Государю представленъ былъ чрезъ Комитетъ Министровъ докладъ объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ помѣщика Зміева; Государь далъ резолюцію: «*въ безоброчные крестьяне согласенъ*». Положеніе это повелѣно было привести въ исполненіе по обнародованіи закона о безоброчныхъ крестьянахъ. Уже въ 1848 г. Іюня 15 данъ

---

1) 1847 г., № 1280.

былъ Сенату указъ, которымъ и безоброчныхъ крестьянъ, т. е. увольняемыхъ на основанiи закона 1847 г. Ноября 8, и свободныхъ хлѣбопашцевъ, увольняемыхъ по закону 1803 г. Февраля 20, велѣно было именовать «государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ»; тѣмъ и другимъ сохранены въ полной мѣрѣ всѣ выгоды и преимущества, предоставленныя имъ помянутыми законами.

Крестьянамъ помѣщика Т—ва (Орловской губ.) предложено было при продажѣ имѣнiя воспользоваться этимъ правомъ; они первоначально отказались отъ этого, а затѣмъ стали просить о позволенiи выкупить себя. Причиною первоначальнаго отказа крестьянъ было то, что имѣнiе было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ и сверхъ того на немъ былъ частный долгъ въ 109.000 р.; крестьяне и стали просить, чтобы отъ нихъ приняли частный долгъ, а долгъ опекунскому совѣту они обязывались уплатить за общею порукою. Министръ внутреннихъ дѣлъ поставленъ былъ въ затрудненiе этою просьбою и предложилъ Комитету: разрѣшить ему обсудить дѣло совмѣстно съ министромъ финансовъ и ст.-секр. Гофманомъ (товарищемъ главноуправляющаго IV Отдѣленiемъ). Комитетъ на это дѣло взглянулъ иначе: слѣдуетъ, сказано въ положенiи Комитета, руководствоваться точнымъ буквальнымъ смысломъ закона, недавно еще изданнаго, а потому и должно въ просьбѣ отказать и считать дѣло конченнымъ. Государь далъ резолюцiю: «*по буквѣ закона такъ; и исполнить согласно сему. Но вопросъ предложенный министру внутреннихъ дѣлъ, министру финансовъ и ст.-секр. Гофману обсудить и представить мнѣ ихъ заключенiе для будущихъ случаевъ*» [1]). Но, какъ извѣстно, самый этотъ законъ 1847 г. скоро признанъ былъ неудобнымъ и отмѣненъ въ 1849 г.

Гораздо больше крестьянскихъ жалобъ поступило въ Комитетъ на помѣщиковъ западныхъ губернiй: дѣла эти должно изложить отдѣльно, потому что событiя 1830—1831 г.г. придали крестьянскому дѣлу въ Западномъ краѣ характеръ политическiй. Въ западныхъ губернiяхъ, въ губернiяхъ, отошедшихъ отъ Польши, т. е. Витебской, Могилевской, Минской, Кiевской, Волынской, Подольской, Гродненской, Виленской и Ковенской,—крестьяне, большею частью (за исключенiемъ двухъ послѣднихъ губернiй), были русскiе по происхожденiю

---

1) 1848 г., № 236.

и православные по религіи; большинство помѣщиковъ было польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія; обстоятельства эти придавали особый оттѣнокъ взаимнымъ отношеніямъ владѣльцевъ и подчиненнаго имъ населенія; поведеніе многихъ помѣщиковъ въ 1830—1831 г.г. и позже, плохо скрываемое ими чувство нерасположенія къ Россіи, невозможное положеніе продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ этихъ, за исключеніемъ трехъ югозападныхъ, все это заставляло правительство чрезвычайно внимательно и осторожно относиться къ крестьянскому дѣлу въ Западномъ краѣ; большая часть работы въ этомъ отношеніи пала на западный комитетъ, но сравнительно не мало пришлось поработать и Комитету Министровъ.

До возстанія 1830 г. дѣла эти имѣли обыкновенный характеръ жалобъ, часто взаимныхъ, въ которыхъ всегда трудно было установить правду. Крестьяне помѣщика Н. и самъ помѣщикъ (Витебской губерніи, Суражскаго повѣта) принесли начальству обоюдныя жалобы: одна сторона жаловалась на непомѣрное угнетеніе, другая—на неповиновеніе; наказаніе многихъ крестьянъ розгами водворило спокойствіе въ имѣніи, но въ то же время слѣдствіе обнаружило, что крестьянъ дѣйствительно строго наказывали. Комитетъ согласно съ заключеніемъ Сената положилъ запретить помѣщику наказывать самому крестьянъ; положеніе было утверждено Государемъ [1]). Крестьяне большого имѣнія Р—а въ Витебскомъ и Невельскомъ повѣтахъ жаловались на жестокости администраціи; оказалось, что крестьяне домогались сами управлять имѣніемъ чрезъ выборныхъ старшинъ, хотя съ другой стороны и прикащикъ сознался, что онъ билъ крестьянъ плетью по головамъ; самоуправленія продолжали добиваться и крестьяне Динабургскаго староства; генералъ-губернаторъ кн. Хованскій, приписывая это вредному вліянію крестьянина Ефимова, ходатайствовалъ о высылкѣ его; Комитетъ положилъ удовлетворить ходатайство генералъ-губернатора, но Государь приказалъ: «*оставить на мѣстѣ*»; подобныя же жалобы были изъ Кіевской, Минской, Гродненской и другихъ губерній. Почти наканунѣ возстанія Комитетъ разсматривалъ предложеніе о дозволеніи арендымъ владѣльцамъ старостинскихъ имѣній употреблять въ работу

---

1) 1826 г., № 52.

съ зачетомъ рабочихъ дней деньгами крестьянъ, которые не платятъ имъ слѣдующихъ по инвентарямъ чиншей. Арендные владѣльцы, объяснялось въ представленіи, обязаны платить въ казну условленную сумму, поэтому они имѣютъ право требовать содѣйствія правительства въ побужденіи нерадивыхъ крестьянъ къ исполненію повинностей. Комитетъ согласился съ этимъ, но съ другой стороны Комитетъ нашелъ, что положительное постановленіе о правѣ арендныхъ владѣльцевъ за недоимочные чинши употреблять казенныхъ крестьянъ въ работу сверхъ того числа дней, которые они обязаны отбывать по инвентарямъ, можетъ послужить арендным владѣльцамъ поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ. Почему Комитетъ, опасаясь какъ бы отъ этого не послѣдовало новаго притѣсненія для крестьянъ, полагаетъ: не вводя означеннаго распоряженія въ общее постановленіе, предоставить начальникамъ губерній, въ которыхъ находятся старостинскія имѣнія, право въ случаѣ жалобъ арендаторовъ испрашивать частно по каждому имѣнію разрѣшенія Его Высочества Цесаревича, которому предоставить дѣйствовать въ данномъ случаѣ по своему усмотрѣнію. Государь согласился на это [1]).

Наканунѣ возстанія Комитетъ соглашался допускать значительныя отступленія отъ инвентарей, строгое соблюденіе которыхъ было признано впослѣдствіи лучшимъ средствомъ для огражденія крестьянъ не только въ старостинскихъ, но и помѣщичьихъ имѣніяхъ этого края.

Въ 1831 г. Комитетъ слушалъ представленіе гр. Палена, управлявшаго Новороссійскимъ краемъ во время продолжительнаго отсутствія гр. Воронцова. Гр. Паленъ указывалъ на усилившіеся побѣги крестьянъ изъ Подольской губерніи въ Херсонскую, вслѣдствіе того, что помѣщики притѣсняли крестьянъ этихъ за то, что послѣдніе не принимали участія въ бывшемъ мятежѣ; крестьяне, объяснялъ гр. Паленъ, остались рѣшительно вѣрны намъ, ловили мятежниковъ, и теперь между ними и ихъ владѣльцами господствуетъ взаимная ненависть, которую можетъ уничтожить только забвеніе самыхъ событій, чего трудно ожидать безъ помощи особыхъ средствъ, но какія могутъ быть употреблены средства? Прежде генералъ-губернаторы могли установлять опеки, но затѣмъ поло-

1) 1830 г., № 1499.

женіями Комитета Министровъ (1825 г. Января 31) и Государственнаго Совѣта (1829 г. Февраля 4) постановлено было, чтобы генералъ-губернаторы только предлагали дворянству о составленіи приговоровъ объ учрежденіи опекъ. Гр. Паленъ справедливо спрашивалъ, какой успѣхъ можно ожидать отъ этой мѣры въ западныхъ губерніяхъ, и предлагалъ возстановить прежнее право генералъ-губернаторовъ. Государь на этомъ представленіи написалъ: «*предложить Комитету Министровъ на сужденіе. Я полагаю дать указъ на имя всѣхъ генералъ-губернаторовъ сихъ губерній въ томъ, что если дознано ими будетъ, что прощенные помѣщики и даже тѣ, кои явно не изобличены, поступать будутъ притѣснительно съ своими крестьянами, то имѣнія немедля брать въ опеку; прощенныхъ отдавать военному суду и имѣнія брать въ казну; другихъ же судить обыкновеннымъ порядкомъ. Разсмотрѣть немедля и представить проектъ указа*».

Главнокомандующій 1-й арміею гр. Сакенъ сдѣлалъ объявленіе, чтобы населеніе не вѣрило тѣмъ, кто будетъ подстрекать его къ бунту, а хватало бы такихъ лицъ и приводило бы ихъ къ начальству; оказалось, что крестьяне дѣйствительно представили многихъ помѣщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ, о другихъ—дали полиціи вѣрныя свѣдѣнія; иногда крестьяне усердствовали даже черезчуръ и хватали тѣхъ, у кого видѣли домашнее оружіе. Теперь и для временныхъ генералъ-губернаторовъ возникалъ вопросъ, какъ же имъ быть съ крестьянами? Гр. Сакенъ предложилъ ограждать крестьянъ силою закона, обязавъ помѣщиковъ подпискою не притѣснять крестьянъ, а крестьянамъ внушить, чтобы они и впредь были вѣрны правительству и доносили о мятежникахъ. Комитетъ разрѣшилъ трудный вопросъ такъ: крестьяне въ случаѣ мщенія имъ могутъ жаловаться начальству, и если ихъ жалобы подтвердятся, то на имѣнія такихъ лицъ налагать секвестръ; если въ этомъ замѣчены будутъ прощенные помѣщики, то поступать съ ними по указу 4 Іюня, т. е. предавать суду, какъ вновь впавшихъ въ преступленіе; объявить объ этомъ крестьянамъ, но мѣстное начальство должно наблюдать, чтобы это не стало для крестьянъ поводомъ къ неповиновенію законной власти. Положеніе это было утверждено 14 Іюня, но скоро поступило въ Комитетъ другое болѣе рѣшительное предложеніе по тому же предмету отъ самого гр. Сакена, главнокомандующаго 1-й арміею: на этотъ разъ

гр. Сакенъ полагалъ: для полнаго огражденія отъ притѣсненій и преслѣдованій дворовыхъ людей и крестьянъ, справедливо доносившихъ на своихъ помѣщиковъ о сокрытіи оружія или пороха или о преступныхъ замыслахъ противъ правительства, освобождать ихъ съ семействами изъ крѣпостного состоянія. Государь и это предложеніе велѣлъ разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ. Комитетъ положилъ: передать дѣло на заключеніе управляющаго министерствомъ юстиціи; но, такъ какъ въ виду этого предложенія главнокомандующаго управляющій главнымъ штабомъ Его Величества пріостановилъ объявленіе положенія Комитета 14 Іюня, а по гражданскому вѣдомству оно уже передано къ исполненію, то Комитетъ полагаетъ принять его къ исполненію и по военному вѣдомству; означенное положеніе Комитета 14 Іюня не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьяне впослѣдствіи были освобождены, о чемъ немедленно и не ожидая подписи журнала дать знать исправляющему должность начальника главнаго штаба Его Величества. Между тѣмъ главнокомандующій 1-й арміею донесъ о случаяхъ мщенія со стороны помѣщиковъ нѣкоторымъ крестьянамъ; при этомъ представлено было и мнѣніе новаго Кіевскаго генералъ-губернатора Левашова о томъ, чтобы освобождать всѣхъ доносчиковъ, если ихъ доносы окажутся вѣрны; основанія къ такой мѣрѣ Левашовъ видѣлъ въ старинномъ, но не отмѣненномъ указѣ 1726 г. октября 4, который предписывалъ освобождать такихъ доносчиковъ, съ тѣмъ, чтобы они сами пріискивали себѣ господъ, и въ манифестѣ 1815 г. главнокомандующій опять согласенъ былъ съ мнѣніемъ Левашова. Государь и это представленіе направилъ въ Комитетъ Министровъ для совокупнаго разсмотрѣнія.

Въ Комитетѣ управляющій министерствомъ юстиціи былъ противъ предложенія Левашова и Сакена: по его словамъ, правительство оказывало и оказываетъ всѣмъ доносителямъ о государственныхъ преступленіяхъ милость, смотря по важности дѣла, но о дарованіи имъ свободы—нѣтъ рѣшительнаго постановленія: указы 1726 г. и манифестъ 1815 г. Іюня 20, объ утаенныхъ въ ревизіи, сюда относиться не могутъ; нужно затѣмъ, по мнѣнію этому, сообразить послѣдствія, какія можетъ имѣть такая мѣра въ краѣ, гдѣ только что возстановляется тишина. Комитетъ Министровъ сталъ на ту

же точку зрѣнія; Комитетъ признал, что доносившіе справедливо заслуживаютъ полнаго вниманія; помѣщики будутъ питать къ нимъ злобу, но съ другой стороны принять мнѣніе гр. Сакена и Левашова—неудобно: оно усилитъ вражду между помѣщиками и крестьянами, поощритъ доносы и слѣдовательно будетъ мѣшать возстановленію тишины, главной цѣли правительства; и теперь въ Великороссіи происходятъ безпорядки вслѣдствіе манифеста 1815 г., а въ Западномъ краѣ число открытыхъ преступленій и безъ того велико; должно думать, что важныя преступленія будутъ открыты бдительностью начальства; на основаніи этихъ соображеній Комитетъ призналъ, что вполнѣ достаточно для обезпеченія участи крестьянъ положенія 14 Іюня и развѣ только въ видѣ изъятія Комитетъ полагаетъ даровать свободу тѣмъ крестьянамъ, кто изъ нихъ до изданія этого положенія донесъ справедливо на своихъ помѣщиковъ. Государь сначала приказалъ представить Ему эту статью особо, а затѣмъ Комитету объявлено было слѣдующее Высочайшее повелѣніе: Его Величество, находя, что справедливость требуетъ, дабы люди эти защищаемы были отъ мщенія и гоненія господъ своихъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: при сохраненіи положенія Комитета Министровъ о взятіи въ таковыхъ случаяхъ имѣній въ опеку предоставить главнокомандующему 1-й арміею право,—по должномъ удостовѣреніи чрезъ мѣстныя начальства, что приносящіе жалобы дѣйствительно притѣсняются и что доносы, ими сдѣланные, признаны до сего справедливыми, таковымъ доносителямъ объявлять съ семействами ихъ свободу, предоставя каждому приписываться по желанію своему къ податнымъ состояніямъ [1]).

Точка зрѣнія, на которой стоялъ Комитетъ Министровъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, не была одобрена Государемъ: Комитетъ во всякомъ случаѣ на первый планъ выдвигалъ временное замиреніе края—въ расчетѣ, что новаго возстанія не будетъ; мѣры, предложенныя Комитетомъ, были слишкомъ общаго, палліативнаго характера, онѣ не могли уничтожить взаимную рознь между крестьянами и помѣщиками края и въ то же время и не привязывали помѣщиковъ къ Россіи и не давали должной защиты крестьянамъ, оказавшимъ Государству

---

1) 1831 г., №№ 1419 и 1551.

серьезныя услуги. Вотъ почему наше законодательство пошло въ этомъ вопросѣ по другой дорогѣ.

Послѣ закрытія западнаго комитета Комитету Министровъ опять пришлось заниматься подобными дѣлами. Въ 1846 г. шефъ жандармовъ узналъ о притѣсненіяхъ, которыя дѣлалъ богатый Ковенскій помѣщикъ К. вольнымъ крестьянамъ, въ числѣ до 6 т. душъ, поселеннымъ на его землѣ. Комитетъ положилъ разсмотрѣть это дѣло въ судебныхъ установленіяхъ другой губерніи вслѣдствіе того сильнаго вліянія, которое К. имѣлъ въ Ковенской губерніи. Положеніе это было утверждено [1]).

Скоро поступило обстоятельное донесеніе отъ мѣстнаго начальника жандармскаго округа: такихъ вольныхъ крестьянъ, отпущенныхъ прежними помѣщиками на волю безъ земли, считалось много въ Ковенской губерніи, а во всемъ Сѣверо-западномъ краѣ ихъ наберется, по словамъ донесенія, до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ; всѣ такіе крестьяне живутъ на помѣщичьихъ земляхъ безъ письменныхъ договоровъ и находятся въ полной зависимости отъ владѣльцевъ земли. Начальникъ жандармскаго округа предлагалъ учредить въ краѣ особыя коммисіи, которыя должны объяснить вольнымъ крестьянамъ ихъ права, разсчитать ихъ съ владѣльцами, заставить заключить обоюдныя условія и учредить между ними начальства и повѣрку ихъ дѣйствій,— вообще постоянными правилами обезпечить ихъ бытъ. Комитету Министровъ поручено было собрать свѣдѣнія по сему предмету; сверхъ того Государь потребовалъ мнѣнія генералъ-губернаторовъ.

Генералъ Бибиковъ, Кіевскій генералъ-губернаторъ, былъ того мнѣнія, что собирать свѣдѣнія объ этомъ предметѣ открыто неудобно, такъ какъ непремѣнно поднимется безпокойство между крестьянами, среди которыхъ и безъ того довольно сохранилось въ разныхъ мѣстахъ преданій о бывшей свободѣ ихъ предковъ; собирать свѣдѣнія ген. Бибиковъ предлагалъ чрезъ офицеровъ корпуса жандармовъ, а затѣмъ уже на основаніи добытыхъ свѣдѣній генералъ-губернаторы будутъ назначать формальныя слѣдствія. Виленскій генералъ-губернаторъ Мирковичъ предложилъ установить точно, сколько было по V ревизіи вольныхъ людей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и сколько ихъ теперь;

---

1) 1846 г., № 1934.

если уменьшеніе числа вольныхъ окажется значительнымъ, а причины такого явленія не будутъ ясны, то произвести разборъ по губерніямъ, учредивъ для того временныя отдѣленія при казенныхъ палатахъ. Министръ финансовъ рѣшительно высказался за предложеніе Бибикова; предложеніе Мирковича онъ находилъ неудобнымъ, потому что между теперешнимъ временемъ (1848 г.) и 1795 г., когда произведена была V ревизія, было нѣсколько войнъ, мятежъ 1830—1831 г.г., повальныя болѣзни и неурожаи, что дѣлало очень труднымъ выясненіе и даже опредѣленіе убыли населенія. Шефъ жандармовъ также заявилъ въ Комитетѣ, что предложеніе Мирковича онъ находитъ совершенно неудобнымъ, но и не вполнѣ удобнымъ для исполненія ему представляется и предложеніе Бибикова: сколь секретно ни производились бы эти изысканія, они непремѣнно вызовутъ волненія въ краѣ, а кромѣ того такое порученіе можетъ отвлечь вниманіе жандармскихъ офицеровъ отъ другихъ занятій; поэтому Комитетъ полагаетъ, что если будетъ признано необходимымъ, не ожидая жалобъ по частнымъ случаямъ, производить общія секретныя розысканія, то предоставить это дѣло мѣстнымъ чиновникамъ по избранію губернаторовъ. Оба генералъ-губернатора потомъ высказались за то, чтобы довольствоваться только частными развѣдками лишь тогда, когда будутъ поступать жалобы отъ крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ также былъ того мнѣнія, что начинать общее разслѣдованіе совершенно неудобно, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, поэтому онъ предложилъ Комитету принять заключенія генералъ-губернаторовъ, т. е. производить изслѣдованія только въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаружатся злоупотребленія или когда поступятъ жалобы отъ вольныхъ крестьянъ. Комитетъ призналъ это заключеніе совершенно соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла и настоящаго времени. Главною причиною, по которой помѣщики скрывали вольныхъ крестьянъ, было то, по мнѣнію Комитета, что вольные обложены были 2-хъ-рублевою податью, тогда какъ крѣпостные платили лишь по 86 к.; поэтому удобнѣйшею мѣрою для обнаруженія вольныхъ Комитетъ считалъ усиленіе взысканія съ помѣщиковъ за показаніе вольныхъ крѣпостными при новой переписи; положеніе это было утверждено Государемъ [1]).

1) 1848 г., № 1131.

Возбужденное состоянiе крестьянъ Западнаго края въ то время видно изъ слѣдующаго дѣла, разобраннаго Комитетомъ. Двое дворовыхъ, Григорiй Антоновъ и Аѳанасiй Дементьевъ, двоюродные братья, крѣпостные помѣщика Могилевской губернiи Л—скаго, убили въ одинъ день, но въ разныхъ мѣстахъ шесть и ранили восьмерыхъ человѣкъ дворянскаго сословiя. По полученiи объ этомъ извѣстiя въ Петербургѣ, Государь приказалъ: «*послать немедленно фл. ад. Баранова наистрожайше все дѣло изслѣдовать, непремѣнно убiйцъ отыскать и по поимкѣ учредить въ имѣнiи военный судъ какъ надъ ними, такъ и ихъ участниками и людьми, не препятствовавшими убiйствамъ; судъ же кончить въ возможной скорости*». Скоро преступники были пойманы; они показали слѣдующее: 19 Января 1846 г. нѣкоторые изъ дворовыхъ людей помѣщика Л—скаго ночью самовольно отлучились для гулянья и вернулись домой 20-го на разсвѣтѣ, за что одинъ изъ нихъ Ивка Янишевъ былъ наказанъ 20-ю розгами; услыхавъ его крики, оба преступника сбѣгали за ножами и начали свою кровавую расправу въ имѣнiи, убивъ нѣсколькихъ родственниковъ помѣщика; самого помѣщика имъ убить не удалось; затѣмъ они захватили въ конюшнѣ двухъ лошадей и поскакали къ сосѣднему помѣщику П—му; не доѣзжая, привязали лошадей, вызвали господина чрезъ его лакея, и одинъ изъ преступниковъ, цѣлуя руку П—скаго, ранилъ его ножемъ въ животъ; на крикъ выбѣжала жена П—скаго,—несчастная подверглась той же участи; убiйцы ворвались въ домъ, ранили гувернантку, которая стала было давать преступнику деньги, но они, со словами: «не нужны намъ твои деньги», вышли на дворъ, сѣли на лошадей и, сказавъ людямъ П—скаго, чтобы не спасали своего господина, ибо участь эта предстоитъ не однимъ ихъ господамъ, но всѣмъ помѣщикамъ губернiи, что крестьяне за это отвѣчать не будутъ, а что напротивъ сзади ихъ скачутъ жандармы для провѣрки ихъ дѣйствiй, бѣжали; изъ шести стоявшихъ дворовыхъ только одинъ сдѣлалъ попытку задержать убiйцъ, но неудачно. Имъ удалось ранить смертельно и третьяго помѣщика К—скаго и его жену; бывшiе здѣсь дворовые пытались было ихъ схватить, но опять неудачно. Послѣ всѣхъ этихъ убiйствъ братья вернулись домой, заѣхали къ мельнику, перемѣнили платье и скрылись, но не надолго, и 27 Января были пойманы. По отзыву сосѣднихъ помѣщиковъ управленiе во всѣхъ трехъ имѣнiяхъ было хоро-

шее, особенно у Л—скаго, которому принадлежали преступники и гдѣ они начали убійства. Сами убійцы—незаконнорожденные, болѣе работали на себя, чѣмъ на господина, имѣли нѣкоторое состояніе; первый братъ умѣлъ читать, а второй—читать и писать и по русски и по польски; оба домогались и прежде свободы, разглашая слухи объ освободительныхъ указахъ и инвентаряхъ, оба грозили и прежде бунтомъ. Преступники показали, что они совершили преступленіе безъ уговора, въ изступленіи; они схватили ножи, чтобы не допустить себя до тѣлеснаго наказанія. Коммисія военнаго суда приговорила обоихъ убійцъ прогнать сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и затѣмъ отправить на каторгу; двоюроднаго брата ихъ чрезъ тысячу же два раза и заключить навсегда въ арестантскія роты; троихъ, обвиненныхъ въ соучастіи,—чрезъ тысячу по одному разу и заключить въ арестантскія роты на 4 года, а затѣмъ сослать въ Сибирь на поселеніе; слѣдующую категорію обвиненныхъ наказать 100—300 ударами розогъ и оставить на мѣстѣ жительства; одну дворянку, которая слышала разговоры о бунтѣ и не донесла о нихъ, коммисія присудила подвергнуть тюремному заключенію на два мѣсяца. Губернаторъ секретно донесъ Бѣлорусскому генералъ-губернатору слѣдующее: совершенное преступленіе служитъ предметомъ разнородныхъ, нелѣпыхъ толковъ, которые всѣ сводятся на одну тему—ниспроверженіе помѣщичьей власти и потому, чтобы положить предѣлъ безсмысленнымъ и крайне вреднымъ розсказнямъ дворовыхъ людей и крестьянъ и успокоить объятыхъ страхомъ помѣщиковъ, онъ, губернаторъ, предлагаетъ наказать убійцъ шпицрутенами безъ отдыха 9 тыс. разъ; въ секретномъ донесеніи генералъ-губернатору губернаторъ полагалъ еще: по наказаніи преступниковъ вывѣсить трупы ихъ на мѣстахъ преступленія и предписать, чтобы на мѣстѣ наказанія было по крайней мѣрѣ по двое крестьянъ изъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьяне были замѣчены въ неповиновеніи. Генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, находя, что совершенныя преступленія выходятъ изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, такъ какъ преступники не только отыскивали личную свободу, но и стремились ниспровергнуть помѣщичью власть, предлагалъ: исполнивъ надъ преступниками обрядъ приготовленія къ смерти, наказывать шпицрутенами до 9 тысячъ разъ и усилить наказаніе другимъ осужденнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ

Комитетѣ объяснилъ, что есть секретное Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещено давать болѣе 3 тысячъ вмѣсто опредѣленныхъ въ законѣ 6 т. разъ шпицрутеновъ, но въ данномъ случаѣ примѣненіе негласнаго повелѣнія имѣло бы значеніе облегченія участи преступниковъ, чего они вовсе не заслуживаютъ; кромѣ того въ 1845 г. утверждено было положеніе Комитета, которымъ наказаны были убійцы купца Е. 6 тысячами шпицрутеновъ и такое же наказаніе положено всѣмъ умышленнымъ поджигателямъ; наказывать *«безъ отдыха»* нельзя, потому что дозволяется давать за разъ не болѣе того числа ударовъ, сколько можетъ выдержать наказуемый, а затѣмъ слѣдуетъ ожидать его выздоровленія. Принятіе предложенія гражданскаго губернатора можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу; въ общемъ изъ дѣла видно, что преступники дѣйствовали въ порывѣ внезапнаго ожесточенія и ярости, а не по уговору, хотя, конечно, нельзя отрицать явной ненависти ихъ къ помѣщичьей власти. На этихъ основаніяхъ гр. Перовскій предлагалъ: 1) убійцъ подвергнуть наказанію согласно приговору коммисіи; 2) двоюроднаго ихъ брата Якимова наказать 100 ударами розогъ и сослать въ арестантскія роты на 6 лѣтъ; 3) крестьянъ и дворовыхъ, виновныхъ въ незадержаніи убійцъ, наказать 50—100 ударами розогъ и оставить въ имѣніяхъ; 4) этому наказанію не подвергать слабоумныхъ и дряхлыхъ изъ нихъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе содержаніе подъ стражею, и наконецъ не запрещать владѣльцамъ всѣхъ этихъ крестьянъ и дворовыхъ, если они не желаютъ имѣть ихъ у себя, отдать ихъ въ солдаты или сослать на поселеніе. Комитетъ Министровъ согласился вполнѣ съ заключеніемъ гр. Перовскаго; мнѣніе Комитета было утверждено Государемъ [1]).

Въ Витебской губерніи тоже происходили весьма значительные безпорядки; для изслѣдованія причинъ безпорядковъ командированъ былъ туда фл. ад. Опочининъ. Свидѣтельствуя о водвореніи спокойствія и о томъ, что крестьяне уже просили прощенія, Опочининъ прибавилъ, что, по его наблюденіямъ, крестьяне больше сожалѣютъ о своей необдуманности, съ которою они распродали скотъ свой и разстроили свои хозяйства, чѣмъ раскаиваются въ своей непокорности.

---

1) 1847 г., № 471.

Не только въ волновавшихся уѣздахъ, но и сосѣднихъ съ ними умы все еще въ броженіи, а мысли о свободѣ посѣяны вездѣ: народная толпа перетолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждую правительственную мѣру, даже каждое дѣйствіе частныхъ лицъ; только одно продолжительное пребываніе войскъ можетъ и то только на время предупредить безпорядки. Нравственность крестьянъ, по мнѣнію Опочинина, совсѣмъ упала, главнымъ образомъ вслѣдствіе корчемства; помѣщики на опытѣ удостовѣрились въ ненависти къ нимъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ имъ крестьянъ и начинаютъ убѣждаться въ необходимости кореннаго измѣненія въ крѣпостномъ правѣ; но мнѣніе сіе, замѣчаетъ Опочининъ, принимается не единогласно; нѣкоторые изъ владѣльцевъ безвозвратно разорены и въ 1848 г. принуждены будутъ кормить крестьянъ, для чего у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ: они не смѣютъ и не могутъ даже разсчитывать на Монаршее милосердіе, столь облагодѣтельствовавшее ихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; гр. Віельгорскій, напр., былъ бы готовъ отдать правительству свое имѣніе, но такое «отчаянное» желаніе не можетъ быть исполнено, ибо было бы опаснымъ осуществленіемъ крестьянскихъ надеждъ. Генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ по поводу этого донесенія представилъ свои объясненія нѣсколько болѣе успокоительнаго характера: броженіе крестьянскихъ умовъ нѣсколько успокоилось, но волненіе еще есть и въ умахъ мысль о свободѣ держится крѣпко, хотя присутствіе войскъ оказываетъ свое вліяніе; вредное вліяніе, которое корчемство оказываетъ на нравственность крестьянъ, будетъ уничтожено послѣ введенія акцизной системы продажи питей, что уже предположено сдѣлать; иновѣрность и иноплеменность помѣщиковъ и крестьянъ дѣйствительно раздѣляютъ оба сословія, и первые мало обращаютъ вниманія на положеніе послѣднихъ, относятся къ нимъ строго, иногда жестоко, но введеніе инвентарей и предоставленіе министерству государственныхъ имуществъ права покупать неисправныя имѣнія можетъ улучшить положеніе крестьянъ.

Мысль о дарованіи крестьянамъ свободы дѣйствительно зародилась среди Витебскихъ дворянъ: силою самыхъ вещей дворянство это пришло къ убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть выгодно для него и поможетъ ему выйти изъ того печальнаго состоянія, въ которомъ оно нахо-

дилось и о которомъ свидѣтельствуютъ рапорты Опочинина и Игнатьева. Продовольствіе крестьянъ становилось все труднѣе и тяжелѣе для дворянъ, а введеніе инвентарныхъ правилъ и предположенное введеніе акцизной системы лишало помѣщиковъ значительныхъ выгодъ, получаемыхъ прежде отъ распоряженія крестьянскимъ трудомъ и привилегированнаго винокуренія.

Лучшимъ средствомъ для упорядоченія взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ правительство считало введеніе инвентарей, т. е. описей, въ которыхъ точно изложено было все то, что предоставлялось въ пользованіе крестьянъ, а равномѣрно и всѣ платежи, которые слѣдовали съ крестьянъ. Инвентари были введены въ юго-западныхъ губерніяхъ при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ, горячемъ сторонникѣ этой мѣры. Въ Юго-западномъ краѣ, т. е. въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, составлены были общія правила для инвентарей, и отдѣльныя имѣнія подводились подъ опредѣленныя условія. Въ Сѣверо-западномъ краѣ, т. е. въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, рѣшено было ввести инвентари другимъ путемъ,—путемъ составленія описи для каждаго имѣнія отдѣльно. Результатъ былъ тотъ, что въ Юго-западномъ краѣ инвентари давно уже дѣйствовали, а въ Сѣверо-западномъ краѣ—правила и инвентари все еще составлялись. Въ 1847 г. Комитетъ Министровъ слушалъ всеподданнѣйшее прошеніе депутатовъ дворянства Витебской губерніи: дворянство съ глубокимъ прискорбіемъ вняло неудовольствію, изъявленному Его Величествомъ за медленное и неудовлетворительное представленіе инвентарей. Такое замедленіе свидѣтельствуетъ повидимому о маломъ усердіи дворянства къ высокимъ цѣлямъ Монарха, пекущагося о благѣ подданныхъ всѣхъ сословій, бросаетъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на самыя чувства, которыми оно проникнуто. Далѣе дворянство объясняло, что имъ до 1 Мая 1845 г. представлено было 894 инвентаря, въ которыхъ, согласно утвержденнымъ правиламъ, повинности крестьянъ опредѣлены были въ размѣрѣ работы по три дня въ недѣлю съ души, а въ 1845 г. предписано было сдѣлать новое распредѣленіе, не по числу рабочихъ силъ въ семействахъ, а по соразмѣрности съ $1/3$ валового дохода съ земель, которыми крестьяне владѣли, почему составленные инвентари были возвращены для дополненій, что исполнить было очень трудно, такъ какъ въ помѣщичьихъ

имѣніяхъ не только никогда не было производимо кадастра, но не было даже спеціальнаго межеванія; тѣмъ не менѣе большая часть дворянства представила уже инвентари. Далѣе дворянство заявило, что по введеніи инвентарей доходы владѣльцевъ уменьшатся, а отвѣтственность ихъ остается прежнею, почему депутаты дворянства просили освободить его отъ обязанности продовольствовать своихъ крестьянъ. Если бы, продолжало дворянство, бытъ крестьянъ былъ обезпеченъ безвозвратной ссудой по 15 р. на душу, то дворянство губерніи, готовое всегда споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства къ общей пользѣ, охотно согласилось бы на дарованіе крестьянамъ совершенной свободы, разъ мѣра эта признана будетъ полезною и нужною, съ правомъ для крестьянъ заключать новыя условія съ тѣми или другими владѣльцами, съ тѣмъ, чтобы и помѣщикамъ, въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ, предоставлено было право лишать крестьянъ пользованія участками земли. Въ такомъ обоюдномъ правѣ заключалось бы истинное ручательство добросовѣстнаго исполненія взаимныхъ условій; оно было бы и лучшимъ доказательствомъ, что условія эти дѣйствительно добровольны, и обоюдныя же выгоды той и другой стороны довели бы дѣло постепенно до возможнаго совершенства; при всякомъ же другомъ устройствѣ безконечныя тяжбы доведутъ помѣщичьи имѣнія до совершеннаго разстройства безъ пользы для той и другой стороны и тогда, предсказывало дворянство, послѣ тяжелаго опыта общее недовольство крестьянъ, опасное при нынѣшнемъ положеніи умовъ, возрастетъ до высшей степени, и помѣщики принуждены будутъ перейти къ новому устройству многострадальческимъ путемъ. Такъ Витебское дворянство, дворянство цѣлой губерніи, произносило слово освобожденія; въ замѣнъ инвентарей оно предлагало правительству совсѣмъ новое устройство крестьянскаго міра: сколько можно понять, дворянство предполагало, что большая часть земли во всякомъ случаѣ останется за нимъ, что освобожденные крестьяне силою вещей принуждены будутъ искать у нихъ арендныхъ участковъ; должно подмѣтить также тѣсную связь продовольственнаго вопроса съ крестьянскимъ; было указано въ предыдущей главѣ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находилось продовольственное дѣло западныхъ губерній и какъ велика была уже задолженность

дворянскаго землевладѣнія въ этомъ краѣ; сравнивая послѣднія донесенія, приведенныя во II главѣ, Витебскаго губернатора и Высочайшія помѣты на нихъ, съ заявленіемъ Витебскаго дворянства, должно признать, что и Верховная власть, и правительство, и дворянство къ концу эпохи одинаково пришли къ убѣжденію, что только рѣшительная реформа въ состояніи вывести этотъ край, старинный русскій край, изъ того печальнаго положенія, въ которомъ онъ находился тогда.

Витебское дворянство просило, чтобы ему позволено было образовать комитетъ для обсужденія дѣла. Комитетъ Министровъ согласился на это, но съ соблюденіемъ возможной осторожности: предложеніе дворянства, сказано въ положеніи Комитета, заключаетъ въ себѣ установленіе совершенно новыхъ отношеній, которыя необходимо сообразить съ мѣстными обстоятельствами края и нынѣшними отношеніями, безъ положительныхъ данныхъ нечего и приступать къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что для реформы нужно указать и денежный источникъ для необходимыхъ расходовъ; сверхъ того, при настоящемъ настроеніи умовъ въ Витебской губерніи и возникшихъ уже тамъ безпокойствахъ, всякое преждевременное оглашеніе этого предположенія можетъ возбудить сильнѣйшія волненія между крестьянами; потому Комитетъ разрѣшалъ лишь секретныя совѣщанія дворянъ по этому вопросу, съ тѣмъ, чтобы копіи съ бумагъ сообщались министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній доводилъ ихъ до Комитета [1]). Затѣмъ поступило въ Комитетъ донесеніе генералъ-губернатора о результатахъ опроса всѣхъ дворянъ Витебской губерніи: мнѣнія дворянства раздѣлились: большинство было противъ предложенія депутатскаго собранія; другіе соглашались на предложеніе при условіи, что съ нихъ будетъ снята всякая отвѣтственность за подати, продовольствіе и хозяйство крестьянъ; третіе, напротивъ, считали себя не въ правѣ отказаться отъ отвѣтственности, разъ они заложили крестьянъ или получили за нихъ ссуды; большинство было противъ проекта. Кн. Голицынъ, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, съ своей стороны находилъ, что дарованіе свободы крестьянамъ было бы полезно, но что это дѣло пока еще трудно осуществить: 1) не вездѣ еще введены

---

[1]) 1847 г., № 755.

инвентари, 2) послѣ недавнихъ безпорядковъ не улеглось еще волненіе умовъ, могутъ легко возникнуть новые безпорядки, а такъ какъ въ Динабургѣ работаетъ дворянскій комитетъ по этому же вопросу, то кн. Голицынъ и предлагалъ ожидать его работъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету оставить это дѣло безъ послѣдствій, разъ большая часть дворянъ несогласна съ предложеніемъ депутатовъ; мнѣніе министра было принято и Комитетомъ: такъ какъ введеніемъ инвентарей цѣль дворянства будетъ достигнута, то помянутое предложеніе оставить безъ послѣдствій. Положеніе это было утверждено [1]).

Динабургскіе дворяне давно, еще съ 1819 г., составили предположеніе о дарованіи крестьянамъ свободы, личной, по образцу дворянъ Лифляндскихъ и Курляндскихъ: первоначально 39 помѣщиковъ были согласны на это, а 24—несогласны; первымъ позволено было образовать особый комитетъ для обсужденія дѣла. Проектъ, выработанный этимъ комитетомъ, былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, но не встрѣтилъ тамъ сочувствія, потому что сравнительно многіе дворяне не изъявили на него своего согласія, а во вторыхъ и потому, что Государственный Совѣтъ считалъ неудобнымъ такое рѣзкое выдѣленіе одного уѣзда. Государь, однако, рескриптомъ на имя Бѣлорусскаго генералъ-губернатора кн. Хованскаго (1830 г. Февраля 3) повелѣлъ ему узнать, дѣйствительно ли проектъ этотъ соотвѣтствуетъ намѣренію благомыслящихъ дворянъ уѣзда, нѣтъ ли препятствій проекту со стороны небольшаго числа лицъ, дѣйствующихъ по собственнымъ корыстнымъ побужденіямъ, и какимъ образомъ онъ, генералъ-губернаторъ, считаетъ возможнымъ устранить неудобство, указанное Совѣтомъ? Кн. Хованскій дважды созывалъ дворянъ этого уѣзда на совѣщаніе, но помѣщики подъ разными предлогами не согласились на дарованіе своимъ крестьянамъ свободы, и только въ 1846 г. новый Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ обратился къ Государю съ представленіемъ о томъ, что 43 помѣщика Динабургскаго уѣзда въ виду трудности опредѣленія крестьянскихъ повинностей просятъ дозволенія составить въ Динабургѣ особый комитетъ изъ нихъ для опредѣленія правилъ, на которыхъ крестьяне ихъ могли бы

---

[1]) 1847 г., № 1333.

получить свободу. Кн. Голицынъ присоединилъ свѣдѣнія, что всего въ уѣздѣ числится 67 помѣщиковъ, владѣющихъ 29,042 душ., изъ нихъ подписали актъ 43 помѣщика, за которыми 26,041 душа. Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскій, не видѣлъ нужды въ учрежденіи особаго комитета; по его мнѣнію достаточно было указать дворянству на законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, по которому каждый помѣщикъ можетъ заключать условіе со своими крестьянами; Комитетъ нѣсколько измѣнилъ это заключеніе: такъ какъ дворянству предоставлено право выработать условія реформы, то отъ усмотрѣнія самого дворянства зависитъ, кому поручитъ оно составленіе проекта, а въ учрежденіи особаго комитета нѣтъ надобности; но генералъ-губернаторъ долженъ имѣть наблюденіе за ходомъ дѣла. Государь измѣнилъ положеніе Комитета резолюціею: «*не полезно ли будетъ прикомандировать къ сему комитету довѣреннаго чиновника отъ министра внутреннихъ дѣлъ, дабы поставить комитетъ сходно съ правилами, имѣющимися у насъ въ виду*» [1]).

Дѣло это не вышло изъ ряда предположеній. Въ 1850 г. Витебскій гражданскій губернаторъ предложилъ отдавать въ аренду населенныя имѣнія не иначе, какъ на 12 лѣтъ; объ этомъ спрошено было мнѣніе мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, и Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ предложилъ вовсе отмѣнить отдачу имѣній въ аренду; министръ внутреннихъ дѣлъ оспаривалъ мнѣніе Бибикова: безпорядки, которые часто происходили въ арендныхъ имѣніяхъ, должны были прекратиться, по его мнѣнію, послѣ изданія точныхъ правилъ; этотъ обычай, между тѣмъ, освященъ вѣками и непротивенъ общимъ законамъ, тѣмъ не менѣе Бибиковъ настаивалъ на своемъ предложеніи. Комитетъ отклонилъ отъ себя разрѣшеніе спора: дѣло это, сказано въ положеніи Комитета, внесено въ оный на томъ основаніи, что прежде всѣ вообще вопросы, какъ административные, такъ и законодательные, требовавшіе по западнымъ губерніямъ разрѣшенія, поступали на разсмотрѣніе особаго комитета, а по его закрытіи—въ Комитетъ Министровъ, но такъ какъ означенныя предложенія, какъ Витебскаго губернатора, такъ и Кіевскаго генералъ-губернатора, требуютъ подробнаго соображенія съ существующими постановленіями и

---

1) 1846 г., № 1763.

изданія новаго законоположенія,—то полезно было бы, по мнѣнію Комитета, передать дѣло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Положеніе это было утверждено [1]).

Скоро послѣ введенія инвентарей Бибиковъ, энергичный защитникъ интересовъ западно-русскаго крестьянства, вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ, что инвентари не достигаютъ своей цѣли: введеніе ихъ предполагалось въ интересахъ крестьянства, а между тѣмъ они составлены, большею частью, въ пользу владѣльцевъ земли, и не соотвѣтствуютъ вовсе своему назначенію. Комитетъ въ 1851 г. нашелъ это предложеніе преждевременнымъ: инвентарямъ еще не истекъ 6-ти-лѣтній срокъ, и пересмотръ ихъ только поощритъ жалобщиковъ и неповинующихся крестьянъ; чрезъ годъ министръ внутреннихъ дѣлъ согласился, что инвентари составлены не вполнѣ удовлетворительно, что слѣдуетъ поручить исправленіе ихъ мѣстнымъ коммисіямъ. Но Комитетъ опять отвѣтилъ отрицательно: приступать къ пересмотру пока еще преждевременно, тѣмъ болѣе, что повинности, возложенныя на крестьянъ, вообще не обременительны. Государь положилъ резолюцію: «*исполнить по мнѣнію генералъ-губернатора*» [2]).

Въ 1852 г. Виленскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ 2-й предложилъ для огражденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ злоупотребленія со стороны дѣйствія управляющихъ—требовать, чтобы никто не имѣлъ права управлять имѣніемъ безъ письменнаго свидѣтельства отъ мѣстнаго предводителя дворянства; мотивировалъ свое предложеніе ген. Бибиковъ тѣми соображеніями, что сравнительно очень много дѣлъ возникаетъ вслѣдствіе дурнаго и корыстнаго поведенія подобныхъ управителей: крестьяне разоряются, нравственность ихъ падаетъ, умы ихъ приходятъ въ раздраженіе; для устраненія этого онъ и предлагалъ вести управляющимъ списки, отмѣчать переходы ихъ съ мѣста на мѣсто; послѣ двукратнаго обвиненія—удалять ихъ отъ должности, не допуская и впредь къ подобнымъ занятіямъ. Бибиковъ добавлялъ, что этой мѣрой можно избавить крестьянъ отъ дурныхъ управителей, что она въ то же время въ интересахъ помѣщиковъ и что, наконецъ, исполненіе ея не можетъ особенно затруднить предводителей,

---

1) 1850 г., № 1700.
2) 1852 г., № 154.

такъ какъ обыкновенно мѣста управляющихъ занимаютъ безпомѣстные и мелкопомѣстные дворяне, за поведеніемъ и образомъ жизни которыхъ мѣстные предводители обязаны имѣть всегда свѣдѣнія. Комитетъ согласился ввести эту мѣру въ видѣ опыта на два года. Государь написалъ: «*прекрасно и то же правило ввести и у г. а. Бибикова 1-го*» [1]).

Подобно тому, какъ изложеніе продовольственнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ было заключено въ настоящемъ томѣ указаніемъ на общую печальную картину этого дѣла въ краѣ, такъ же точно и вопросъ о крестьянахъ Бѣлорусскихъ губерній можетъ быть законченъ слѣдующимъ представленіемъ, разобраннымъ Комитетомъ въ 1853 г. Разстроенное состояніе Могилевской и Витебской губерній, говорилось въ этомъ представленіи, давно обращало вниманіе правительства: начиная съ перваго ихъ генералъ-губернатора гр. Чернышева, всѣ послѣдующіе указывали на бѣдность края, которая объяснялась: географическимъ положеніемъ губерній, неудобною почвою, недостаткомъ промышленности, тягостью государственныхъ и земскихъ повинностей, неограниченнымъ винокуреніемъ и свободною продажею вина, вліяніемъ евреевъ, неопредѣлительностью отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, угнетеніемъ и нравственнымъ паденіемъ послѣднихъ отъ пьянства. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ край этотъ десять разъ постигнутъ былъ неурожаемъ, правительство постоянно поддерживало помѣщиковъ: двѣ эти губерніи получили ссудъ на 38.186.718 рублей при населеніи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: 445,094 души въ Витебской губерніи и 585,726 душъ въ Могилевской; несмотря на правительственную помощь по IX ревизіи населенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ убыло на 20.300 душъ въ обѣихъ губерніяхъ и $^2/_3$ этого крестьянства находится въ полной нищетѣ, отсутствіе же всякаго нравственнаго чувства у нихъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ ген. ад. Д. Г. Бибиковъ говорилъ въ Комитетѣ, что такое печальное положеніе помѣщичьихъ имѣній вовсе не зависитъ отъ естественныхъ условій—край изобилуетъ удобными водяными сообщеніями, обиліе луговъ, озеръ, лѣсовъ при умѣренномъ климатѣ, при средней плотности населенія 1 тыс. чел. на 1 квадр. милю могутъ сдѣлать весьма выгоднымъ хозяйство, и земля

---

1) 1852 г., № 1286.

даетъ не малые урожаи, ибо только въ неурожайные годы приходится дѣлать закупки на продовольствіе, а въ обыкновенные годы много хлѣба идетъ на вывозъ за границу и на винокуреніе; даже частые неурожаи вовсе не причина, а слѣдствіе упадка земледѣлія и отсутствія благоразумнаго хозяйства. Далѣе Бибиковъ коснулся вопроса, который не разъ поднимался въ Комитетѣ, именно вопроса объ обложеніи крестьянъ: крестьяне, говорилъ онъ въ Комитетѣ, облагаются по Литовскому праву по количеству земли, которою пользуются. Такое обложеніе кажется справедливымъ, но въ дѣйствительности оно влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія: владѣльцы пользуются наклонностью простолюдина забрать себѣ возможно больше земли; оно такъ въ дѣйствительности и выходитъ: крестьяне непримѣтно для себя берутъ повинности, не соотвѣтствующія ихъ средствамъ, паи ихъ остаются почти безъ удобренія, почему и получается, что въ то время какъ урожай на помѣщичьей землѣ бываетъ самъ 5—6, у крестьянъ только 1½—2, и притомъ на крестьянъ падаютъ всѣ повинности государственныя и земскія и подводы до Риги. Арендаторы казенныхъ имѣній стараются, конечно, о томъ, чтобы извлечь изъ имѣній возможно большую случайную прибыль; съ крестьянами имѣній у нихъ нѣтъ никакихъ связей. Наконецъ всѣ почти имѣнія обременены массою долговыхъ обязательствъ, имѣя отъ 100—150 р. долга на душу. Въ виду всего этого необходимо, по мнѣнію Бибикова, обратиться къ кореннымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ: ввести инвентари, измѣнить систему аренднаго управленія, запретить отдачу людей на заработки; первымъ уже занято министерство внутреннихъ дѣлъ, а о второмъ и третьемъ вносятся проекты въ Государственный Совѣтъ, пока же слѣдуетъ строго и точно исполнять правительственныя распоряженія и узаконенія, внушивъ мѣстному начальству о необходимости не допускать тѣхъ притѣсненій, которыя низвели сельское населеніе до послѣдней степени нищеты. Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ Бибикова слѣдующимъ своимъ положеніемъ: да, надлежитъ изыскать средства не въ частныхъ и временныхъ, но въ коренныхъ преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ. «*Взять строжайшія мѣры, чтобы инвентари кончены были наискорѣе*»—резолюція [1]).

---

1) 1853 г., № 276.

Положеніе непремѣнныхъ работниковъ и крестьянъ, работавшихъ на заводахъ, судя по донесеніямъ, поступившимъ въ Комитетъ, мало чѣмъ измѣнилось противъ прошлаго царствованія. Жалобы крестьянъ и рабочихъ наполнены указаніями на постоянныя обиды и притѣсненія, дѣлаемыя имъ со стороны управляющихъ заводами. По дѣлу о возмущеніи крестьянъ на Ревдинскихъ заводахъ Пермскій губернаторъ доносилъ, что движеніе это вызвано отчасти неблаговидными дѣйствіями прежняго владѣльца, отчасти вредною неопредѣленностью повинностей заводскихъ рабочихъ. Любопытно, что когда губернаторъ этотъ, получивъ повелѣніе разслѣдовать причины возмущенія, приступилъ къ слѣдствію, то отъ Пермскаго горнаго правленія онъ не могъ добиться того, чтобъ ему дано было точное опредѣленіе мѣры «коробъ», которымъ принимали отъ рабочихъ уголь. Министръ финансовъ защищалъ въ Комитетѣ Пермское горное правленіе: оно будто бы не знало о Высочайшемъ повелѣніи, данномъ губернатору, а по уставу оно должно быть независимо отъ гражданскаго губернатора.

Государь положилъ резолюцію: «*во всякомъ случаѣ горное правленіе здѣсь виновато, а потому и сдѣлать выговоръ; ибо всѣ части должны другъ другу помогать, а не затруднять одна другую нелѣпыми крючками, или выслуживаться мнимою точностью во вздорахъ, тогда какъ въ важныхъ дѣлахъ поступаютъ безъ всякаго толка и съ совершеннымъ пренебреженіемъ своихъ обязанностей*» [1]).

Рапортъ отправленнаго Государемъ на заводы въ Пермскую губернію фл. ад. гр. Строганова указываетъ, до чего доходила продажность чиновъ мѣстнаго управленія и угнетеніе рабочихъ. Отправленный на производство дознанія по доносу, гр. Строгановъ былъ пораженъ тѣмъ, до чего вкоренился въ Пермской губерніи обычай посредствомъ домогательствъ, «денежными и другими пожертвованіями» подкрѣпляемыхъ, давать всѣмъ важнымъ дѣламъ желаемое направленіе; обычай этотъ распространилъ и утвердилъ связи управленій заводовъ со всѣми чиновниками губерніи, но гр. Строгановъ не предполагалъ даже возможности той степени вліянія купцовъ на управленіе, которое на самомъ дѣлѣ есть: дерзость нѣкоторыхъ чиновниковъ простиралась до того, что они осмѣливались явно

1) 1826 г., № 1010.

препятствовать его дѣйствіямъ; впрочемъ купцы эти не только распоряжаются дѣйствіями и совѣстью первыхъ лицъ въ тамошней губерніи, но распространяютъ свое противозаконное вліяніе даже на столицу. Вступивъ въ управленіе заводами Расторгуевыхъ въ 1823 г., нѣкто Зотовъ довелъ добычу золота до 50 пудовъ; увеличеніемъ заработковъ, завлеченіемъ работниковъ въ долги и увеличеніемъ уроковъ онъ усугубилъ доходы завода и въ то же время разорилъ и обременилъ крестьянъ, не щадя ни физическихъ силъ ихъ, ни лѣтъ, ни пола даже: на несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ онъ возлагалъ работу одинаковую со взрослыми мастеровыми, а этихъ послѣднихъ заставлялъ работать и по Воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ; въ прикащики назначались мастеровые, извѣстные своею жестокостью; розги замѣнены были палками, появились конскіе кнуты и кандалы, однимъ словомъ всѣ принадлежности каторжнаго заведенія; впрочемъ въ наказаніяхъ нѣкоторые горные чиновники не уступали прикащикамъ; главный подстрекатель прежнихъ волненій крестьянинъ Косолаповъ долго укрывался въ лѣсныхъ дачахъ и наконецъ былъ выданъ въ 1824 г. горному исправнику, а потомъ былъ найденъ въ лѣсу застрѣленнымъ; по объясненію исправника, это произошло отъ случайности. Комитетъ, выслушавъ этотъ рапортъ, постановилъ передать его чрезъ министра юстиціи Сенату, съ тѣмъ, чтобы за ходомъ этого дѣла имѣлось особое наблюденіе [1]).

Тяжелое положеніе этого класса крестьянъ подтверждается и любопытными замѣчаніями, сдѣланными о нихъ ген. Анненковымъ во время его ревизіи Западной Сибири.

Содержаніе и задѣльная плата едва достаточны для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей: больше всего нуждаются, конечно, имѣющіе большія семейства: дома ихъ малы и тѣсны; одежда ихъ собственная и дѣтей ихъ также скудна (помѣта Государя: «*министру финансовъ обратить на это особое вниманіе*»). Каторжные, продолжалъ Анненковъ, подлежатъ работѣ, обыкновенно, не больше четырехъ лѣтъ, а горнорабочій получаетъ отставку уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но при этомъ онъ не получаетъ ни земли, ни огорода; дѣти его, обреченныя на работу съ 12-ти-лѣтняго возраста, не могутъ

---

[1]) 1827 г., № 630.

пособлять своему отцу, пенсіи же ему дается по 3 р. въ годъ, безъ провіанта и одежды. Сравненіе, дѣлаемое рабочими, своего положенія съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ не можетъ не быть для первыхъ крайне оскорбительнымъ. Государственный Совѣтъ еще въ 1840 г. нашелъ также такое сравненіе крайне оскорбительнымъ, и безъ сомнѣнія, продолжаетъ Анненковъ, нельзя сравнивать честный трудъ съ позорнымъ наказаніемъ, но нельзя не замѣтить, что на заводахъ позорное наказаніе заключается въ тѣхъ же самыхъ работахъ, къ которымъ опредѣляются мастеровые; нельзя не замѣтить и того, что честный трудъ тогда только цѣнится, когда онъ предпринимается по произволу и по убѣжденію: если же къ нему обязываютъ человѣка почти на всю жизнь, а между тѣмъ преступниковъ къ тому же труду осуждаютъ на сроки, нерѣдко непродолжительные, то едва ли найдется много въ низшемъ классѣ имѣющихъ столько нравственной силы и такъ глубоко понимающихъ святость долга, чтобы безропотно сносить подобное положеніе; оттого и оказывается необходимымъ увеличить военную силу на заводахъ: въ 1849 г. по случаю побѣговъ съ заводовъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ двинуть туда до 1,500 чел. войска. Комитетъ призналъ, что бытъ непремѣнныхъ работниковъ требуетъ исправленія:

а) 35-ти-лѣтній срокъ ихъ работы слишкомъ продолжителенъ, его слѣдуетъ сократить по крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ, а чтобы не лишить заводы опытныхъ рабочихъ, назначить двойное жалованье тѣмъ, кто останется сверхъ срока;

б) мастеровые при отставкѣ должны быть надѣляемы поземельными участками, гдѣ это можно. Это заключеніе Комитета было утверждено.

Положеніе казенныхъ крестьянъ въ это царствованіе круто измѣнилось послѣ учрежденія министерства государственныхъ имуществъ; учрежденіе этого министерства, во главѣ котораго сталъ гр. Киселевъ, вызвано было желаніемъ Государя улучшить бытъ этого многочисленнаго класса населенія: учрежденіе особаго министерства было вмѣстѣ признаніемъ, что министерство финансовъ, въ вѣдѣніи котораго крестьяне эти находились до упомянутой реформы, не могло, какъ слѣдуетъ, устроить бытъ казенныхъ крестьянъ. Факты хорошо установлены въ наукѣ; по дѣламъ Комитета Министровъ можно видѣть, какъ постепенно правительство и Императоръ Николай

Павловичъ пришли къ заключенію о необходимости выдѣлить управленіе казенными крестьянами изъ рукъ того вѣдомства, главною задачею котораго было изысканіе доходовъ и умноженіе средствъ казны.

Съ начала царствованія въ Комитетъ поступали жалобы казенныхъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстностей государства: Казенные крестьяне одной волости Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда, жаловались, что съ нихъ потребованъ былъ новый отяготительный сборъ по 7 р. 26 к. съ души и съ тѣмъ, чтобы деньги эти немедленно были внесены въ земскій судъ; ихъ просьба объ отсрочкѣ сочтена была исправникомъ за бунтъ, вслѣдствіе чего и были введены къ нимъ солдаты и они подверглись разнымъ насиліямъ и поборамъ. Министръ финансовъ далъ по этому дѣлу такое объясненіе въ Комитетѣ: генералъ-губернаторъ Западной Сибири, дѣйствительно, приказалъ начать сборъ этой подати раньше, чѣмъ она была утверждена, но что въ настоящее время генералъ-губернаторъ уже распорядился о замѣнѣ части этой подати натуральною повинностью, такъ что крестьянамъ придется платить только по 2 р. 70 к. съ души. Что касается до тѣхъ истязаній, которымъ подвергались будто бы крестьяне, то Канкринъ предлагалъ изслѣдовать это дѣло чрезъ «благонадежныхъ» чиновниковъ; предложеніе это было принято Комитетомъ и утверждено Государемъ [1]).

Чтобы уменьшить число злоупотребленій, жертвою которыхъ были казенные крестьяне въ 1824 г. послѣ ревизіи Вятской губерніи, состоялось повелѣніе о томъ, чтобы волостные писаря повсемѣстно назначались изъ грамотныхъ крестьянъ той же волости; если же общество въ своей средѣ не найдетъ никого способнаго къ этой дѣятельности, то назначать изъ грамотныхъ крестьянъ ближайшей волости; постороннихъ же лицъ къ этой должности не допускать. Воронежскій губернаторъ, указывая на то, что во многихъ волостяхъ нѣтъ грамотныхъ и способныхъ людей, просилъ разрѣшенія этого труднаго дѣла. Министръ финансовъ былъ за то, чтобы въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ дозволять казеннымъ палатамъ опредѣлять въ волостные писаря и постороннихъ людей по соглашенію съ мірскими обществами, производя имъ жалованье по 400 р. въ годъ. Комитетъ согласился съ этимъ, но министръ

---

1) 1826 г., № 18.

юстиціи былъ противъ, потому что Высочайшая воля о недопущеніи посторонних лицъ къ занятію должностей волостныхъ писарей объявлена была рѣшительно; предсѣдатель Департамента Законовъ, военный министръ и кн. А. Н. Голицынъ присоединились къ мнѣнію министра юстиціи; это мнѣніе и было утверждено на этотъ разъ Государемъ. Очень скоро министръ финансовъ вошелъ съ болѣе подробнымъ докладомъ по дѣлу: Пермская казенная палата доносила, что въ четырехъ волостяхъ Осинскаго уѣзда нѣтъ грамотныхъ крестьянъ, почему пришлось допустить на эту должность крестьянъ съ весьма малыми способностями, и изъ нихъ нѣкоторые были подъ судомъ и наказаны были плетьми; Казанская казенная палата доносила, что во многихъ волостяхъ, особенно татарскихъ, чувашскихъ и черемисскихъ, вовсе нѣтъ людей, способныхъ занять эту должность; Олонецкая казенная палата,—что крестьяне принуждены избирать по очереди богатыхъ малограмотныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы вынудить ихъ нанимать на свои средства способныхъ людей, такъ что знаніе грамоты обращается нѣкоторымъ образомъ въ наказаніе. Тогда просимое министромъ разрѣшеніе было дано [1]).

Съ самаго начала царствованія на казенныхъ крестьянъ постепенно былъ распространяемъ тотъ же порядокъ управленія, который примѣнялся къ удѣльнымъ крестьянамъ,—сначала это въ видѣ опыта сдѣлано было по отношенію къ казеннымъ крестьянамъ С.-Петербургской и Псковской губерній; потомъ Комитетъ Министровъ разрѣшилъ распространить новое управленіе и на Калужскую губернію, затѣмъ Канкринъ вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ о распространеніи этого порядка и на другія губерніи.

Какъ самая реформа управленія казенными крестьянами, такъ и положеніе ихъ предъ преобразованіемъ и въ первое время послѣ учрежденія новаго министерства государственныхъ имуществъ выяснены въ литературѣ съ достаточною полнотою въ трудѣ Заблоцкаго-Десятовскаго «Гр. П. Д. Киселевъ и его время [2])» и въ «Историческомъ Обозрѣніи 50-ти-лѣтней дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ».

Конецъ первой части втораго тома.

[1]) 1826 г., №№ 777 и 1488.
[2]) См. Т. II, ч. 1.

